

БИБЛИОТЕКА
НАРОДОВ
СИБИРИ

БИБЛИОТЕКА
НАРОДОВ
СИБИРИ

ОДНА СЕМЬЯ. БИБЛИОТЕКА НАРОДОВ СИБИРИ

ТОМ
VIII

Юван
ШЕСТАЛОВ
ИЗБРАННОЕ

Томск – 2022

ББК 84(2=665.1)
Ш51

Юван Шесталов. Избранное. «Одна семья. Библиотека народов Сибири». Литературно-художественное издание – Томск, 2022. – 400 с.

Литературно-художественное издание
«Одна семья. Библиотека народов Сибири»
издаётся при поддержке
Администрации Томской области

ISBN 978-5-6048322-7-1

9 785604 832271

Шесталов Юван Николаевич (1937–2011) – основоположник письменной литературы народа манси, автор нескольких десятков стихотворных и прозаических книг, писал на двух языках – на русском и мансийском. Мировое признание завоевал повестью «Тайна Сорни-най».

ТАЙНА СОРНИ-НАЙ

Повесть

1

Сергей шёл по заброшенной, еле заметной охотничьей тропе. Снег похрустывал под лыжами. Ветви деревьев сверкали под лучами низкого зимнего солнца. Смоляной настой кедрового бора пьянил. Впереди бежала Музгарка. Хвост у неё калачом, уши наострены. Из ветвей курчавого кедра вылетела ронжа и затрещала на весь лес. Музгарка остановилась, прислушалась, но лаять не стала. Знает, умница, цену этой птице.

Выпорхнул из ельника рябчик, осыпав с ветвей радужный бисер. Музгарка радостно взвизгнула, но опять остановилась, поглядев на хозяина.

«Птицы растревожили душу собаки, – отметил Сергей. – Давно не ходили на охоту. Соскучилась, бедная».

Похрустывал снег. Шагать бы вот так и смотреть на деревья, нарядившиеся в причудливые кружева, и слушать тишину леса, и говор таёжной речки на перекате, и задорный лай собаки, идущей по следу медведя. Дышалось легко и свободно, и, казалось, ничто не мешало Сергею думать. На охоте всегда хорошо думалось. А подумать ему было о чём. Прожито тридцать семь лет. Может, половина, а может, и большая часть жизни уже позади. Вроде бы многое должен знать, понимать, правильно оценивать. И тем не менее каждый день ставит всё новые и новые задачи. Большие и маленькие. И надо их решать. И не кому-то, а самому.

На днях Сергея пригласил начальник управления «Юграгаз» Спиридонов. В кабинете, большом и светлом, непрерывно звонили телефоны. Спиридонов то брал трубку чёрного телефона и говорил с кем-то о неполадках в водоснабжении посёлка, то, не торопясь, тянулся к белому телефону и, выслушав, спокойно и просто объяснял кому-то важность быстрой сдачи в эксплуатацию бани.

И ни слова о газе. Точно это не управление крупного газопромышленного хозяйства, а небольшое учреждение, которое занимается лишь бытовыми и житейскими делами.

Сергею редко приходилось встречаться со Спиридоновым. У рабочего человека свои дела и масштабы, у начальника, разумеется, дела и масштабы другие. Правда, несколько раз Сергей обращался к нему как депутат областного Совета, куда избрали его два года назад. Но то были деловые, очень короткие встречи. Сегодня Спиридонов вёл себя иначе, даже не как начальник, а как старший товарищ, требующий совета.

– У нас тут возникла одна идея... Своего рода эксперимент. Не попробовать ли нам на новом хантыйском промысле так укомплектовать кадры, чтобы большая часть их состояла из людей местных? Скоро будет новый выпуск ПТУ. Там учатся ребята ханты, манси, ненцы. Это – будущие операторы, слесари... Конечно, пошлём туда и опытных людей... Как вы считаете, возможно это или нет?!

– Почему же невозможно, – почти машинально ответил Сергей.

– В таком случае ещё один вопрос. Кому-то надо поехать туда и возглавить этот важный участок... В общем, заведующий промыслом нужен. Мы тут посоветовались и решили предложить эту должность вам. Как вы смотрите?

Все что угодно ожидал Сергей, но только не этого. Он засмутился, как мальчишка. Спиридонов успокоил его:

– Не торопитесь. Подумайте. С семьёй посоветуйтесь. Только имейте в виду: рано или поздно с газом и нефтью, со всеми богатствами этой земли придётся работать вам, коренным жителям...

В это время зазвонил телефон. Густые чёрные брови Спиридонова нахмурились, на добродушном лице появилась озабоченность.

– Сейчас приеду! – сказал он, вставая из-за стола. – Когда всё обмозгуете – приходите, – и крепко пожал Сергею на прощание руку.

В коридоре управления Сергей встретил Веньку, давнего своего приятеля. Он куда-то бежал с бумагами, но увидев Сергея, остановился.

– Слышал, друг, слышал, – весело похлопал по плечу. – Тебя того! На повышение! Оно, конечно, почёт большой, деньги. Но ведь на Север предлагают, не на юг...

А дома?.. Сказал – и столько упреков пришлось выслушать от жены, что даже растерялся.

– Хватит, – всхлипывала жена. – Никуда больше не поеду. Только устроились, только получили квартиру! А там опять жить в вагончиках, толкаться в очередях. Проклятая я, что ли? Да ты о детях хотя бы подумал... Здесь музыкальная школа... Тебе что, славы захотелось?..

На следующий день Сергей утвердительного ответа начальнику не дал, а попросился в отпуск, лелея где-то в подсознании надежду: если на берегу «священной речки» предков не созреет решение, то, во всяком случае, он успокоится. К тому же ему давно хотелось на зимнюю охоту.

И вот теперь он шёл по лесу и думал: «Повышение в должности. Раньше бы радовался. А теперь... Остаться на обжитом месте или ехать осваивать новый промысел? Быть оператором компрессорной станции или самим заведующим промыслом? Гово-

рят, высокие стремления – удел молодости. Но ведь и теперь... Разве жизнь потеряла смысл? Может, только сейчас и настает время разгадывать настоящие загадки? Жизнь... Почему она так устроена?».

Медведь выскочил из белой чащобы и – замер. Его желтовато-чёрные глаза смотрели напряжённо-пристально. Сергей будто окаменел. Он не замечал ни надрывного визга собаки, не ощущал дремавшего в руках ружья. Но вот медведь шевельнулся, взревел – и Сергей, очнувшись, вскинул ружьё. Когда пороховой дым рассеялся, поляна по-прежнему поблёскивала в лучах скупого зимнего солнца. Медведя словно и не было. Но удалявшийся лай Музгарки говорил о том, что всё было наяву, и тотчас в сознании промелькнуло:

«Раненый медведь... опасен».

И рука потянулась к патронташу за новым патроном...

Медвежий след уходил в густой валежник, туда, где светлая гарь переходила в дремучий урман. Деревья там стояли плотно, будто взявшись за руки. Казалось, эти великаны не пустят никого в свою глухую чащу, где живут вековые лесные тайны.

Отец Сергея был лесным человеком. Он соблюдал законы и поверья тайги, как дед и прадед, и, как все старые манси, считал медведя своим собратом, потому и называл его просто – Вортолнут – «В лесу живущий». Он старался не вступать с ним в поединки и ненужные ссоры. Для него медведь был не зверь. Но он хорошо знал, что если обидеть медведя, то в нём проснётся звериное...

Сергею с раннего детства запомнился «медвежий праздник» в глухой таёжной деревеньке, куда его мать возила в гости.

В большом доме народу было так много, как в лесу деревьев. Люди сидели на скамейках, расставленных вдоль стены, на деревянной кровати, на шкурах и циновках, постеленных на пол. В дальнем углу стоял «священный стол». На красной скатерти, среди дорогого сукна и шёлка, сидела «Медвежья голова». В ушах серьги с драгоценными камнями, на груди – бисер, на голове – разноцветные ленты... Перед чёрной «Медвежьей головой» – бутылка спирта и рюмка, старинная, позолоченная, искрилась в тусклом свете керосиновых ламп...

С одной стороны стола сидел охотник, «приведший» Лесного духа на человеческий праздник. С другой – шаман с санквалтапом в руках. Тронет струну – люди пляшут, поют. Молвит слово – парни и девушки, старики и женщины замолкают, вслушиваются в сказания волшебной старины.

В дом входит охотник, с головы до ног обвешанный мехами лисиц, соболей, горностаев. Становится посреди дома и под звуки санквалтапа начинает петь:

*На седьмом небе растят Медведя – Нуми-Торума сына,
В светлом доме лелеют Медведя – духа лесного.
В изголовье подушки высокие ночью кладёт он, –
Они ему кажутся ниже, чем палые листья.
В изголовье подушки низкие кладёт он, –
Они ему кажутся выше, чем снежные горы.*

Это поёт Кастан-хум, ведущий медвежьего праздника. Семь ночей и дней он пел историю Медведя. Семь ночей и дней Серёжа смотрел, слушал, а иногда плясал вместе с другими ребятами перед священной «Медвежьей головой». Ему казалось тогда, что люди, боги, звери – все вместе собрались в этом доме, чтобы играть в одну и ту же игру – жизнь. Всё было просто, и не нужно было искать ответа на сложные жизненные вопросы.

И сейчас, глядя на медвежий след, петлявший в густом валежнике, Сергей почувствовал, что угасшие, казалось бы, в его душе таёжные легенды предков вновь оживают. И оживают, обогащённые новым временем. Он вспомнил одну из них...

Лежит Медведь под корнем кедра. Лежит, потягивая то одну лапу, то другую. Хочет встать – падает. Больно бокам – земля твёрдая. Лежишь спокойно – земля даже мягкой кажется. Глаза закрываются. И жизнь опять сливается со сказкой. А в сказке та же самая жизнь. Те же радости и болезни, сомнения и думы.

Вдруг Медведь слышит: что-то треснуло. Открыл глаза. Рядом Росомаха. Скалит зубы. Облизывается.

– Ты меня съесть хочешь?! – простонал Медведь.

– Такого чёрного, тощего, вонючего?! – брезгливо фыркнула Росомаха. – Да я лучше буду голодна.

– А что ты со мной собираешься делать?

– Гм!словно ребёночек! Всё умею делать! Всё!

– Даже можешь сказать, почему я стал таким?

– Могу. Ведь когда-то я была Богиней. Теперь простая лесная шаманка.

– Пошамань, пожалуйста! Узнай, почему я стал таким?

– Раз так просишь... ладно уж. Покамлаю.

Повернувшись в сторону самого высокого дерева, Росомаха трижды поклонилась, потом отвесила ещё четыре поклона на четыре стороны света. Затем, подняв глаза к небу и наострив уши, что-то забормотала. То ли шумел ветер, то ли она общалась с богом на высоком языке, но сначала ничего нельзя было разобрать. Но вот сквозь высокое и божественное постепенно услышал Медведь обрывки земного, понятного...

*Э-ке-лэ-лу-лу! Э-ке-лэ-лу-лу!
Небо. Земля. Вселенная. Мир.*

Звери, как люди, по лесу гуляют.
Люди, как звери, в шкуры одеты.
Квакает лягушка. Мамонт песни поёт.
Ворона каркает на чёрном дереве.
Чёрное дерево падает от белой вьюги.
Умирает вьюга под лаской солнца.
Родятся струи, ручьи, реки.
Пробиваются травы из-подо льда.
Листочки трепещут, расправляя бледно-зелёные крылья.
Самцы на полянах токуют, поют, галдят,
стараясь перепеть, перекричать друг друга.
Самки вертят хвостами,
красуясь разноцветным своим опереньем.
То длиннохвостые самки в моде,
то из-за короткохвостых идут друг на друга.
Зверь точит зубы, тренирует лапы,
растит мускулы, вертит хвостом.
Человек вооружается.
Вооружается ножом, топором, стрелой, копьём,
мечом, ружьём, ракетой, бомбой.
Бронзовый щит. Каменный меч.
Железный занавес. Свободный мир.
Пластмассовые птицы. Космическая эра.
Человек крылат, могуч, велик.
Зверь за решёткой,
в раю зоопарка пытается родить зверёнышей.
Решётка железная. Век атомный.
А самки по-прежнему вертят хвостами.
И снова бой.
На фестивалях, рингах, олимпиадах.
На земле и в небе, на льду и под водой.
Шайбу! Шайбу! Шайбу!
Богиня Танца, Королева Красоты, Мисс Вселенная.
Шахматист, боксёр, мудрый дельфин, говорящая обезьяна.
Корабли плывут, летят.
Летят к Луне, Марсу, Венере.
Человек крылат, могуч, велик.
Вечное земное притяжение.
Ностальгия.
Запах Родины.
Язык матери.
Сказки дедов.
Призраки предков.
Призраки белые, чёрные, красные, жёлтые.
Кичатся призраки своим происхождением,

крича в газетах, по радио, в телевизор
о своих белых, чёрных, жёлтых достоинствах.
Зреет битва не на жизнь, а насмерть.
Прозревают боги.
Белые, чёрные, жёлтые боги
в своих кабинетах-святилищах,
обставленных модерн-мебелью,
предлагают свои модерн-проекты спасения мира.
Мир кружится в бешеной пляске.
Кружатся спутники, спортсмены, газеты.
Газеты режут о рекордах, нефти, машинах.
Лошадь дичает, живым ископаемым бродя по степи.
Машины прожорливые жаждут нефти.
К чёрным и белым континентам тянутся жирные
щупальца нефтепроводов.
Чёрный труд, белый отдых.
Города, дворцы, стадионы, виллы, яхты, нейлон,
холодильник,
золото, доллар, валютный кризис, водка, опиум,
сигареты, нагие женщины, рыжие бороды,
лохматые шкуры. Снова шкуры, шкуры, шкуры.
Люди, как звери.
Звери, как люди...
Бах! Бух! Трам! Тарарах!
Вниз! Вверх! Вверх! Вниз!
Кружится! Кружится! Кружится! Кружится!
– Э-ке-лэ-лу-лу! Э-ке-лэ-лу-лу!

Росомаха долго шаманила. Вспотела вся. Глаза покраснели.

– Так вот, дружище! – кончив петь-камлать, произнесла она. – Ты, конечно, ещё не дорос до высокого божественного слога. И мало что понял. Я попытаюсь теперь объяснить простыми словами: ты нарушил заветы и наставления жизни. Ты глумился над человеком... Потому и потерял свой облик. Хочешь, перечислю все твои грехи? Но сначала уплати за камлание...

2

Сергей как сейчас помнил то далёкое утро. Проснулся поздно. Лучи солнца струились в паутиных сетях запылённого окна, в приоткрытой щели двери. В День большого солнца оно будет долго-долго гулять по синему небу, рассыпая щедрые лучи тепла и света. В полдень оно встанет над тобой, улыбаясь знойной и томительной улыбкой. А ночью склонит золотую голову на грудь

Камня-Урала, вздремнёт синичьим сном и снова поплывёт по голубому июньскому небу. Этот день для Сергея всегда особенный.

– В День большого солнца я нашла тебя! – говорила мать. – В День большого солнца тебя ждут большие думы. В День большого солнца тебе приснится твоя судьба. Быть ли тебе охотником удачливым или рыбаком, быть ли тебе женатым и с детьми или стоять на ветру одиноким кедром...

Никакие сны в эту ночь ему не снились. Не думал он и о судьбе. Только статья, которая печаталась с продолжением в местной газете, вводила в свой сказочный мир. Называлась она: «Т а й н а З о л о т о й б а б ы». Под большими буквами заглавия был ещё и подзаголовок:

«По следам удивительной загадки».

Снова и снова перечитывал Сергей загадочные строки:

«...1936 год. Манси Данила Сургучев предложил приёмщику рыбы Антону Кадулину заглянуть в «шаманский амбарчик». Он сказал, что старики привезли самого сильного «золотого идола». Но старик ошибся. В «шаманском амбарчике» оказались «подарки» главному «золотому богу». Данила рассказывал Антону о шаманах «Золотой бабы». Тот заинтересовался и стал спрашивать однофамильца Данилы – Григория Сургучева. Люди говорили, будто бы он – один из главных хранителей «Золотой бабы». Но Григорий твердо сказал, что «Золотая баба» спрятана на островке среди гиблых топей. И никому не отыскать туда дороги...».

– Не отыскать дороги! Не найти им нашей Сорни-най! – резко сказал старик Ильля-Аки, когда Сергей прочитал ему статью.

Ильля-Аки жил в старом, заброшенном пауле¹ в двух километрах от нового селения, построенного колхозом. Он наотрез отказался расставаться с землёй предков. Его паул тонул в лесу, и только одна река, тихая, как задушевная песня, ласкала взгляд и звала прогуляться. Берега её, заросшие девственным лесом, в своей дремучей тишине хранили какую-то важную тайну старины.

Его юрта стояла у старого засохшего кедра, утопая в кустах черёмухи и ивы. Недалеко от юрты – амбарчик на двух столбах. Он стоял над седыми мхами под сенью сосен и, поднявшись над землёй, недосыгаемый для мышей, росомех и медведей, точно прислушивался к вечному шуму леса. Если пройти по узенькой, едва заметной тропинке, то можно увидеть ещё такой же амбарчик, а за ним покосившуюся юрту, в которой уже никто не живёт. Но гро-

---

1 Паул – деревня.

мадная морда², брошенные олени санки, обросшие уже пыреем, конусообразный дровяник, возвышающийся среди кустов смородины, говорят о том, что здесь когда-то кипела жизнь.

И с этой жизнью Илья-Аки не хотел расставаться.

Он был какой-то странный: то исчезал на месяцы, то появлялся в деревне. То молчал как рыба, то, наоборот, становился болтливым, навязчивым. Колхозники не обращали на него внимания. Они строили дома, ловили рыбу, ходили на охоту за соболем. В последнее время старик зачастил в избу-читальню. Он часами слушал хрипловатый голос радиоприёмника, просил перевести на мансийский язык содержание статей в газете. Потом рассуждал. У него обо всём было своё слово. А в один из таких дней он вдруг заговорил «шаманским языком»:

*О Сорни-най!
Полуночная священная богиня,
Полуденная солнечная героиня,
Ты снишься им.
Это хорошо!
Ты не даёшь им покоя,
Чего же желать лучшего?..*

Все, кто был в это время в избе-читальне, смеялись над чудачеством старика. Все знали, что Илья-Аки никакой не шаман. Но с чего это он так заговорил? Давно нет шаманов в краю манси. А он поёт какую-то непонятную молитву:

*Золотая наша мать,
Ты не знаешь, что ты золотая.
Если кто будет ползать перед тобой –
Не привыкай. Не верь!
Любовь наша к тебе не на золоте держится.
Сердце есть у нас.
Сердце же не сияет.
Его не видно...
Золотая наша мать, ты не знаешь,
Что ты золотая.
И своим незнаньем
Ты охраняешь себя и нас...
Священная наша богиня.
Мы тоже не знаем, где твои золотые сокровища.
Мы молимся лишь душе твоей золотой...
Своим неведеньем и мы
Спасаем свою душу...*

2 Морда – рыболовная снасть, плетёная из кореньев.

Сорни-най... Это слово Сергей слышал почти каждый день. Его часто произносила мать. Уронит ли что-нибудь, оступится ли, обязательно вздохнёт: «Сорни-най!». Это, наверное, как русское «О боже!», которое не сходит с уст деревенских старух. Но разве Сорни-най и «Золотая баба» одно и то же? Откуда это взял старик? В газете об этом даже намёка нет. А может, тот, кто пишет статьи о «Золотой бабе», не имеет представления о Сорни-най, и потому ищут её не там, где на самом деле может она находиться? И почему «Золотая баба»?

Сорни – по-мансийски «золото». Най – «героиня». Сорни-най – «Золотая героиня». Может, просто придумали легенду о прекрасной женщине? Не мечта ли это о красоте и доброте? Но тогда почему манси веками так ревностно охраняли её от постороннего взгляда? Пишут же в газете:

«Старики Сургучевы скончались, и пока что никто не знает, кому передали они своё таинственное наследство. На безвестном островке, зарытая в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная золотая женщина. Сколько поразительных событий, сколько страстей, кровавых трагедий связано с ней. И сколько тайн! Вопросы, вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света? И почему так самоотверженно, так строго хранили её люди? Где же взяли эти бесхитростные, радушные и добрые охотники и рыболовы столько упрямства и ловкости, чтобы из века в век сохранять свои святыни от жадных рук?».

«Может, и на самом деле в «Золотой бабе» таится что-то очень важное? Не заняться ли разгадкой этой тайны?» – вот о чём подумал Сергей в то далёкое утро. Он ещё раз хотел перечитать статью, но в это время весёлой гармоникой запел пароход. Как и все манси, Сергей с тех пор как помнит себя, любил этот мелодичный голос. Пароход, как счастье, приходит и уходит. Что привёз он сегодня?

Когда Сергей прибежал на берег Сосьвы, пароход уже отчаливал. Все жители деревни были здесь. Все они удивлёнными глазами глядели на людей в одинаковых зелёных спецовках, которые возились у громоздких вещей, сваленных на берег.

– Приехали. С тяжёлым железом. Копаться, наверное, будут. Искать... Всё равно не найдут её, если она сама того не захочет! – язвительно шепелявил Илья-Аки, искоса поглядывая чуть-чуть раскосыми глазами, поблекшими, как осеннее небо. Высокий, худощавый, он стоял в стороне от людей, как одинокий старый кедр. Кудрявые чёрные волосы с белым налётом седины были сзади заплетены в коротенькие косички порыжевшим шерстяным шнурком.

Смугловатое, безусое лицо, затянутое сетью слабых морщинок, казалось, было бесстрастным. Он говорил, обращаясь к Сергею:

– Не в первый раз приезжают. Ещё со сказочных времён они ищут в нашей земле сокровища. В легендах туманится то время...

Сергей молча слушал старика и вновь припоминал строки из газеты, где говорилось о скандинавских викингах, ходивших за сокровищами в страну «белого безмолвия».

«В 1023 году ватага викингов, которых вёл знаменитый разбойник Туре-Хунд, или Торир-Собака, совершила поход в Биармию. Так в давние времена называли скандинавцы обширную область, подступающую к устью Северной Двины. Здесь жили язычники – ханты и манси. Они поклонялись таинственной богине. Её называли Юмала, или Йомала. Одна девушка полюбила Туре и показала ему дорогу к святыне. Перед изумлённым викингом предстала статуя из золота необычайной красоты. Обнажённая прекрасная женщина с кроткой улыбкой держала в руках большую серебряную чашу. На шее богини сверкало драгоценное ожерелье.

Жадность охватила викинга. Ночью он сорвал с шеи золотой богини ожерелье. Хотел похитить и статую. Но язычники отстояли свою святыню. Они укрыли её в северных лесах...»

Сергей думал над строками газеты и над словами Илья-Аки: «На что он намекает? Неужели на то, что и сегодняшние приезжие вступили на эту землю, чтобы похитить её сокровища? Глупый старик сравнил геологов с разбойниками-викингами!...».

Сергей был уверен, что это геологи. Люди точно в такой же одежде несколько лет назад появились в Берёзове. Недалеко от интерната, на берегу реки они поставили тогда небольшое деревянное сооружение и стали «бурить землю». Около них всегда вертелись малыши, с любопытством расспрашивая их о загадочном занятии. Ведь отцы таёжных ребятишек никогда не занимались таким «чудным» делом. Ходить за зверем – вот дело, достойное мужчин! А зачем копать в земле? Детям, несмышлёнышам, ещё простительно: они хоть строят сказочные чумы из сырого песка и глины. Ну а взрослым людям – зачем заниматься такими глупостями? И что найдёшь в холодной и грязной земле?.. Уж не ищут ли они «старину»?

Интересовался «странными людьми» и Сергей. Только не так, как малыши и старухи. Он поглядывал на них издали, чтобы не привлекать внимания. Хотелось и ему подойти, потрогать их чудную машину, сверлящую землю. Хотелось поговорить с геологами. Но какая-то скованность, стеснительность, как цепями, держала его всегда на расстоянии от этих загадочных интересных людей.

И вот снова геологи появились в его деревне.

«Что они будут здесь делать? – думал Сергей. – Опять бурить на берегу реки? А может, в тайгу отправятся?»

«А что, если пойти с ними?!» – вдруг осенила его мысль. Работать, а в свободное время искать ту самую золотую богиню. Она где-то здесь, в тайге. А в институт он поступит потом, когда откроет тайну Сорни-най.

Стать историком – была мечта Сергея. Жизнь шла ему навстречу. Ему предложили учиться в Ленинграде. Но желание совершить открытие уже завладело всей его душой, и оно неотступно напоминало о себе.

В детстве и ранней юности кедровый урман всегда навевал на Сергея какое-то волшебное состояние. Ему чудилось, что он в жилище лесной богини Миснэ. Над головой – высокий шатёр. Раскидистые ветви с густой сизо-зелёной хвоей закрывают небо. Но деревья, как благородные великаны, стоят на почтительном расстоянии друг от друга. Кедровники лишь издали кажутся непроходимой чащей. Под ветвистыми кронами – просторный шатёр, где гуляет ветер, как добрый носитель свежести. Здесь нет сырости и удушливости кондовых смешанных лесов с их непроходимыми чащами и завалами.

Кажется, по кедровому бору прошла лесная хозяйка и прибрала всё кругом в ожидании желанного и дорогого гостя. Миснэ – богиня ожидания. Она вечно ждёт. Ждёт своего единственного и желанного. Кто ей приглянется – того околдует своими чарами, заморозит так, что он становится невидимым среди обыкновенных людей. Ему она дарит свою любовь и все сокровища леса. Но взамен она требует внимания только к себе, запрещая всякое общение с людьми.

Не о таком счастье мечтал Сергей, но для него Миснэ была почти реальностью ещё с самой колыбели, ещё с первых свиданий с этим таинственным и волшебным лесом. Однажды ему показалось, что она рядом. Это случилось в то лето, когда появились в деревне геологи...

На краю деревни, на песчаном берегу, где обычно вились дымки рыбацких чумов, теперь красовались зелёные палатки. По вечерам здесь так же, как и у рыбаков, приезжавших каждое лето на промысел с верховьев Сосьвы, горели костры. Но песни были совсем другие. Звенела гитара, а не пятиструнный мансийский санквалтап. О чём-то таинственном, зовущем вдаль говорила она. Сергею порою казалось, что поют для него. По вечерам он любил гулять в прибрежном сосняке, вслушиваясь в новую мелодию Севера. Но подойти, присесть рядом, запеть вместе с ними он не мог. Какая-то тайная сила удерживала его. Рядом с ними он робел, замолкал. Может, потому, что там была девушка?

За местом притонения невода геологи построили сооружение, загадочное для манси. Вытащат рыбаки невод, порадуются плеску рыбы в мотне, уложат серебряную сосвинскую сельдь в бочку со льдом и не спеша идут к странным людям, которые зачем-то вгоняют в землю железную трубу.

Смотрят удивлённо, качают головами.

– И что может быть на пустынном берегу, где рыскают собаки! – воскликнет кто-то из них.

И собаки поглядывают сытыми глазами на странных людей. Они тоже ничего не понимают. В земле живёт горностай – знают это собаки. Только летом у горностая плохая шкурка – знают это собаки. Зачем тогда летом копаться в земле – не понимают собаки. Летом без горностая хорошо: рыбу ловят хозяева, – точно знают это собаки.

Летом люди становятся рыбаками, до устали возятся у воды. Собаки прохаживаются по сухому берегу, трясут красными языками, добычу ждут. Хорошо летом собакам: ходить на охоту не надо.

Вечером, когда большое летнее солнце пряталось за деревья, а рыбаки, повесив невод, расходились по домам, жизнь на берегу не замирала, как раньше. Там играл огонь костра, плясали его языки под мелодичный звон гитары.

Сорни-най – так зовут огонь манси. Золотой богиней величают. Кому же поклонялись древние? «Золотой бабе», запрятанной в лесу, или золотому огню? А может, просто девушке, такой же золотоволосой, как та, что сидит у этого костра?

Её звали Светланой. Сергею хотелось быть на месте этого весёлого гитариста. Сидеть рядом с ней. Смотреть в её глаза...

Но его отделяли от неё не только тридцать шагов и колючие ветви сосен, за которыми он притаился, наблюдая сказочную, почти недоступную ему жизнь...

Разве нет у манси красивых девушек? И сказки о волшебных лесных женщинах – Миснэ – разве хуже?

Миснэ... Сказочная женщина. Живёт она в дремучем лесу. Невидимкой приходит в деревню к рыбакам и охотникам. Не всякому юноше она заглянет в душу, навеет мечты о любви. Но кого она посетит – у того сердце проснётся. И он увидит дверь в счастливую жизнь... И Сергею может улыбнуться такое же счастье. Ведь тайга – рядом с домом. И сказки ещё живут. И мансийские девушки нет-нет да улыбнутся лукавыми глазами. Всё сказочно и возможно...

Однажды он увидел её почти нагой, в одном купальнике. Она бежала по узкой песчаной косе, рассыпая брызги. Даже в вечернем сумраке золотились её волосы и светилось белое тело. Высокая грудь, тонкая талия, стройные, красивые ноги. Летели брызги, летела она, хохоча и визжа. Следом за ней – незнакомый бородач.

Они носились как шальные по песчаной косе, брызгаясь водой, кидаясь мокрым песком, осыпая друг друга непонятно-весёлыми словами. Потом она бросилась в струи темноводной Сосьвы и поплыла, словно большая рыба.

Глядя на это, Сергей словно онемел. В краю манси девушки другие. И они любят нежную летнюю воду, и они любят плавать весёлыми рыбами. Да только не перед всей деревней, а где-нибудь в сторонке, подальше от любопытных глаз.

В кино Сергей видел цветные южные пляжи. Там женщины и мужчины, как жирные гуси, сбросившие перья, лежат на песке. Странно. Но всё же понятно. Юг. Море... А здесь, на берегу таёжной Сосьвы, где жужжат комары, Сергею это показалось диким. «Никакая она не богиня!» – подумал он, охваченный каким-то неясным чувством. И побежал прочь от берега. Сосновые ветки хлестали по лицу, трещал сухостой под ногами, звенело вечернее небо в ушах.

Однажды утром Сергей ехал с ночной рыбалки. Калданка его двигалась по спокойной глади реки еле-еле. Она была полна рыбы. Золотые язи сияли под лучами большого утреннего солнца. Серебряной чешуёй сверкали сырки, мясистые муксуны и даже нельма. Улов оказался на редкость удачным. Всю короткую летнюю ночь Сергей слышал трепетный плеск воды и выбирал рыбу из сетей. Был он словно в каком-то богатом сказочном мире. В белом сумраке июльской ночи плескались рыбы. Они без усталости шли в его сети. Он их выбирал, и казалось, нет им конца. «Всё же, наверное, хорошая примета, когда к человеку идёт рыба, – подумал он. – Не всякая чёрная мелочь вроде ершей, окуней, чебаков, а рыба настоящая, белая!..»

Довольный уловом, он не спеша то поднимал, то опускал в воду весло. Весло у него было голубое, разрисованное узорами. И лёгкую лодочку-калданку он сам разукрасил цветным мансийским орнаментом. Теперь она, полная рыбы, тяжело шла по течению. Разморённый и усталый, пригретый утренним солнцем, он задремал. Волшебный мир опять плыл перед ним, как в сказке, которую он слышал от старика Иль-ли.

В спокойной заводи, расчёсывая золотые волосы, сидела Она. Нет! Не Светлана, а сказочная Миснэ. Не таёжная богиня, а Водяная Миснэ. Увидев его, она нырнула в воду. Лишь волосы её колыхаются да гребень плавает. «Чего они все убегают от меня? – думает Сергей. – Страшный я такой, что ли?» Наклонился к воде, взял гребень, в карман положил. Сделал всё так, как в той сказке. Вдруг почувствовал, что лодка стала ещё тяжелее. Оглянулся назад: на корме сидит девушка удивительной красоты. Это была сама водяная царевна. Платье её переливалось золотистыми чешуями язей. Косы её сверкали серебряными струями. Глаза её туманились вечерними озёрами. Вся она сияла, как вода на солнце. «Сама водя-

ная царевна захотела плыть с человеком в одной лодке – в одну жизнь. Хорошо или плохо это? – думал во сне Сергей. – К счастью или к горю это? И смогу ли я быть достойным её?»

Водяная Миснэ, спокойная и ясная, как плёс, как утро, сидела на корме калданки и улыбалась ему загадочной улыбкой. Она не походила на Светлану. Она казалась ему близкой и доступной, как рыба, вода, тайга...

От лёгкого толчка калданки о дерево, которое торчало из воды, Сергей проснулся. Кружились струи, сияло солнце, и совсем невдалеке виднелась деревня. Там девушка с коромыслом на плечах несла вёдра с водой. Недалеко от берега дымилась баня. «Кто в такую рань растопляет баню?» – удивился Сергей.

Но это была реальная жизнь, со всеми странностями и непонятностями. И в лодке лежали настоящие рыбы. Не было только той сказочной Миснэ, которая только что приснилась Сергею...

Он так и не смог заговорить с геологами, ждал, когда они начнут собираться в тайгу. Но геологи не спешили. И решимость Сергея становилась всё зыбче, и всё реже приходил он на берег. Кончилось лето, и белые северные ночи сначала потускнели, потом словно оделись в чёрный бархат, стали тёмными, длинными. Наступило время сборов в школу. Старшеклассники скоро поедут в Берёзово. Снова уроки, книги, любимые учителя. Хорошо! Только мать почему-то не понимала этого. В прошлом году она не пускала его в школу.

– Сынок, тебе уже семнадцатый год, – говорила она со слезами в голосе. – Останься! Зачем сидеть с книгами? В твои годы отец приносил не только серебряную рыбу, но и золотой зверь не уходил от него. Как ты можешь не повторить дорогу отца? Зима придёт. Снежок выпадет. Оживёт тайга. Следами зверей заиграет. Весёлым собачьим лаем зазвенит. Ты не сможешь не пойти на зов тайги. Я знаю. Глаза твои загорятся, как у твоего отца. Будет снег хрустеть. Будет зверь у ног. И у меня вновь помолодеет душа. Я буду провожать тебя на заре, как отца твоего. Не уходи к книгам, душа моя. Оживи сердце. Повтори отца, ласка моя!..

Она говорила, будто молилась. В усталых глазах её стояла та же мольба. Преждевременные глубокие морщины на ещё не старом лице, седоватые волосы в чёрной косе, казалось, просили о том же. Сергею было жаль её. Она одинока и больна. Отца он помнил плохо. Его увёз белый пароход в белый туман. В белом тумане, как во сне, иногда возникал его образ. И тут же таял.

Но волчьи глаза Гитлера, которые он увидел в газете, сверкали, как наяву. Они напоминали о зле и жестокости. Уничтожить его – вот было главное для всех, кто ушёл воевать. И для отца, и для других. Но с войны не все возвращаются. Не вернулся и отец. И мама

рыдала. Сергей помнит эти слёзы. От них ему было душно. Но он не плакал. Крепился, как мужчина. Зато подолгу сидел тихо-тихо, забившись в тёмный угол. Он думал об отце, который пошёл бить врагов.

А с мамой он ездил на рыбалку. Он видел, как ей тяжело. Помогал. Все мальчишки помогали своим мамам добывать рыбу. Всем мамам было тяжело, поэтому Сергей не плакал. А вода холодная. А рыбачить надо. Даже босиком. Где взять обувь, если всё для фронта? И мамы добывали рыбу. Даже самую золотую.

В усталых глазах матери стоит мольба: «Останься!». «Что же делать? – думал Сергей. – Может, пойти в счетоводы, как предлагает председатель колхоза? Или стать охотником, как хочет мама?»

Председатель колхоза, зная настроение матери, не раз уже предлагал Сергею стать колхозным счетоводом. Обещал отправить на курсы в окружную школу колхозных кадров, а потом и «тёплый заработок». Задумывался Сергей об этом предложении. И каждый раз становилось ему как-то не по себе: женщины будут работать, а он – молодой и сильный – цифрами в тёплой конторе играть. Нет, предложение председателя колхоза его не прельстило.

«Лучше уж быть охотником! Только ведь засмеют ровесники. Скажут: учился, учился, а дальше охотника не пошёл! И старики съязвят: «И зачем столько лет смотрел в книгу, если умные люди тебе не доверили ничего, кроме ружья? Мы, старые манси, – скажут они, – ружьё и без книги умной держать умели... А ты?».

Да и учителя обидятся. Начиная с первого класса маленькому северянину говорили они о его высокой цели – получить высшее образование. И все ребята мечтали стать учёными, учителями, врачами...

Кто-то подумывал о профессии инженера. С малых лет всем прививалась мечта о сказочном Ленинграде, где в «чудесном чуме» – Институте народов Севера – дети неграмотных рыбаков и охотников становятся «большими людьми» своего таёжного народа. Мечта стать «большим человеком» жила и в душе Сергея. Сам он хотел стать историком. Может быть, первым историком своего народа.

Но болезнь матери, грустные глаза, умоляющий голос...

В прошлом году он всё-таки уехал учиться – надо было заканчивать десять классов, а в этом остался дома. Может быть, ещё и потому остался, что надеялся уйти с геологами в тайгу. Не воспользовался льготной путёвкой в Ленинград, в институт.

И дождался. Глубокой осенью в деревню приехала новая партия геологов. Но это были совсем другие. Они собирались идти в тайгу. Им нужен был рубщик. И Сергей наконец решился. Сам пришёл.

– Орудовать топором умеешь? – спросил не то серьёзно, не то в шутку старший. Сергей в ответ кивнул головой.

Почему он так, без раздумий, согласился? Может, потому, что в той же конторе колхоза, куда вызвал его председатель, видел её, Светлану? Может, он уловил на себе её взгляд, загорелся надеждой, что там, в тайге, он будет ощущать на себе синий свет её глаз?

На следующее утро он с геологами уже шагал по тайге. Но Светланы рядом не было.

Не знал он ещё, что кроме полевых работ у геологов есть конторы, управления, лаборатории...

3

Сергей продолжал идти по следу...

Когтистым мужиком величали манси в старину медведя. И верно: на снегу – следы, будто человек прошёл босиком. Отчётливо видны отпечатки ступни и пальцев. Этого медведя, которого он ранил, видно, подняли из берлоги талые воды. Неожиданная оттепель с ливневым дождём растопила обильно выпавший снег. А может, потревожили люди?..

Где-то здесь, в густой чаще, в глубокой яме, под нависшими корнями опрокинутого дерева, была его берлога. Уж не к ней ли он идёт?

Впрочем, кто его знает. Разве угадаешь, как поведёт себя раненый хозяин тайги. И зачем он только выскочил на поляну? Но жалеть теперь было поздно – надо идти дальше по следу медведя. Таков закон охоты.

И вспомнилась Сергею история медведя. Она у него своя, такая же, как у соболя или у белки, человека или росомахи. История длинная, как жизнь и сказка. Вот как рассказывал её Сергею Илья-Аки.

Не в тайге дремучей родился первый медведь, а на небе. Не в берлоге прошло его детство, а в доме небесного отца Торума. В углу каменного дома с золотой дверью, в мягком гнезде, устланном собольими, звериными мехами, пригрезались ему первые сны волшебной жизни. Звали его Сыном Неба.

Однажды Торум, собираясь на охоту (а бог, как настоящий манси, был охотником-соболятником), говорит сыну:

– Я пойду в тайгу к своим звериным ловушкам, а ты, сынок, не выходи за золотую дверь нашего дома! Ноги твои слабые, и руки не набрали ещё силу. Если услышишь за дверью шум – не обращай внимания. Суетливый шум – не для твоего божественного слуха.

Подпоясался Торум соболиным поясом и ушёл.

Лежит Сын Неба в своём гнезде – ноги-руки потягивает. Потянет ногу – смотрит, выросла, потянет руку – чувствует силу. Идёт к двери, вслушивается. Где-то шумят, поют, смеются. Звонко поют,

весело смеются. Сын Неба ударяет по железным замкам и, взломав ворота семи серебряных заборов, оказывается на шумной улице небесного селенья. Но в этот миг он вспоминает наставления отца. И Сын Неба с грустью плетётся в своё мягкое гнездо.

Приходит Торум с дальней дороги. Сняв свой пушистый собольи́й пояс, замирает в своём кресле из мамонтовой кости.

Закипел уже котёл со звериным мясом, и чай из душистых трав уже дымится, а он, хмурый, сидит, не проронив ни звука...

– Отец мой! Почему ты молчишь, не молвишь даже слова? – спрашивает сын.

И Торум открывает двадцатизубый рот свой и говорит:

– Почему я молчу? Ты же не послушался меня, нарушил мои наставления. Поломал не только замки, но и ворота серебряных заборов. Я же просил тебя этого не делать.

И от стыда великого Сын Неба прячется в своём углу, зарывшись в мягкие шкуры...

На второй день, уходя на охоту, Торум опять поучает:

– Прощу, малыш, не ломай больше замков. Помни мои слова. Не ходи туда, где суета и шум. Сна тебе хорошего! До свидания!

Ушёл отец – скучно стало. Как ни мягка постель, лежать в ней вечно – мука, а не счастье. Встаёт Сын Неба, по дому прохаживается. Шевельнёт ногой – в ней сила резвится, шевельнёт рукой – в ней мощь играет.

Прислушается к двери – оживают уши. Где-то опять поют, шумят, смеются. Звонко поют, весело смеются.

«Неужели где-то есть другая жизнь?» – задумывается он. И какая-то неведомая сила ведёт его через серебряные заборы и железные замки к этому шумному миру.

Глазами чёрными, как спелая смородина, видит: ребята играют.

Счастливый, не чуя ног, мчится к ним. Только те почему-то, увидев его, с визгом и плачем разбегаются. А побойчее из них говорят такие дерзкие слова:

– Какое чучело! А мы думали, что отец наш Торум за семью серебряными заборами, золотыми дверями нянчит порядочного сына. А оказывается, у него не руки, а лапы; в лапах не ногти, а когти, ноги кривые, косматые, зубы острые, как копыя, голова мохнатая, лицо волосатое... Смотреть страшно на такое чучело!..

И не только мальчишки разбегаются, увидев его, режут коровы, кони, как шальные, пускаются вскачь...

С удивлением смотрит на всё это Сын Неба. Думает. Вдруг на память приходят наставления отца, и бежит он в сторону родного дома.

В одном месте под ногами что-то треснуло. Посмотрел: дыра. Взглянул и чуть-чуть не ослеп: там сияла земля синевато-зелёным сиянием.

«Вот бы мне в той красоте бродить-гулять!» – подумал с завистью он. Опечаленный, поплёлся в каменный отцовский дом, со слезами бросился в свою мягкую постель из собольих шкур, а когда вернулся Торум, на его хмурость и негодование ответил так:

– Отец мой! Я, правда, поломал замки железные и золотую дверь. Но подумай сам: семь лет, семь зим я валяюсь в мягкой постели. Руки мои скучают без дела, ноги мои соскучились по дальней дороге. Уши мои слышат смех и веселье других. Я и пошёл на этот шум жизни. Да только как увидели меня – с плачем, с рёвом, с визгом разбежались не только ребятишки нашего небесного селенья, но и коровы рогатые, лошади с хвостами-мётлами увидели во мне что-то страшное, будто я какое-то пугало, а не божественное создание.

Посмотрел я тогда на свои руки, – правда, они не похожи на руки других, а какие-то шерстистые, когтистые лапы, и лицо моё не белое...

О, отец мой! Как я плакал. Раньше думал, что я такой же, как ты, бог. И умом похожий на тебя, и телом похожий на тебя, и глазами синими, как у тебя, и лицом румяным, как у тебя, и руками без шерсти, как у тебя, и волосами, вьющимися на голове, как у тебя. А оказалось, я совсем другой. Почему, скажи, я другой? Почему ты меня лелеял в своём каменном доме? Почему ты меня прятал за семью серебряными заборами? Почему не отпускал меня играть с детьми нашего небесного селенья? Не потому ли, чтобы они меня не видели? Кто я? И кто они такие? Почему они все походят на тебя, а я какой-то другой? У кого, отец мой, лучше вид? У меня или у них?! Они бегут от меня, будто я такой уж страшный. Может, мне от них убежать? Тогда, быть может, подумают, что они страшнее меня?

Для чего ты меня родил на свет? Не для того ли, чтоб надо мной смеялись другие? Отпусти меня, отец светлый, на зелёную землю. Там в тени зелёных деревьев я не увижу божественных разнеженных детей. Никто там меня не будет дразнить. И убегать от меня, как от пугала, и смеяться над моим видом звериным никто не будет!

Лишь деревья будут моими друзьями...

О, если бы ты отпустил меня на эту красивую землю! Какое блаженство испытал бы я, гуляя по зелёному ковру, окутанному синевато-розовой дымкой!..

– Сыночек мой, – говорит Торум, – не трудно мне тебя отпустить. Да вот попадёшь в нужду, без еды и питья поживёшь, комары да мухи покусают – познаешь горе жизни, обратно в небо будешь проситься, я могу и не услышать. Молящихся на земле много.

У Торума – бога Верхнего мира – была кузница. И кузнецом он слыл отменным, а не только судьёй и наставником духов и людей. В своей небесной кузнице Торум отковал золотую люльку и серебряную цепь.

– Ложись в люльку. В золоте тебя покачаю и отпущу на землю, если ты выдержишь испытание.

Опускает Торум с седьмого неба золотую люльку. Звенит цепь серебряными рублями, с облаков спускаясь.

Дунет ветер горластый с белым голосом северным – в край горячего лета относит люльку. Дунет ветер горластый с жёлтым голосом южным – в ледяное море, в край зимы относит.

Между небом и землёй болтается она, то поднимаясь на гребни облаков, то падая в бездну жизни.

– Эй, отец мой, меня укачало! Либо вниз опусти меня, либо подними наверх!

На седьмое небо втащил его Торум.

– Почему не опустил ты меня на землю? – спрашивает с удивлением Сын.

Молчит отец. Взглядом велит лечь обратно в мягкое соболье гнездо. Но в мягкой постели по-прежнему не спится. В изголовье подушки высокие ночью кладёт он – они ему кажутся ниже, чем палые листья. В изголовье подушки низкие кладёт он – они ему кажутся выше, чем снежные горы.

Выходит на улицу. А на небесной улице всё так же, как на земле. На одной стороне дворцы стоят, на другой – покосившиеся хижинки и дырявые чумы. По одной стороне толстые и жирные идут, по другой стороне – тощие, как тени. Одежда у одних расшита золотом и серебром, у других одежонка на рыбьем меху.

Идёт Сын Неба по улице. Увидев его, лошади ржут, коровы режут. Ребятишки плачут, разбегаясь перед ним. А те, что постарше, строят рожицы и дразнятся. Лишь одна девушка прошла мимо, не проронив и звука. Она окинула его спокойным синим взглядом и величаво поплыла дальше. Золотые волосы золотыми струями струились и по круглым плечам, и по высокой груди. И вся она светила, как изваяние.

– На кого ты пялишь глаза?! – усмехнулась старуха, опираясь на кривую палку. – Это ведь не девушка, а дух. Дух Золотой богини. Она сама-то на земле. А здесь только дух, золотая тень её. Потому она и не посмеялась над твоим несчастным звериным видом. А ты думаешь...

Старушка скривила в усмешке беззубый рот и поковыляла дальше...

Озадаченный Сын Неба ночью снова пошёл к отцу.

Торум спал сном глубоким и крепким, как глубокий корень кедра. На цыпочках подкрался Сын к божественному трону. А трон этот из мамонтовой кости. Яркими звёздами на нём блестят драгоценные камни... Рядом с тронном лежит серебряный посох с золотыми узорами.

Берёт Сын в руки посох, смотрит на один конец и сквозь него

видит Средний мир – счастливую землю. А земля яркая, как зелёное сукно. И думает: «Вот бы мне в этой земной красоте пожить!».

Но рядом – бог. В его руках не только этот посох, но и судьба. Слёзы катятся из глаз... Просыпается Торум и говорит:

– Опять ты за своё!.. Отпущу тебя. Да только знай: попадёшь в нужду и горе – не вини меня. И ещё запомни: увидишь на земле ловушки, поставленные человеком на других зверей, не трогай, обойди их за три дерева; увидишь избушку на дереве, где охотники хранят припасы и добычу, – не трогай её, обойди за четыре дерева; увидишь могилу – за пять деревьев обойди её. Умер человек – в духа превратился. Человек – твой брат. Он – труженик земли. Будь и ты тружеником. Мои утренние поучения, мои вечерние наставления хорошенько запомни. В шумные места, обжитые людьми, не ходи, весёлые места, облюбованные людьми, оставь им. Если ты не нарушишь мои заветы – тогда я тебе придумаю питание, достойное твоего божественного происхождения. Если всё исполнишь – будешь счастлив счастьем всех живых...

Семь дней и ночей слушал Сын длинные отцовские наказания. Потом лёг в золотую люльку. Зазвенела цепь серебряным звоном, громом загремела люлька, качаясь между белых облаков. Покачив люльку семь ночей и дней между севером и югом, Торум спустил Сына на землю.

Золотая люлька, прильнув к земле, успокоилась. Лишь голова Сына продолжала кружиться. То ли от длительного спуска и качки, то ли от счастья.

С сознанием первой победы выходит Сын Неба из отцовской колыбели. Ему хочется петь и смеяться, и идти, идти по сказочно прекрасной земле.

Только ступит сюда – топь, туда ступит – вода ржавая брызжет. Сделает шаг – вязнут ноги. Не синевато-розовой дымкой окутаны деревья, а тучами комарья и мошкары. Они кружатся роем, жужжат, жалят острыми жалами. От них нет спасения ни в сосновом бору, ни в черёмушье гриве. Семь сосновых боров обошёл он, в семи черёмушьях гривах побывал, но нет нигде никакого лакомства. В соснах колючие иголки, у черёмух – зелёные, костяные ягоды, и шишки на кедрах не созрели. А желудок, как голодный дух, кричит и требует пищу. И ноги куда-то бегут, бегут, стараясь разве-селить глаза. Глаза, устремлённые в неведомую даль, смотрят, хотя удивиться. А из них льются лишь слёзы. Они падают и блестят хрустальными росинками на листьях, травах, во мху. Блестят лужи, ручьи, озёра, реки... Так много в этой земле воды... Не от слёз ли?..

Земля оказалась не такой, как смотрелась сверху.

Может, издали всё видится не так?..

Много дней и ночей бродил Сын Неба по топям болот, по дремучей тайге, по гарям с обугленными, искорёженными деревья-

ми. Однажды вышел к берегу лесной речки. Речка звенела, играла струями, искрилась. Она, живая и весёлая, поманила его к себе.

На пологом берегу, усеянном мелкой галькой, стояли сооружения из брёвен. Рядом с ними шевелились какие-то странные существа, не похожие ни на богов, ни на белых жителей небесных селений. Священный Сын Неба подошёл к одному из таких существ. Только хотел он протянуть ему руку, чтобы поздороваться, как тот отпрянул от него, как от страшилища, оторвался от земли и полетел в сторону леса. Обиженный Сын Неба рванулся вслед, взмахнув лапами, но тут же плюхнулся на землю.

– Кто вы такие? – спросил он уже на расстоянии, боясь спугнуть других.

– Мы – глухари. Птицы, – сказал один из них, с опаской поглядывая на него. – А ты кто?

– Я Сын Неба!..

Чёрные птицы зашумели, заливаясь в глухариную смеху. Потом, взмахнув большими чёрными крыльями, дружно поднялись над землёй и растаяли то ли за зелёными деревьями, то ли в синем небе.

Сын Неба носился по берегу, кувыркался, пытаясь подняться. Но снова и снова падал на землю. А на ней – камни. Они кололись и болью отдавались в теле.

Шерстистые тяжёлые лапы не походили на лёгкие и могучие крылья птиц...

Вдруг Сын Неба увидел ещё одного глухаря. Он махал крыльями, кричал, стонал.

– Что ты делаешь? – спросил его Сын Неба с удивлением.

– Видишь: пытаюсь высвободиться. Бревно тяжёлое. Придавило.

– А как ты под ним оказался?

– Оно не лежало, а было чуть приподнято. Под ним камушки, которыми мы, глухари, любим лакомиться.

– А-а!

– Не разглядел я, глупый, ловушку. Человек поставил.

– А это кто такой?

– Ты не знаешь человека?!

– Не знаю.

– Узнаешь!

– А для чего он вас ловит?

– Вот странный! Чтобы есть. На земле все друг друга едят...

– Значит, и я тебя могу съесть?!

– О, не надо, не надо! – замахал крыльями глухарь. – Будь добр, освободи меня!..

– Нет уж! Раз все едят друг друга – и я тебя съем.

Схватил птицу, разорвал на кусочки. Напившись горячей кро-

ви, насытившись пахучим мясом, он зашагал дальше. Но в сытой душе его вдруг зашевелилось что-то. Вспомнив про наказ отца не трогать ловушки, поставленные человеком, как-то неловко стало. Но приятное ощущение сытости взяло верх. Сын Неба зашагал быстрее, стараясь уйти подальше от своих неприятных ощущений и воспоминаний...

В одном месте зоркие глаза его остановились: перед ним стояла чудо-избушка. Не на земле она стояла, а на дереве. Толстый ствол кедра служил ему ножкой.

– Что это? – спросил он синичку, которая здесь летала.

– Лабаз, – ответила она.

– Кто его сделал?

– Человек.

– Опять человек? Да кто же он такой, если весь лес занял?!

– Ты что, не знаешь человека?! О-го!..

– А для чего ему этот лабаз? Что он, на дереве живёт?

– Нет, он живёт на земле. В земляном или деревянном доме. А в лабазе он хранит свою добычу. Чуешь, как пахнет сушеным лосиным мясом? А печень лосиная ка-ка-я-я!

И правда, ноздри так и щекочет вкусный запах. Хочется отведать... «Увидишь избушку на дереве – не трогай её», – выплывают в памяти священные слова отца. Вспомнив его завет не трогать сделанное чужими руками, Сын Неба возвращается назад, обходит четыре дерева, но его ноги снова почему-то идут в ту же сторону. Покружившись возле избушки, он не выдерживает и тяжёлой лапой выламывает лёгкую деревянную дверь, тянется к вкусной вяленой печени лося. Большой звериный язык его наслаждается волшебным вкусом пищи, сотворённой умелыми руками человека.

Насытившись, Сын Неба поплёлся дальше. День идёт, ночь идёт. Только почему-то в желудке начал крутиться, кричать ненасытный дух голода. Почему он так быстро пробуждается? Может быть, пищей, добытой другими, насыщаешься лишь на короткий миг? Может, чужая добыча даёт лишь запах, но не силу и здоровье?

Однажды на поляне, вокруг которой росли самые высокие деревья, Сын Неба увидел такую же избушку. Только она была понаряднее. Слюнки потекли от предчувствия вкусной еды. Побежал. Вскарabкался. Разломал дверь. Но вместо лосиного мяса обнаружил какие-то существа, напоминавшие духов, которых он видел на улицах небесных селений. Они также были разнаряжены в меха. И глаза у них, как застывшие льдинки. И сидели они вдоль стены, как мёртвые.

– Что это за избушка? – спросил он зайчика, скакавшего рядом.

– Это капище. Люди сюда приходят. Молятся. Приносят жертвы.

– Кому?

– Духам. Богам леса и воды, неба и земли... Вон их сколько, этих идолов, ещё на земле стоит.

И правда, вокруг поляны стояли деревянные чурбаны. Лица их напоминали лицо Торума, только были грубее, будто наспех вырубленные...

– И этим идолам поклоняется человек, который умеет приготовить такое вкусное сушёное мясо? Не верю! – промолвил Сын Неба, вздыхая.

– Не веришь? Напрасно! Ещё не то узнаешь!..

Рассердился Сын Неба, схватил зайца за хвост. И в когтистой лапе остался пушистый заячий хвост. Улизнул косою. С тех пор у зайцев лишь маленький хвостик торчит... Рассерженный Сын Неба разрушил капище, разбросал идолов и пошёл дальше.

А ещё через несколько дней холодным утром на холмике меж деревьев священный Сын Неба увидел какое-то странное строение, врытое в землю. Тяжёлой лапой разбросал брёвна. В срубе стояла лодка. В лодке лежало существо, похожее на небесного отца. Такие же лицо, волосы, руки. Только глаза закрыты. Он лежал, будто спал.

– Небесный отец мой, Светлый Торум! Почему ты лёг здесь?! Вставай! – взмолился Сын.

– К-хе! Нашёл тоже отца! – рывкнула Росомаха, появившаяся невесть откуда. – Это же мертвец! Умерший человек!

– Человек?!

– Он самый!..

– Такой смиренный?!

– Смиренный... Нашёл тоже... В могиле и ты будешь смиренным. А знаешь он какой?!

– Какой?!

– А такой! Узнаешь ещё! Бегать от него будешь, как чумной. А не убежишь – поймает. Вытащит сердце твоё, снимет шкуру. Голову на стол поставит. Будет извиняться перед тобой, что убил. Высокие слова станет говорить в твою честь, а меж тем будет лакомиться твоим мясом.

– Ух ты! – рассердился Сын Неба такой наглости Росомахи. Схватил её за пушистую шкуру – она под кусты. Убежала. Лишь клочок шерсти в когтях остался. С тех пор росомахи не так уж пушисты. И мех у них не мягкий, висит клочками, будто изодранный...

– Съесть меня? А почему я его не могу съесть? Тогда я первым съем человека...

– Вот это дело! – подбодрял дух голода, который уже крутился и вертелся в желудке. Своей пляской он затоптал слова высоких отцовских наставлений, вспыхнувшие на мгновение в памяти. Зычному крику желудка подчинились чуть покрытые шерстью руки, которые, хватая белое человеческое тело, превращались в звериные

когтистые лапы. И зубы выростали, превращаясь в длинные и острые клыки... Так Сын Неба стал медведем.

Сергей глянул на медвежий след, который петлял по снегу, в душе его молнией сверкнули видения этой сказки... Некоторые их считают нелепыми, даже глупыми. Когда-то и Сергей считал так же. Но с некоторых пор он изменил к ним своё отношение. В природе ведь нет ничего, что можно было бы приписать случайности. Законы природы, по которым всё происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же, а следовательно, и способ познания сути вещей, каковы бы они ни были, должен быть познанием законов природы. В сказках – живут представления людей о природе, о бытии. В них клокочут те же загадки и таинства, ставятся, порой очень остро, те же вопросы, что нередко возникают и в окружающей жизни.

А Сергей хотел не только познать таинственную жизнь своих предков, но и понять себя в этом сложном мире.

4

Музгарка лаяла. Она то бросалась со всей своей собачьей яростью в сторону, куда вели следы, то, жалобно взвизгивая, прижималась к ногам охотника, словно прося защиты...

Сергей и сам не знал, что делать. Ноги его будто онемели. Не мог шагнуть вперёд, и повернуть назад не было сил. А ведь всё совсем недавно казалось так просто: охота – прогулка, жизнь – весёлое путешествие по доброй и прекрасной планете Земля. Мечты остались витать в розовой дымке юности. Земля была под ногами. Каждый шаг по ней – испытание.

...И первое серьёзное испытание выпало ему в тот холодный осенний день, когда он сам пришёл к геологам и согласился идти с ними в тайгу рубщиком. И отправился Сергей не с ружьём в руках, а с топором. Древние манси тоже ходили в тайгу с топором, но в их руках топор гулял по деревьям лишь в случае великой надобности. Воткнутый за широкий пояс, он спокойно дремал, терпеливо ожидая, когда перед хозяином явится неожиданная преграда.

Теперь топор тоже был в руках у манси. Только он стал словно крылатым: с утра и до вечера летал и летал, срезая деревья на пути прямой и узкой просеки, которая именовалась геологами теодолитным ходом. Сергей рубил и большие, и малые деревья, не обращая внимания на своих новых старших товарищей. У каждого было своё дело и свой инструмент. Но главным инструментом здесь был теодолит. ещё со школьной географии Сергей знал,

что теодолит – это угломерный инструмент, с помощью которого делаются измерения на местности, для отображения земной поверхности на картах. Однако смутно представлял себе назначение и цель работы своих товарищей, которые оказались совсем не геологами, а геодезистами-топографами. Это первые люди, которые будят тайгу. По их следам пойдут геологи – разведчики недр. Они-то и скажут: действительно ли это гиблая и бесплодная земля, или есть в ней свои сокровища.

Бесплодной называли эту землю в старых книгах, которые валялись на чердаке интерната, в котором учился Сергей. Пропылённые, посеревшие от времени, с красивыми иллюстрациями внутри, они словно таили какую-то загадку жизни, канувшую в прошлое. Сергей больше всего любил те книги. В них было много рассказов путешественников о земле. В одной из них он прочитал печальные строки о своём крае. Тайга представлялась автору этого сочинения безмолвным лесом, где нет даже ни трав, ни птиц, ни насекомых. Углубляясь в лесную чащу, тот путешественник всегда испытывал ужас. Мрачной пустыней казалась ему тайга, где нет ни одного живого существа, лишь ветер проносится по вершинам деревьев, нарушая гробовую тишь.

«Жутко и угрюмо в урмане, – писал путешественник. – По обеим сторонам дороги высятся громадные сосны, ели, пихты и кедры, достигающие нескольких обхватов толщиной. В глубине чащи виднеются гигантские стволы упавших деревьев, гниющих там в продолжение многих лет. Кругом царит мёртвая тишина. Ни зверя, ни птицы. Разве только иногда где-нибудь, в глубине леса, прозвучит дятел, нарушая гробовое молчание, да скрип подгнившего дерева возмутит эту торжественную тишину, нагоняя тяжёлое уныние на душу...»

Тайга!.. Нет, это не безмолвный лес, не безжизненная и угрюмая чаща, где нет ни одного живого существа. Под сумрачными ветвями есть дёрн и трава, мох и ягоды. Есть мох и трава – есть и жизнь. Вот жучки ползают, ящерица юркнула и спряталась в корнях пихтача. Муравьи-работники куда-то спешат. Нет-нет да выпорхнет какая-нибудь пичужка, таёжная птичка-невеличка. И рябчик свистнет, и качнёт ветви лиственницы взлетевший глухарь. Струною звонкой звенит какое-то дерево от ритмичного стука дятла, и кедровка-ронжа о чём-то невозможном вещает таёжному миру. Тени деревьев лежат как мёртвые, если нет ветра. Тайга и правда угрюма. Но для Сергея она вовсе не печальна. Вот стоит пихта. Тонкое, высокое дерево. Кора у него гладкая, будто отполированная. Рядом с толстыми корявыми деревьями красуется она, как девушка, накинувшая на плечи лёгкую, прозрачную шаль. Её синева-

то-зелёная листва выделяется среди мрачных деревьев, которые к ней подступают. И зачем рубить такую? Хрупкое это дерево. Ничего не сделаешь. В костре даже не горит, а шипит. Стройная пихта своей синевато-зелёной листвой оживляет тайгу, красит её своим необычным светом. Она создана, наверное, для красоты.

В лучах скупого осеннего солнца, каким-то чудом пробившегося сквозь сумрачную листву, засверкало лезвие топора, и белыми птицами полетели щепки. Дерево, казалось, стонало, но продолжало упорно стоять. По гладкой коре скользнула прозрачно-янтарная капля смолы. Сергею на мгновение она показалась слезой. Но пляска топора не прекратилась. Ещё удар, ещё – и красавица пихта с шумом и треском повалилась наземь. Ещё одно дерево убрано с пути. Звенел топор Сергея, летели щепки, как подкошенные, валились и ползучая сосна, и можжевельник, и мелкий пихтач, и ельник. А по откосам холмов, по берегам таёжных ручьёв падали липа, клён, рябина, ольха, ива, осина, берёза и черёмуха...

Свалил он и лиственницу – священное дерево манси. На её ветвях старики развешивали белые и чёрные тряпочки – знаки жертв, принесённых духам тайги. Почему это дерево священное? Может, потому, что лиственница лучше других выносит и зимнюю стужу, и летние ночные холода, от которых другие деревья страдают больше, чем от мороза? А может, потому лиственница для таёжников священна, что она одна весёлой воздушной каймой окаймляет топкие болота, где надолго замирает жизнь?..

Но когда перед Сергеем могучим богатырём встал сам красавец кедр, рука его дрогнула. Как вкопанный замер он с приподнятым топором, не решаясь ни ударить, ни опустить своё оружие. Великаном стоял кедр среди тонких и чахлах деревьев. Что остановило Сергея? Может, богатырская стать этого дерева? Мягкую траву топчут люди, не задумываясь, а перед силой – склоняют головы. Не эту ли притчу он вспомнил? Но разве Сергей и его товарищи слабы перед каким-то деревом? Нет! Почему же он тогда оробел? Может, потому, что и это дерево для манси священно? Но Сергей комсомолец. А комсомольцы разве могут быть суеверными? И кто нынче придерживается отсталых обычаев предков?

Где-то на вершине, в колючей зелени ветвей сварливой бабой затараторила ронжа, и в тот же миг кто-то ударил Сергея по голове. Он отскочил от кедра, чуть не бросив топор. Оглянулся вокруг. Товарищей рядом не было. «Кто же так подшутил?» – подумал он, озираясь вокруг.

На вершине кедра тревожно затрещали ронжи, откуда-то слетевшиеся к этому дереву, словно почувствовали опасность, нависшую над их кормильцем.

Во мху, рядом с Сергеем, лежала большущая шишка. Он поднял её. Отщипнул смолистую кожуру, и на него взглянули крупные

зрелые орехи. И ему показалось, будто они просили его из своей колыбели: «Щёлкай нас, щёлкай, только батюшку нашего не вырубай!..».

Так вот оно что! В зелёной тени густых ветвей кедра – тяжёлые шишки. В шишках – сочные орехи. «Шишки есть – белка есть, белка есть – соболь есть, соболь есть – жизнь есть», – так говорят в тайге. Кедр – начало всех начал. Из кедра охотник может сделать широкие лыжи, и не страшны ему тогда глубокие снега. Выдолбит рыбац из цельного ствола лодочку – и покорятся ему широкие плёсы. Дерево это не коробится, не трескается, не гниёт. Белое и лёгкое, оно крепко и долговечно... «Стол из кедрa всегда полон яствами» – так в народе говорят. Хорошее дерево кедр. Зачем же его губить? Сергей ничего из него делать не собирается. Зачем зря портить такое добро? «Но ведь это дерево стало на пути просеки, – бегут по новой тропе мысли Сергея. – Оставишь кедр – остановится просека. Зачем тогда надо было её начинать, если останавливаться где-то на середине? Но кедр – для манси священен. Другие народы богаты и сильны железом. Лодки у них железные, нарты у них железные, крылья у них железные. И разве какой-то кедр для них что-то стоит? Только он может помешать их прямой и дальней дороге. Просека из-за него остановится. Не будет просеки – не будет карт. Геологам не пройти. Земля по-прежнему будет казаться гиблой и бесплодной... Хотя красив и вечен кедр – надо его рубить!..»

Засверкало стальное лезвие топора, белыми птицами полетели щепки. Стонало вековое дерево, кричали растревоженные ронжи, из густых ветвей выскочила белка и стрелой полетела на ветку соседнего дерева. А таёжное эхо повторяло и стук топора, и плач кедровок. Где-то далеко-далеко проухал одинокий филин. Молнией сверкнул, затрещал таёжный богатырь и грохнулся наземь. Тайга стонала, не понимая, что происходит вокруг.

Сергею стало страшновато. Ему чудилось, что за ним из-за деревьев наблюдают духи. Они, недовольные, готовят ему кару. И в то же время он ругал и стыдил себя в душе, что он, комсомолец, поддаётся каким-то диким суевериям. Отгонял свои мрачные мысли. Но, боясь за себя, за свои сомнения, рубил ещё сильнее, стараясь заглушить страх. Было ему нелегко. Хотя он – комсомолец, но вековые традиции мансийской тайги, навеянные в детстве рассказами Илья-Аки и всей его отшельнической жизнью, давали себя знать.

Илья-Аки... Частенько он брал маленького Серёжу к себе в юрту. Юрта эта будто состояла из игрушек. По стенкам висели рыболовные снасти, ружьё, лук с колчаном. Ружьё было кремнёвое. К нему привязаны отвёртка, гайки, свистулька для приманки рябчика. Главным среди этих вещей был каменный божок. Знал Сергей: без него удачной охоты не будет. Из-за него боялся прикасаться к

ружьё. А так хотелось!.. Зато он без всякой боязни брал в руки лук с тугой тетивой и колчан из кожи оленя, в котором были стрелы с железными острыми наконечниками самых разных размеров и фигур. Одни наконечники напоминали вилки, другие ножи, третьи были с зубцами. Сережа знал назначение каждой стрелы. Те, что в виде ножа, для зверя, стрелами с зубцами бьют рыбу, когда она плещется в траве во время метания икры. Деревянной стрелой с шаром глушат белку... Много стрел было у деда. Много игрушек. Только не со всеми можно было играть. Серёжа знал, что в сундуке, что стоит в углу дома за потемневшей занавеской, есть священные стрелы. Их вынимают только тогда, когда нужно обратиться к богам с молитвой о помощи на промысле. Серёжа с Илья-Аки частенько бывал на промысле. Там тоже всё волшебное. Особенно у лесных озёр, где ловились жирные золотистые караси. Уха из карася вкусная. Только там чуть-чуть жутковато. На тёмном зеркале воды лежало и светлое небо, и мрачный безжизненный лес, раскинувшийся на сияющей глади уродливые ветви елей и сосен...

Ночь... Тишина. И вдруг в этой мёртвой безжизненной тишине раздаётся пронзительный стон гагары. Вспугнутая неслышным всплеском подъехавшей лодки, она бросается с кочки в воду, точно злой водяной дух. Стоит зануть одной, как закричит другая. Мгновение – и воет весь лес, стонет диким голосом озеро. А иногда ночную тишь нарушал филин. То залает, словно собака, то разразится диким хохотом, то заплачет, как малый ребёнок...

В такие минуты Серёжу охватывал страх, он весь съёживался в комочек... Илья-Аки ругался на богов, говоря, что разве им мало внимания. Тут же кидал в воду монеты или отрывал с одежды пуговицу, ниточку или шерстинку, бросал в сторону ближайшего берега, выказывая духам своё почтение. Как и Илья-Аки, Сергей тоже думал, что в образе гагары или филина скрываются злые духи, которые только и ждут, чтобы как-то помучить человека, чтобы выманить у него жертву. В лесу Илья-Аки всегда смолкал, становился сосредоточенным. Он шёл так, что почти не слышно было его шагов. И говорил он шёпотом, таинственно объясняя внуку, где какой дух может обитать, кому нужно поклониться, оказать своё человеческое почтение. Часто на дереве он вырезал свою тамгу или вырубал несколькими взмахами топора лицо лесного божка с длинным носом, прося его помочь на охоте, а то на стволе большого дерева делал изображение самого медведя, приговаривая:

– Образ ребёночка, нашего лесного дитяти, вырубим на этом дереве. Пусть смотрят прохожие люди, как мы любим его.

Потом он объяснял внуку, что рубит это не для себя, а для Серёжи. Ему пусть улыбнётся охотничья удача. Если человек, рубя изображение зверя на дереве, думает о себе, удачи ему всё равно не

будет. Следом за ними пройдёт по лесу Мирсуснэхум, всевидящий дух, первый помощник верховного бога Торума, и снимет с дерева это изображение, чтобы неповадно было думать только о себе. У такого охотника уже никогда не будет удачной медвежьей охоты!.. Вытесав на стволе дерева шестиногого медведя, Илья-Аки скажет, глядя мечтательно вверх:

– Мирсуснэхум! Ты всевидящий, смотри! Я вырубил шестиногого ребёночка. Видишь, как он нас любит! На шести ногах стремится к нам. Мой внучек, нет, не побежит. Ни на шести ногах, ни на двух. Он, владеющий мастерски луком и стрелами, достойно встретит своего лесного братца! Мирсуснэхум! Лесной братец пусть осчастливит его охотничью дорогу!.. А я ему помогу...

Всякое бывало на охоте. Иногда не везло. Илья-Аки бросал стрелы – глухари спокойно поднимались в небо. Метал копьё – зверь ускользал. Даже бескрылая белка и та приплясывала на ветке после очередного неудачного выстрела Илья-Аки. Тогда он останавливался, задумывался, стараясь догадаться: за что его мучают так, что сделал не по-человечески, кому от него что нужно?.. И, не теряя времени, пытался отделаться от внимания злых духов, кинув под дерево монету серебряную, посыпав табачку, повесив на ветку шкурку белки. Бывало так, что ничего у него с собой уже не было. Тогда Илья-Аки бросал под дерево свой последний охотничий нож... Зато после этого, чуть поругав назойливых духов, чувствовал себя независимым и благоразумным. Пропадала забота. Снова появлялись спокойствие, уверенность. Охота после этого действительно была почти всегда удачной. В такие минуты Илья-Аки запевал песню, восхвалял свою стрелу и лук, и доброго духа, который подарил ему ценного зверька и весь этот чудесный лес с его священными лиственницами, кедрами, берёзами, елями, в которых нередко живут души умерших людей, богов, всю эту щедрую тайгу, населённую духами в виде соболей, белок, куниц, орлов, бобров, медведей, лосей, оленей, выдр... Он пел о небе, где живут высшие боги, пел о земле, где рядом с настоящими людьми уживаются твари, пел о воде как о вечно льющейся, неиссякаемой жизни, пел о мироздании, в котором всё одухотворено, где всё вечное, переходящее из одного состояния в другое, о слабом человеке, песчинке в этом огромном и сложном мире... Серёже было страшно. Он тоже себя чувствовал частицей этого мира. И его детская душа была соткана из этих ощущений, из картин то дикой, то пугающей, то прекрасной природы...

И когда он рубил кедр – священное дерево манси – ощущения детства вновь ожили в нём. Но он рубил и рубил, стараясь отогнать от себя эти мысли. Ведь он окончил среднюю школу. Аттестат зрелости в руках. Было нелегко. Но он рубил просеку. Для него эта просека была не только визиркой, по которой его товарищи,

геодезисты-топографы, с теодолитом будут измерять местность, чтобы нанести всё на карту. С каждой щепкой, может быть, отлетали языческие представления, навеянные таёжным детством. Прорубив по намеченной линии до болотца или другой открытой местности, он обычно отходил назад и любовался прямым и стройным просветом в дремучей тайге, который сделал своими руками. Созерцая этот зелёный просвет, он думал о жизни, о своей дороге в ней. Эта просека представлялась ему то первой тропинкой к своей мечте, то дальней дорогой к разгадке тайн земли, её невидимых сокровищ.

5

Сергей как сейчас помнил тот день, когда он сидел с новыми людьми у костра.

Плясало пламя, летели искры. В тёмном осеннем небе золотыми оленями бродили звёзды. С таёжной речки – вечной говоруньи – несло сыростью и прохладой. А от костра – большого и яркого – веяло теплом и запахом варёного глухаря. Совсем как на охоте. Но не о глухаре и соболе говорили у костра.

– И что занесло вас в эту дыру? Никак не пойму, что вы ищете?! – говорил человек с рябым лицом, со шрамом на щеке, с удовольствием потягивая из большой прокопчённой кружки крепко заваренный чай, который он называл чифиром. – Я бы по собственной воле... Делом бы настоящим занялся.

– Что ищем? Каждому своё, Ермолаич. Кому – романтика, кому – нефть, – отвечал не то шутя, не то серьёзно широкоплечий бородач, подбрасывая в костёр сушняк.

Борода у него была густой и рыжей. Только серые глаза, в которых иногда загорались озорные огоньки, говорили, что он ещё очень молод.

– Какая тут нефть! Гиблое место. Во все времена Сибирь была каторгой. Покусили вас комарики? А вот наступит мороз – будет вам тогда романтика, – продолжал тот, которого бородач называл Ермолаичем.

Из этого разговора Сергей узнал, что сибирскую нефть ищут давно. Ещё в начале века охотники и путешественники не раз заявляли о признаках нефти на Иртыше и Оби. Но первые же партии изыскателей убеждались, что за нефть принимали обильную плёнку железа, расплывшуюся по воде.

Да, Сергей в детстве видел такую плёнку в болоте, где росла краснощёкая морошка. Вода там была всегда ржавой, покрытой радужно-золотистыми обводьями. Это и называли ребята нефтью. И Сергей так же думал. Не все верили, что в суровом таёжном краю

есть нефть. И всё же поиски её уже начаты. Сергей слышал, что и в других местах появились отряды геологов. По всей бескрайней тайге побежали просеки и визирки, а кое-где над вековыми деревьями поднялись железные великаны – буровые вышки.

Внимательно Сергей присматривался к своим новым товарищам. Они, как охотники, всегда были в дороге. Только говорили не о мягком золоте, а о чёрном.

Когда Сергей вслушивался в их споры, перед ним вырисовывалась уже довольно длинная, но не совсем ещё ясная история поисков нефти, которая так волновала этих людей, будто они заморожены какой-то ещё неведомой Золотой богиней.

– Пу-пу! – кричал Венька, выскочив на просеку из-за вывороченного корня кедра. – Ты убит.

– Нет. Я тоже выстрелил. Значит, оба ранены. Квиты, – отвечал Серёжа, пробираясь сквозь заросли вдоль оврагов. Он только что полз от куста к кусту, чтобы незаметно подкрасться к противнику.

Наверно, смешно смотреть на этих парней со стороны. Почти, можно сказать, мужчины. А разыгрались в «пу-пу!». «Пу-пу!» – это игра в войну. В интернате все ребята играли. И Серёжа почти до восьмого класса состязался с товарищами в зоркости и осторожности, меткости и находчивости, играя в разведчика, рядового бойца, командира.

– А мы играли чуть по-другому. Давай по-нашему, – предложил Венька. Он жил и учился в детдоме, в соседней деревне. У мальчишек военных лет, где бы они ни жили, была одна игра...

– Что ты?! Может хватит? Потеряли там, наверно, нас, – проговорил Сергей с беспокойством.

– Так уж и потеряли. Обеденный перерыв ещё не кончился. Они, наверно, опять «жарятся» в карты. А мы отдохнуть не должны, что ли? Может, тогда пойдём в шахматы сразимся?!

В шахматы состязались они каждый вечер. А в «пу-пу» только сегодня, в первый раз. И то получилось как-то само собой. Овраг, поросший кустарником, просека, ручей, вывороченные корни деревьев... Прячься, подкрадывайся, бери живьём, стреляй...

С Венькой Серёже было хорошо. Он тоже нынче окончил школу. И вот вместе они работают в геодезическом отряде. К тому же одноклассники, хотя, если быть точным, Венька не знал дня своего рождения. Когда привезли его из блокадного Ленинграда, было ему четыре года. Он помнил только своё имя. Фамилию пришлось ему придумать. Никаких документов при нём не оказалось. Назвали Венькой Ленинградским. Вспоминал он маму, папу. Говорил про какую-то тётю Лену. Знал, что мама врач, а папа – геолог. Он был далеко-далеко, в какой-то сказочной Сибири. Искал там нефть. Потом с фронта приходили письма. Венька помнит, как мама их читала. Она почему-то плакала... Потом наступила сырая и тревожная

ночь. Веньку рвало от какой-то страшной качки. За бортом бились свирепые волны и ревел ветер. В маленькой каюте, кажется, плыл весь Ленинград. Только мамы рядом не было. Была только тётя Лена... И она в ту ночь потерялась. Только не в Ладого, а уже на спасительном берегу, когда земля стонала под взрывами... Дальше было как во сне. Долго-долго летела куда-то земля, пока не превратилась она в морозную зиму, с тихим-тихим снегом.

Тётю Лену заменили воспитатели. Маму и папу никто не заменил. Зато у него стало много-много братьев и сестёр. И дом у Веньки был большой-большой. Назывался он детдомом. Стоял на высоком берегу среди тихих кедров. Из разрисованного морозом окна была видна снежная даль реки. А весной здесь играла большая вода. Она плыла до самого горизонта и, казалось, там превращалась в высокое небо. Среди этого свинцово-синего моря воды плескались желтовато-зелёные островки тальника. К осени, когда уходила вода, они превращались в острова, где такая чёрная и сочная смородина. А на песчаных косах чернели утки, а в небе тянулись ожерелья гусиных стай. На кедрах созревали шишки. В шишках орехи, жирные, вкусные. А под кедрами земля, то зелёно-красная от брусники, то зеленовато-голубая от голубики, то зелёно-чёрная от каких-то чёрных ягод, которые ребятишки называют собачьими. А грибам в тайге той нет числа. Они всюду стоят, склонив набок тяжёлые головы, будто умоляя снять... А зимой летят с горы санки, скользят по снегу лыжи и мечутся нескончаемой метелью звонкие школьные дни.

До седьмого класса Венька мечтал быть офицером. Может, потому, что, играя в «пу-пу», ребята нередко избирали его командиром. Только жаль, что не было настоящей офицерской формы. Фуражка со звездой. Китель. Золотые погоны. Мечта!..

Но в седьмом классе он вдруг получил письмо. От тёти Лены. Она как-то его разыскала. Как и прежде, она жила в Ленинграде, куда вернулась сразу же после блокады. А тогда в Новой Ладого, при выходе на берег из канонерской лодки, на которой, оказывается, выбирались из осаждённого города, она была контужена. Те адские взрывы снились потом Веньке во сне. В длинных и обстоятельных письмах она рассказывала племяннику не только о тех трагичных и страшных днях, но и о маме и папе, даже о дедушке и бабушке. Мама погибла при взрыве бомбы, которая угодила в госпиталь, где она работала. Папа пал смертью храбрых, защищая родной город. Осталось от него завещание, в котором он, желая сыну расти большим и сильным, просил быть достойным своей великой Родины, продолжив незавершённое дело отца. Он оставил сыну какие-то карты, чертежи. Просил его разыскать в Сибири буровую, добурить скважину, бурение которой было прервано войной. И дедушка, оказывается, искал в Сибири нефть. Ещё до рево-

люции. От него остались будто интереснейшие письма. Тётя обещала всё это передать Веньке, когда он подрастёт и приедет в Ленинград. А пока она кратко пересказывала их содержание. Даже по этому краткому пересказу видно было, какую интересную жизнь прожил дедушка. Он был учёным, геологом, путешественником. И погиб где-то за Уралом, в тайге, у большой реки.

Письма тёти, которая обещала приехать и взять его к себе, как только поправится (она, видно, была тяжело больна), перевернули все мечты Веньки. Он стал теперь с жадностью читать книги, где говорилось о геологах, не пропуская ни одной статьи, связанной с этой профессией, ставшей казаться ему в высшей степени романтической и необыкновенной. У него теперь была ясная цель: стать разведчиком недр, выполнить завет отца и деда.

На территории детского дома в небольшой избушке жила ночная няня. Её сын каждое лето ходил с геологами на Полярный Урал, где они искали хрусталь и ещё какие-то полезные ископаемые. С жадностью вслушивался Венька в его длинные, как зимний вечер, рассказы. Насколько правдиво говорил он, неизвестно. Но из его рассказов складывалась очень заманчивая жизнь, полная приключений. Это ещё больше подзадоривало. Скорее хотелось ему окунуться в эту романтику...

Но вдруг тётя почему-то перестала писать. Сначала Венька долго и терпеливо ждал. Может, почта виновата. Или распутица северная, которая порой затягивается на месяцы. Но прошла распутица, настало лето, поплыли пароходы, а писем всё не было. А его послания стали возвращаться назад. Тогда по совету старших он написал в домоуправление. Оттуда ответили, что тётя Лена внезапно умерла, ещё зимой. После окончания десятого класса Веня поехал в Ленинград, чтобы разыскать завещание отца и письма дедушки. Но в той квартире уже жили другие. Они сказали, что когда переехали, ничего здесь не было, кроме старых газет и хлама, который выбросили на мусорную свалку. Венька не плакал. Хотя обидно было до слёз. И, не увидев даже Невы, Эрмитажа, он в тот же день сел на поезд – и снова в Сибирь, горя надеждой найти завещанное самому. В Берёзове он устроился в геофизическую экспедицию рабочим топотрядом. И – в тайгу.

Здесь он и встретился с Сергеем Лугуем. Темой их бесконечных бесед и споров нередко становился вечный вопрос: «Кем быть?»

И это понятно: у обоих в кармане аттестат зрелости. Не вечно же им махать топорами да бродить по тайге рядовыми рабочими топотрядом? Если они и пошли сюда – то у каждого, как им казалось, были довольно веские причины. Серёже хотелось нащупать след «Золотой бабы», а Веньке – найти ту самую буровую скважину, которую не добурил его отец.

Как писала тётя, кратко передававшая завещание отца, эта бу-

ровая находилась на берегу озера, напоминающего девичье имя Ира. В нём однажды рыбаки выловили вместе с рыбой траву, пропитанную нефтью. В этом глухом краю никогда никаких моторов не было. Значит, нефть из-под земли. Потому-то и начали там бурить. А находится это озеро в верховье таёжной реки. Какой? Неизвестно. Их в этом краю – сотни, а озёр – тысячи.

Искать! Каких бы трудов ни стоило! И – найти. А потом – учить-ся. Но вот в какой институт?

Венька доказывал, что настал век физиков и геологов. И никакие историки, философы, лирики не могут с ними тягаться.

– Физик! Сегодня это же бог! – восклицал он. – Изобрели ядерную бомбу. Сверхзвуковые самолёты. Скоро, быть может, в космос полетят ракеты. А кто творит эти чудеса? Век технической революции настаёт. Ты что, против революции? Если бы не завещание отца – и я бы в физики подался. Девушки наши в технические вузы махнули. Даже из них мало кто в педагоги пошёл. А ты... А быть геологом разве плохо?! Искать! Найти! Сделать открытие! Открыть тайну не какой-нибудь там призрачной «Золотой бабы», а месторождение настоящего чёрного золота! Это не только топливо! У Менделеева прочитал. Между прочим, этот знаменитый старик, оказывается, наш земляк. В Тобольске родился. И он предсказывал нам сибирскую нефть. Может, и моему деду помогал снаряжать экспедицию. А вдруг эту нефть открою я? Каково будет, а?!

Сергею трудно было возражать. Всё это он по-своему понимал. Но казалось, что это не по нему. К тому же...

– Знаешь, о нашем народе ничего не известно. Сколько ни читал. И всё... Историей своего народа займусь.

– Разве у твоего народа есть история? Мы же учили: у малых народов родовой, первобытнообщинный строй.

– И всё же – кто мы такие? Почему народ наш маленький, а сказки большие? В них сколько событий, приключений, борьбы!.. А «Золотая баба»?! Вот уже шестьсот лет дразнит любознательность людей... Некоторые учёные предполагают, как написано в газете, что она была вывезена из Рима в четыреста десятом году, когда с племенами готов громили Римскую империю варвары, в числе которых были угры – предки современных манси и ханты. Четыреста десятый год... Почти шестнадцать веков... Разве это не интересно?

– Эти увлекательные рассказы, может быть, придумали писатели, газетчики и прочие бумагомаратели...

– Вот и хочу установить, насколько это соответствует действительности.

– И кому будет легче от этого?

– Мне.

– Что ж, может быть, ты и прав. Спорить не собираюсь. И всё же... геология – вот это да! Не только романтика, но и нефть, газ...

Вот что! Давай махнём в Свердловск. Там, говорят, есть горный институт! Я хочу стать геофизиком... Ты знаешь, что такое геофизика? Это – физика земли. Наука о физических свойствах земли. О физических процессах, происходящих в ней... В энциклопедии написано. Почти наизусть вызубрил. Наука эта молодая. Возникла в середине прошлого века. Хотя ещё Ломоносов пытался «слушать землю». Ты вникни в это сочетание слов: «слушать землю». Романтично ведь, а?! Зачем мы рубим эти просеки? За нами пойдут сейсмологи, будут «прощупывать земную кору» взрывами. Серьёзная наша работа. Это тебе не топориком махать! Может, в сейсморайон двинем? Им ведь тоже нужны рабочие... Во, идея!.. Как это я раньше не додумался?!

Кем быть? До встречи с Венькой было ясно – он поедет всё-таки учиться на историка в Ленинград. А теперь? Теперь он был в сомнении. Но одно ему было известно точно: впереди у него большая и ясная цель – у ч и т ь с я!

Но сначала ему хотелось найти «Золотую бабу».

6

Всё дальше и дальше от большой реки уходил геодезический отряд. Дремучий урман сменялся то болотами с карликовыми сосенками, то озёрами с топкими, замшелыми берегами, то узкими таёжными речками, одетыми в пышную зелень кедровых и еловых рощ. В песчаных отмелях речек оставлял свои следы хозяин тайги – медведь, из густых еловых ветвей нередко выпрыгивала рысь, а в осеннем мареве болот каменными изваяниями стлыли лоси. Эти неброские таёжные картины Сергей наблюдал почти каждый день. Сюда, в эту зауральскую тайгу, вели все легенды о «Золотой бабе».

Сообщения о ней вновь появились в местной газете, которую, хотя и не регулярно, всё же привозили в отряд. Вот что в ней говорилось.

«Легенда легенде рознь. Многие из них возникли в уютном пересказе увлекательных книг, а потом оказались «привязанными» к определённом месту. Другие – просто сочинены фантазёрами. Года три назад, размышляя над историей «Золотой бабы», мы обратили внимание на интересную деталь: на независимость источников легенды. Обычно удаётся проследить цепочку: один автор списывает легенду у другого или пересказывает её. Здесь этого не было. По крайней мере четырьмя совершенно разными путями люди узнавали о «Золотой бабе».

Первый раз ещё в XIV веке новгородские летописцы узнали о ней от монахов, ходивших в Пермь насаждать христианство.

Второй раз о статуе были получены более подробные сведения от служилых людей московского царя, которые в XVI веке составляли «дорожники» – описания торговых и военных путей русской земли, первую отечественную географию. Кто-то из пленных русских воинов, попав в Польшу, рассказал о «Золотой бабе» краковскому профессору Матвею Меховскому. С этого времени все карты и описания России, изданные в Западной Европе, – Вида, Мюнстера, Меркатора, Дженкинсона, – повторяли это сообщение.

Но был третий источник, избежавший влияния шума, поднятого в XVI веке. Это – Сибирская летопись, рассказывающая о завоевании сибирского царства Ермаком, которая была написана Семёном Ремизовым. Один из атаманов Ермака по имени Иван Брязга, спускаясь вниз по Оби, дошёл в 1582 году до Белогорья, где Обь сливается с Иртышом. Здесь он вступил в бой с племенами, объединившимися для защиты своей главной святыни – «Золотой бабы». Брязга получил какой-то выкуп, может быть – часть сокровищ, но самой статуи не видел. Летопись сообщает, что видел её лазутчик, посланный Брязгой в стан местных жителей. К этому в летописи есть даже картинка. В 1584 году в жертву статуе был принесён панцирь, снятый с тела убитого Ермака.

Уже в XVIII веке в зауральские края попал ещё один грамотный человек, киевский полковник Григорий Новицкий, сосланный в Тобольск за участие в измене гетмана Мазепы царю Петру Первому. В 1712 году Новицкий был послан на реку Конду следить за тем, чтобы обращённые в христианство местные жители – манси – не поклонялись старым богам. Новицкий передал нам вполне независимые от других авторов сведения о том, что где-то на Конде до сих пор служители в красных одеждах тщательно прячут от всех свою главную святыню – «Золотую бабу», которая кричит, «как дитя». Статуи Григорий Новицкий не увидел: его вскоре убили.

Позже на Конду, рискуя жизнью, приходили этнографы, охотники, краеведы, в частности, путешественник Носилов. Древний обычай тяготел ещё над местным населением, тайные тропы, ведущие к святыням, охраняли взведённые самострелы. Носилов услышал ложные, заматающие следы, рассказы, что «Золотую бабу» унесли куда-то на север. Три года назад, поверив Носилову, мы предлагали искать статую на полуострове Таймыр. Одна из статей была опубликована в газете «Комсомольская правда». Самолёт доставил газету на Конду. И здесь нашёлся школьник Алексей Сургучев, который написал в редакцию, что его отец, манси, видел древнюю статую как раз в тех местах, на которые указывали «дорожники», Сибирская летопись и рукопись

Григория Новицкого «Описание о народе остяцком». Туда срочно выехал археолог, который собрал подробные сведения, хотя до указанного местными жителями пункта дойти не смог.

То, что видел отец Алексея, – это огромная статуя, изображающая женщину, видимо, каменная, что само по себе удивительно, – кругом на тысячи километров нет таких скульптур. Она ли называлась «золотой» или где-то рядом была спрятана настоящая золотая статуя – ещё неизвестно, так как никому из учёных пока не удалось побывать в этих краях, которые почти недоступны летом – там дикая тайга и болота, зимой же надо идти на лыжах без дороги, и легко пройти мимо. Говорят, большая статуя сейчас повалена.

Мы не сомневаемся, что в самое ближайшее время новые исследования принесут разгадку древней легенды...»

В минуты отдыха, устроившись на мшистом пеньке или на только что сваленном дереве, Сергей предавался своим размышлениям о «Золотой бабе». Скучные газетные строки обрастали мыслями, догадками. Видения прошлого витали над ним. Порою мерещилось, что всё это видел сам. Вспоминал, как побывал ещё мальчишкой в «святом урочище». Старики пошли туда, когда соболя совсем не стало. Принесли духу тайги жертвы и попросили его вернуть в мансийскую тайгу чёрного зверя, без которого оскудела охотничья тропа. А то святое урочище было недалеко от деревни, на острове, где среди обыкновенных таёжных деревьев могучим великаном возвышался кедр. Ему-то и поклонялись старики.

Старые манси и теперь отвешивают поклон огню и воде, камню и дереву. Нет-нет да и вспомнят и о Сорни-най.

Необычайный интерес людей, живших давным-давно, к вековой тайне его сумрачной земли, обострял внимание Сергея к окружающему миру. Он присматривался к деревьям, выделявшимся чем-нибудь, в камнях искал очертания той загадочной богини, в крике птиц порой ему чудился плач «Золотой бабы».

Однажды ему показалось, что он у заветной цели, к которой многие стремились веками.

Это случилось в верховье безымянной речки. Она вытекала из ржавого и топкого болота. Посреди болота зеленела роща. Издали Сергею она показалась женщиной с ребёнком на руках. Как в одной из версий легенды. Над зелёным венцом её золотились лучи заходящего солнца. Только была она не нагой, как в легенде, а в цветном платье. Наверно, это берёзки и осинки, которые окаймляли рощу, делали её одежду яркой и пышной. А стоявшие вокруг высокой лиственницы, они смотрелись издали строгим орнаментом на платье. Вечерний ветерок приносил с островка какие-то странные звуки. Они были не похожи ни на лепет листьев, ни на

шум хвои. Когда ветерок усиливался, звуки становились громче. Тогда они напоминали звон колокольчика на шее оленя-вожака. Но стоило ветерку замереть – замолкали и звуки. Таинственные звуки, необычный вид острова среди непроходимого болота неожиданно уверили Сергея, что именно в таком месте могли укрывать «Золотую бабу» от постороннего взгляда.

На другой день работа никак не клеилась. Визирка, которую Сергей вырубал, не хотела идти дальше. Душа его была уже там, на острове. Но как до него добраться?

Пробовал пройти – чуть не утонул. Хорошо, что рядом были кочка и бревно, занесённые тinou. Они спасли Сергея. Присмотревшись, заметил, что к островку тянется редкая цепочка таких кочек. Но пройти по ним было невозможно.

Островок так бы и сохранил свою тайну, если бы не лыжи, которые нашёл Сергей во мху под ветвями поваленной бурей ели, что красовалась когда-то у кромки болота. Лыжи были широкие, непохожие на те, на каких ходят по снегу. Не трудно было догадаться, для чего они предназначались. Теперь уж Сергей был совсем уверен, что перед ним «священное место». Но здесь ли капище «Золотой бабу»? А может, это обыкновенное «святое урочище», каких немало на Севере? И к чему ему, манси, покушаться на святое святых предков, которое так берегли?

Впервые у Сергея вспыхнуло такое чувство. Может быть, потому, что раньше всё было только преданием, легендой. А теперь это рядом. Стоит только пройти – и там Сорни-най, та самая «Золотая баба», которая волновала умы людей далёких эпох и сейчас не даёт покоя.

– Что ты делаешь? – раздался хриловатый голос, когда Сергей из-под сухих ветвей и мха вытаскивал вторую лыжину. Он вздрогнул. Перед ним стоял Ермолаич.

– Вот там... «Золотая баба»! – пролепетал Сергей, точно испуганный ребёнок, показывая в сторону островка.

– «Золотая баба»? Та самая, что в газете?.. А не врешь?! – настойчиво допытывался Ермолаич.

– Может быть... Точно не знаю... Наверно, святое место...

– А ну, давай лыжи!

Сергей ещё не видел Ермолаича таким. Глаза его заблестели. И весь он как-то преобразился. Рубил визирку не так. Чаще казался усталым, вялым. А сейчас будто его подменили.

– Чего ты словно тетеря? Становись и ты! – указывая на лыжи, кончики которых торчали из-под сушняка, приказал Ермолаич.

Хотя лыжи были и широкими, но под грузным Ермолаичем вязли. Он их еле вытаскивал из шипящей топи.

Сергей пошёл по цепочке кочек. Здесь место было более твёрдое. Его примеру последовал и Ермолаич.

Когда добрались до острова, Ермолаич приказал держаться сзади. Сам он шёл осторожно, прислушиваясь к шуму деревьев. А шум этот был действительно необыкновенным. В шелесте хвои и листьев иногда что-то словно позвякивало. И это ещё больше настораживало. Ведь и в легенде говорилось: «Золотая баба» то кричит, как дитя, то звенит колокольчиком, предупреждая, что она близко и к ней, священной, не следует подходить. Сергею было то жарко, то знобко. Колени слабли. Спотыкался на каждом шагу. Его охватил какой-то неведомый страх.

В нём снова ожили видения детства. И глуховатый голос старика Ильли-Аки, казалось, шуршал где-то у ног и просил не идти дальше. А другой, книжный голос, твердил обратное. Ноги спотыкались. И всё же он шёл вперёд по ещё приметной тропинке, петлявшей между деревьями. Рядом с ней зияли глубокие ямы, заросшие зелёным ельником, травой, мхами. Из ям торчали колья, какие-то острые железяки, даже ножи на древках, покрытых кое-где мхом.

– Осторожно! Самострелы! – предупредил Сергей Ермолаича, который почему-то ускорил шаг и стал ещё беспокойней. Про самострелы рассказывал тоже старик Ильля-Аки. Они бывают только на самых больших «святых местах», где самые именитые боги манси.

– Какие ещё самострелы?! – буркнул Ермолаич.

– Обыкновенные. Лук. Стрела с кованым наконечником. Медведи, лоси от них даже падают.

– Да?! – удивился Ермолаич, озираясь вокруг.

– Может, самострелы ещё не сгнили. Тетива у них из лосиных жил, просмолённая.

– Дикость!

– Может, вернёмся? – вырвалось вдруг у Сергея, который теперь почему-то пожалел, что сказал Ермолаичу про «Золотую бабу».

– Э-эй! – протянул тот, обернувшись к нему. – Трусишь. Не выйдет.

Он приказал вооружиться палкой и идти впереди. Сергей хотел возразить. Но Ермолаич так резко взглянул на него, что Сергей сразу понял: спорить бесполезно. Длинным шестом, который нашёл тут же в траве, стал бить по каждой ветке, тянувшей колючие лапы к тропинке. Если самострел поставлен, то стоит лишь тронуть ветку, как зазвенит тетива лука, полетит оперённая стрела... Не зазвенела тетива лука, не полетела оперённая стрела, не «ожили» и колья в тёмных ямах, как бы Сергей ни ворошил их. Слетали с древков поржавевшие ножи. Истлела и тетива луков. И всё же Сергей шёл осторожно. Следом за ним – Ермолаич. Сергей чувствовал на спине его взгляд.

Наконец тропинка из-под тёмных ветвей выскочила к светлой

полянке. Посреди поляны «упиралась в небо лиственница». Так говорят про высокое дерево в сказках. Эта лиственница действительно была сказочной. Сергей такого дерева ещё не видывал. Толстое-претолстое, втроем не обхватишь.

На ветвях, похожих на корявые руки великана, висели и рога оленей, и черепа лошадей, и какие-то чаши, и стрелы с железными и костяными наконечниками. На ветках мотались истлевшие кусочки каких-то шкур, тряпочек. На одном из них в лад с ветерком позванивал колокольчик. Под деревом валялись котлы, поржавевшие вёдра, причудливые изделия из рогов, бутылки, каких Сергей и не видывал. Местами дерево было обито жостью. На вершине чернело гнездо какой-то большой птицы. Вернее всего, орлиное. Орёл – птица священная. И дерево, на котором вьёт гнездо, тоже священное. И на стволе такого дерева не просто узоры вытесаны топором, а «священные знаки жизни». О жизни волшебной и обыкновенной, наверно, говорят эти узоры. Некоторые из них напоминали знаки, которые Сергей видел на дощечках Ильи-Аки. Старик пытался его учить. Сергей тогда посмеялся над ним. Разглядывая почерневшие от времени зарубки на очищенной стороне лиственницы, он теперь старался хоть что-нибудь вспомнить и угадать назначение узор.

Один из них показался ему знакомым. Грубо вырубленные штрихи напоминали «лягушку» – собственный знак старика. У него он был отлит из меди. Он «рисовал» его и просто на дереве, и на своих вещах. Но это был не только «катпос» – знак руки, который ставил он на вещах и на русских бумагах. Для него он был священным амулетом, образом мифического предка. Илья-Аки не раз рассказывал миф о том, как от лягушки произошёл его род.

Старик гордился своей медной лягушкой. Иногда он пел какое-то сказание в её честь. Этот медный амулет на первый взгляд совсем не походил на лягушку. Какие-то изломанные линии, штрихи. Они напоминали «бесмысленный» орнамент, которым женщины украшают свои шубы и платья. Но, присмотревшись внимательней, можно было увидеть и длинные задние ноги, и лапы с растопыренными пальцами, и короткую, чуть изогнутую спину и голову... Такой же орнамент был вырублен на стволе этой лиственницы.

Ниже был орнамент, похожий на щучью челюсть. Чуть правее узоры напоминали то ли соболя, то ли ещё какого-то таёжного зверька. Летели по стволу крылатые рога лося. И маленький тетерев сидел, склонив набок головку. Больше всего на стволе лиственницы было узоров медвежьих лап. Такая же пятипалая лапа вырезана и на рукоятке ножа, который остался от отца. Сергей слышал, что отцовский род идёт от медведя. Были здесь и другие, совсем непонятные узоры. Может быть, это подписи людей, приез-

жавших сюда из других краёв и речек? Неужели это и правда самая «большая святая земля», где хранился «главный идол Севера»? Так почему же нет капища?

– Ну! Где твоя «Золотая баба»? – пробурчал наконец Ермолаич.

– Вот дерево... святое, – растерянно пролепетал Сергей, оглядев поляну, где не было даже крошечного капища – избушечки, где обычно хранятся идолы, шкурки, одежда шамана...

– Сам ты святой!..

С этими словами Ермолаич нагнулся к дуплу, которое зияло тёмно-жёлтой пастью. Вдруг он торопливо стал что-то вытаскивать. Подойдя ближе, Сергей увидел, как из кучи трухи он выбирает какие-то сияющие вещи. Это были монеты, кольца, серьги, бусы.

Вспомнилось Сергею, как он сам бросал монеты в такое же дупло. Делал всё так, как Илья-Аки наставлял. Тогда Сергей его слушался: не было у него ещё школьного учителя. Это было в году, когда «тайга потеряла беличий след». Старики сказали, что надо идти на «святое место» и духам лесным жертвы пожертвовать. Лесным духам принесли в жертву петуха. А взамен попросили белок. Духам этим бросали монеты, серьги, кольца. Сергей сам это видел. Так было и в старину. Люди несли на «святое место» свои драгоценности и веру, а уносили надежду, что будет добыча и счастье...

Может быть, и это – обыкновенное «святое место», где никакой «Золотой бабы» нет? Может, люди просто поклонялись этому «колдовскому дереву», на вершине которого большая птица свила большое гнездо? Есть гнездо – птенцы будут. Есть птенцы – птицы будут. Если птица кричит – значит зверь где-то рядом. Даже крик самой маленькой птички о жизни тайги говорит. А большая птица орёл, священная птица, вьёт лишь там гнездо, где тайга полна красных и чёрных зверей. А лес, где много красных и чёрных зверей, – священный лес, заповедный. В таком лесу бить зверя и птицу можно лишь в год большой нужды и горя. А в обычное время нельзя ломать даже веточку. Топоры в таком лесу должны дремать за поясом, а ножи – в своих ножнах. Если стрела и полетит, то лишь на ствол самого высокого дерева, чтобы быть знаком его высокой священности.

На стволе этой гигантской лиственницы торчали стрелы. О чём они говорят? Может быть, о том, что и этот островок, и болото, где каменными изваяниями стынут лоси, и таёжная речка, песчаные плёсы которой разрисованы узорами медвежьих лап, и вся тайга вокруг, священны?

«Золотой бабы» не было. Было просто высокое колдовское дерево. И монеты звенели. Ермолаич был доволен. Сыпал в карман монеты и улыбался. Как казалось Сергею в тот момент, улыбался ехидно. И Сергей не выдержал и ударил старика палкой...

Перед глазами Сергея выплыл Ермолаич. Узкое лицо со шрамом

на левой щеке. Глубокие морщины, сплетённые на прямом лбу загадочным узлом. Бездонный взгляд больших, отцветших глаз... Всё такой же, как тогда, у колдовского дерева, когда Сергей ударил его по спине палкой.

Каждый раз, когда выплывал в памяти этот его злополучный удар – мороз пробежал по коже. Он вздрагивал от стыда.

Сергей и сейчас не смог бы объяснить своё тогдашнее поведение. А в то мгновение, когда Ермолаич из дупла священной лиственницы высыпал монеты, серьги, кольца, в нём проснулась какая-то колдовская сила. Долго потом Сергею казалось, что в самом деле кто-то его толкал на поединок. Не хотелось ему верить в колдовскую силу священных урочищ, но даже потом, не раз бывая «в святых местах», ему снова и снова приходилось чувствовать себя не так, как в обычном лесу.

Не мог Сергей успокоиться. Он искал причины своей давнишней жестокости. Может быть, он хотел защитить себя перед собой же. И всё равно он не имел никакого права поднимать руку на человека, которого в то время побаивался. Сейчас для него было ясно, что он принял Ермолаича не за того, кем он был на самом деле.

А тогда Серей был удивлён неожиданным поведением мужика. Получив удар, ему следовало нанести ответный. А он!.. Он не набросился. В его взгляде не было даже злости. До сих пор перед глазами Сергея стоял взгляд, в котором недоумение, что-то вроде: «Что ж ты, мальчик мой! Разве можно из-за этих вот монет?».

И лишь много лет спустя до Сергея дошёл истинный смысл этого взгляда. В нём сквозила мудрость хлебнувшего из полной чаши жизни, не всеми понятая, потому что Ермолаич про себя почти никому не рассказывал, тем более ему, мальчишке, который в те годы, конечно же, плохо ещё разбирался в людях. Да и как расскажешь о том, что вся его семья – жена и двое детей – погибла от фашистской бомбы, а старший брат умер от ран у него на глазах. Вот и уехал он после войны в Сибирь, подальше от родных курских мест. Хотел забыться, хотя бы на время, но вышло так, что пришлось ему по душе дикие таёжные края.

Теперь Сергею было стыдно за себя, за своё поведение. Как он всё-таки мало разбирался в жизни. Наверно, нужно прожить столько же, испытать хотя бы частицу того, что выпало на долю этого мужественного человека.

7

Крови на снегу стало совсем мало. Значит, ранение слабое. Может, просто поцарапал. Тем опаснее медведь.

«Если не уверен в своих силах – не поднимай руку на зверя. А то

зверь покажет всю свою ловкость и прыть. Если поднял руку – бей наверняка», – так охотники говорят.

– Э-эх! – ругал себя, вздыхая, Сергей. – Надо было промахнуться! Лучше бы уж не попал.

Сергей пошёл по просеке. По ней безопасней: далеко видно. Всё можно ожидать от раненого медведя. Он как обиженный человек...

Медвежий след перерезала широкая и прямая, как улица, ещё одна просека. И сердце учащённо забилося: неужели это та самая, которую он рубил много лет назад? Вокруг никого. Молчали и деревья, и небо. Только в нём самом словно сидел какой-то дух и без спросу непрерывно старался судить его поступки, высветляя в памяти важные шаги его жизни.

Кто он, этот невидимый судья? Почему он знает каждый из его поступков? Почему он объявляет приговор? В одном случае оправдывает, в другом осуждает? Кто он, этот непогрешимый и справедливый судья, который всё знает и перед которым невозможно солгать?

Не совесть ли? Наверное, она. В таёжной тишине перед опасностью Сергей почувствовал её сильнее, чем когда-либо. Она спрашивала, волновалась, судила... Она была частью его самого. Не через неё ли человек становится ответственным за свои поступки? Совесть человека – это, быть может, единственный бог, от суда которого не уйти никуда, в котором человек может найти и силы, и успокоение.

Сергей шёл по просеке. Она выходила в гарь. В гари не было стройности и естественного порядка, присущего здоровому лесу. Рядом с деревьями, полными жизни, стояли отжившие. У одних нет вершин, у других сучья переломаны, у третьих кора – как разорванное платье. Чуть прикрыв снежком почерневшие стволы, стояли они, как смертники, в ожидании первого урагана, который повалит их...

А ураган по гари гуляет, видно, не так уж редко. Вот здесь ему удалось вырвать с корнем здоровое дерево. Не хотело, должно быть. Крепко держалось корнями за землю. И потому зияла теперь глубокая яма с задраным с трёх сторон моховым ковром. Широкие бороды вывороченного корня закрывали вход в эту пещеру.

Рядом пень, запорошённый снегом. И здесь когда-то красовалось дерево. Шумело оно на ветру, чуть покачиваясь в плавном танце. Тянуло руки к небу, улыбалось солнцу, дышало, наслаждалось жизнью. А теперь от него остался пень...

Чуть подалее, подняв свои курчавые головки, бегут стройными рядами молодые сосенки. А над ними громоздится одинокий великан-кедр, гордая вершина которого расщеплена молнией, а могучий когда-то ствол обуглен. Видно, по нему гулял смерто-

носный огонь. Как ему удалось выжить? Где он взял столько сил? Радует ли он молодняку? Может, в его зелёном шуме он ловит звуки своей буйной и счастливой юности и предаётся отрадным воспоминаниям? Или он, умудрённый опытом своей суровой и нелёгкой жизни, слышит в их игре лишь суету сует? И потому смотрит на всех лишь холодно, недоверчиво?

Или всё же, иссеченный молниями, корявый, обугленный, но живой, он находит и в дуновенье ветра, и в пробуждающемся взгляде утренней зари, в её широкой улыбке и свою, особую радость?

А гарь жила своей обычной жизнью. Звенело дерево – то дятел-работяга стучал. Плотничье ремесло даёт ему и детям пищу круглый год. Здесь его дом, исполненный по всем правилам плотницкого мастерства. Дятел – постоянный житель гари – строит жилища и для других. В морозы лютые ему благодарны и белка-летяга, и мелкие пташки, находящие приют в удобном и тёплом дупле...

Взвихрился снег здесь, ожил снег там. На чёрных крыльях полетел снег. В чёрные крылья превратился белый снег. А что ещё таится под этим сверкающим снегом?

Только тишина и смерть?

Нет! Вот норка горностаея. Чуть подалее – вторая, третья... Это выходы горностаея на белый свет. А там, внизу, целый лабиринт ходов, целый подснежный горностаевый город. Если даже мороз трескучий ходит, если метель гуляет, ему не страшно – тепло в снежном жилище: сколько хочешь бегай, мышей лови, пока лисица не цапнет...

А лиса любит порезвиться в гари. Здесь она охотится не только за мышами и горностаеями, но и куропатки, и рябчики оказываются в её ловких лапах, несмотря на то что у них есть крылья. Вот что верно, то верно: не всякий летающий истинно крылат...

А снег разрисован узорами птичьих и звериных следов. Вот прошла куница. Зайцы натропили тропы. Не разберёшь, откуда пришли, куда ушли и под каким кустиком замерли, свернувшись в белые калачики. Волк вездесущий здесь шлялся. Его большие следы – как раны на снегу. Соболь из кедрового урмана зачем-то сюда заглядывал. Может, тоже полакомиться живой и свежей кровью. Ведь в урмане нет столько зверья и жизни, как в светлой гари и в дубравах...

А весной здесь кипит жизнь, шум и гам, песни и пляски. На широких полянах, между пнями и трухлявыми колодами, глухари в любовь играют. А глухарки, подзадоривая игроков, вертят хвостами, распутив их роскошным веером... К весёлым опушкам, звонким ручейкам слетаются и рябчики, прошедшие зиму в тёмном урмане. И тетерева справляют шумные свадьбы...

Для птичьего мира и зверья нет привольнее места, чем таёжная гарь!..

Может, не зря здесь прошёлся когда-то огонь, превратив тёмную и дремучую чащу в светлую гарь, где закипела новая жизнь?!

Обессилен вконец, Медведь свалился в яму под корнями кедра, вывороченного бурей. И только закрыл глаза – слышит: что-то треснуло. Открыл глаза: рядом с ним опять Росомаха.

– Ой, как тяжело! – застонал Медведь, вытягиваясь под корнем дерева. – Пошамань ещё. Может, лучше будет.

– Все вы такие! Попадёте в беду – верующими становитесь. А во что вы раньше верили? Когда творили свои чёрные дела... Э-эх! Да и сама у такой же была. Не вернёшь уже. Пошаманить, говоришь. Раз так уж хочешь – покамлаю.

Поклонившись трижды, Росомаха начала:

*Небо. Земля. Вселенная. Мир.
В мире рождаются и умирают,
Возвеличивают и убивают.
Хоронят с почестями, справляют свадьбы.
Ходят друг к другу в гости.
Пьют. Едят. Целуются. Дерутся.
Сколько целуются – столько и дерутся.
В мире устроено всё так слаженно и так всё странно,
Что Дремучему едва ли понять.
Небо. Земля. Вселенная. Мир...*

– Ты обо мне лучше пой, Росомаха. А то опять завела что-то непонятное.

– Ах, Медведь, Медведь! Ты и правда дремучий. Слушай, Медведь, я спою твою песню. Ты, наверно, её забыл. Да и слух у тебя!.. Потому за тебя и поют люди. Будь благодарен им, что они не забыли твоих песен. А мне за исполнение – калым. Слушай, дремучий, свою историю.

ПЕСНЯ МЕДВЕДЯ, ИСПОЛНЕННАЯ РОСОМАХОЙ

*Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!
Прошёлся я по земле.
Пошумел и повеселился.
И уснул.
Та сторона горла моего,
которая должна спать,
задремала.
Та сторона языка моего,
которая должна дремать,
уснула.
Горло моё не ревело.
Язык мой не наслаждался.*

Я спал крепким медвежьим сном.
Но однажды слышу той стороной уха,
которая должна слышать и во сне,
слышу шум какой-то.
Открываю глаза.
И той стороной глаза,
которая должна видеть и во сне,
вижу: собака.
Скалит зубы, лает.
На меня скалит зубы.
На меня лает.
А рядом с ней – Человек.
Глаза у него такие же, как у меня,
только одежда у него красивее,
расшита узорами,
да лицо белое.
В одной руке у него топор,
В другой – копьё.
Топор большущий
сияет лезвием.
Копьё длиннущее
Сияет остриём.
На дверь моего дома
накатывает брёвна.
Сквозь сырые и толстые брёвна
крохотным оконцем сияет
остриё копья.
Сыплют меня снегом –
будят ото сна.
Я рвусь к двери.
Но дверь уже не моя.
В миг, когда я только увидел
высокое небо,
меня пронзило железо.
В миг, когда я только понял
сладость свободы,
на меня накинута петлю.
Петля крепче железной.
Копьё острее смерти.
И волокут меня куда-то
По сырой и тяжёлой земле.
Снимают мою шубу,
подсчитывая пуговицы,
просматривая карманы,
разрубая меня на куски.

Хорошие части мои
на хорошее место кладут,
плохие части мои
на грязную землю бросают.
И в голове копаются,
будто в ней что-то замуровано,
и расчленённого меня снова собирают,
бережно укладывая в люльку
с черёмушьими ободками.
И на карте скользящей везут меня
в деревню, звенящую
девичьим и юношеским смехом.
Снежки летят. Стар и мал
в снег играют, умывая друг друга
холодными, белыми хлопьями.
Со звериным криком вносят меня в дом,
с человеческим криком усаживают
мою голову на стол
И полные чаши озёрной пицци
передо мной ставят,
и таёжная пицца
дразнит меня вкусным таёжным запахом.
Сидя в счастье вкусных блюд,
я не заметил, как вокруг меня
собрались люди.
В солнечные игры они играли,
плясали вьюгой, извивались рыбами,
наряжались в зверей,
и каждый из них
строил из себя человека
с большой буквы.
Играли, а дни считать
не забывали.
На пятую ночь в честь меня
забили рогатого оленя.
Принесли его в жертву мне,
а съели сами.
На шестую ночь над кострами
развесили котлы больше прежнего
и моё таёжное мясо начали варить.
Голова моя сидела за большим столом,
а тело моё варилось в большом котле.
Потом молились моей голове
и ели моё мясо.
И всё же съели меня большие.

*Для маленьких – я был весёлой игрушкой.
Для больших – куском божественного мяса.
Молясь на мою голову,
сидевшие за большим и священным столом
незаметно съели меня.*

– Съели? Меня? – удивился Медведь. – Как же я тогда сейчас живой?

– Думаешь, ты живой? – бросила брезгливо Росомаха. – Кожа да кости, а духом ты давно мертвец. Тебе бы только жрать. И другие так же. А ведь когда-то ты был духом, Сыном Неба тебя величали. А ты на земле повёл себя как зверь. А тогда, когда тебя убили, ты превратился снова в духа. Правда, ты был маленький и ничтожный. Но всё же дух. Слушай дальше свою песню:

*Съели меня люди.
Но я не исчез бесследно.
Я превратился в духа.
И в образе маленького зверька
выполз из сумрачного и тёплого дома
на просторный белый свет.
И олень жертвенный
в духа превратился.
Он пополз со мной
в образе червячка.
И стали мы молиться Небу,
Отцу моему Торуму,
чтобы он опустил серебряную лестницу
и на Небо нас поднял.
Опустил Отец серебряную лестницу.
Пока мы шли к ней,
жертвенный рогатый друг мой
превратился в маленького крылатого оленя.
Я сел на него,
и мы полетели вверх
по серебряной лестнице.
Облака, лёгкие как лебяжий пух,
тяжёлыми руками хватали нас,
тянули к земле, но мы летели
всё же вверх.
И тучи чёрные вставали на пути,
но мы летели вверх.
И сама земля, казалось,
не хотела, чтоб мы летели, –
она держала нас, тянула к себе*

какой-то непонятной силой –
но мы мчались вверх,
потому что я был уже не медведем,
а духом. И олень был крылатым,
а не рогатым.
Крылатой духовной силой
мы поднялись в Небо.
Голубой бусинкой
светилась Земля средь ожерельев звёзд,
прозрачной слезой
летела Земля по Вселенной.
Чью грудь украшает бусинка-земля?
Чья солёная слеза летит
по холодной и пустой Вселенной?
Прилетев на Седьмое небо,
я привязал крылатого оленя
к серебряной лестнице
и направился в золотой дом бога Торума.
Он встретил меня не взглядом отца,
он встретил меня божественным
сумрачным взглядом.
Будто на шею мою
накинули железную петлю.
Язык отнялся.
Словно отпал, как шершавый
хвост ящерицы.
Я еле выдавил:
«Меня съели.
Что мне дальше делать?» –
«Кто тебя съел – у того и спрашивай,
что тебе делать, –
сказал спокойно бог. –
Ты нарушил мои наказы.
Не исполнил высокий долг.
Спускайся на землю.
Иди к людям.
Они рассудят, как с тобой быть...»
И сажусь я на крылатого оленя,
и лечу я к солёной слезинке Вселенной –
Земле.
Мгновение – и снова я
в священном углу человеческого дома.
Забираюсь в свою голову,
которая чучелом сидела на большом столе,
пока летал я в Небо.

А люди, какие глупые люди!
Не заметили, что меня не было.
Молились пустой голове
и были счастливы.
В гнезде из мягкого и тонкого шёлка
снова сажу я.
Бесконечную юношескую удаль мне показывают.
Вечным девичьим весельем меня веселят.
Бездонные чаши с озёрными яствами
передо мною ставят.
И руками белыми, как вода Оби,
глядят мою шерсть.
Девушки кружатся в плавном танце,
как деревья по ветру качаются.
Юноши скачут будто волны,
резвыми волнами пляшут.
Смотрю на бесконечную юношескую удаль – и забываюсь.
Дивлюсь вечным девичьим весельем – и забываюсь.
Нить золотого ума роняю где-то в воду.
И тело своё звериное
роняю где-то в тайге.
И весь я превращаюсь в Духа.
Где я? Сам не знаю.
В этот момент люди зажигают в доме костёр.
Поленья из лиственницы загораются ярким пламенем,
И в свете пламени вижу:
проскользнул какой-то зверёк.
Кто это был? Не разобрал.
И опять где-то роняю нить
золотого ума, забываясь.
А бесконечная юношеская удаль не гаснет.
Ласкают слух мой музыкой,
игрой весёлой развлекают.
А между тем наряжают меня в священное платье,
рядом с другими духами сажают.
Если великим духом назначают –
золото рядом со мной звенит.
Если маленьким духом меня называют –
малая мелочь медным звоном звенит.
Сажу. Смотрю. Слушаю.
Вдруг в углу дома зазвенел
голос какого-то голосистого
зверька. Никто не понял, что это
за зверёк. В другом тёмном углу
тоже зазвенел чей-то голос.

Его тоже никто не разобрал.
Старики говорят: «Это что
за голосистый зверёк?
Такого хорошего зверя
мы ещё не слыхивали!».
В третьем углу что-то зашумело.
«Чей такой звучный голосок? –
удивляются старики. –
Глазами мы такого зверя не видали.
Да ладно. На будущий год,
если случится подобное счастье,
тогда, может, и поймём,
разгадаем тайну!»
И опять где-то роняю нить сознания.
Куда я делся?
Не знаю. И людей я потерял из виду.
И угол свой, где познал я счастье
красного сукна, потерял.
Вдруг вижу:
валяюсь возле дома.
И стал я, оказывается, величиною с мышь.
Носик у меня маленький,
ушки мои маленькие-маленькие.
Стоят уши торчком,
вслушиваясь в мир, и слышат:
в доме том ребятишки таёжные
про меня песни поют, сказки сказывают...
Слышу я это,
и звериное сердце моё вздрагивает,
наполняется нежностью,
и с левого глаза роняю слезу,
с правого глаза роняю слезу.
На вторую ночь я доползаю
до дорожки, по которой женщины носят
домой снег.
Оказывается, стал я величиною с белого
горноста. Ушки мои, стоящие торчком, слышат:
деревенские мальчишки меня славят.
деревенские девочки про меня песни поют.
И сердце моё звериное
опять от счастья трепещет,
левый глаз мой роняет прозрачную слезу,
правый глаз мой роняет светлую слезу.
На третью ночь добираюсь до узкой

*тропинки охотника, по которой он
за белками ходит.
А вырос я уже величиною с росомаху.
Шагами росомахи взад-вперёд прохаживаюсь,
а уши мои слышат:
в деревне большой сыновья охотников
меня прославляют,
дочери охотников меня возвеличивают.
Левый глаз мой роняет светлую слезу,
правый глаз мой роняет счастливую слезу.
Назавтра настал ясный, божественный день.
Оказывается, я уже превратился
в священного зверя, в Медведя превратился.
И я, могучий Медведь,
шагаю в дремучий лес
исполнять свои дремучие обязанности!
Уф! Всё!..*

– Полегчало! – протянул Медведь, поглаживая лапой живот. – И как это у тебя так ловко получается! И песню про меня знаешь. А я ничего про себя не знаю. Почему, скажи-ка, я ничего про себя не знаю? А?!

– Скажу потом. Сейчас я устала. Не видишь, что ли? Плати скорей...

– Да постой ты со своим калымом. Помешалась, что ли? Ты мне правду открой. А ты мне одно... Калым, калым... Или ты ненормальная? Все ненормальные поют. Голос-то у тебя хриплый, противный. Но слова завораживают. Слушаешь – кажется, почти что правда...

– Не тяни, Медведь. Плати калым. Устала я...

– Скажи, кто ты? Калымщица?! Развелось вас тут... Я-то думал: провидец! Для калыма пела такую длинную песню? А я ещё, дурак, развесил уши, слушал, как порядочную. А она, оказывается... Ишь чего захотела! Да не гладь меня! Если надо – сам себя поглажу. Калымщица несчастная! А ну, брысь отсюда! А то размахнусь – костей не соберёшь! Лапа-то моя ещё медвежья! А ну, брысь-брысь! Иди подобиру-поздорову!..

Росомаха исчезла в чаще леса.

8

Только Сергей вернулся из тайги, – не успел даже сбросить экспедиционное обмундирование, – как на пороге появился Илья-Аки.

– А, вернулся, странник! Сколько вод, земель померил? – заговорил он словами традиционного мансийского обращения к приезжему. Старик тряс его руку, похлопывал по плечу, задавал какие-то пустячные вопросы, на которые Сергей отвечал односложно, нехотя. По его возбуждённому взгляду Сергей почувствовал, что он не только с этими словами пришёл. И правда. Вдруг Ильля-Аки будто подменили. Он заговорил таинственно и многозначительно:

– Слышишь, внучек, сказка-то сбылась. Не зря я сказывал... Напрасно экспедиция здесь Сорни-най ищет. – Старик хитровато подмигнул. Потом продолжал: – В Берёзове она! Там когда-то было наше самое священное урочище. Возле трёх колдовских лиственниц, выросших из единого корня, стояла кумирня. В собольем и куньем убранстве богиней золотой восседала золотая Сорни-най.

А недалеко от неё в другом капище сидел Айас-Торум. Тоже большой, тоже великий бог. Ночами на поляне горели костры. Бубен гудел. Шаман говорил... Люди слушали. Если кто-то с кем-то ссорился – здесь мирился. Вожди родов с берегов далёких рек приносили клятвы в подтверждение мира, заключённого после многолетней кровавой вражды. Желающие могли приобрести тут амулеты, приносящие удачу в любви и охоте. С великих и малых рек, со всех концов света шли сюда люди с молитвами. Большим духом был Айас-Торум. Великой слыла Сорни-най. О мудрости и силе её до сих пор по тайге легенды кочуют.

Потом, не торопясь, Ильля-Аки достал из кармана трубку удивительно уродливой формы. Из кисета, расшитого обычным мансийским орнаментом, наложил махорки. Затем с такой же неторопливостью продолжал свой рассказ:

– Пришёл на Север поп, разорил кумирни. И на том месте поставил свой небесный дом – церковь. Но таёжные боги не дались в руки нёсшим железный крест. Они исчезли. Ушли в землю. Айас-Торум превратился в махар. По-русски это мамонт. Счастливые люди и теперь иногда находят его кости на берегу реки. Да и он сам нередко шумит в заводи, роет крутояр. Только никогда мамонт ещё не ревел, не плевался горячей водой с песком, не дышал «мёртвым духом»...

Сергей понял, что старик говорил о лиственничном мысе, что на одном из холмов Берёзова. Каждой весной лиственницы, как прежде, покрываются нежно-зелёными иглами. Эти или другие деревья были здесь в те далёкие времена – неизвестно. Но доля истины была в словах старика.

Сергей сам был свидетелем одного события. Как-то во время весеннего разлива река размыла склон холма, и одна гигантская лиственница наклонилась. Один берёзовский житель решил распилить дерево. Звенели, тупились пилы, вгрызаясь в твёрдую, как сталь, древесину.

Наконец лесина рухнула. И в тот же миг за грохотом падения слышался перезвон: из дупла струилась струйка серебряных кружочков. Это был клад монет разных веков и народов – сокровище Айас-Торума и Сорни-най.

Старик остановился, видя, что его не совсем понимают, потом, глядя в упор, произнёс почти сердито:

– Ты что, не знаешь сказку о Священном быке земли мамонте? Я же тебе рассказывал... О, ей! Молодёжь! Вам и невдомёк, что в сказочное время живёте! Сказки-то теперь ведь сбываются. Чудеса кругом!.. В Берёзове знаешь что творится! Небо гудит. Земля дрожит. Деревья пляшут, как шальные. То сам Священный бык земли бесится. Он вырвался из плена. Ревёт. Плюётся горячей водой, песком. Из его пасти летят камни огненные. А за ним следом с гулом и громом выходит Сорни-най. Наша золотая огненная богиня...

«Совсем спятил старик», – подумал Сергей, глядя на него с сожалением.

– Ты на меня не смотри так! Илья-Аки с ума ещё не сошёл. Илья-Аки вещие слова говорит. Езжай в Берёзово. И если в тебе ещё есть какой-то слух – сам услышишь, как выходит на волю золотая наша богиня, как гудит проснувшаяся земля...

– В Берёзове газ фонтанирует! Открытие! Понимаешь, открытие! – закричал, как ошалелый, влетев в избу, приятель Сергея Венька.

– Поехали! Сейчас пароход подойдёт...

В тот же день они были в Берёзове. Там действительно творилось что-то невообразимое. Ещё за пятнадцать километров до пристани пароход как-то непривычно «зашумел». Загудели и машинное отделение, и палуба, на которую высыпали пассажиры. А гладь реки, где золотым бубном сияло осеннее солнце, вся дрожала. С песчаного берега, черневшего стаями гусей и уток, нёсся не птичий гомон. С каждым поворотом реки шум рос. Не слышно стало ни шипения лопастей, ни гудения в машинном отделении. А когда показались дома посёлка, раскинувшегося на холмах, загремело, кажется, и небо. Грохот стоял над Берёзовом.

Но это был не небесный гром, а крик земли, проснувшейся наконец-то от векового сна. За каменной школой, на краю посёлка, там, где стояла буровая вышка, ревела земля.

Венька кидал в небо фуражку и, как мальчишка, о чём-то кричал. Голоса не было слышно. Но глаза, лицо и весь вид его выражали торжество и неописуемую радость. Чему бы радоваться? Грохоту земли, гари и копоты, горячему дождю, летевшему сверху?

Верхушки кедров и сосен почернели, будто съёжились. Огромными изломанными макаронами валялись трубы. На подступах к скважине копошились люди. Они, видно, пытались усмирить, закрыть скважину. Но время от времени отскакивали, как ужален-

ные. Но снова и снова приближались к ней. Они были явно не в весёлом настроении. Сверху лил горячий дождь с песком. Окна домов стали белыми, будто просоленными. Пахло «мёртвым духом». Слова Ильля-Аки походили на правду. Только это был обыкновенный газ, а не мифическая Сорни-най и её помощник мамонт...

Ревела земля. Говорило Берёзово. И всё о происшедшем. Скоро Сергей узнал некоторые подробности.

Случилось это ночью. Яркие сентябрьские звёзды так и не вышли из-за густой и мокрой шерсти туч. Уснули и последние огоньки в домах. Берёзово спало своим привычным вековым сном. Лишь изредка эту дрёму нарушал ленивый лай дворняжки. Даже монотонный шум дизелей, казалось, баюкал, навевал сны. Буровая стояла на краю посёлка. Рядом с ней кедр уже не смотрелся великанами... Но и тайга, казалось, не обращала внимания на гудение одинокой буровой.

«Позвякают трубы, прогремит лебёдка – да и снова всё замрёт. В этом гиблом краю какая нефть, какой газ!» – говорили скептики. Их, видно, было не мало, потому что скоро на эту буровую действительно махнули рукой.

Партии геологов уходили на юг, в более «перспективные районы на нефть», как тогда выражались. Рабочие, оставшиеся добурить скважину, трудились без особого старания. Порою даже нарушали элементарные правила. И на этот раз не оборудовали устье скважины фонтанной арматурой...

Темень окутывала буровую. Рабочие смены поднимали трубы. И вдруг земля рявкнула, взревела. Стальные трубы ракетой рванулись в небо. Потом искорёженным железом рухнули на тайгу. Трёхтонный кронблок, словно мячик, взлетел вверх, а падая, смял под собой трёхсотлетний кедр, возле которого, быть может, не раз прохаживался сам светлейший князь Меншиков, сосланный в Берёзово после смерти Петра.

Фонтан горячей воды с песком взмыл к тучам. Грохот и мрак стояли над ночным Берёзовом. Люди выбегали из домов, в испуге спрашивали друг друга:

– Не земля ли перевёртывается?

– Может, бомба?

– Наверное, мамонт наконец-то вырвался из векового плена земли?

И люди, говорят, бежали с мешками, с вёслами к реке, чтобы переправиться на другой берег. И мало кто из них мог предположить, что он был свидетелем начала «открытия века» – как потом назовут тюменскую нефть и газ.

Гремела земля. Плясала огненная богиня. И танцы в районном Доме культуры, казалось, стали веселее и задорнее. С шумной бу-

ровой приятели направились прямо в Дом культуры. По субботам и средам здесь собиралась молодёжь. Кто играл в шахматы, кто гонял бильярдные шары или листал журналы в читальном зале, а кто кружился в танцах.

На дамский вальс пригласили и Сергея. Не верилось ему, что его может пригласить девушка. И такая девушка, как эта, – красивая, нежная, с ласковым, тёплым взглядом. И имя у неё нежное – Светлана. Может, всё происходит в сказочном сне? Пыльные ботинки его скользили по полу, а голова чуть кружилась, как плавные звуки «Амурских волн». Этот вальс Сергей любил слушать по радио. Но не думал, что эти волны так сказочно-прекрасны, как синие глаза Светланы.

Она спрашивала его о тайге, о товарищах, о работе, а он молча кивал ей, любуясь украдкой её утончённо-матовым лицом, будто выплывшим из любимых стихов Блока, пшеничными волосами, губами сочными, как таёжная брусника. Брусника, сладкая поздней осенью... А груди у неё как две волны. Чуть коснутся – обжигают. И трепет какой-то плывёт по телу. И волнение. Тайное. Неизъяснимое. И вся она как лирическое стихотворение. Звучит, плывёт, кружится.

Но вдруг баян замолчал. Пары на мгновение замерли, а потом, разбившись, поплыли по залу. Сергей проводил Светлану до группы девушек, стоявших у расставленных вдоль стен кресел с откидными спинками, нехотя поплёлся к парням, где в широких брюках клёш о чём-то весёлом уже шумел его друг Венька. Ребята были свои, геологи. Только из других отрядов. Сергей их видел и не видел, слышал и не слышал. И хотя объявили о конце вечера, в душе его звучали звуки вальса, и, казалось, он продолжал плыть по волшебным волнам...

А на краю посёлка по-прежнему гудела земля. Только у пляшущей огненной богини теперь был определённый вид. Утончённое матовое лицо, пшеничные волосы, две трепетные волны-груды, синие, как небо, глаза, и вся она как недочитанное стихотворение, полное волшебства и тайны...

9

Фыркали железные кони. Огнём сверкали их стеклянные глаза. Стонал снег под полозьями саней, каких тайга ещё не видывала. Это были не сани-розвальни и не оленьи нарты, а дома, поставленные на лыжи. Как в любом жилище, в них были окна, а над крышами – трубы, над трубами – дымок.

– Как называется это чудо-жилище, которое движется? – спрашивали удивлённые северяне.

– Балками, – отвечали хозяева.

– А вы кто такие? Почему вам не живётся в обыкновенных домах?

– Мы сейсмики!..

Фыркали железные кони. Огнём сверкали их стеклянные глаза. Стонал снег под полозьями... Это врубались в тайгу партии сейсмической разведки. Они пришли сюда вслед за топографами. И были вооружены не только топорами и пилами. Загремели в глухой чаще тракторные тягачи, потянули за собой по просекам «балки». Сейсмики пришли сюда, чтобы с помощью чувствительных приборов «прощупать» землю, отыскать в недрах пласты, в которых скопляются нефть и газ.

Если бы не «заговорило» Берёзово, то сейсмиков, как и буровиков, повернули бы на юг. Не быть бы им здесь!

Если были споры о гиблой тайге – они на время замолкли. И разговоры о бесперспективности поисков тоже утихли. Берёзово, как в древние, языческие времена, стало словно бы «снова священным». Сюда потянулись люди. Даже прилетели из Москвы... Кто верил в сибирскую нефть – тот в Берёзове становился крылатым. Кто в счастье верил – смело шагал в Берёзово. Кто о романтике мечтал – не обходил Берёзово. Шумно стало в Берёзове.

Сергей впервые ехал на тракторе. До этого он ездил только на лошадях да катался иногда на оленях. В ушах грохотало. Гремели, кажется, и деревья, стоявшие по обе стороны просеки.

Только по этой, прямой как стрела просеке ехали как-то «непрямо». Трактор то подпрыгнет, то чуть замрёт, то снова рванёт, как разъярённый конь. Сергею показалось, что в этой адской тряске начинают греметь и его кости.

И когда замолк гул мотора и сквозь мутное стекло заструились весёлые огоньки, он выскочил из кабины, как ошпаренный. Пришёл в себя только в балке, где не царствовал уже запах железа и бензина. В балке было довольно уютно. От печи веяло теплом. По стенкам полки, как в каюте парохода. Хоть тесно, но лучше, чем в открытой лодке. И не сравнишь балок с шалашом охотника, где ветер свободно гуляет, где спишь на еловых ветках. Хороший дом – балок, мудрый дом – балок. Это потом уж Сергей почувствовал.

Загудит трактор, потянет – оживает балок, чуть покачиваясь, движется по просеке. А ты сидишь в доме – и едешь. Хотя тебя порой и тряхнёт, а ты едешь. Пляшут дрова у печки, валяются книги с полки, позванивают чашки на столе, а ты сидишь, а дом-балок едет на новую стоянку, где опять будут «обстреливать землю».

А что такое «обстреливать»? Разве в тайге война? Нет! Это сейсморазведка. Занятие вполне мирное. Взрывом, похожим на маленькое землетрясение, «прощупывают» земную кору.

В одном из балков размещается сейсмостанция. И главный

там – Венька, его друг. Он сидит за аппаратом, незнакомым ещё Сергею. Плавно, как по клавишам, ходит его рука.

– Готов ли ты? – кричит он в телефонную трубку. – Так принимай команду!

Потом весело подмигивает Сергею. Мол, смотри, учись. Довольно баловаться охотой. Пора и коренным жителям приниматься за серьёзные дела.

На том конце провода о чём-то говорят. Но их слов не разобрать. На улице шумит трактор. Венька возмущается, ругает зачем-то тракториста. Наконец шум замолкает.

– Внимание! – раздаётся команда.

Потом в телефонной трубке чей-то простуженный голос спрашивает:

– Ты готов?

– Так точно!

– Внимание!

– Есть!

Венька нажимает на кнопку и одновременно командует в трубку:

– Огонь!

И вековая тайга, знавшая лишь крик звериный, вздрагивает от взрыва.

Выключив моторчик, Венька вынимает кассету. Отдавая её проявителю, самодовольно восклицает:

– Отлично стрельнули!

Просыпается трактор. И балок опять качается до новой стоянки, где запланирован следующий выстрел. Пока едут – Венька рассказывает. Он сегодня не только обучает своего друга-таёжника, раскрывая ему секреты операторного искусства, но и «вталкивает в него» азы геофизики.

– Знаешь, что такое сейсморазведка? – обращаясь к Сергею, спрашивает Венька. Видя в пытливых глазах интерес, продолжает: – Взрыв... И волны мчатся в толщу земной коры, чтобы, встретив преграду, вернуться назад. Механизм осциллографа, который я включал, эти волны запечатлевает на фотоленте. Проявитель делает их след живым, зримым. Для тебя, непосвящённого, это непонятные пустые зигзаги. Для инженера-интерпретатора о многом говорят эти лучи-молнии. Он может переложить их технический язык на человеческий. Вот вырисовалась структура, скажет он. Перспективная. Здесь, в такой ловушке, может быть нефть и газ. Найти такую структуру – значит подойти вплотную к открытию. Но до неё путь ещё долог. Пока буровики привезут станки, начнут бурить, испытают скважину. Если структура не пустая – будет фонтан нефти или газа. Последнее слово всегда за буровиками. Но без сейсмиков и их труд был бы холостым!.. Вот что такое сейсмика!

Железно ржал трактор. Качался балок. Замирал железный конь – раздавался над тайгой взрыв. Маленькое землетрясение. Считанные секунды работает лентопротяжный механизм.

Оператор Венька становится учителем. Сергей его жадно слушает. Потом пробует сам... И эта кочующая дорожная жизнь становится привычкой для сына охотника и рыбака.

Но чувствовал ли себя Сергей разведчиком недр? Пожалуй, нет. В нём жило что-то другое. В свободное от работы время, когда случалась непредвиденная заминка, он, как и прежде, бегал на охоту. А вечерами, когда в жарко натопленном балке другие «жарились» в карты, он при слабом свете электричества уносился в мир книг. А иногда просто думал. Тайна «Золотой бабы» не переставала его волновать. Наоборот, проходя с отрядом сейсмиков по тем местам, где, казалось, не ступала ещё нога человека, ему всё больше и больше чудилось, что вот-вот где-то здесь может быть раскрыта тайна, которая многие века волновала умы людей.

Однажды Венька, увидев Сергея с газетой в руках, посмеялся над ним. «Не о той ты бабе мечтаешь, друг мой. Пора тебе познакомиться не с идолом золотым, а с золотой девушкой. Как, бишь, её там звать? Светланой?» – и не договорил, увидев, как побледнел Сергей. Со дня той первой встречи прошло две недели, а Сергей до сих пор никак не осмелится к ней подойти. «К чему тешить себя какими-то пустыми мечтами, надеждой?! – думал он, проклиная своё легкомысленное влечение. – Такие парни выются вокруг неё. И с кем захотел сравниться!..»

Он старался всеми силами не думать о ней. Но она упорно являлась во сне. То обнажённым золотым изваянием стыла вдали, то возникала совсем рядом живой, тёплой, обыкновенной девушкой. Сергей боялся даже взглянуть на неё, чтобы не спугнуть неосторожным взглядом. Она садилась у его кровати, строгая и внимательная, как медицинская сестра. Тонкими, нежными пальцами чуть-чуть касалась его лба и волос, и ему становилось легче. Он чувствовал себя тяжелобольным и несчастным. Больнее и несчастнее других, лежащих здесь же. Почему-то во сне он видел себя в палате. А палата большая-большая, как тайга. А больных много-много, как деревьев в лесу. И на всех одна сестра. Она, Светлана. Сергей понимал это. И всё же ему так хотелось, чтоб она дольше посидела около него. Может, потому, что у него никогда не было сестры? А ведь так и мечталось, чтобы сестра была настоящей, а не медицинской.

А то становилась она ещё ближе и родней. Как жена. Ложилась рядом с ним. И тогда огромная палата превращалась в маленькую, но светлую и уютную комнату. И деревьев больше не было. А на

тумбочке стояла её фотокарточка в необыкновенной рамке, которую он сам вырезал из лиственницы, из долговечного дерева.

Это было во сне. А в действительности у него только фотокарточка. Без всякой рамки.

И у фотокарточки этой была своя, в чём-то тоже необычная история.

Как достать фотографию человека, если ты с ним не встречаешься, не разговариваешь, но живёт он в посёлке, где и тебе случается бывать? Разве так трудно?! Наверное, можно. Во всяком случае гораздо легче, чем жениться или добиться взаимности в любви. Но как это сделать?! Попросить у неё?! Но это невозможно. Он не только подойти, но и издали встретиться взглядом с нею стеснялся. И всё же встречаться приходилось. Как и все рабочие сейсмической партии, возвратившись с поля, Сергей шёл в контору. Но, увидев её, он терялся до того, что порой даже забывал сказать привычное «здравствуйте!». И, может, потому работники конторы, как ему казалось, пристально рассматривали его каждый раз, словно какую-то небыль.

Можно было попросить кого-то из знакомых ребят сфотографировать её. Кое у кого были свои фотоаппараты. Но тогда ведь... Засмеют! Люди на язык остры. А в таком деле... Нет, никто его не поймёт. Даже Венька.

Единственный выход: купить фотоаппарат, научиться самому снимать и где-то незаметно щёлкнуть. Решено – сделано. Самое трудное было сфотографировать. Долго охотился за удобным случаем. Но однажды всё же удалось совершить заветное. И вот – фотография в кармане. Её лицо, глаза, губы... Теперь она была с ним всюду: в дороге, в тайге, в углу родного дома.

Только наяву её вскоре не стало: перед Новым годом она уволилась. Уехала в свой город – Москву. И Сергею уже казалось, что легче найти и увидеть таинственную Золотую богиню, чем Светлану.

10

Раньше человеку, родившемуся в тайге, конечно же, не приходилось ломать голову о выборе профессии... Ещё в звонком детстве тайга манила его в свою таинственную лесную чашу, где порхали крылатые игрушки-рябчики, скакали белки по ветвям, пели глухари на заре, бродили медведи. А уж когда юношеские руки-ноги наливались силой – узкие таёжные тропы сами ложились под ноги, не надо было думать – по какой идти. Всюду тайга. А в ней – всё, что нужно для жизни: вкусное мясо, пушистый и красивый мех, и радость удачи на промысле. Радость удачи охотника! Может, это главное, зачем он долгие-долгие месяцы пропадал в урмане. А вер-

нётся охотник – глаза сияют и у маленьких, и у больших. Просят показать мех, умоляют рассказать, где, что и как... Для того, наверно, на Севере длинны зимние ночи, чтобы поведать охотнику про свои нехитрые лесные приключения. А что на этих вечерах не успеет выложить – на медвежьем празднике покажет в огненных плясках, песнях, присказках и сказках.

Если неудачна охотничья тропа – можно испытать себя на рыбном промысле. Река такая же кормилица, как и тайга. И большую рыбу не всякий поймает. Но мечтать о ней может всякий. Потому что рыба в речке плавает. А речка рядом. Не надо долго гадать, по какой тропе из деревни спуститься к звонкой и весёлой воде.

Если охотником и рыбаком не хочешь быть – можешь завести оленей. У оленевода – длинная дорога, долгая дорога. Жизнь оленевода – вечное каслание. Синие ветры поют ему свои песни. И у каслания есть своя радость и сказка... Так что три дороги стелились перед таёжником, когда он вступал в жизнь: охота, рыбалка, каслание. Одна дорога была у женщины Севера: выйти замуж за обладателя одной из этих дорог.

А сейчас столько дорог распахнулось перед Сергеем в миг его вступления в жизнь, что закружилась голова, затуманилась! Да так, что не разберёшь ни широкую, ни узкую, ни длинную, ни короткую.

Вернувшись тогда в райцентр с «поля», Сергей встретил на улице Юлию Семёновну, свою бывшую учительницу. Она преподавала историю. На её уроках Сергей каждый раз уносился мысленно в далёкие времена и чувствовал себя почти что участником, а не посторонним наблюдателем памятных великих и малых событий. Неизвестно, всех ли Юлия Семёновна околдовывала так, но над Сергеем она явно имела власть. Встретив его, она вся засияла, засветилась. Похлопав по плечу, похвалив его за успехи в работе (про Сергея написали несколько строчек в местной газете), она уже серьёзно сказала:

– Есть путёвка. Одна. Одна-единственная пришла на весь интернат, и никто не хочет... в учителя. Геология, техника в моде... А кто, скажи, детей этих геологов будет учить? А история?! Это же предмет особый!.. Если игнорировать историю, если всё забыть... Самые высокие завоевания техники могут превратиться в прах!.. Чтобы успешно строить будущее, надо помнить прошлое...

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Сергею давно уже казалось, что от Юлии Семёновны трудно что-то утаить. В данном случае ему нечего было таить. Он просто растерялся. Так неожиданно всё. Давно об институте уже не думал. После открытия Берёзовского месторождения газа всё переменялось в этом крае. Понаехало в Берёзово столько народу, что в домах не найдёшь свободного уголка. Приедешь в райцентр – и спать порою негде, хоть

чум ставь посреди улицы. Да и на улице стало шумно. Люди, машины. День и ночь шумят, галдят, снуют. Но за этой внешней суетою таилась большая и трудная работа. За год работы в геологических партиях Сергей стал привыкать к этому новому ритму железного каслания, который принесли в его край разведчики недр. Он уже не понаслышке знал о суровой романтике жизни геологов. Сам на своих плечах вынес многое. И слова любимой учительницы на первый взгляд показались ему какими-то странными. Но сама мысль поехать учиться в Ленинград, которая жила ещё в школьные годы, вдруг неожиданно загорелась в нём.

– А что, и поеду! – радостно воскликнул он, не задумываясь особенно над смыслом сказанных слов. – Если не шутите...

– Какие могут быть шутки. Вот сейчас отказался выпускник наш. Эх! – она сердито назвала его имя, махнув рукой, продолжала: – Тоже в геологи ушёл! А на него так надеялись! Впрочем, в институт людей найти не трудно. Всегда будут желающие. Да только лучших бы надо. Хорошо, что тебя встретила...

Ленинград показался Сергею знакомым. Будто он здесь когда-то жил. Гранитные набережные, мосты над водами. Адмиралтейская игла, Эрмитаж, каменные сфинксы... Только строгие очертания дворцов были какими-то серыми, покрытыми пылью, и асфальт прямых, как стрела, проспектов не сиял, как в кино и на открытках. Лишь Нева иногда сверкала искристой улыбкой, как величавая река Обь, когда над ней играло случайно попавшее сюда солнце. Солнце, казалось, осталось на Севере. Здесь же были сияющие огнями театры, каменные библиотеки с толстыми книгами, шумные студенческие аудитории.

Когда Сергей ехал в Ленинград, то думал, что будет учиться в Институте народов Севера, о котором так много слышал. Оказывается, такого вуза уже не было. Так многие почему-то называли северное отделение Педагогического института имени Герцена, куда был послан по путёвке Сергей. Наверное, по традиции. Некоторые традиции «Чудесного чума», как называли когда-то первые студенты-северяне свой институт, и в самом деле продолжали жить. Здесь была кафедра языков народов Севера. Студенты изучали родные языки. А некоторые преподаватели являлись выпускниками того института. И, как в те далёкие годы, сюда по-прежнему со всех концов Севера ехали дети охотников и рыбаков, оленеводов и зверобоев. Только в отличие от первых сейчас уже приезжали молодые люди с аттестатами зрелости. А тогда...

...1925 год. Осень позолотила старинный парк. Среди вековых деревьев полыхает костёр. Потрескивают поленья, летят искры, вьётся дымок. Как в тайге, играет огонь. Как в тундре, огонь весел и щедр. У огня – люди. Они в меховой одежде, украшенной се-

верным орнаментом. Рядом Екатерининский дворец, где совсем недавно жили цари. В старинном парке горит костёр, и люди – в причудливой одежде. И кое-кому из прохожих, может быть, покажется это экзотическими сценами киносъёмки. Но это было не представление, а обыкновенная жизнь. Какой же таёжник или житель заполярного приморья не любит посидеть у ласкового огня. Даже если он приехал в большой город учиться! Не потому ли первых посланцев Крайнего Севера – вчерашних рыбаков, охотников, оленеводов, зверобоев – и поселили временно в роскошном Екатерининском дворце, рядом с которым, как в тайге, тянулись к небу настоящие живые деревья.

Их было немного: всего девятнадцать парней. Ханты и манси, ненцы и нанайцы, саами и юкагиры, эвенки и чукчи. Что им предстояло? Им предстояло в считанные годы сделать шаг через тысячелетия. Сохранив святое отношение к высокому дереву и ласковому огню, они должны были признать могущество нового духа – книги. Так оно и произошло. Неграмотные ещё вчера дети тайги и тундры, оказавшись в городе Ленина, вскоре будто переродились. Нет, они не забыли про огонь и живые деревья, но книга пробудила в них нового охотника. Страница как снег. Буквы как следы. Чьи это следы? Нет, не зверя! Мысли ходили по этой странице. Мысли остались на этой странице. Звери бывают большими и маленькими, ценными и неценными. Следы оставляют все. Но не каждый след приведёт к большой добыче. А по следу большого зверя идти опасно и трудно. Но в этом есть наслаждение, азарт. И гонит охотник большого зверя с большим напряжением силы и страсти, чтобы иметь большую добычу... Страницы как снег. Буквы как следы. Если мысли ходили по этой странице, то какие они: большие или маленькие, добрые или злые, сиюминутные или вечные?

С азартом охотника северянин припал к книге. И пошёл, пошёл, пошёл. Страница за страницей, том за томом, добывая живую мысль, открывая иные миры. А их оказалось много-много. Больше, чем зверей в тайге, в тундре, в богатом побережье студёного моря. Велик азарт охотника! Добыл большого зверя, снял с него шкуру – мало! Позвать бы народ, повеселиться бы! Да перед звериной головой, сидящей за богатым столом, показать людям своё искусство, рассказывая про свои приключения в дремучей тайге в погоне за этой добычей, и про думы свои поведать, про горе, про счастье, и предков своих вспомнить, воскрешая их песни, сказки. И жизнь встанет во всём волшебстве своём и загадочности. Так и поступал охотник в древности.

Почему бы не сделать так же и сегодня? Устроить игрище на страницах книги, рассказав про свои думы, выложив песни, сказки. Так и сделал прозревающий северянин. Сначала помогал учителям своим созданию письменности на родном языке. Первый

букварь, словарь, учебник. Потом книжку перевёл. Затем написал свою...

Так было с первыми северянами, попавшими в город Ленина. И хотя теперь на северном отделении Педагогического института готовились не творцы книг, учебников, исторических исследований, а обыкновенные школьные учителя, традиция, заложенная первыми учёными-североведами, передавалась новым поколениям студентов. В студенте нового времени просыпался тот самый первый охотник. В студенте вновь просыпались века. Он чувствовал себя древним-древним и в то же время очень молодым. Он уносился в будущее. Будущее казалось только прекрасным. Но институт готовил учителей. Учителя – народ серьёзный. И студенты тоже народ серьёзный. И среди них вдохновенный юноша, вообразивший себя творцом, увлекающийся загадочным прошлым своего малого народа, уносящийся в лучезарное будущее, созревшее в его пламенном мозгу. Он то молчалив, угрюм, как тайга, то дерзок, как сиверок³. То целыми днями пропадает в библиотеке, уткнувшись в книгу, то ночью бушует в коридоре общежития, споря с товарищами. Ему обо всём надо вынести своё суждение. Он чувствует себя творцом. А разве творец имеет право на молчание? И он говорит. Устно и письменно, стихами и прозой. Грозится выпустить даже книгу! На родном языке и на русском!

На лекции ходит. Но не на все. Если и придёт на методику преподавания – то занят чем-то загадочным.

– Чем вы занимаетесь? – возмущается преподаватель методики преподавания русского языка. – Почему не работаете вместе со всеми?

– Я работаю. Разрабатываю методику сложения стихов. На моём родном языке их никто не складывал!

– Мы учителей готовим, а не стихотворцев!

Это, конечно, правда. Но разве он может забыть про стихи... Нет, и ещё раз нет. С любопытством Сергей поглядывал на шумных стихотворцев. Их увлечённость и страсть рождали зависть. Правда, их творениям Сергей, как и многие другие серьёзные студенты, не придавал значения. Разве всё их «творчество» сравнишь с творениями настоящих поэтов! В них столько мыслей, чувств! Они будто волшебники. И всё же молодые северные стихотворцы вызывали в нём зависть, и его самого всё сильнее влекло к творческой деятельности. Правда, история как наука его по-прежнему волновала. И он с удовольствием посещал лекции. И читал намного больше, чем задавали по программе. Но к чему всё это? Учёба в институте порой ему казалась пустой тратой времени. И он, возможно, оставил бы институт, если бы не тайна «Золотой бабы». Мечта открыть эту

³ Сиверок – северный ветер.

тайну разгорелась к концу первого года учёбы с новой, невиданной силой, когда он прочитал о ней в старинных книгах из Публичной библиотеки. С пожелтевших от времени страниц выплывала «Легенда о «Золотой бабе». Самые подробные сведения о тайне «Золотой бабы» Сергей нашёл в объёмистой книге М. П. Алексеева «Сибирь в известиях иностранных путешественников». В тетрадь, которую он теперь носил с собой постоянно, переписал:

«Рассказ о «Золотой бабе» приобрёл большую известность в западноевропейской литературе XVI и первой половине XVII века; редкий писатель, говоря о Московии, не упоминает о ней. В русской литературе впервые, кажется, она упоминается в софийской первой летописи под 1398 год по поводу кончины Стефана Пермского, где сказано: «Живяще посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и «Золотой бабе», и волхвам, и древью».

«Далее, в послании митрополита Симона «Пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам» (1510 г.) говорится о поклонении пермичей «Золотой бабе» и болвану Войпелю. Однако в чём заключается это поклонение – из послания не видно, но, вероятно, до митрополита доходили очень скудные сведения об этой религии».

Поляк Матвей Меховский около 1517 г. получил известие от пленных московитян, находившихся в Кракове: «За землёю, называемой Вяткой, при проникновении в Скифию, – пишет он, – находится большой идол «Золотая баба». Окрестные народы чтут её и поклоняются ей; никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует её с пустыми руками и без жертвоприношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстинку и, благоговейно склонившись, проходит мимо».

Следующим иностранцем, подробно описавшим идола, был Герберштейн. Сигизмунд Герберштейн, посол могущественного Максимилиана I, императора Священной Римской империи, побывавший в Москве в 1517 году, в своей книге «Записки о Московии» вот что писал: «Золотая баба», т. е. Золотая старуха, есть идол у устья Оби, в области Обдоре; она стоит на правом берегу. По берегам Оби и около соседних рек рассеяно много крепостей, которых владельцы, как слышно, все подвластны князю Московии. Рассказывают или справедливо баснословят, что этот идол «Золотой бабы» есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже снова виден другой ребёнок, который, говорят, её внук. Кроме того, уверяют, что там поставлены какие-то инстру-

менты, которые издают постоянный звук вроде трубного. Если это и так, то, по моему мнению, это делается оттого, что ветры сильно и постоянно дуют в эти инструменты...»

Сергей переписал в тетрадь и примечания М. П. Алексеева к этой увлекательной легенде о том, что как и изображение на европейских картах, так и описание «Золотой бабы» уже в XVI веке пережило известную эволюцию. У Меховского (1517) она представляется обыкновенной женской статуей; на карте литовца А. Вида (1542) она изображена в виде статуи, держащей рог изобилия. В копии карты, сделанной Хогенбергом (1570), она приняла вид мадонны и держала ребёнка в руках. Изображение «Золотой бабы» на латинской карте Герберштейна походит на статую Минервы с копьем в руках, но на его же немецкой карте (1557) она опять представлена Золотой старухой, сидящей на троне с ребёнком в руках; наконец, на карте А. Дженкинсона (1562) «Золотая баба» изображена также мадонной, но не с одним, а уже с двумя детьми...

Эти изменения, которые претерпевало изображение «Золотой бабы» на Западе, говорили, конечно, о том, что сведения, доходившие о ней, были сбивчивы и противоречивы, поэтому при изучении вопроса было бы рискованно всецело основываться на европейских известиях, а тем более рисунках.

Хотя одно обстоятельство заслуживает полного внимания: чем позже встречается рассказ о «Золотой бабе», тем дальше на восток отодвигается её местопребывание; сначала помещают на территорию Вятки или Перми; на карте Вида она помещена на Обь или даже восточнее. У шведского дворянина Петрея (1620), например, который сравнивает её с Изидой, она помещена именно на берегах Оби. В XVIII веке известия о «Золотой бабе» почти совсем прекращаются, хотя ещё у Левека в его истории России мы найдём весьма фантастическую картинку с её изображением. Перемещение идола с Запада на Восток – факт несомненный и требующий объяснения.

За Уралом, который тогда называли ещё и Рипейскими горами, начиналась страна «Золотой бабы». Таинственная и загадочная страна без конца и края. Что больше интересовало иностранцев: этот золотой истукан или сама неизведанная земля с её нетронутыми сокровищами?

И легенда о «Золотой бабе» – Сорни-най – казалась Сергею ещё загадочней и таинственней, чем в газете, которую он когда-то читал, и в то же время всё это походило на правду. Ведь писалось о знакомых ему местах. На страницах с причудливыми рисунками словно прорастало само время, и эта удивительная история уже не казалась выдумкой; она влекла, звала на поиски...

Просека спускалась к таёжной речке. Широкие мансийские лыжи неслись под гору. В ушах запел певучий ветерок. Ветви деревьев махали белыми руками, осыпая Сергея весёлой радугой снежной пылицы. Живая вода, черневшая на каменистом перекаате, летела навстречу, угрожая не только намочить ноги, но и поломать лыжи. Чтобы остановить этот быстрый спуск, Сергей сначала присел, потом прилёг на бок. Скрипучая снежная пороша, хватая его цепкими руками, какое-то мгновение мчалась вместе с ним. Сергей лежал в объятиях снега. Сквозь запорошённые ресницы смотрело на него холодное зимнее небо. В его молчаливом взгляде было что-то утреннее, озорное, весёлое. Сергей вдруг почувствовал себя как в детстве. Вода на каменистом перекаате булькала, журчала, как в те сказочные дни детства.

Речка уже была белой: первые морозы заковали её в ледяной панцирь, а снег прикрыл её пушистой шубой. Лишь на каменистом перекаате чернела игривая вода. Она здесь была живой и звонкой. Сергей узнал её знакомый с детства голос. Она приветствовала его как обычно, весёлым журчанием. У кромки льда следы. И помёт свежий, чуть подмёрзший. Выдра выходила из воды. Ела, наверно, пойманную рыбу. Потом каталась, резвилась. Всё – как прежде.

Когда-то здесь охотился отец Сергея. На обрывистом берегу, где песок и галька, стояли его ловушки на глухарей. И Сергей здесь бывал не раз с матерью, когда она была ещё охотницей.

У каменистого перекаата Сергей присел на валун, припорошённый снегом, и, глядя на бурлящие струи, стал вслушиваться в песню воды. Открытая вода ему всегда казалась какой-то особенной, чуть ли не волшебной. Она являлась в его сны, журчала, смеялась довольным смехом чайки, плакала плачем гагары, лепетала лепетом лебедя, поднималась ввысь на крыльях острокрылых уток. А то спокойная и ясная, как глаза любимой, глядела в синее небо.

Вода на каменистом перекаате была, как прежде, живой. Вырываясь из ледяного плена, она торопливо что-то говорила, будто исповедовалась. На берегу этой речки его всегда охватывало какое-то особенное чувство. И не случайно. Это была речка маминой песни. А песня эта такая:

*Речка моя искристая,
бегущая по камням шершавым,
Ты моя песня недопетая,
не досказанная мною сказка.*

*На этом мысу, где лиственницы
высокие, как бегущие тучи,*

*он целовал меня и звал
выйти за него замуж.*

*А на том берегу песчаном,
где глухари токовали,
под песней весёлой весны,
я согласье дала
бежать из родного дома
в его холостую жизнь.*

*А на этом плёсе сияющем
ловили мы вместе рыбу.
Рыба была большою,
как счастье в наших глазах.*

*На ветках играли белки,
и соболь по снегу скакал...
Где же, где же теперь
то соболиное, кунье счастье?*

*Его увёз пароход –
большая огненная лодка.
Зачем ты сел в пароход –
на лодку с железным сердцем?*

*Стоит тайга сиротою,
ветви под снегом стонут.*

*Тропа твоя охотничья
мхом-травой зарастает.*

*Лишь речка, как прежде, искрится
Меж камней шершавых и склизких...
То слёзы мои солёные,
то песня моя живая...*

Речка маминой песни сегодня была седой. Её заковала в лёд стужа времени. Лишь на каменистом перекате она, как прежде, пела.

А ведь когда-то здесь была весна. Мамина весна.

По еле заметной под снежком тропке Сергей поднялся на мыс, где тянулись к небу одни лишь лиственницы. На самом берегу, над перекатом, на небольшой поляне стоял перекосившийся, почерневший от времени домик. В этом домике в детстве Серёжа не раз бывал и осенью, когда по перекату ползли метровые щуки с седь-

ми глазами, и зимой, когда играла белка, и весной, когда глухари справляли шумные свадьбы.

Это избушка Ильля-Аки. Он построил её после войны. А рядом когда-то стояла другая, старая-старая избушка. В ней дедушка жил, когда ходил на промысел. И отец с матерью здесь поженились. Однажды она случайно поведала эту историю.

Речка называлась Ялпын-я. Ялпын – по-мансийски «священный». Я – «речка». Священная речка. Рыбу в ней почти не добывали. И леса тут считались заповедными. Только в голодные годы люди отважились прийти сюда на промысел. Последнее слово было за седым, как ягель, Аки. Эти священные урочища принадлежали его роду. Сергей помнит только его бороду, острую, как хвост птички, и глаза с пронизывающим взглядом. Сергей боялся этих глаз. И всё же бороду его любил трогать. Аки был его родным прадедушкой. На Серёжу он не сердился. Наоборот, иногда бывал очень добрым и даже играл с ним. Зато отцом Сергея он почему-то был недоволен. Из маминого рассказа кое-что прояснилось.

В деревне появился учитель. Он не только детей завлѣк в школу, но и со взрослыми стал находить общий язык. Они собирались по вечерам в школе, рисовали, как маленькие, на чёрной доске какие-то загадочные белые узоры, которые назывались буквами.

Из Берёзова приезжали большие начальники. У них было два имени. Совет-лашь и Коммунист. Опять сначала с молодыми беседовали, потом уж со стариками. Старикам было обидно. И потому мало кто из них изъявил желание вступить в колхоз. Каждый хотел жить своим умом.

А у молодых появилось громкое имя – колхозник. Отец Сергея получил вдобавок ещё одно имя – бригадир. И потому мало приходилось ему спать. Нужно было выполнять план. А рыба в тот год, как назло, не шла в ловушки. И тогда бригадир вспомнил про священную речку, где ему в детстве, в голодное время, не раз приходилось бывать с отцом. Когда в других реках и в широкой темноводной Сосье и даже в великой Оби нет рыбы, в этой речке её хоть руками черпай. И потому в доме Аки никогда не голодали. Напротив, в голодный год все с ещё большим уважением и трепетом относились к Аки, чем прежде. Но лишь наиболее чистые и незапятнанные охотники и рыбаки получали разрешение на промысел в заповедном урочище Аки.

Теперь хозяином чувствовал себя и бригадир, хотя был ещё молод и неженат. У него в Берёзове был друг, у которого в кармане маленькое ружьё. А ещё в том была его сила перед односельчанами, что он вместе с председателем летал на крылатой лодке в большую-большую деревню – город Ханты-Мансийск. И всё это имело особое значение в его отношениях со стариками. Некоторые из них стали смотреть на него по-другому и даже согласились

вступить в колхоз. Правда, у них уже не было другого выхода: покосы, лучшие промысловые угодья принадлежали колхозу. И им поневоле приходилось обращаться не только к председателю, но и к бригадиру. Большие начальники хвалили бригадира, обещали опять повезти на крылатой лодке. Только надо было побольше рыбы поймать. И тогда...

Своими планами бригадир поделился не с отцом, а с товарищами, комсомольцами, председателем. Большинство поддержало его. Решили действовать. Только не хватало орудий лова. В райкоме партии, куда обратилось правление, не только поддержали, но и похвалили, и тут же оказали помощь: разыскали и невод, и мережу. Оставалось главное: выйти на вылов рыбы в священной речке. А это было делом не простым. Старики не дремали. Они тоже готовились. В день отъезда молодых на рыбалку отправились в священное урочище, которое находилось в верховьях этой речки, чтобы там узнать, что ждёт за нарушение завета предков их несмышлёными сыновьями.

Горели в священном урочище священные костры. Камлал шаман, звучали проклятья стариков. Казалось, небо опустилось ниже, деревья покачивали головами, удивляясь дерзости молодых. Даже в лепете всегда весёлой воды было что-то осуждающее... Но смельчаки не дрогнули. Они всё же начали лов рыбы. Правда, их оказалось немного: всего семь человек. Среди них – одна девушка. Неслыханное дело. Мужчинам уж куда ни шло. Они по воле богов в голодный год могли ступать на эту землю. Ну а девушке, человеку нечистого пола, разве можно? Никогда «грязные» женские ноги не касались этого священного уголка. Правда, девушка уже была проклята за слова, которые произнесла в Берёзове на конференции женщин – делегатов Севера.

– Туземки, не верьте шаману. Он говорит не с небом, а с самим собой. А сам-то, посмотрите, какой он! Не пляшите на «медвежьем празднике». Это для нас дурман. Надо праздновать советские праздники. Если сами не сделаем – бог не поможет. Бога нет!..

Её ли это слова? Люди говорят, что её. Не могли же просто так, без всякого, посадить её на крылатую лодку и поднять в небо. Из женщин мансийской деревни лишь она одна летала. А потом дома, на красных посиделках, на которые собирали хозяйек, рассказывала, что новая власть считает женщину равной мужчине, что женщина может быть и руководителем, и мужчины обязаны ей подчиняться.

И она решила идти с бригадой рыбаков, которые направились на лов рыбы в священной речке. Кое-кто, правда, хотел возразить, но человек из района сказал, что так надо. И они согласились. Ведь им тоже хотелось в небо. Кому не интересно полетать на крылатой лодке! И только там, на рыбалке, случилось чудо: бригадир

стал как заколдованный. Он не спускал глаз с круглолицей, краснощёкой девушки. А она была как бурная таёжная речка. Таёжная речка пела:

*Я – таёжная речка,
Плясунья и певунья.
Стан мой тонкий гнётся,
пляшет меж камнями.
Руки мои – белые волны –
готовы обнять не только небо,
но и тебя, мой милый.
Глаза мои сияют,
искрятся даже ночью,
настолько жаждут видеть
они тебя, мой милый.
Уста мои – звонкие струи –
поют, звенят без усталости,
зовя тебя, мой милый.
Меня мороз морозит,
и солнце в небо тянет,
а я, шальная,
всё к тебе бегу,
мой милый.
На пути моём камни,
и тайга дремучая
смотрит сумрачным взглядом...
Но сквозь века седые
к тебе бегу, мой милый.
Зачем бегу? Не знаю.
Тело моё гнётся,
к тебе, мой милый, рвётся,
я – не святая речка...*

Рыба хорошо шла в ловушки. Она искрилась, серебрилась, золотилась. Её было много, как никогда. Скоро, прослышав про удачный лов, прилетели сюда из Берёзова начальники. Они решили вывозить её только в крылатой лодке. И это во многом способствовало тому, что старики стали постепенно успокаиваться. «Рыба священная, – сказал шаман на очередном камлании. – Из священной речки нельзя её везти ни на лошади, ни в деревянной лодке. А на крылатой лодке-самолёте можно её вывозить. Священная рыба, поплавав вдоволь, хочет полетать в священном небе. Таково пожелание богов...»

Много рыбы в тот год вывезли. Три годовых плана сдали государству. Уходили в тайгу пешком, на лошадях. Домой возвраща-

лись по небу, в крылатой лодке. Небо будто перестало быть священным, а люди стали крылатыми. Не всякие, конечно, а только те, кто смело пошёл по новому пути, презрев предрассудки. Всю бригаду потом повезли в район. На большое собрание. Хвалили при большом народе. Премию дали. Бумагой красивой наградили. Почётной грамотой называется. Почётными людьми прослыли эти совсем молодые рыбаки. Многим захотелось того же. Только поблизости священных урочищ больше уже не было. Девушки лазили на крышу, свободно разгуливали по передней части дома, где им не всегда можно было ходить, молодые не слушались своих родителей, но никому за это больше не давали грамот, а приглашали по вечерам, как маленьких, смотреть в книгу. Но так как старики скоро перестали обращать и на это внимание – стало совсем неинтересно. Только в лесу, где соболю оставлял мудрые следы, молодой охотник снова находил радость и веселье. Только у реки, где пляшет игривая рыба, молодой рыбак снова дышал сказкой настоящей, не придуманной жизни. А эта девушка стала женой бригадира. И родился у них обыкновенный мальчик, ничем не отличающийся от других манси. Счастливы ли они были? Наверно. Только то счастье было совсем недолгим. Скоро началась война. Бригадир ушёл на фронт, как и все настоящие мужчины. Ей пришлось заменить его. И в открытой, живой воде бригада её ловила рыбу, доставали золотую из-под метрового льда. Днём и ночью, летом и зимой ловили рыбу.

Кончилась война. У счастливых женщин мужья, хотя и раненые, всё же вернулись домой. А он, бригадир, где-то в чужой земле сложил голову.

*Кара-юй-я! Кара-юй-я!
Проклинаю, заклинаю:
всё проходит, умирает.
И рождается в новом свете.
Только тот, кто страстью-желаньем
обычай предков растоптал –
будет всё же в конце концов
страстью-страданьем казнён!..*

В её отцветших глазах – глазах вдовы – стояли печаль и страдание. Будто кто наказал её. За девичье безрассудство, за то, что дерзнула преступить вековые обычаи предков. Как и прежде, росли деревья, солнце плыло по небу вечной своей дорогой, день сменялся ночью, за стужей седой зимы наступало лето с волшебными белыми ночами, и речки таёжные не остановились, не повернули вспять. Только она с каждым днём теряла что-то. Сначала железный пароход увёз его. Потом река, кипучая и живая, взяла здоро-

вье, подарив много-много рыбы. За рыбу её хвалили в громкой бумаге – газете. И даже несколько раз снова поднимали в небо на крылатой лодке. А однажды дали ещё одно имя – депутат местного Совета. И всегда она была при людях, и всем казалось, что горе не сломило её. Да, наверно, так оно и было на самом деле. Но почему же Сергей нередко видел, как мать уходила в дальнюю комнату и там молилась. Неужто она к старости стала верующей? Нет, нет. Если бы это было так, то давно бы шаман, тот старый шаман, не прощавший обиды, посетил их дом. Но Сергей ей не мог помочь пока ничем. Да разве можно ей помочь, если существует на земле память, если есть та священная речка, которая навевает грустные думы?

А неподалёку от лесной избушки у самого обрыва, над которым возвышается громадная лиственница, снег выворочен, отсвечивает желтизной, будто посыпан песком. По жёлтому снегу словно человек прошёлся. Но следы крупные. Конечно же, это медведь. Не под тем ли вывороченным корнем его берлога? Не отсюда ли кто-то поднял хозяина тайги?

В небе мелькнула тень. Орёл. Он всё ниже спускается, сужает круги. И наконец садится на вершину могучей лиственницы, оживляя сказочное дерево...

– Ой, милая, где ты?! Ой, больно! Так больно! – валяясь серебряной дубиной у входа своей берлоги, стонал Медведь.

– Что ты кричишь, как недорезанный? Что с тобой?

– Когда не нужно – так вертишься, а нужно – не докличишься тебя. В животе режет. Будто ножом кто-то полощет... Ой, больно!.. Пошамань, милая! Освободи от этой адской муки! Ой-ой!

– Ты пил воду с речки? – спросила Росомаха важно, кончив камлать.

– Пил, – протянул Медведь в ответ.

– Я же предупреждала – не пей сырой воды из речки. Вот тебе и результат. Не послушался – и теперь расплачивайся. А боги в твоей болезни не виноваты. Они знать не знали, что ты заболел. Удивились только, что находятся дураки, которые обращаются к богам по всякому мелкому поводу, вроде медвежьего поноса. В общем, ты меня в последнее время подводишь. Ой как подводишь! Из-за тебя я нередко оказываюсь в довольно смешном положении.

– Почему же нельзя пить из реки? Во все времена звери пили речную воду. А сейчас что же стряслось?!

– Край наш оказался богатым. Нефть в земле нашли.

– Ну и что?! Разве плохо, когда земля богатая?!

– Не в земле дело, а в людях.

– Опять эти люди! Причём тут люди, когда речь идёт о реке, воде, о моём желудке, в конце концов. Ой, больно!

– На, миленький. Прими эту таблетку. Глядишь, полегчает.

– Ты меня таблетками не пичкай. Пить попросишь – суют таблетку, есть попросишь – опять таблетка. Что же это получается? Ты мне толком объясни, почему нельзя пить обыкновенную воду?!

– Нефть, говорю, нашли в нашем краю. Понял – нефть. Нефть – золото. Но это не то золото, которое славилось в добрые медвежьи времена. Это другое золото. Чёрное золото. Ты понимаешь слово «чёрное»? Так вот отсюда и пляши.

– Попляшешь при таком поносе.

– Так вот, это чёрное золото нынче дороже того. Оно и топливо, и сырьё для промышленности. Всё из него. А главное – его жрут машины. А машины прожорливые. Прожорливее их, наверное, и нет зверей-то. Звери свободные. Машины – рабы людей. Люди ездят на них. Ворочают камни, строят, рыхлят землю, поднимаются в небо, опускаются на дно морское, поворачивают реки вспять, пустыни превращают в сад, покоряют вековую тайгу. И это всё называется «Великим преобразованием природы». Мудрейшие из мудрейших предложили план Великого преобразования. По плану всё должно было пойти. Ты, Медведь, к примеру, из дремучего должен был превратиться в светлейшего, шагнув через тысячелетия прямо в космос. Мы, таёжные звери, даже рабами не успели побыть. А машины – рабы. И люди – тоже. Стоят за машинами в очередях. Покупают их, любят, не налюбуются. Гладят, моют, ласкают, холят. Спят с ними. В обнимку. Целуют. Жена рычит, ревниво поглядывая на безмозглую красавицу.

Машины без мозга. Они только жуют и скачут, скачут, виляя разукрашенным задом. Сколько жуют – столько и плюются. Машины плюются всюду: на улице, в лесу, у реки. Всё стекает в реку. А из этой реки ты, Медведь, пьёшь воду. Плевков какой-то безмозглой и зашумит в твоём медвежьем желудке. Из-за этого мне приходится камлат, говорить, объясняться.

Эх, Медведь, Медведь! Дремучий ты и необразованный. Не знаешь, что к чему. Да и люди тоже. Всё твердят, что зло от автомобилей. Нет! На них падает лишь треть вины. Всю остальную грязь выдыхают трубы гигантских заводов и «мазутных» теплоцентралей.

Есть чему ужаснуться мудрой Росомахе. Земля и вода нередко превращаются в свалку мусора и ядовитых заводских отходов. Великие американские озёра стали мёртвыми. Водой их не могут питаться даже заводы, которые в своё время забыли пословицу: «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться». Бискайский залив кишит не рыбами, а радиоактивными отходами. На дне океана дремлют радиоактивные вещества. Они, как злые духи, в любую минуту могут освободиться от плена и ринуться смерчем на живительные струи жизни.

В нашем столетии жить стало сложно. Решение многих проблем не может больше ограничиваться масштабами одной бер-

логи, даже одного уголка леса. Их надо уже решать в масштабах всей планеты. К ним относится и проблема взаимоотношений человека и природы, проблема чистой воды и боли медвежьего желудка.

Загрязнение воздуха – пожалуй, главная опасность для здоровья не только людей великих и мелких, но и для всей окружающей среды: лесов, полей, лягушек, рыб, слонов, цветов и ящериц. И твоё, Медведь, здоровье зависит от состояния чистоты воздуха. Хотя ты живёшь в дремучем лесном уголке и подолгу валяешься в берлоге, не думай, что твоё дело сторона. Может, ты заболел оттого, что надышался отравленным воздухом.

Загрязнение атмосферы приняло глобальный характер.

Над планетой дымка вьётся. Дымотуманы, или смоги, насыщенные выбросами котельных, выхлопами автомобильных моторов, резко усиливают заболевания людей, медведей, осетров и зайцев. Ты, Медведь, любишь побродить по полю, лакомиться овсом ты любишь. Наверно, не прочь прогуляться по пшеничному полю. А знаешь ли ты, что загрязнение атмосферы резко снижает урожайность сельскохозяйственных культур?! В городах не только чёрные цветы, но и деревья стоят как чахоточные, и памятники как больные, они медленно умирают, разрушаясь от коррозии.

Концентрация вредных веществ в воздухе Лондона, Токио, Брюсселя в десятки раз превышает предельно допустимые нормы. И как там люди живут – непонятно. Чем они дышат – непонятно. Может, они оттого длинны и тощи, эти вышколенные европейцы?!

Над сверхгородами – дымка. Это и меняет естественные закономерности. Постоянно происходит проникновение аэрозолей из тропосферы в стратосферу, где они могут сохраняться несколько лет. И потом с дождём упасть в другой части планеты. К примеру, рядом с твоей берлогой. И ты заражён. И у тебя понос.

Ты, Медведь, должен взяться за охрану окружающей среды, должен, как и все больные, бороться за сохранение здоровой и нормальной природы. Понятно тебе? Или дремучему всё равно?

– Понятно, понятно. Разболталась опять. Несёшь всякую чушь. Да кто поймёт такую болтовню? Или делать тебе нечего? Лучше почешу мне спину. Вот, вот. Так. Хорошо. Хорошо! Вот это ощутимо и понятно. А когда говоришь... О! И откуда берёшь эти фразы? Когда камлаешь – то ясно: к тебе нисходит божественное прозрение и говоришь ты на языке богов. А вот...

– Откуда беру? Ты что, только родился? Из газеты. Читать надо, миленький, нашу лесную газету. Всё там написано. На все вопросы ответы найдёшь. Хватит быть дремучим! Надо и с веком наравне становиться. Пора, Медведь, пора!

– Почешу лучше спину!..

Снег ожил, полетел, закудахтал. То куропатки, взмахнув белыми крыльями в чёрных рамках, вылетели из-под обрыва, растревоженные Сергеем. Чуть поднявшись, они тут же канули в сосновую поросль, которая зубчато серебрилась над довольно крутым берегом.

Ломая частые крестообразные следы куропаток, которыми был разрисован весь берег, Сергей скатился вниз, как в детстве. Потом медленно стал подниматься вверх. Чуть поскрипывающие мансийские лыжи уверенно шли в гору. Вот тут-то и сказала мудрость камусных лыж. Лыжи эти были так подбиты камусом – лосиной шкурой, – что скольжение по снегу получалось «по шерсти». На них невозможно попятиться назад. Шерсть сразу поднимается, забивается снегом, образуя надёжный тормоз. И вот теперь на обрывистом берегу речки эти лыжи надёжно держали охотника, не давая ему скатиться вниз. И руки свободные. В них ружьё, а не лыжные палки...

А ведь хотел идти в тайгу на спортивных лыжах. Да Илья-Аки отговорил, помог советом.

– Слушай, внучек, как пойдёшь по урману? Пошто голова твоя плохо думает?

– Как пойду? Быстро пойду. Спортивные лыжи не то что допотопные мансийские. Лёгкие они... Не пойду, а полечу... – отвечал Сергей на строгие слова старика.

– А бугор попадёт? На гору как поднимешься?

– На палки налягу.

– А из чего стрелять станешь? Из палок, что ли?

– Разумеется, из ружья.

– В руках же у тебя деревянные будут, а ружьё – за спиной. Пока ты будешь снимать свое ружьё – куропатка поднимется на крылья, соболю ускачет за десять деревьев, белка смеяться устанет... Бери камусные лыжи. Не всё мансийское плохое. Попомнишь ещё мои слова, спасибо скажешь.

От хороших слов добрый костёр разожжётся. Будет тепло и светло. Но в этом языкастом пламени есть и злой дух. Он может превратить тебя в пепел и развеять по ветру.

Поднимаясь в гору, раздумывая над напутствием старика, Сергей почему-то вспомнил письма Веньки, которые тот писал в Ленинград. Может быть, они, горячие и наивные, сыграли в своё время немалую роль в том, что вот теперь Сергей шёл по родной земле на широких мансийских лыжах.

Здравствуй, рума!

Или ты перестал быть мне другом? А мне нравится почему-то мансийское слово «рума». В нём есть что-то такое!..

А в общем ты мог бы написать и первым. Знал ведь мои координаты... Правда, и я на следующий год катал на Большую землю. Поступил в институт. Проучился год. Знаешь, после нашего Севера широкого и... В общем, студенческая жизнь показалась мне скудной. Не выдержал... Вернулся...

А в Берёзово знаешь что творится!.. Открыто уже несколько новых месторождений газа. Я уверен, что есть и нефть. Может быть, под тем самым святым урочищем, где тебе чудилась «Золотая баба».

Да, твоей «Золотой бабы» пока никто не нашёл. Может, она тебя дожидается? Когда же ты приедешь, хотя бы на каникулы? Но пока... Ос ёмас!.. Как там точнее выразить по-мансийски «до свидания»?!

Твой Вениамин.

Пася, рума!

Во-первых, не понимаю, что с тобой?! Заучился, что ли? Неужели ты всерьёз думаешь, что вся земля стала каменной, как город?!

Нынче здесь было столько уток. Аж небо звенело! И рыбы немало выловили... Правда, Берёзово теперь не узнать. У Возулки, там, где был кедровый бор, вырос посёлок геологов. Там наше управление. И дома двухэтажные. Не каменные, конечно, но всё же. Ты спрашиваешь, не покрыли ли улицы Берёзова асфальтом. Рехнулся, что ли?! До асфальта ли нам здесь! Машины, как и прежде, вязнут не только в болотах, но и на улицах. Впрочем, насчёт улиц стало гораздо хуже. Они вспаханы-перепаханы. Стало очень много техники.

А в общем, скучать некогда – надо вкалывать. Вкалывать не только за сейсмическим аппаратом, но и на «втором этаже» деревянной нары, постигать законы, физики, и вслед за кривой тангенса улетать мысленно в бесконечность... В этом есть что-то такое! Может быть, та самая романтика, о которой пишут... В общем, я тоже учусь. Не думай, что бросил институт. Просто перевёлся на заочное. Поеду на сессию – может быть, выкрою пару дней – и скачю в Ленинград. Встретиться бы надо. Но пока до встречи.

Твой Вениамин.

Р. С. Вышли, пожалуйста, книги, учебники. Список прилагаю. В книжном магазине – шаром покати. Пусто. В тайге не купишь.

Из жалобы книголюба... Твой Вениамин.

Привет, дружище.

Пишу тебе прямо, можно сказать, из сердца твоей любимой тайги. Зима нынче до удивления мягкая. Болота дышат. Они не успели промёрзнуть. А снегу выпало немало. Но метровые сугробы будто растаяли под полозьями наших балков. По сторонам колеи

чернеют вывернутые болотные кочки. Рядом с узорчатым беличьим следом – великанские следы гусениц. Следы ржавые, подёрнутые ледком. Ступишь – брызнет вода. Погодка ещё та. Для охоты и рыбалки, может, да. А вот нам позарез нужен морозец. Скажешь: вот метаморфоза – на Севере мечтают о морозе. Случается и такое! Здесь не асфальт. Не прокатишься. А нам надо двигаться дальше и дальше. Сегодня тонем. Вон трактор среди трёх чахлах сосенок ворочается. Думал, раз уж деревца – так земля под ногами. Всё равно жижа. Вон он уже начинает вязнуть окончательно. Придётся другими тракторами его выволакивать. И такое каждый день... Тоже неприятель. И нам его надо брать. Как на войне. А то озеро на пути встанет. Приходится мудрить. Технику в обход. А косу – этот трёхсоткилограммовый кабель – на плечи. Понимаешь, вроде слабые наши человеческие плечи, а выдюживают. В конце концов мы сотрясаем сейсмическими взрывами эту болотистую землю, прощупываем её, выявляя перспективные структуры. Таких структур наша экспедиция нащупала уже несколько. На некоторых из них и на самом деле оказался газ. А на других буровики бурили-бурили – и впустую. А буровики без нас – как слепые котята. Где газ или нефть? Где им бурить? Всё мы им указываем. Эх, всё же геофизика интереснейшая штукавина! И зачем я всё это тебе пишу? Успокоить себя, что мотаюсь по тайге? Или тебя заразить окончательно? Помнишь наш спор: кем быть? Доволен ли ты? Мне хочется хотя бы писать тебе. Иногда набежит такая скука!.. Ничего не поделаешь... Тайга...

С приветом. Твой Вениамин.

Пася, рума!

Рума ли ты мне? Читал твоё письмо – думал. Не смеялся, нет. Плакал. Наивно-весело. Вот до чего доводит отрыв от рабочего класса!.. С институтом у тебя нелады? Сомневаешься в своих педагогических способностях? Если не можешь отрезать сразу – возьми академический отпуск, окупись в жизнь. Жизнь подскажет решение. Женился, говоришь? Поздравляю! Значит, нашёл «Золотую бабу». И не строй проблем о житье-бытье. Привози её на Север. Люди здесь ой как нужны!.. Не хватает людей. На зиму присылают из южных районов области операторов и взрывников, к весне обратно отзывают. А некоторые сами кочуют туда-сюда. Летом наезжают всякие, просят в партии. Думают: туризм, романтика. Потом, покормив комаров, уезжают надутые. Сейчас экспедиция начинает готовить кадры из коренных северян. Есть ребята настоящие... Не искатели романтики. Нет. Для них это работа, такая же, как и охота. Помнишь, я тебе говорил про завещание отца. Тётя писала про буровую, которую не добурил отец. На берегу, напоминающем девичье имя, похожее на «Ира». Озеро это на-

ходитя в верховье таёжной реки. Как называется она, не помню. То ли «Чёрная», «Красная», «Белая». Не знаешь ли ты таких речек в вашей тайге? И озеро с девичьим именем? Точно одно: эта река в Зауралье, в бассейне реки Оби. А бассейн этот сам знаешь как велик. Ничего, покочует, и, возможно, когда-нибудь да и найдём не только нефть, о которой мечтали мой дед и отец, но и недобуренную эту буровую. Есть ещё одна примета, про которую, как помнится мне, писал отец. На берегу этого озера рыбаки однажды вместе в рыбой вытащили сеть со дна озера траву, пропитанную нефтью. Это-то и натолкнуло учёных начать бурение на берегу этого озера. Не слышал ли ты случайно что-нибудь подобное?! Незадолго до войны. Война прервала, конечно, не только это бурение. Отец завещал мне... Я должен найти, понимаешь, и это озеро, и реку, и буровую... И нефть, конечно. Это – главное! Ради этого и кочуем по тайге. Но нефти пока ещё не дала ни одна скважина. Только газовые месторождения. И то вокруг Берёзова. Правда, мы и топчемся только в этом районе. Раздаются уже голоса геологов о расширении фронта исследований, но скептиков много.

Но теперь и маловерам достается. Знал бы, какие у нас есть, оказывается, энтузиасты! Скорей бы кончить институт! Завидки берут. Тут я познакомился с настоящими геологами. Понимаешь, доказывают, нефть есть, должна быть. Конечно, это пока слова. Но они выглядят убедительно. На каких-то фактах обоснованы. Сейчас в Берёзове создали объединённую нефтеразведочную экспедицию, куда вошли кроме нас, геофизиков, буровики и все остальные мелкие партии. А все экспедиции нашего Севера будут подчиняться Тюменскому геологическому управлению. А возглавляет его папа Юра. Это не имя. Так наши остряки окрестили начальника управления. Смелый, говорят, человек. Был он тут у нас. Видел его. Не только издали. Спокойный и деловой. Всех взбудоражил. Кажется, по-новому мы начинаем жить и искать нефть. Нравится мне это. Приезжай. Будешь жить здесь полнокровной жизнью настоящего разведчика. Ты ведь уже без пяти минут сейсмик. Есть тут очень интересный человек. Набирает энтузиастов. Осваивать новую профессию – речную сейсмику. Это метод сейсмической разведки на воде.

Приезжай. Вези свою Золотую богиню.

До встречи на Югорской земле...

Твой Вениамин.

Удивительное было лето, когда Сергей вернулся в тайгу. Солнце, казалось, не уходило с неба. Оно сияло, палило, ласкало землю

своим тёплым взглядом. Если скроется за облачко – то на мгновение, чтоб улыбнуться ярче, веселее. Если за тучку уйдёт – то лишь затем, чтобы подарить уставшим от зноя тёплым, живительным летний дождичек. И вечером оно уходило на краткий миг за горизонт, осветив землю своей широкой улыбкой белой ночи, лишь для того, чтобы люди поняли: и на Крайнем Севере есть очарование жизни.

Только крылатое комарье да мошкара пытались произвести другое впечатление. Но что их мелкое жужжание да коварные укусы по сравнению с задорной и весёлой улыбкой солнца!

А вода в реке до сказочности тёплая, будто не север, а юг какой-то. А река широкая, как море. А небо высокое. В небе птицы шныряют. И в реке они плещутся. А рыбы, ломая зеркальную гладь воды, рвутся ввысь, расправляя плавники, как крылья. И тут же падают, как подкошенные. Вода стреляет, звенит всплесками. Кругом всё играет, поёт, живёт...

Такой сказкой показался родной край Сергею, когда он возвратился из Ленинграда. Почему он увиделся ему таким? Может, это лишь далёкое детское воспоминание, когда всё казалось волшебным? А может, мечта увидеть свой уголок земли тёплым и ласковым, как другие сказочные края? Ведь он сюда приехал не один, а с Ней... А Она!.. Так хотелось Сергею, чтоб Ей, Вере, дочери далёкой земли, не показался его родной край таким уж мрачным и суровым, как его успели обрисовать писатели.

Лето и на самом деле было тёплым, даже жарким. Солнце не уходило с неба. И река, широкая и спокойная, сияла. И вся жизнь, казалось Сергею, потекла теперь по этой раздольной реке. Здесь жили, работали, отдыхали.

Но вначале, при встрече со знакомыми рыбаками, Сергея потянуло на речные плёсы. Ещё в Ленинграде ему часто снилась вода, сети, плеск рыб. Теперь он едва не пошёл на рыбный промысел. Но старому другу Венька предложил другое.

– Понимаешь ли ты, что такое речная сейсмика? – говорил он Сергею. – Это же дело совершенно новое! Такого не было не только здесь, но и вообще... Это метод сейсмической разведки на воде. А суть его вот в чём: вся аппаратура – и приёмник, и сейсмостанция – плывут по реке. Сейсмостанция – на баржах или тут же, на катере, а приёмники смонтированы на спаренных, растянутых в длинный шлейф брёвнах – болах. Взрывы на воде или на берегу. Проплывёшь по реке с верховьев до самых низовьев, потревожишь речку взрывами, выявляя все перегибы подземного рельефа. Аппаратура, разумеется, всё зафиксирует. Как в обычной сейсмике, знакомой тебе. И карта недр составлена... И в какие сроки!.. Ехать по воде на катере или тащиться по болотистой земле с громоздкой аппаратурой! Ты же сам видел. Не забыл, наверно, как мотались по

дебрям, тонули в болотах, застревали на берегах рек. А тут река сама, оказывается, может превратиться в помощника... А рек здесь сколько! Десятки тысяч километров!.. Ты представляешь, как это выгодно! А ведь долго не понимали... Трестовское начальство не давало ходу новому изобретению... А придумал его Шмелёв. Обыкновенный геолог. Инженер. Приезжал он. По его просьбе собирали нас, молодых геофизиков. Объяснил суть. Нашлись и добровольцы. Но не все ещё верят. Хотя и утверждён этот метод, надо ещё довести до конца, внедрить его, как говорят, в практику.

Сергей смотрел на Веньку теперь уже с любопытством, узнавал и не узнавал своего приятеля. Он стал широк в плечах, и лицо чуть огрубело. Совсем мужчина. Только глаза, как прежде, сияли.

– Неужели всё ещё не представляешь, что это такое?! – продолжал он. – Мы же будем внедрять этот метод. Первые из первых. Значит, в какой-то степени соавторы. Разве это тебе не интересно? Да это знаешь что? Может, начало научной деятельности!.. Ты же, кажется, мечтал стать учёным... Только «Золотая баба» куда менее интересна.

А Сергею теперь было не до «Золотой бабы» – у него была теперь живая, может, тоже золотая. Жена. Только теперь о ней нужно было заботиться больше, чем о ком-либо другом. Возможно, будет ребёнок. Нужны деньги. Это почувствовал он сразу же после свадьбы. Ясно было теперь одно – надо трудиться. Ведь институт он оставил. Встреча с Венькой, дружеская беседа за столом шумного ресторана «Сосьва» повернула жизнь Сергея к речной сейсмике. Ему всегда казалось, что техника, машины – это не его стихия. Он не собирался даже прикасаться к ним. На летние каникулы домой любил приезжать на лодке, а не на продымлённом катере, на который почему-то все старались попасть. Не выносил он запаха солярки, бензина, каких-то вязких и липучих масел, которыми дышали машины. От машиниста катера несло соляжкой. Руки его были чёрные, будто две жирные кочерги. По прокопчённому лицу его ползли чёрными букашками капли пота. И на этом покрытом сажей и копотью лице сияли живые и весёлые глаза. Удивлялся Сергей, как можно веселиться такому прокопчённому?! Ему было по-человечески жаль этого моториста. Он считал его приниженным и ущемлённым. По сравнению с ним рядовой рыбак или охотник казались ему людьми чистой и высокой работы. И, глядя на него, он видел себя в возвышенном свете. Он был благодарен своим учителям. Ведь они говорили о высоком назначении человека, призывая маленьких северян овладеть профессиями врача, учителя, инженера. Они прививали любовь к книгам, учили понимать искусство. Казалось это совсем не сложным. Стоит только захотеть...

В этом возвышенном мире до некоторых пор жил и Сергей. И вот теперь жизнь задала задачу. Теперь вот сейсмические прибо-

ры, трактора, катера, моторы. В общем, кругом та самая техника, к которой он так пренебрежительно когда-то относился. И ничего на поверку страшного. Сейсмика оказалась даже интересной... А из шлюпки с мотором «Москва», которая была в партии, он почти не вылезал. В любую свободную минуту садился в лодку, заводил мотор и летел по сияющей глади реки. Он мечтал теперь во что бы то ни стало иметь такую же свою дюральку.

Большую часть рабочего времени Сергей проводил на катере, где размещалась сейсмическая станция. Катер буксировал и плывучий бон из брёвен, на котором были установлены сейсмическая коса и сейсмоприёмники. На нём же привозили продукты, переезжали на новую стоянку. В общем, получилось так, что всё лето – на катере.

А лето было удивительное. Может, ещё и потому, что рядом была Вера. Она приехала сразу, как он устроился на сейсморазведку. И для неё нашлась работа. Нужно было кому-то готовить для всей партии. Она оказалась мастерицей по этой части. А к осени на базе начальник партии обещал работу по её специальности: пристроить в библиотеку. Или свою библиотечку при партии организовать: не пропадать же её знаниям, полученным в библиотечном техникуме.

Лето было удивительное. Солнце, казалось, не уходило не только с неба. Оно словно поселилось в сердце Сергея, светило рядом, было всюду, куда ни взглянешь. И в брезентовой палатке, в которой они с Верой жили, и на песчаном берегу, по которому прогуливались с ней по вечерам, и в моторной лодке, летящей птицей по зеркальной глади разлившейся реки. Маленькая брезентовая палатка казалась самым уютным и счастливым уголком на свете.

14

Осенью, когда спала большая вода, партия речной сейсморазведки возвратилась на свою базу – Берёзово.

Берёзово в ту пору называли «Геологической столицей». Это старинное сибирское село, основанное ещё в 1593 году, после открытия газа действительно стало «столицей». Волны геологических разведок расходились отсюда по всей Тюменской области, откликаясь новыми газовыми фонтанами.

За несколько лет Берёзово изменилось больше, чем за все века своего сонливого существования. Даже добротные когда-то купеческие особняки, сложенные из толстенных брёвен, кажется, стыдились своего маленького роста перед двухэтажными домами нового посёлка геологов, что вырос на окраине старинного села. Со всех сторон подступали к нему буровые вышки. Они как ве-

ликаны возвышались над седыми кедрами. На улице сновали не олени нарты, а юркие автомашины. Глаза их горели, освещая тёмные осенние улицы. Рокотали трактора. Кажется, они гудели день и ночь, волоча за собою тяжёлые сани с буровым оборудованием, сейсмическими станциями разведчиков-геофизиков, электромоторами и бухтами кабеля, запасами строительных материалов, горючего, взрывчатки и продовольствия.

Всё это поступало в Берёзово на судах, которые, разгрузившись на лесистом берегу речки Вогулки, снова устремлялись в сторону Тюмени, чтобы до окончания путины завезти геологам всё необходимое для их решительного штурма тайги.

Особенно памятен один из осенних дней перед самым ледоставом, когда плотники в основном завершили строительство балков и теперь больше занимались погрузкой их на баржи и помогали развозить в отряды.

К причалу пристал катер. Тот самый, на котором Сергей проработал лето. Он обрадовался, что увидит товарищей. Побежал на берег. Рулевого моториста да и капитана невозможно было узнать. Их покачивало, под провалившимися глазами с красными прожилками темнели синие пятна.

– Что с вами? Укачало? – пожимая руки судоводителям, вежливо спросил начальник экспедиции.

– Укачает не спавши-то. Четвёртые сутки уже! – проронил капитан, заглывая слова.

– М-да! Погодка! – глядя на разъярённые волны, трепавшие причал своей бешеной пляской, протянул начальник. – Перед зимой разыгралась непогода, напоследок. Ещё пару деньков – и ледостав. А оборудование доставить надо. А то целую зиму ждать...

– Видите, мы какие.

– Видим. Но выхода больше нет. Все катера в разъезде. А станки только что поступили из Тюмени. Нагрузить только успели. Ох, как завывает ветерок! – и поглядел в сторону вихря, пронёсшегося над белыми гребнями волн.

– Куда нужно?

– В партию номер пятнадцать.

– А где это?

– На горной стороне Оби. Ехать по Вайсовой...

Начальник экспедиции, невысокий, плотный и энергичный, объяснил с дотошностью знатока здешних мест, как проехать на Большую Обь и дальше по протоке до самой стоянки партии геофизиков.

– Эти места мне мало знакомы. Всё лето по Сосьве плавали. К тому же непогода, снег, туман... – отнекивался капитан.

– Провожатого найдём. Кто тут из коренных, знающих? – обращаясь к стоявшим рядом плотникам, грузчикам, спросил начальник.

Кто-то указал на Сергея.

– Вот-вот! Наверно, сын рыбака? Каждую протоку, должно быть, знает!

– Не рыбак уже, – глядя приветливо на Сергея, пропел Ермолаич, стоявший тут же, на берегу. – Он наш. Геолог!

Сергей с радостью заметил, что Ермолаич в последнее время и себя стал называть геологом, хотя больше плотничал, строил буровые вышки, дома и эти походные вагончики.

– На ловца и зверь бежит, – подходя к Сергею и протягивая к нему руку, улыбнулся начальник. – Будем знакомы. Выручай, браток! Ведь это верно, что ты знаешь все здешние протоки, мели и повороты?

– Знаю, – неуверенно протянул Сергей. Но тут же добавил: – В общем-то знаю.

– Вот и хорошо! Доброго вам пути! – По лицу его было видно, что для разговора у него времени нет и что нужно спешить.

И через каких-то десятков минут катер, подцепив тяжело гружённую баржу, отправился в рейс.

Мерно постукивал мотор. За бортом шумели тяжеловатые волны. Ветер посвистывал в лад этой игривой музыке осенней непогоды. Сергей то работал шваброй, смывая с палубы глину, которую натоптали на причале, то с любопытством оглядывал родные просторы, будто видел их впервые.

Свинцовый воздух ступал знакомые с детства очертания берегов. Но Берёзово, раскинувшееся на холмах, пересечённых оврагами, ещё долго виднелось.

От пассажирского причала отплывал белый пароход, завывая грустными протяжными гудками, прощаясь с жителями до будущей весны. На таёжном берегу над зелёным ковром хвои с ярко-жёлтыми вкраплениями лиственниц возвышалась буровая вышка. На её железной голове развевались серые ушки чёрной шапки тучи. Луговая сторона реки с её редким и голым тальником гляделась подсинённой полоской на приблизившейся линии горизонта. Иногда над самой волной пролетали утки, с тревожными криками несясь на юг. А они плыли на север...

Однажды катер вдруг повернулся боком к волне. Ледяные струи окатили Сергея с ног до головы. С испугом взглянул на капитанский мостик.

– Вот чёрт! – ругнулся капитан, налегая на рулевое управление, выправляя катер. – Вздремнул. Так и недолго в гости к рыбам!..

– Разрешите мне.

– По правилам нельзя. Ты мне лучше расскажи что-нибудь интересное из вашей северной жизни. Может, я и не усну.

На какое-то время капитан оживился. Но скоро снова заклевал носом. А остановиться и передохнуть возможности не было. По

реке уже шла шуга. Стихнул завтра ветер, ударь мороз – и зимовать катеру во льду. Нет, останавливаться нельзя. И передохнуть надо. Взвесив, видно, эти обстоятельства, капитан в конце концов уступил настойчивым просьбам Сергея. Правда, он ещё долго сидел рядом с ним, время от времени поправляя руль, раскрывая секреты мастерства судовождения.

А когда он ушёл, Сергея охватил какой-то неописуемый восторг. У него было такое же ощущение, когда мать впервые доверила ему ружьё.

Было Серёже тогда девять лет. Летели по весне утки. Тетерева токовали. Ондатры, щеголяя золотисто-рыжим мехом, плавали в озёрке, что посреди деревни. Они и не думали бояться Сергея. Вынырнет, бывало, перед самым носом, выставит из воды мордочку, глядя насмешливыми глазками, шевелит усами, точно дразнится. И жирные весенние гуси разгуливали по песчаному берегу речки. И когда Серёжа пускал в них стрелу из лука, они гоготали, смеялись, хихикали. А год был голодный. Первый послевоенный год. Хлеб выдавали по карточкам. Всё время хотелось есть. А стрелы летели впустую... Уставший и изнурённый этой охотой, он валился в постель и засыпал как мёртвый. Печальными глазами глядела мать на сына, на его лук из гнущейся черёмухи, на деревянные стрелы с железными наконечниками. Наконечником в этой древней стреле была современная сияющая иголка, которой шьют.

А на стене висело большое охотничье ружьё. По сравнению со стрелой в нём было много-много железа. А сколько в нём было крючков, винтиков, пружин!.. Большая машина рядом со стрелой. А как вгонишь в ствол патрон, заряженный порохом, дробью, сияющим пистоном, могучим оружием становится в общем-то этот небольшой кусок железа. Знает это мама сама. Охотницей ведь была, пока глаза её не потеряли зоркость. С надеждой глядела она на сына. Печальной становилась, видя его ещё слабые руки. Сжималось материнское сердце, когда она видела, как он мучится, стараясь быть удачливым охотником. Не выдержала она. Посоветовавшись с Ильей-Аки, она отдала сыну отцовское ружьё. Для Серёжи это было самым большим праздником! Впрочем, это было его вторым большим праздником после первого школьного дня, когда учительница вручила ему книгу...

И вот теперь ему доверили рулевое управление катера – большой и сильной машины, мощностью в сто пятьдесят лошадиных сил. Крутя то вправо, то влево баранку, чувствуя, как катер идёт в нужном ему направлении, Сергей мнил себя капитаном.

Капитан... Кто из мальчишек, выросших на Оби и Сосьве, не мечтал стоять на капитанском мостике!

И вот наконец трогается лёд, ещё недавно казавшийся вечным.

На реке треск, на реке стон, на реке гром. Словно ревут и стонут лоси в миг состязания в любви. Но это не поединок лосей, а поединок весны с зимой, когда со стоном уходили и жгучие морозы, и завывающие вьюги, и тёмные ночи.

Льды уплывали, а вслед за ними, словно по пятам, шло людское тепло, плыли вестники счастья на Север – белые пароходы. Самолётов тогда ещё было маловато. Единственной связью с большим и дальним миром были пароходы. Ох, как их встречали!..

Если пароход должен приплыть утром – всю белую ночь деревня не спала. Всю белую ночь пылали костры. И короткая северная ночь становилась, кажется, теплее и белее. Люди ждут, ждут, ждут. И пароход, услышав зов, обязательно приходит. Это может быть и «Карл Либкнехт», и «Усиевич», и «Москва». Так назывались пароходы, которые встречали кострами, весёлыми песнями. На белом капитанском мостике – капитан. Он – как волшебник. Скажет слово в рупор – пароход причаливает к берегу, и люди с парохода и с берега бегут друг к другу, обнимаются, смеются, плачут от радости встречи. Скажет другое слово в рупор – пароход отходит от берега, люди машут друг другу руками, платками, вытирают солёные слёзы расставания. Хотя Серёжа мечтал совсем о другом, но втайне в подсознании у него жила какая-то светлая, грустноватая зависть к этому волшебнику – новому, благородному хозяину широких речных просторов.

И вот в его руках теперь руль. Большое судно с мощным мотором покорялось ему. Он уверенно вёл катер по плёсу Оби, бушующей волнами. Шторм свирепел. Разбойничьи свистел встречный ветер, прижимая к берегу тяжело гружённую баржу. Чтобы её не прибило к берегу, Сергей направлял катер поперёк реки. Высокий вал летел над палубой, подхватив судно на пенный гребень, потом бросал вниз. Оттащив баржу подальше от берега, Сергей снова направлял катер вдоль русла.

Хотя на Оби резвился шторм невиданной силы, на душе рулевого не было тревожно. Лишь когда, взбежав на гребень волны, катер затем падал вниз, он на мгновенье чувствовал, что летит в пустоту, как на качелях.

Впрочем, Сергей уже немало покачался в детстве. На этих волнах, но только на утлой калданке. Как-то он переезжал Обь. Лёгкую лодочку-долблёнку, сделанную без единого гвоздя, бросало как щепочку. То выносило на белый гребень волны, то катилась она вниз вместе с угасающей пеной струй. Где-то на середине плёса грянул гром, высекая искры молний из помрачневших глаз неба. Волны зверели. Пустившись в бешеный пляс, они начали кусать лодку, как злые водяные росوماхи. Сергею стало страшно. Вдруг это дикое стадо проглотит лодку! И его не будет. Разве возможна жизнь без него, без Сергея! Рукой он крепко сжимал весло, чтобы

удержать лодку, лавируя на гребне бешено пляшущих волн. Вдали синел берег, обещавший счастье. Он о счастье уже тогда много думал. Но берег был далеко-далеко. А волны – большие-большие. И рукой, слабой, как крыло гусёнка, он вцепился в весло, преодолевая усталость, налегая всей своей силой на злые силы стихии. Что его спасло тогда? Надежда достичь берега, на котором ходит его счастье, или же сила собственных рук? Силёнок было тогда ещё маловато, а счастья так хотелось! Правда, и теперь, в двадцать один год, он так и не успел раскусить ещё, что такое счастье, но коварство реки уже знал. Того детского страха перед стихией он не чувствовал. Может, оттого, что повзрослел? Или же от ощущения, что он не на той лёгкой лодочке, сотворённой по законам плотницкого мастерства древности, а на большом железном катере с мощным мотором в сто пятьдесят лошадиных сил?!

Река бушевала. Волны, как допотопные чудовища, выползали из туманной мглы и с рёвом обрушивались на борт, ледяными струями обдавая палубу. Летящие клочья чёрных, разодранных туч, казалось, цеплялись за мачту, стараясь поднять судно в воздух. Свирепый ветер, неся на своих могучих крыльях то липучий снег, то чёрный дым дождя, зычным голосом выводил дьявольскую мелодию. Казалось, стихия старалась выложить все свои злые силы, чтобы испытать молодого человека на стойкость в самом начале его трудовой жизни.

Это испытание Сергей выдержал. Утром были уже на месте назначения. Доставили геофизикам оборудование. На следующий день после их возвращения в Берёзово река оделась в ледяной панцирь. Начальник экспедиции пригласил Сергея в кабинет. Крепко пожал руку. Расспросив обо всём, предложил поехать учиться на краткосрочные курсы. Сергей отказался. Он хотел работать вместе с другом своим Венькой.

15

Партию, в которой работали Сергей и Венька, перебросили зимой на таёжную реку Конду. Сергей давно мечтал побывать на этой легендарной реке, где когда-то, по свидетельствам книг и документов, могла находиться «Золотая баба».

Кунгурская летопись повествовала, что «Золотая баба» «нага с сыном на стуле сидяща». В одиссее золотой статуи есть своя логика. С незапамятных времён волоки связывали древнюю великую Пермь с Печорой. А отсюда волоки тянулись к Оби. Карты Руси – изданные в Европе – изображают богиню-беглянку находящейся в Сибири. Но и там ей не было покоя.

Повествование «Сибирской летописи»:

Пятидесятник Богдан Брязга, соратник Ермака, спустился по Иртышу. Казаки ворвались в самое сердце языческих святынь. Они захватили идола Рача, но ханты и манси отбили его и уволокли в лес. Казаки обложили укреплённое городище князя Нимьяна. Взять штурмом не удалось. Послали к хантам своего лазутчика – чуваша, знавшего обычаи великой Перми. Он увидел великое моленье «Золотой бабе». То ли от золотого блеска в свете костров, то ли от страха чувашу показалось, будто «Золотая баба» находится в серебряной чаше, наполненной водой. И воины торжественно пили воду, надеясь обрести силу и храбрость. Можно предположить, что скорее они пили воду из большой серебряной чаши, которую «Золотая баба» держала в руках.

Казаки пошли на приступ и захватили укрепление. Но «Золотая баба» исчезла. её увезли за Конду. Охранять её стали воины кондинского князя Агая.

Трудно сказать, откуда узнал разжалованный полковник Григорий Новицкий, что «Золотая баба» находится в районе Конды. В 1712 году он начал энергично разыскивать её. Десять лет скитался по Конде. И, вероятно, не подозревал, что из-за дремучих елей за ним следят чьи-то зоркие и мстительные глаза. И когда он приблизился к «Золотой бабе», люди, давшие обет не щадя живота оберегать святыню, убили его вместе со священником Сентяшовым. И осталось недописанным в ризнице митрополита «Описание о народе остяцком».

1757 год. Тайная переписка Тобольской консистории. Донос священника на крещёных ханты – Сергея Шергу, Ивана Колываева и Алексея Пангля из шапшинских юрт. Они приносили жертвы тщательно скрываемому идолу – «шайтану». Они были своеобразными уполномоченными по сбору дани для «Золотой бабы».

Начало двадцатого века. «Инструкция кондинской миссии». Параграф четвёртый. Требование разыскать

«идола, сльвущего под названием Троицкого, к которому как к центру идолопоклонства стекаются отовсюду инородцы-самоеды, и остяки-идолопоклонники, и христиане, тщательно следить за сборщиками в пользу сего идола, поддерживающими в инородцах суеверные убеждения, донося секретно епархиальному начальству об нем, что будет дознано относительно сего общепочтительного инородцами идола».

Село Троицкое находилось у слияния Иртыша и Оби. Все следы «Золотой бабы» вели на Конду. Сергей ехал туда в приподнятом настроении, чувствуя себя дважды разведчиком.

Для Веньки переезд на Конду тоже имел особый смысл. Все эти годы он не только помнил о завещании отца, но уже жил этой

трудной жизнью первопроходца, разведчика сибирских недр. Первые месторождения газа уже открыты. Но нефти ещё нет. И той буровой, которую не добурили геологи предвоенных лет, он пока не нашёл. И речки «Белой» в бассейне Северной Сосьвы не оказалось. А сколько речек за эти годы объезжено!.. И озера со звучным девичьим именем «Ира» здесь также не оказалось. Где только ни был Венька, интересовался всеми местными именами речек, озёр, проток, урочищ. И стал своего рода любителем топонимики... Завёл карту. Наносил все названия на хантыйском и мансийском языках, расспрашивая местных жителей и, конечно, своего друга Сергея о значении этого слова в переводе на русский.

Этой своей «болезнью» Венька заразил и Сергея. Тот, заинтересовавшись топонимикой, стал вдруг делать неожиданные для себя открытия. Недавно, например, он уяснил смысл названия «Тавды». Северную Сосьву сородичи Сергея называли по-своему «Тагт-я». А это было так похоже на слово «Тавда». Русский слух чуть по-другому слышал схожие звуки.

– А что такое Конда? – спрашивал Венька. – Как её перевести?

Сергей не мог на это ответить. Он мог только предполагать.

– Хонт – по-мансийски «война», – размышлял Сергей. – Я – «река». Хонт-я – река военных столкновений. По преданиям и священным песням, на этой реке было множество военных столкновений с татарами и другими соседними племенами.

Венька был уверен, что в бассейне этой реки найдёт он и ту речку «Белую», и озеро «Ира», на берегу которого стоит вышка, поставленная его отцом. Он почему-то был уверен, что в бассейне этой реки обязательно должны открыть нефть. Говорят, если у человека есть мечта, то удача рано или поздно придёт к нему. Но одной мечты, наверно, мало. Всякая мечта и вера должны опираться на что-то реальное. Уверенность приходит к геологу в результате глубокого изучения известных уже материалов, анализа их, сопоставления с другими районами и, конечно же, в научном предвидении. До научности Веньке было далеко, он только ещё заканчивал заочно институт. Но он много и самозабвенно читал, изучая труды довоенных исследователей недр этого края, описавших отдельные проявления нефти и газа на поверхности. И в послевоенные годы кое-что было сделано геологической наукой. Ханты-мансийская впадина с мощной толщей осадочных пород, в том числе и битуминозных, давала геологам теоретическое основание смело говорить о нефтеносности края. Условия для образования нефти были; структуры-ловушки, в которых обычно накапливается чёрное золото, выявлены первыми геофизическими исследованиями.

Веньку, Сергея и ещё несколько человек из Берёзова, пожелавших работать на Конде, направили в сейсмопартию, которая уже вела там разведку. Для укрепления кадрами. В той сейсмопартии

не хватало не только рабочих, но и начальника не было... Начальник уехал на центральную базу и не вернулся. Разное говорили. Одни уверяли, что у него в семье что-то случилось. И он вынужден был уехать на Большую землю. Другие утверждали, что он просто сбежал. Не выдержал северной пустыни, неюта, морозов – и сбежал. Частенько случалось такое. Потому особенно никто не удивился. Начальником партии стал Венька. Он учился на последнем курсе института, имел практический опыт. Вот его и назначили. Горячо взялся Венька за дело.

А дел было невпроворот. И трудностей не счесть!

Тайга на каждом шагу таит каверзы. То встаёт неприступной дремучей стеной, то, наоборот, раскинется шипящей топью болот, то разыграется внезапной вьюгой, то напустит полчища комаров, гнуса, то одарит клещевой болезнью.

С этими каверзами тайги Венька научился бороться. А вот с людьми было потруднее. Глубину любой реки можно измерить. А вот как познать коварство сердца?

В сейсмоотряде был рабочий по прозвищу «Великий». Известно, кто придумал ему это «имя», но владелец носил его с явным удовольствием. Всем своим поведением выказывал, чтобы его называли так, а не иначе.

Обстановка благоприятствовала этому. Вокруг было больше деревьев и медведей, чем людей. Для Великого это было «то, что надо».

Вечерами он рассказывал про свои «подвиги» – как досрочно вышел из тюрьмы, как боялись его «чиновники» где-то там на юге, как он здесь наведёт «пролетарский порядок», прибрав кое-кого из «начальничков». Возможно, у него и на самом деле были когда-то успехи в этом роде. Потому что среди рабочих, тех, что остались от развалившейся сейсморпартии, он пользовался явным «авторитетом». Его слова воспринимали как закон. Ни больше ни меньше.

Венька принимал сейсморпартию и чаще был в отъездах: то на базу экспедиции уедет, то в район. И руководство осуществляли не операторы, не другие специалисты – над коллективом верховодил Великий, стараясь прибрать к рукам и «новеньких», приехавших на укрепление развалившейся сейсморпартии.

Сергей сразу заметил что-то неладное. Пытался противостоять. Но вышло так, что однажды пришёл из лесу «разукрашенный».

– Кто тебя? – спросили товарищи, указывая на подбитый глаз и синяки на лице.

– Медведь, наверно, помял ему бока за прыткий нор, – ухмылялся Великий.

Сергей молчал, стиснув зубы. Жаловаться было не в его характере. В школе сам не любил ябед и нытиков.

В душе у него всё кипело: обида, гнев, справедливость... Есть ли справедливость?! Или всюду властвует сила?! Грубая, физическая... Сильный подчиняет слабого?.. А если не подчинишься – уничтожит?

А было так:

– Ишь ты какой! Остяк, вонючая рыба! Поговори у меня! – поддав кулачищем под дых, прошипел красномордый Великий. – Пикни только – придавим, как гниду! Смотри нас сколько!.. А ты один, остяк, вонючая рыба!..

Больно было не столько от его кулачища, сколько от слов «придавим», «ты один»...

Великий действовал будто от имени кого-то, именуя себя во множественном числе. Кроме Сергея в сейсмоотряде и на самом деле манси больше не было, и ему на мгновение стало не по себе. Страх охватил его. Вспомнились слова матери, которая когда-то умоляла его не ходить с незнакомыми людьми.

– Среди них разные попадают, – говорила она. – Ещё в пьяного превратят. В бутылках – огненная вода. Она, сынок, злая. Потеряешь разум быстро. А остяком назовут – будешь сердиться. Сердиться станешь – побьют. Не ходи, сынок. Послушайся. Побереги сердце матери...

Сергей не послушался. Пошёл с этой партией... И вот теперь в памяти всплыли её слова. Они показались на мгновение вещими. И стало Сергею тревожно.

Но это было лишь мгновение. В памяти зажглись ласковые глаза Веры, выплыло лицо Веньки. И силы откуда-то появились. Сергей вскочил на ноги. Нанёс ответный удар. Широкое лицо Великого побагровело, исказившись в злобной гримасе. Но бить больше не посмел. Лишь пригрозил: «Пикни только!..».

В дремучей глуши Великий чувствовал себя героем. Многих в партии он действительно прибрал к рукам. У него была разработана своя оригинальная стратегия и тактика. «Стратегия» и «тактика»... К этим словам он был равнодушен. Произносил их с упоением, философствуя о жизни. Он считал себя большим философом. Но если кто-нибудь с ним позволял себе не соглашаться, он особо не настаивал, мудро менял тему дискуссии, доставая из кармана патроны с какими-то «новыми пулями», обладающими якобы чуть ли не «атомной энергией». А то вытащит нож замысловатой формы. Сверкнёт лезвие блеском стали в его больших руках, и, ничего не говоря, Великий уходит в лес на охоту. Ребята знали, что Великий принесёт «дары природы» на общий стол, и потому работали за него молча. И на самом деле Великий никогда не приходил с пустыми руками. То принесёт рябчика, то тетёрку, а то и самого глухаря. Преподносил он эти «дары» так искусно, что все остава-

лись как бы в долгу перед ним. Некоторые и впрямь считали его благодетелем.

И люди так привыкли к подобному «товариществу» и «дружбе», что иной жизни и не мыслили, частенько подменяли его на работе. И вот в отряде появился «хозяин», – так почему-то сразу стали называть Веньку за глаза, а при встрече все величали его Вениамином Васильевичем.

В партии действительно понемногу налаживался порядок. Установили связь с Большой землёй. Арендовали в колхозе лошадь и возчика, договорились о поставках молока, мяса, сметаны, рыбы. В меню сейсмиков теперь уже были не одни консервы. В таёжно-дремучих отношениях людей появилось что-то новое, человеческое.

Вовремя теперь стали выходить на работу, с самого раннего утра, а не тогда, когда вздумается. Прежним остался только Великий. Может быть, лишь поосторожнее стал, чем раньше.

– Начальничек ещё тот, – говорил он втихомолку. – Всех прижмёт. Узнаете...

Сам по-прежнему часто уходил в лес, переложив свою работу на товарищей...

Однажды утром, придя на профиль, Венька заметил, что никто ещё не начинал бурить. Он обошёл людей, технику, присматривался, старался выведать, почему никто не работает. Однако все почему-то молчали.

Подошёл трактор, вспахивая снежную гладь, волоча за собой сани с буровой установкой. Он остановился у вешки, где намечено пробурить скважину. Тракторист, спрыгнув из кабины на снег, спокойно закурил папиросу. Когда Венька спросил его, где Великий, он боязливо съёжился, будто его ударили по больному месту, но ничего не сказал.

Пришлось самому начальнику становиться к буровому станку. Станок загудел, бур стал вгрызаться в землю. Полчаса... час... два... Медленно шёл вглубь бур. Земля точно каменная. Вечная мерзлота показывала свой нор и злую силу. Даже сталь и та, казалось, замёрзла в этой мерзлоте, крутясь порой на одном месте.

Вечная мерзлота... Но не от неё людям было тяжело. Рядом с ними был паразит пострашней и опасней. Великий. Он позволил сегодня себе поваляться в постели. Стиснув зубы, работали люди. Им тяжело. Но они знают Великого больше, чем Венька...

Но вот кто-то всё же осмелился и рассказал о проделках Великого, и, когда к обеду он наконец явился, Венька приказал ему писать объяснение, сурово отрезав:

– Довольно! Покуражился! Будем судить! Всем отрядом!

Шальными глазами пробежался Великий по товарищам, ища поддержку. Но и в них он увидел что-то новое. И понял. Всё понял.

Конец. Больше ему не верховодить. Люди уходят от него. Ушли... Но имя «Великий» было таким звучным. Нет! Он его не уступит. Он будет бороться за него. Чего бы это ни стоило.

Его охватила ярость. О, если б у него были крылья – взмахнул бы ими широко, вознёсся бы над ними да клевал бы их, клевал этих мелких людишек, которые только и умеют повиноваться силе. Если бы у него были волчьи зубы – разодрал бы их продажные шкуры. Если бы у него были медвежьи лапы – сорвал бы кожу с их ничтожных голов. В нём кипела звериная злоба, однако не было могучей звериной силы. Но, вспомнив про силу железа, он помчался в балок.

В руках у него было ружьё, в глазах злость, будто в них пляшут звери.

Звери дикие, яростные. Они растут, с каждым мгновением становятся страшнее. Схватить бы их, придушить, пока они не превратились в чудовищных хищников. Но люди молчат. Здоровые, сильные, они словно оцепенели.

Да как не оцепенеть, если перед глазами творилось невообразимое. Он вгонял патроны в патронник так, чтобы все видели. Потом железные глазницы ружья нацелились на Веньку. Тревожно прогудев, буровая установка замолкла. Начальник поднялся на вышку, как оратор на трибуну. Спокойным и долгим взглядом обвёл стоявших внизу людей:

– Убери игрушку и вон отсюда!

Закачался ствол в руках у Великого.

– Продолжайте, товарищи, работать! – повернувшись к рабочим, спокойно произнёс Венька.

Раздался выстрел. Венька упал. Белый снег обагрился кровью. Тёплой человеческой кровью. Без войны, в мирное, тихое время. Чудовищно. Непостижимо. Зачем? Почему? Может, Великий и на самом деле не хотел уступать власть над людьми?

Когда Венька упал, люди зашевелились. Они точно проснулись, сбросив оцепенение. Ринулись к преступнику...

К счастью, рана оказалась неопасной. Через месяц Венька вернулся в сейсмоотряд и с ещё большим энтузиазмом взялся за дело.

16

– Ав-ав-ав! – вдруг заговорила тайга звонким голосом Музгарки. Голос её звенел струной, но вдруг струна словно оборвалась. Будто слёзы застряли в горле. Не слёзы ли утерянного собачьего призвания? А может, это слёзы счастья случайного и редкого прикосновения к своему привычному делу? Музгарка кричала, визжала, пела, плакала, звала... Она была в своей собачьей стихии.

Когда Сергей подошёл к кедру, под которым она лаяла, Музгарка заскулила ещё сильнее. Она прыгала вокруг могучего дерева, кусала ствол, царапала кору.

А с зелёной ветки глядели чёрные глазки. Они удивлённо смотрели вниз. Наверное, не понимали: почему такое большое существо шумит. Сергей и на себе ощутил этот недоуменный взгляд острых глаз бурундука. Он опустил ружьё... А Музгарка лаяла, просила стрелять.

Этот собачий визг и тупая злоба взволновали его, опять взбодражили ум.

Птицы, звери, собаки, люди... Все мы живём на одной земле. Для чего живём? Для наслаждения? Таёжный воздух так ароматен! Сон – так сладок! Утро – так прекрасно!.. Создатель Вселенной сотворил всё главное: зверей, рыб, растения – для человека. А человек для чего живёт? Живёт для своего наслаждения и счастья? А может, смысл жизни его не в том, что он наслаждается всем этим, а в том, что делают его руки? А может, в том, как он понимает мир?

Птицы, звери, собаки... Думают ли они? Если они не думают, то почему их жизнь устроена слаженно и по-своему мудро?

Человек... Если он мыслитель, то почему он так часто нарушает естественную гармонию природы? А может, так нужно? Какая конечная цель человека? Может, быть достойным счастья? А в чём его истинное достоинство?

База сейсмапартии находилась в глухой таёжной деревушке на берегу узкой речки. До базы экспедиции сотни километров. Связь с базой только на лошадях. Автомобилям здесь тогда делать было нечего. Зимой снега, а летом – топь, бездорожье...

В деревушке несколько избушек, в которых жили местные рыбаки и охотники. На краю деревни – «Красный уголок», обычная бревенчатая изба. Красным в этом помещении был лишь стол, покрытый кумачом, да трибуна. А так – неуютно, холодно. Видно, давно не открывали. Не было культработника.

Вера, не согласившаяся остаться в Берёзове, решила навести порядок. Районное начальство было радо этому. Назначили её заведующей клубом. Скоро в «Красном уголке» появились не только новые книги и журналы. Вера прочитала лекцию о современной молодой поэзии...

Ох этот Крайний Север! Мужество женщин здесь приобретает совсем другие краски и другое звучание.

Первую зиму совместной жизни Вера и Сергей жили в неуклюжем деревянном балке, поставленном на тракторные сани. Среди заиндевелых берёзок стояло около двух десятков таких домиков на краю небольшой таёжной деревушки.

Рыжее солнце, как бурый медведь, на зиму уходит в спячку.

Зимний день короток. Зато ночь долгая. То звёзды на небе и тишина морозная, то вьюга завывающая, скребущая снежными лапами дверь.

В углу балка трещит «буржуйка». Пока пляшет в ней пламя – тепло. А утром вода в ведре застывает, а в балке разгуливает морозец. Не хочется вылезать из тёплого спального мешка. Но надо! Надо – сделано! Для Веры это было как заповедь, как закон. Впрочем, и мороз оказался не таким уж страшным. Ничего особенного. Зато романтично. Балок, как палатка полярника. Спальные мешки, как у весёлых туристов. И песня, как спутница:

«Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветру и солнцу брат...»

Напевая эту песню, Вера шла на белую речку за водой. Долбила в проруби замёрзшую корку льда. Потом носила дрова, растопляла печь, готовила завтрак и обед из консервов. Консервы тоже намекали на романтичность. И хотелось петь:

«Я не знаю, где встретиться
Мне придётся с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...».

И Вера в песне шла по городам и странам, чтобы встретиться с ним, с Сергеем. Ведь только считалось, что он был с ней. А на самом деле он был в поле. Иногда их разделяли десятки километров. Но по субботам, нередко и в простые дни, Сергей прибегал к ней на лыжах, если не было попутной экспедиционной лошади, на которой ездили на базу.

Что такое романтика? В чём заключается геройство? В том, чтобы совершать подвиги? А если только мороз, темень, сон и работа? Конечно, в этом нет ничего героического. Но разве не романтично, если всё, как в песне?

Она чувствовала себя геологом, человеком романтической профессии. И от сознания этого пронизывающий всё тело холод, и изматывающая тоска длинных зимних ночей, когда не было Сергея, и сырость осенних дней, и комариные тучи лета казались лишь экзотическими чертами романтики.

Может, это от молодости, а может, оттого, что внутренне она была готова к такому образу жизни, давно мечтала о чём-то необычном.

Помнится, в газетах опубликовали призыв к молодёжи. Партия звала ехать на новостройки шестой пятилетки. В Сибирь, на Дальний Восток, в Донбасс.

«Может, поехать, а? – спрашивала Вера себя, читая строки газет с романтическими заголовками. – А почему бы и нет? Вот уже скоро двадцать, а что видела? Кроме деревни, где мать, и Ленинграда, – ничего. А поеду куда-нибудь на восток, в палатке буду жить, работать вместе с людьми. А ехать на поезде... Это, наверно, здорово! Всю страну увижу...»

Тут же набегали другие мысли:

«А как же с учёбой в библиотечном техникуме? На заочный перейти? На вечернем нелегко, а на заочном будет тем более... Нет, нельзя... Здесь подруги, знакомые, общежитие точно родной дом. И Ленинград, в конце концов. Одно слово само за себя говорит. Жалко с Ленинградом расставаться. Полюбила этот город. Уедешь – потеряешь прописку. Старшие советуют не делать такую глупость. Мол, это всё пустая романтика. И опять же надо когда-то начинать настоящую жизнь. А то что же получается – живу в доме, который строили другие, ем хлеб, выращенный кем-то. Работаю. Но что моя работа значит для общества!.. Неужели из-за этой ленинградской прописки просидеть молодость здесь. Нет и нет!.. Такого не будет!..». И всё случилось именно так. Никуда Вера не поехала. Отговорили люди, подруги постарше, тётя. К тому же техникум надо было кончать.

И вот её мечта вспыхнула вновь, когда она познакомилась с Сергеем. Возможно, это сыграло немалую роль в том, что она согласилась выйти за него замуж.

Его рассказы о Севере растили в ней надежду, что она наяву встретится с чем-то необычным, возвышенным. И что-то подобное она действительно встретила на Севере. Изматывающая тоска длинных зимних ночей компенсировалась её работой. Она целыми днями пропадала в «Красном уголке».

Сначала больше приходилось заниматься уборкой. Каждый день мыла пол. Посетители курили, мусорили, а некоторые плевали тут же. Приходилось писать лозунги, объяснять, – в общем, проводить работу.

Пришлось переквалифицироваться. Кроме библиотекаря, она постепенно становилась не только культработником широкого профиля, но и постигла новые для себя профессии печника, уборщицы и даже трубочиста. Печка в клубе была с виду нормальная. Но когда растопили, дым почему-то не желал выходить в трубу, он предпочитал лезть прямо в комнату. Пришлось выбираться на крышу, сбрасывать с трубы снег, а потом и чистить дымоход.

Составила примерный план работы. На первую беседу о молодой советской поэзии пришли почти одни геологи. После приезда киномеханика зачастили в клуб и другие жители таёжной деревушки: рыбаки, охотники... Молодёжи почти нет. Все учатся: в школах, техникумах, институтах. В деревне одни если не старики,

то люди в возрасте. Семейные. Всё же несколько парней и девушек в деревне было. Решила их вовлечь в самодеятельность. Надо подготовиться к новогоднему вечеру. Ребята из сейсморепартии тоже обещали показать своё искусство. Они были в поле. Пришлось к ним ездить, устраивать импровизированные репетиции.

Основная работа по подготовке праздничного вечера – с местными ребятами, девчатами. Собирала их Вера на репетицию каждый вечер. Репетировали, просто пели песни, болтали о всякой всячине. Ребята и девчата работали в отделении колхоза. Один тракторист, другой рыбак, третий охотник, а две девушки – со зверофермы. Никто из них дальше Ханты-Мансийска не бывал. И потому частенько просили рассказать о Ленинграде, об Эрмитаже, о железной дороге, высоких каменных чумах... Всё это они видели в кино и читали в книгах. Но им, видно, хотелось услышать о знакомом и далёком от живого человека. Вера рассказывала, как могла. Вскоре в «красный чум» зачастили и старики. И не потому, что Вера оказалась такой красноречивой. Просто она любого приезжего из района или из области специалиста умела привлечь, превращая его в лектора, в ответчика на вопросы, главного участника дискуссии.

Концерты, читательские конференции, дискуссии, лекции не только в геофизической партии, но для всех делали своё дело. Вера была не певуньей и не плясуньей. А старики, покачивая головами, растягивая слова, приговаривали: «Шаман-девка! Большой шаман!..».

Шаман-девка!.. Грубое слово. А может, она богиня, волшебница, героиня?! Наверно, в ней в какой-то степени все черты, присущие другим женщинам: и женственность, и откровенность, и терпимость, и стыдливость, и даже не лишена она чуточку эгоистичности. Возможно, её можно назвать и шаман-девкой, и волшебницей, и Сорни-най. Но ясно одно: при всём этом она мужественна!..

17

Скупое зимнее солнце, побродив по вершинам деревьев, кануло в чашу леса. Но светлая его улыбка продолжала озарять серебряную чашу неба, по краям которой начали проступать бледные-бледные звёздочки. Надвигался вечер. Но Сергею хотелось ещё поглядеть на те места, в которых теперь ему редко приходилось бывать. Нет, они не стали чужими. Они жили в нём. Но не настоящей, а какой-то сказочной жизнью. Жили в памяти. И эта речка, звенящая под мысом, и лиственница с орлом на вершине, и узкая таёжная тропка, бегущая в урман, где стояли когда-то ловушки отца и деда, и этот покосившийся набок лабаз казались сном, вы-

думкой. Конечно, всё это не имело для него никакого практического смысла. Жизнь его семьи не зависела от случайной добычи на промысле. Но этот уголок тайги являлся в снах, будоражил мысль, притягивая к себе, заставляя прикоснуться, вспомнить, подумать.

Недалеко от избушки под лиственницей стоял лабаз на трёх высоких ногах-брёвнах, врытых в землю. Четвёртой ноги не было. Кто-то выбил. Зачем? Непонятно. Дверь лабаза была приоткрыта. Рядом валялась припорошённая снегом лестница. Без лестницы не забраться в это заповедное хранилище охотника ни мелким грызунам, ни росомaxe, ни медведю. Ещё дед, говорят, хранил в этом лабазе добычу.

В памяти Сергея выплыл другой такой же лабаз, который находится в святом урочище, недалеко отсюда. Там в сундуке, обитом медными пластинками, среди деревянных кукол, разнаряженных в старинную мансийскую одежду, есть изображение Духа отца.

Когда мать получила «чёрную бумагу» – похоронную, она, заплакавшись, нарыдавшись, тут же достала отцовский нож и из полена начала что-то вырезать. Скоро обрубок дерева стал обретать глаза, руки, ноги. В её руках родился деревянный человек. Потом, плача и приговаривая таинственные слова, стала шить для него одежду. Сначала сшила рубашку из ситца лилового цвета с отложным воротником. Затем из белого оленьего меха смастерила кисы с меховыми чулками и натянула их на крошечные ноги куклы. Скоро на голове деревянного человека появился конусообразный колпак, сшитый из клиньев разноцветного сукна, отороченный меховой опушкой по краю. Надела на него малицу без капюшона с высоким стоячим воротником и широкой пандой из собачьего меха. Нарядив его ещё в нарядный гусь из красивого меха молодого оленя, подпоясав плетёным красным шнурком, она поставила его в священный угол дома.

Сначала Серёже было трудно представить, что это отец. Но мать так возилась с ним, что и он скоро тоже, оставшись наедине, стал разговаривать с ним, искренне веря, что перед ним Дух отца. А кому не хочется поговорить с отцом! Об охоте, о рыбалке, о ружье, которое было им завещано сыну, а мать почему-то держит его в сундуке...

Когда мать ложилась спать, она клала куклу с собой. Утром опрыскивала её водой, махала полотенцем. Когда садились за стол – перед ней дымилась чаша с едой. Эту еду съедали сами же. Но на её стул никто не садился. И за столом ей было отведено место. И серебряную ложку отца никогда не забывали положить на стол...

Иногда мать ругала Духа отца за то, что он оставил её одну. Жаловалась на мороз и холод. Плакала. Потом снова ласкала его. Чаще

же ругала она Гитлера, который, по её словам, Дух чёрной смерти, железный зверь и кровожадный злодей. Он лишил её милого светлой жизни. И не только её, а многих-многих женщин. И за это она крыла его проклятиями, заклинала. Потом, нарыдаввшись, роняла голову перед священной деревянной куклой.

Так продолжалось две зимы и три лета. Потом мама позвала в дом Илья-Аки и других односельчан, знающих законы предков. За столом, на котором дымилось мясо жертвенного петуха, заколотого в честь Духа отца, долго совещались, куда понести его. Одни предлагали отнести на кладбище, куда кладут по истечении двух зим и трёх лет этих кукол. Другие же говорили, что он не умер своей смертью, а героически погиб в борьбе со злым фашистским духом, значит, его изображение следует поместить в капище, где хранятся изображения знаменитых духов-предков: богатырей, шаманов, выдающихся охотников. Через некоторое время так и сделали. На заработанные за лето деньги на рыбном промысле мать купила жеребёнка. Его закололи на святом месте перед капищем. Напоив изображение Духа отца кровью жертвенного жеребёнка, его посадили в кованый железный сундук среди других духов-предков, к которым шаманы нередко обращались за советом в длинных и звучных камланиях. На священном костре горел священный огонь. Под его горячим взглядом Серёжа должен был шептать вслед за Илья-Аки какие-то священные мансийские слова, похожие на клятву. Потом Серёже дали кусочек дымящегося мозга жертвенного жеребёнка и сказали: «Помни!».

С тех пор мать постепенно успокоилась. Лишь иногда вспоминала отца. Но забыть ли Серёже, как она ласкала деревянную куклу, как она ложилась с ней спать! Как вспомнит – сердце сжимается.

От лесной избушки веяло неживым, заброшенным сумраком. Видно, давно здесь никто не бывал.

Илья-Аки так и не собрался осенью послушать глухаринные песни. Отяжелел. Руки, ноги старика, видно, ослабли. А ведь мечтал. При встречах с внуком только об охоте да этой таёжной избушке и говорил. В те годы он не пропускал ни весну, ни осень. Всё в тайге пропадал.

– Что ты там, в глухомани, делаешь? – спрашивали его односельчане, удивляясь одиноким скитаниям старика.

– Живу. Настоящей жизнью. И точка...

В последнее время в словаре старика появились новые слова: бульдозер, шарошка, буровая, газопровод... авария, даёшь газу, аврал, всем труба, и точка!..

Последнее – «и точка» – фигурировало в каждом его предложении.

– Что такое настоящая жизнь? – спрашивали его.

– Ай рума! Не знаешь – что такое настоящая жизнь?! Ай-ай! – прищуривая глаза, восклицал он. – Настоящая жизнь – это когда живешь хомхозом. И точка!..

Старик слово «колхоз» произносил по-своему.

– Какой ещё колхоз? Все теперь в подсобном хозяйстве работают. Разве где-нибудь в тайге... Так там одни медведи...

– Медведь – тоже люди. Только в лесу живущий люди. Он всё знает, видит, слышит. И точка!..

– Но при чём тут колхоз?!

– Подсобное хозяйство меня не берут. Пенсию дают. Скучно. Я иду в урман. Там мой рума Медведь, рума глухарь, рума дерево большое. Нас много. Весело, как в хомхозе. Хомхоза теперь нет. А мы привыкли жить хомхозом. И точка!..

Даже Сергей помнит, как Илья-Аки отлынивал от работы в артели. Месяцами вот так же пропадал в тайге. А теперь, когда в их местах вместо колхоза стало подсобное хозяйство при газопромысле, он вдруг заговорил о колхозе. Будто и на самом деле такой уж коллективист. Правда, и другие старые манси частенько вспоминали колхоз.

– Колхозом жить – хорошо! – говорили они. – Все работают – все хозяева. Руками работаем – руками и руководим. На общем собрании поднимаем руки. А всё решает общее собрание, а не директор, как в подсобном хозяйстве. Директор – он всё один решает. Захочет – примет на работу, захочет – выгонит. А председатель... Тот свой был. Хочешь выбрать его – выберешь, не захочешь – не поднимешь руки, против проголосуешь... А главное – не в председателе дело. Главное – весело было жить, состязаясь между собой, соревнуясь с другими колхозами. План выполняли, перевыполняли, хвалили и ругали друг друга на общем собрании, всё решали сами. Каждый колхоз – как самостоятельное государство. И мы были вроде самостоятельных людей. Хорошо было жить колхозом!..

– Так в подсобном хозяйстве заработки намного больше, чем в колхозе. И газ в квартирах. И пенсия у стариков немалая!..

– Ай-ай! Разве в одних деньгах дело?! – отвечал старик. – Рыбы и звери – и те не просто живут, поедая друг друга, но ещё и веселятся, играют. Послушайте, посмотрите на игру жизни весной...

Сергей старался не обращать внимания на стариковские бредни, но в последнее время стал задумываться о колхозе, о подсобном хозяйстве, о житье-бытье своих сородичей.

Правильно ли кое-где поступили, где открыли газопромыслы, что заменили колхоз подсобным хозяйством? Люди уже душой прикипели к колхозной жизни, стали привыкать. Может, не следовало торопиться, а обсудить, обговорить с людьми этот сложный вопрос. И уж потом – решать. Тогда бы, возможно, не стали бы

многие жалеть о колхозе, а поняли бы, что в их местах наступили новые времена и новые перемены просто-напросто необходимы.

– Нет шумного председателя, есть строгий директор. Он меня не трогает, а пенсию даёт. И точка! И всё же хомхозом жить хорошо! И точка!..

Сергей старался понять Илья-Аки. Но он был неуловим, будто какой-то дух. Говорил одно – делал другое. А может быть, дело не в старике, а в нём самом, в Сергее. В последнее время он стал чувствовать, что иногда некоторые вещи для него становятся снова не совсем ясными. То, что раньше казалось ему простым, легко объяснимым, теперь, в тридцать семь, вдруг виделось ему необыкновенно сложным. В привычных и давно знакомых вещах он нередко открывал теперь что-то новое, более глубинное. Заметил, что между явлениями есть сложная взаимосвязь. Какие-то тайные нити связывают порой совсем разные вещи. Понял, что есть во всём закономерность. Но почему одна и та же вещь в разное время кажется иной? От незнания и невежества? Ясно одно: нужно познавать вещи, чтобы получить достоверную истину. Для этого их нужно изучать, исследовать. Но возможно ли до конца познать вещь? А человека? Может быть, чаще всего мы имеем о нём лишь своё мнение и убеждение или образное представление, заблуждаясь относительно истины, самоуверенно полагая, что мы её знаем?

В избушке было темно и сыро. В небольшом отверстии, замывшем окно, торчала грязная тряпка. У стены стояла рама с прокопчёнными стёклами. Кто-то снял её. Чёрная пасть чувала – этого древнего очага манси, полукостра-полупечи, зияла в углу избушки, рядом с низкой дверью, в которую даже Сергей, несмотря на свой средний сибирский рост, входил нагибаясь. Он любил смотреть на игру огня в чувале. Настругав стружек из сушняка, который он набрал поблизости от избушки, разложив поленья крест-накрест, не торопясь подносил золотой язычок пламени спички то к одной, то к другой стружке, будто совершая какое-то таинство. Мгновение – и по дереву бежит красная лисица. Так говорит мансийская загадка о чувале, в котором пляшет пламя. Золотые тучи огня оживили лесную избушку, осветили её тёмные углы. В одном из её углов валялся перевернутый низенький столик, в другом – скамеечка, тоже низенькая, маленькая, будто детская. Это Илья-Аки когда-то сделал. «Как это не сожгли их геологи, разные бродячие туристы, – думал Сергей, глядя на сорванные с нар доски. – Надо будет починить нары. А то спать на полу... И зачем им понадобились доски? Разводить огонь – так кругом лес... Непонятно, зачем они так...»

Сергей думал о законах тайги. Они во многом справедливы,

и как важно их сохранить. Находятся же люди, которые нарушают их! Вот пришёл бы в эту избушку, в пургу, ночью, усталый или больной, что бы тогда стал делать? Спичек нет, соли нет. Зачем же срывать доски с нар, убирать рамы?..

Этот домик построил Илья-Аки после войны. Но и он уже успел покоситься набок. На мшистой земле дерево гниёт. Если бы на фундаменте!.. Так в старину строили манси свои лесные избушки. В детстве Серёжа не раз бывал в старинной дедушкиной избушке, которая стояла рядом. На крыше у неё росла мягкая, пушистая трава. В любой дождь и непогоду в домике было тепло и сухо. От той избушки остался лишь нижний венец...

Доски с нар сорваны. Пол затоптан грязью. Кругом валяется мох, трава пожухлая. Глядел на это Сергей, и казалось, будто поломали его светлый сон детства. В деревне у них вначале была почти такая же избушка, пока колхоз не построил другой, более просторной и светлой. В одном углу стоял такой же чувал, а не кирпичная печь, как сейчас. В другом клетка для телёнка. Рядом с этой клеткой ночевала всегда и собака. Сквозь крохотное оконце с продымлённым стеклом просачивался весёлый свет, игравший целый день на улице. Не совсем светлым помнится этот домик, но во сне он являлся Сергею почему-то приятным. Не раз ему хотелось вернуться в него, прикоснуться, подышать тем воздухом...

Не стал бы жить Сергей в такой избе? Конечно же, нет! Квартира, современные условия жизни... Они, видно, играют немаловажную роль и в отношениях людей, в семье. Не раз замечал в разговоре с Верой... Вот и в последний раз...

«Хватит, потаскалась я по Северу!.. Проклятая, что ли?! Я тоже жить хочу...», – горькие слова жены нет-нет да и выплывали в памяти. И глаза её, наполненные слезами, стояли будто перед ним.

Никогда Сергей не видел жену такой. Не из плаксивых она. Сколько раз сам поражался её стойкости.

И теперь вот в этой таёжной тишине хотелось разобраться: чем вызваны эти слёзы?

Вот уже сколько лет они в посёлке Зеленая роща. Посёлок действительно зелёный. От простора сосновых рощиц, приютившихся среди ровных рядов аккуратных двухэтажных домов на берегу подковообразного озера. А в кафе вместо стульев сосновые и берёзовые пни. Сосны растут и в причудливой росписи домов. С выдумкой строили этот посёлок его молодые строители, комсомольцы.

Они отстаивали эти сосны. «Не дадим вырубить лес! Не дадим оголить посёлок!» – заявили они тем, кто говорил, что деревья будут мешать при строительстве, что легче посадить новые...

Если бы тогда уступили?! Стоять бы теперь посёлку на берегу озера, как сиротинке. Резвились бы в нём промозглые ветры Ледовитого океана, как в других новостройках Севера.

Теперь этот посёлок как оазис в однообразии северного пейзажа, с ржавыми болотами, с проблесками чистой воды, негустой тайгой.

Ровные ряды домов. Бетонированные улицы. Сосны... Этот городской посёлок без окраин больше похож на дом отдыха.

А когда-то здесь был островок тайги. На месте глухариного тока теперь асфальтированная площадь. Еле заметная таёжная тропинка превратилась в улицу Надежд. На месте медвежьей берлоги теперь Дом культуры. В его светлых и просторных залах отдыхают после работы люди... А медведь поплёлся дальше в урман...

Нелегко было строить этот посёлок. На глухариный ток, вокруг которого начиналось строительство, первые строители ходили через болото и протоптали «тропинку мужества». Нередко ночью, когда землю окутывала темень, чуть свернёт человек в сторону – и увязнет в трясине.

– В дерево одели нашу «тропинку мужества», – как-то сказала жена, проходя по деревянному тротуару, – не додумались бы одеть ещё в бетон! Память изломают. А то кое-кому покажется, здесь всё время было гладко. Пусть хоть «тропинка мужества» останется... В память о нашей молодости.

Тропинка... Немало потопала по ней и Вера. Жили они здесь ведь почти что с самого начала. В третьем жилом доме, который сдавали строители, получили квартиру и Лугуи. Хотя посёлок был новый, необжитый, столько радости было, когда появилась у них эта квартира! Казалось, теперь уж конец вечным скитаниям. Можно пожить и оседлой, нормальной жизнью.

Три комнаты, кухня, ванная. Газ, горячая вода, канализация. Квартира со всеми удобствами. В окна глядят зелёные иглы сосен. Сквозь кудрявые ветви серебрится гладь озера.

А весной утки летают перед самыми окнами. Звонкая лебединая песня нет-нет да и прозвенит над озером. И рыбы весёлыми всплесками ломают зеркало воды. Квакают лягушки. А белая ночь с запахом цветущей черёмухи!.. А большие летние дни, когда на кедрах созревают шишки, а земля голубеет от налитых ягод голубики... А ближе к осени земля наливается живой и сочной кровью брусники. И грибов не счесть! Если бы не комары да мошкара – быть бы этому уголку земли райским. Во всяком случае, Сергею казался он таковым. И жена, видно, уже привыкла к этому лесному уголку. В отпуске, вдали отсюда Сергей не раз замечал, что она нет-нет да и скажет с восхищением: «А в нашей тайге!.. А в нашем озере!.. А в нашем посёлке!.. А в нашем доме!..».

А в посёлке Зелёная роща действительно неплохо. Порядок здесь такой, что милиции и дружинникам делать по вечерам нечего. Днём все работают, а по вечерам один идёт в спортзал, другой – в кино, третий спешит на репетицию в Дом культуры. А в

Доме культуры и библиотека, и спортзал, и новые кинофильмы, и весёлые вечера отдыха... Некогда здесь скучать.

В посёлке не только современный Дом культуры. Он весь благоустроенный. Здесь хорошо оборудованная торговая база, больница, школа, почта, телеграф, быткомбинат, детские сады, ясли...

А вначале ведь жили в вагончиках в вагон-городке. Теперь никого там не осталось. И вагоны увезли куда-то на север. Может быть, на ту самую новую стройку. И если принять предложение начальника – то семье Сергея, конечно же, снова жить в таком же балке. Вагончик, в котором когда-то жили Лугуи, ничем снаружи не отличался от других крошечных домиков, вытянувшихся на небольшой поляне среди соснового бора. Бывало, Сергей до того устанет после работы, что ноги кажутся каменными. Но стоит только переступить порожек этого тесного, но уютного домика, где хлопчет его Вера, как усталость его мгновенно снималась. То ли от её ласковых глаз, от её хлопот и беспокойства, то ли от уюта, который она умела создавать в любом уголке, где приходилось им жить. На окне сиреневая занавеска, на малюсеньком подоконнике каким-то чудом приютился вьюнок, его воздушная зелень продолжалась в золотисто-зелёных обоях, которыми были оклеены стены вагончика. На полу синтетический коврик, на стенке над кроватью настоящий бархатистый ковёр...

– Вот бы сюда подвести воду, паровое отопление от котельной, оборудовать душевую, – говорила она иногда, вздыхая, ковыряясь клюкой в железной печурке, устроенной в углу. – Есть же котельная. И трубы, наверно, найдутся. Взяться только...

Живя в вагончике, глядя на неровную улицу вагон-городка, Вера частенько вспоминала свой город с его прямыми проспектами, дворцами, парками. И потому отпуск обычно проводили в Ленинграде. Лишь несколько раз за столько лет погрелись у Чёрного моря. А ведь была возможность бывать на юге почти каждый год...

Иногда Вера робко намекала о переезде в Ленинград. Но, получив новую квартиру в Зелёной роще, совсем успокоилась. И, казалось, нет лучше места на земле. И вдруг новое предложение – ехать дальше на север.

Сергей понимал её слёзы. Видно, приходит время, когда немаловажную роль в жизни человека начинает играть квартира, условия жизни. Сергей удивился этому. Ведь раньше, в дни его юности, в первые дни тюменской одиссеи, он об этом не думал. Или это с возрастом, или вообще жизнь изменилась так?! Нет, Сергею не хотелось быть рабом квартиры. И всё же нутром чувствовал, что и ему не очень хотелось срываться с места. Нет, и для Сергея теперь условия жизни не последнее дело. Надо подумать хорошенько. Взвесить всё, а потом уж принимать решение: ехать на север или нет.

Огонь в чувале разгорелся. Трещали смолистые поленья, летели искры. Заплясало пламя – и от чувала потянуло теплом. Избушка наполнилась живым, трепещущим светом. Даже сумрачные углы ожили. В них тоже будто что-то плясало.

Не зря поклонялись древние огню. Конечно, Сергей никаким духам уже не верил. Но здесь, в этой избушке, где всё дышало древностью, у него было какое-то особое чувство. Вытащив из вещмешка бутылку водки, он налил полстакана и поставил перед огнём. Так всегда поступал Илья-Аки, когда они вместе ездили сюда на охоту. Он и не собирался сегодня делать этого. Но когда увидел, как весело затрещал огонь, как всё заиграло, заискрилось, его вдруг как-то невольно потянуло угостить волшебницу Сорни-най. Иначе поступить, наверно, он не мог. Тогда бы он чувствовал себя нарушителем установившегося в этой избушке обычая. Теперь же, совершив привычный акт угощения огня, он как бы заново вошёл в избушку, став полноправным хозяином. А когда выпил содержимое стакана, исчезла некоторая скованность и стали таять те невольные опасения, которые появились в нём с недавних пор. Теперь же, глядя на огонь, он почувствовал себя хорошо.

Сорни-най... Золотая богиня... Она плясала, взмахивая золотыми руками. Полные колени её сверкали. Тонкая талия извивалась, гнулась. Волосы её все в лучистых звёздах летели ввысь. И вся она, сияющая, щедрая, мчалась куда-то, даря тепло и свет. Тепло и свет Сергей чувствовал на себе. Он даже потрогал себя и протянул к огню руки.

С некоторых пор Сергей стал замечать, что в нём, казалось бы, современном человеке дают себя знать такие проявления, которые трудно объяснить. Перед ними разум кажется бессильным.

Суеверие... Какое отношение может иметь оно к Сергею? Ведь когда-то он так мечтал быть борцом против «невежества», пережитков прошлого! Но суеверие ли, если ему снятся сны, а потом всё это сбывается? Подобное случалось с ним не раз.

Как объяснить, например, случай, который произошёл с ним ещё в детстве? В белую ночь, когда только-только легли спать, Серёжа ещё даже не уснул, а чуть забылся в полудрёме, как кто-то незнакомый сказал: «Сейчас умер дядя Алексей. В Берёзове, в больнице».

Серёжа соскочил с постели, как облитый ледяной водой.

– Что с тобой?! – вскрикнула мама, которая спала здесь же, рядом.

– Дядя Алексей умер. Сейчас. Мне сказали.

– Что ты, что ты? Наговариваешь на человека...

– Мне сказали!

– Кто сказал? Когда?

– Сейчас!

– Так ты только лёг. Уснуть не успел. Ты просто... О! Злой дух! Зачем накликать смерть?!

А на другой день приехали люди из Берёзова. Они сказали, что вчера вечером умер Алексей, который раненым вернулся с фронта.

Мама заплакала.

– О несчастье! Вещий дух! – запричитала мама, обливаясь слезами. – Зачем ты выбрал наш дом? Мы и так несчастны! О, несчастный мой сын! всю жизнь тебе мучиться! О плохом ты будешь знать раньше других! И о хорошем узнаешь, не изведав. Лучше уж будь простым человеком, кому не является дух прозрения! О, зачем нам это страшное прозрение! О несчастье! Какое страшное несчастье!

Когда мама рассказала об этом Ильля-Аки, тот воскликнул:

– Не плакать надо, а радоваться! Провидец он у тебя! Шаманом будет!

– Разве шаманом хорошо быть?! Вон их как ругают! И на колхозном собрании, и в школе, и всюду. В бумагах-книгах говорят о них плохо. Пусть лучше мой сын пойдёт в школу и сам научится разбираться в бумагах. Пусть лучше он будет с теми, кто ругает, а не с теми, кого ругают. Какая радость моему сыну, пусть он будет простым охотником. Какая радость может сравниться со счастьем удачливого промысловика!

Это было в то необыкновенное лето, когда кончилась война. А осенью Серёжа пошёл в первый класс.

Но вот прожито тридцать семь лет. Прочитаны сотни книг, объезжено если не полземли, то и немало. Казалось бы, сейчас уж!.. И вдруг вещие сны, какие-то сомнения...

Нет, хочется разобраться, дойти до сути!

Телепатия, ясновидение... Может, в мире на самом деле действует какой-то универсальный принцип, разгадав природу которого можно объяснить многое, кажущееся ещё загадкой?

Дух и материя... Материю можно ощутить, измерить. Наши переживания, настроения, чувства, именуемые душой, происходят в нас же. Может быть, наши души, наш разум подобно радиоволнам или свету находятся и здесь, и там, и всюду. Может, наши мысли и переживания уходят в пространство, а кто-то близкий, родственник, настроенный на ту же волну души, ловит их и переживает, думает вместе с нами?

Или человек действительно так дремуч, невежествен и суеверен, что, называя себя материалистом, в душе вечно будет верить во что-то сверхъестественное и потустороннее, прикрываясь неоткрытостью законов природы и мира?

– Что это я колбасу жую! – глядя на весёлую игру огня, воскликнул Сергей, будто пробудившись от сна. – Для того ли приехали на охоту? Ведь у нас где-то рябчики... Бульончик!.. Сравнимо ли?! Правда, Музгарка?! Ну, скажи!

Музгарка лежала у порога, подложив под голову лапы, ожидающе поглядывая на хозяина.

– Сейчас, милая. Расщиплю. Тебе потроха. А мне... Да и тебе бульончику. И косточки. Соскучилась, наверно, по свежей крови...

Вдруг Сергей уловил, что говорит не своим голосом. Так Илья-Аки разговаривал обычно с собакой. Здесь же, перед этой пляшущей Сорни-най, ему стало как-то не по себе. Совестно перед самим же собою.

– Докатился до Илья-Аки! – воскликнул он, обращаясь то ли к собаке, то ли к огню, то ли к самому себе. – Не хватало ещё принести жертвы духам!..

Он плеснул на дно стакана водки. Выпил. Просто так. Ни о чём не думая. Не посвящая ни огню, ни хранителю избушки, ни хозяину этого лесного уголка леса. Так, как обычно. Когда ездили на охоту целым коллективом, с новыми людьми. Там была богом даже не добыча. Нет! Водка там была богом. Ей молились. её убивали. Ей приносили в жертву себя. Весёлая охота...

И сегодня, уходя на охоту, он не забыл помимо всего прочего взять водки. И теперь выпил он не потому, что замёрз или устал, а просто так, по-современному. Какая охота, если не выпить! Это стало неписанным законом, традицией, обычаем. С некоторых пор эти коллективные вылазки ему стали не совсем приятными. Не отдохнёшь на такой охоте, а больше устанешь. И голова болит. Ему хотелось побыть одному. Вот так, как сейчас. Глядеть на огонь, слушать себя, думать...

Значит, телепатия... Даже если телепатия на самом деле есть, то с Венькой разве свяжешься? Сработает ли? А может, уже давно стали мыслить и чувствовать на разных волнах? Может быть, никогда не были близкими по душе, а просто случайно по молодости и работе были связаны? И это называли дружбой?

К тому же Венька очень занят. Даже сейчас, вечером, он наверняка на телефоне. Звонит. Если звонит подчинённым – в голосе сталь. Не терпит Венька расхлябанности, уважает силу, любит послушание подчинённых.

– Ты слушай меня! – кричит он обычно в трубку. – Да не тараторь! Слушай меня – и всё будет в порядке!..

Если он звонит начальству – голос у него другой. То в голосе у него по-прежнему звенят властные, стальные нотки, то тают, будто охваченные каким-то жаром. Иногда совсем непохожим на себя становится. Горько думать, что происходит это не с чужим человеком, а с недавним другом, с которым немало дорог пройдено.

Телепатия... Но поможет ли она душевному общению друзей на расстоянии?

Странное создание человек. Далеко люди друг от друга – а думы не покидают, хочется общения...

В избушке стало совсем тепло. Даже уютно. Но уют этот был какой-то непривычный, необыкновенный. И этот древний допотопный чувал с открытым и ярким огнём, и таинственный полумрак пустых углов лесной избушки, и доверчивые глаза лайки, и выпитая водка – навевали какое-то особое, необыкновенное состояние. Он полулежал на расстеленном овчинном полушубке у этого древнего огня, а в мыслях жил в той, вчерашней жизни. Нет, она не отпускала его. Наоборот, здесь, в таёжной глуши как-то острее и ярче заплясали вчерашние волнения, заботы. Конечно, не производство с его мощными машинами и не механизмы и аппараты, как бы они ни были тонки и умны. Не они его волновали... С людьми как-то сложнее...

Ну что такое, например, дружба?

...С некоторых пор для Сергея стал непонятным его лучший друг Венька. Вроде такой же, как прежде, и что-то было всё же не так. Как-то каждый из них стал сам по себе. Пути их, что ли, разошлись? Или каждодневная суета беспричинно разъединяла, или просто возраст сказывается?

Неизвестно, как относился к этому Венька, но Сергею не доставало прежней близости и тепла.

Теперь, когда Венька стал заведующим промыслом, Сергей всё чаще называет его Вениамином Васильевичем. Конечно, он теперь – заведующий промыслом, добывает газ. Занимается, как признаётся, делом настоящим, реальным. А что не настоящее? Что он имеет в виду? Свою прежнюю профессию геолога, сейсмика? Так ведь в результате деятельности, гигантского труда разведчиков открыты были месторождения нефти и газа, которые теперь разрабатываются добытчиками. И в тех местах, где проходила его, Сергея, сейсмопартия, где он сам «прослушивал» землю, нередко потом открывали месторождения. Пусть они были небольшими, не так уж и много их, но всё же. И он ведь первооткрыватель, первопроходчик, разведчик, герой, можно сказать! Не присвоили звания, не навешали орденов на грудь? Но разве возможно всем? И так кругом одни лауреаты... И Вениамина Васильевича не обошли. И его наградили орденом «Знак Почёта». Разве мало? Впрочем, он не жаловался. Лишь иногда скептически посмеивался над руководителями геологоуправления. Начальство, мол. Рука руку моет, друг друга тянет...

Ещё в шестьдесят четвёртом году перешёл Венька к промысловикам. Сразу же, как была начата промысловая разработка месторождений. Для промысловиков он был больше чем находка. Его

опыт первопроходца, знатока этих мест и условий, был как нельзя кстати. В первое время без него здесь мало что предпринималось. С ним советовались, его слушали, ему доверяли. И в быстром становлении газопромыслов немалая его заслуга. Сначала он был правой рукой начальника газопромыслового управления, его заместителем. Потом возглавлял профсоюз. Наконец стал заведующим промыслом. Под его началом были компрессорные станции, люди, участок газопровода, который здесь наполнялся голубым топливом. Немалое хозяйство...

Выполнил он в общем и завещание своих предков. Стал геологом, принимал участие в открытиях нефти и газа, о которых мечтали и отец, и дед. Нашёл он и то таёжное озеро, в котором когда-то рыбаки выловили сетями вместе с рыбой траву, пропитанную нефтью, и деревянную буровую вышку, построенную отцом до войны. Она, обветшалая и наполовину сгнившая, стояла в тайге, как памятник первым землепроходцам. Рядом с ней, в разукрашенной землянке, сложен керн, поднятый из скважины при бурении.

Увидев это, Вениамин Васильевич дал себе слово во что бы то ни стало добиться, чтобы на этом самом месте действительно поставить памятник первым землепроходцам. Пока это осталось несуществлённым. Но Вениамин Васильевич об этом не забывал.

И семья у него вроде сложилась. Сын растёт. Шустрый такой. Учится в четвёртом классе чуть ли не лучше всех. Заядлый рыбак. Летом целыми днями пропадает на реке. Ловит рыбу. И лодкой умеет править.

– Рыбак! В деда пошёл! – любит приговаривать Вениамин Васильевич.

А дед его манси. Был когда-то бригадиром рыболовецкого колхоза. Мало кто мог с ним состязаться на промысле. Жена окончила педагогический институт в Ленинграде. Теперь преподаёт русский язык и литературу в средней школе. А на родном, мансийском языке говорит редко: только когда приезжают из соседних деревень старики. Зато она любит слушать песни на мансийском языке. Сама же ездит по деревням, записывает. Зачем, непонятно. Наверно, просто так, для души.

Любил Сергей бывать в этом доме. Здесь всегда весело. Жена Вениамина Васильевича – выдумщица, необыкновенно весёлый человек. Она любой обычный вечер может превратить в праздничный. Накроет стол – и жди начала представления. Включается магнитофон. Строгий женский голос, высоким штилем приглашая гостей за стол, говорит примерно следующее: «Дорогие гости! Просим к столу, где таёжные духи уже наслаждаются запахами диких лесных и речных лакомств. Строганина из нельмы, мало-сольный муксун, уха из осетра... Сегодня день последней мансийской рыбы... Великодушная стерлядь подплыла к столу, чтобы вы,

цивилизованные дети культурных родителей, прикоснулись к ней, трепещущей, и оценили сладость её живительной крови. Не хмурьтесь! Не будьте лицемерами! Ведь не одной зеленью питаетесь? Говорите – дикость? Ну и что? И ваши предки были такими же! Прикоснитесь к лакомству ваших предков. А все они – уже за столом. Они приглашены мною. Уважающие своих потомков предки – всегда к столам детей прилетают. Вместе со всеми они наслаждаются естественными запахами первозданной жизни... Сегодня – день последней живой рыбы. Первый тост...».

То она устраивала импровизированный «медвежий праздник» с головой медведя на телевизоре, то закатывала широкий «русский стол» с самоваром, с пирогами, с известными и полузабытыми русскими блюдами, а в дни советских праздников накрывала «большой стол» с речами и тостами, как на званых банкетах.

Возможно, не всем нравились эти стилизованные представления, эта игра, но Сергею было приятно на этих застольях. Он наблюдал, как преображался Венька, его друг. Он был игровой. И неизвестно, кто из них был инициатором подобной игры. И в том ли дело.

Хорошо было Сергею в этом доме.

Но в последнее время собираться вместе стали реже. И холодок появился в отношениях между друзьями. Чем он вызван? Никак не мог понять это Сергей. Ему было больно. Ему просто не хватало друга, с кем он привык делиться, советоваться, спорить.

Минувшим летом Сергей ездил на новый участок промысла, который нужно было подготовить к эксплуатации. Протянута была уже и нитка газопровода, построена и компрессорная станция с оборудованием по самому последнему слову техники, возведены здания культурно-бытового назначения.

Но по мелочам где-то чего-то не хватало. Нужен был опытный глаз и рука мастера. Вот и командировали Сергея Лугуя. Он был специалистом широкого профиля. Годы работы в экспедициях не прошли даром. Освоил он не только сейсмическую аппаратуру, но и в дизелях разбирался, как в любом лодочном моторе. А когда началась промышленная добыча газа, не стоило ему большого труда переквалифицироваться из дизелиста в оператора компрессорной станции. Освоил и другие специальности. В отличие от буровиков-кочевников, добытчики газа были людьми оседлыми. А Сергею надоела кочевая жизнь. Семья, дети требовали внимания. Вот и перешёл к газовикам. И не жалеет...

Участок промысла находился на небольшом островке, поднятом выше намывным песком. Кругом – вода. Большая вода большой реки. На десятки километров ни кусочка земли. Узенькие гривы березняка и тальника, разделяющие заливные луга, протоки, в воде. Они будто тоже куда-то плывут. Стоит среди плещущихся

струй один островок, на котором приютились и газосборная станция, и общежитие, и столовая, и электроцех... Здесь постоянно мало кто живёт. На работу – прилетают. На вертолёте. Отстоял вахту – домой, на центральную базу, где благоустроенная квартира, семья, управление...

Летом можно приезжать сюда на катере, на речном трамвае, на моторной лодке. Только это не быстрая езда. Ведь сотни километров отделяют промысел от посёлка...

Может, расстояние, которое разделяет места их работы, стало играть какую-то свою отрицательную роль? А не сказывалось ли что-то более глубинное, связанное с мироощущением предков, пытливая, чуткая душа которых жаждала общения со всей окружающей природой, олицетворяемой ими в духах, в лесных боже-ствах?

– Венька, Венька! Настройся на мою телепат-волну. Ведь когда-то мы понимали друг друга с первого слова. Что же произошло между нами? Мы должны объясниться! Потом уж!..

– Что потом уж?! Объясняться – так сейчас же, сию минуту. У меня как раз свободное время. Откуда ты? Говори погромче!

– Я из Юности, Венька. Ты слышишь меня? Ты помнишь?

– Из какой это «Юности»? Из журнала, что ли? Был тут один корреспондент.

– Зачем нашу Юность путаешь с журналом? Я из нашей с тобой Юности звоню тебе. Понял, из нашей таёжной Юности.

– Ну и чудак же ты. Нашёл время для воспоминаний. Стройка. План. Комиссии. Столько дел, что некогда вздохнуть, оглядеться. А ты в воспоминания ударился. Неужто стариком себя уже почувствовал?

– Нам с тобой по тридцать семь.

– Это я знаю.

– Правда, мы не стары?

– Ну-у!

– Да, нам по тридцать семь. Пора зрелости. С этим-то ты согласен?

– Конечно. Но что тебя смущает? Наша жизнь? Так ведь она у нас с тобой настоящая. Не у каждого она бывает такой интересной.

– Всё правильно. Но ведь надо же когда-то её осмыслить.

– Ничего, придёт время, и мы посидим с тобой.

– Будет ли оно? Ты и сейчас торопишь меня.

– Да, дела, дела... Хорошо, что сегодня никто из высокого начальства не приехал. Нет никаких комиссий из области. Могу переговорить с тобою. Живём рядом, а для встречи и сердечной беседы действительно времени нет. Здесь я согласен с тобою... Приём... Приём... Тебя слушает старый друг...

– Старый друг... Наконец-то связь, кажется, установилась. Слышимость неплохая.

– Говори, раз неплохая. Я слушаю. Наверно, что-то стряслось?

– Не совсем так. Не стряслось, а даже успокоилось, я взглянул на нашу дружбу и вдруг увидел, что мы в последнее время перестали понимать друг друга.

– Объясни, почему?

– Начну по порядку. Только, пожалуйста, не перебивай. Помнишь, когда меня в первый раз выдвинули депутатом областного Совета, ты был моим доверенным лицом. Ты хорошо говорил на собраниях избирателей, расхваливал меня на все лады. Я краснел. Не знал куда себя девать.

– Разве я говорил неправду? Разве ты не заслуживал похвалы? Слово – полководец человеческой силы! Тебе-то это лучше знать. Ладно, шучу. Я слушаю тебя.

– Да, всё было правильно. Ты говорил честно и прямо... Но в какой-то момент я уловил, что ты завидуешь мне. И я оказался прав. Помнишь, через несколько дней после последнего собрания ты мне признался, что сначала была твоя кандидатура. И тогда ты впервые посмотрел на меня как-то отчуждённо. И мне стало больно. Почему, не знаю, – но ты перевёл наш разговор на другую тему... Ты меня слышишь?

– Слышу. Продолжай.

– Я мог бы понять это так: ты завидуешь по-доброму. Но помнишь, как было дальше? Когда я стал депутатом, я искренне надеялся защищать интересы охотников и рыбаков. Я настоял на повышенной оплате оленеводам, а ты вдруг надулся... «Переманивать кадры, нужные на промыслах». Я выступил на сессии в защиту тайги, её зверья и птиц. Ты обвинил меня в узколобом «местничестве». Но дело даже не в этом. А дело всё в том, что с того момента, как мне кажется, ты переменялся.

– Возможно. Я не скрываю этого. Я и сам замечал, что в последнее время я стал каким-то другим. Может, дела, а может, то, что нет времени встретиться и очиститься от разных мелочей, которые сами по себе страшны, если на них не обращать внимания. Да, я стал резок с людьми, излишне самолюбив. Мне стало казаться, что все хотят мне только плохого, даже ты. И ошибки, и промахи – они тоже оттуда. Порой мы сами не замечаем, как появляется в наших добрых отношениях холодок. И всё же, Серёжа, в главном, большом, мы всегда были, вместе. И жизнь у нас с тобой не маленькая, а большая.

Помнишь?.. Когда мы вместе начинали нашу нефтяную одиссею? Мы были совсем другими. Мы настоящими героями были! Не правда ли?! Открыть в ледяном пустынном краю такую махину нефти и газа, да ещё в условиях, когда мало кто верил в нашу уда-

чу! Разве это не подвиг? Ты помнишь, Серёжа? Ты слышишь меня? Настройся на мою волну. Как ни странно, вот и мне захотелось окупаться в воспоминания.

Всего трудней, пожалуй, бывало зимой. Она всегда нам показывала свои зубы, расставляя ловушки на каждом шагу. И всё же распечатали недра Тюменского Севера, открыли его сокровища. А ведь не раз суровый Север испытывал нас на прочность, выдумку.

– Помнишь зиму пятьдесят девятого года, когда нас особенно преследовали неудачи?

В памяти Сергея вспыхивали памятные дни той длинной, как ночь, зимы, которая на каждом шагу расставляла ловушки. Ехали на новую площадь с базы геофизической партии. Трактор-болотник вёл опытный тракторист. Гусеницы уверенно мяли сверкающую белизну снега. Казалось, всё покрыто белой шубой, всё замуровано, заковано морозом. Не дышали ни ржавые болота с их бездонной трясинной, ни узкие таёжные речки с тёплыми ключами. Без особых приключений миновали цепочку мелких озёр, покрытых пушистым снегом. Осталось пройти каких-то полсотни километров, как вдруг под гусеницами что-то затрещало, зашипело. Шофёр рванул дверцу, выпрыгнул.

– Чего ты, тетеря, расслаиваешь? – крикнул он, видя, что Сергей не реагирует. – Прыгай!..

Ледяной холод обжёг ноги. Кренясь на бок, уходил в трясину трактор. Болото раскрыло свою пасть... Через какое-то мгновение уже зияла дыра... Когда подошёл шедший сзади трактор, на успокаивающейся поверхности воды пенились лишь пузыри...

– Надо вытаскивать машину, пока совсем не засосало! – сказал Венька, сбрасывая с себя одежду. – Сейчас нырнём, подцепим!..

Это было невероятно. Тридцатиградусный мороз, никакого укрытия: с ледяной воды – на мороз. Разумно ли это?!

– Хватит рассуждать! – резко перебил он товарищей. – Давайте сюда верёвку, трос!.. Разводите костёр! – Привязав к тросу тонкую верёвку, скинув одежду, он нырнул в ледяную воду. Ожидание... На воде пузыри, круги времени. Время кружится, тянется томительно. Секунды, как круги на воде, тянутся, расплываются...

Вдруг вода всколыхнулась, зашипела, зашумела, заскользила по красному, будто обожжённому телу Веньки. Время побежало, задышало. Венька круглым ртом жадно хватает воздух. На него набрасывают огромный овчинный тулуп. Подносят кружку спирта... Отдышался. Окинул товарищей каким-то особым взглядом, долгим, как жизнь. И, не проронив ни слова, снова прыгнул в воду. На воде опять пузыри, круги времени. Пузыри лопаются, и время теперь уже не так томительно тянется. Товарищи почувствовали, поверили: Венька выплывет, сделает... И правда: мгновение, и Венька вынырнул. В светлой шевелюре появились кристаллики

льда, он так же жадно хватал воздух. Время снова задышало, побежало, играя в синих глазах радужными бликами жизни короткого зимнего дня... Тёплый тулуп, глоток спирта, обтирание огненной водой, яркий, большой костёр на берегу замёрзшего лесного озера... Протягивая руки к пышущему жаром огню, сияя глазами, Венька говорит:

– Увидел сразу, а дыхания в первый раз не хватило. А то бы зацепил. Что такое со мной?.. Всегда дыхания не хватает. Всё равно выволочем! Не на таких нарвались!

И правда, выволокли всё же трактор, высвободили его из водяного плена. Немало пришлось, конечно, потрудиться, покорпеть. Но всё остальное как-то меркло по сравнению с Венькиным порывом, самоотверженностью.

В другой раз ехали на «газике» по зимнику, временной зимней дороге. Где-то на середине болота разыгралась вьюга. На крыльях ледяного ветра летел колючий снег. Низенькие карликовые сосенки то ли припали к земле, то ли превратились в снег. Казалось, небо и земля летели в свистящем снегу. И брезентовый тент «газика» трепало, точно вот-вот и его сорвёт. И «газик» стоял. Его заносило снегом. Решили переждать ненастье в машине. Всё же мотор. От него в другой раз жарко, как в бане. А сейчас свистящий вихрь ледяных струй, проникая сюда, уносил тёплое дыхание мотора. Спереди чуть грело, а спину леденило. Возможно, Сергею было теплее, чем Веньке и шофёру. Он пристроился в середине между двумя передними сиденьями, прильнув к баранке «газика», дремал. Шофёр время от времени включал мотор. Венька сначала сыпал, как обычно, анекдоты, потом ругал кого-то из начальства, что продуктов вовремя не завезли в бригаду, потом стал проклинать бездорожье, холод, этот ледяной, сумрачный Север. Сергей молчал. Ему не хотелось говорить ничего. То ли усталость сказала – ведь больше недели мотались в этой машине, то ли оттого, что хотелось есть. Утром, когда выехали из стоянки партии, стояла такая тишь, что, кажется, услышишь шёпот звёзд, бледневших под просыпающимся взглядом утренней зари. Что стоит машине проскочить каких-то пятьдесят километров! Потому не прихватили ничего съестного. Да и продукты уже кончались: ничего, кроме консервов, в партии не оставалось. Хорошо что у шофёра в машине оказалось три баночки тушёнки да налимья печень в масле. А хлеба – ни крошки. Думали вечером повеселиться не только в жаркой бане, хлестаясь веником, но и посидеть за добрым столом с горячей, живой, неконсервированной пищей. И вот тебе на... Застряли посреди болота. Коварное это болото. Недаром манси зовут его Яныг-янгалма, что означает в переводе «большая ледяная земля». Священным и гиблым местом считали древние это болото. Утром, когда, попетляв вдоволь по дремучему лесу, выехали на это

болото, Сергей вначале обрадовался открывшемуся вдруг простору. Бело-синее марево плыло до горизонта. Выветренный, точно приглаженный снег. Редкие щетинки худосочных сосенок. То тут, то там играли струйки пара. Это дыхание трясины. Потому, наверное, здесь нет следов не только лосей, но и тетеревов. Зимой дичь любит места посуше. А зимник всё же проложили здесь. Велико болото, далеко объезжать. В добрую погоду проскочить его недолго. А тут как на грех разыгралась пурга.

Чёрная ночь стояла над головой, когда окончательно заглох мотор, выжрав весь бензин. Чёрными крыльями махал ветер, стуча по брезентовому тенту, обдавая сидящих в «газике» ледяным дыханием. Пляска вьюги не прекратилась и на следующий день. Они решили пробиться вперёд. Шли сквозь мутную пелену, надеясь добраться до леса, найти там дорогу и по ней дойти до какого-нибудь жилья. Они шли, проваливаясь по пояс в снег. Впереди Венька, за ним кувыркался шофёр, а позади Сергей. Колючие снежинки летели в лицо, побелели ресницы и приросли к бровям. Ледяное дыхание ветра как серная кислота. Оно обжигало горло, подбиралось к лёгким. Стужа начинала сковывать пальцы ног и рук. Сергей падал от усталости. Ему хотелось прилечь и уснуть. Но Венька, протаптывая дорогу, время от времени оборачивался назад и, переводя дыхание, кричал: «Что вам, на тот свет захотелось?! Двигаться! Только двигаться! А то стужа вмиг превратит в сосульку. Она любит лентяев, слюнтяев, нытиков... Вперёд, только вперёд!..».

Венька то подбадривал, то ругался. О его настойчивости и выносливости Сергей давно уже знал. Он удивлялся, откуда Венька берёт столько сил. Может быть, сознание того, что он сильнее, что те двое нуждаются в помощи, в его каждом новом шаге? А остановись, и они остановятся. Тогда всё! Стужа покажет не только звериную пасть!..

Он шёл, карабкался по снегу, полз, останавливался, поджидая товарищей, поучал и снова шёл. К вечеру ветер поутих. И по неверному оленьему следу добрались до леса, на опушке которого нашли охотничью избушку...

– Да, отвоевать у бездорожья, болот, морозов, вьюг, дремучей тайги богатства земли было непросто. Требовалось не только умение преодолевать сложнейшие препятствия, воздвигаемые природой на каждом шагу, но и что-то большее. Взаимовыручка, умение приходиться друг к другу на помощь... Разве бы усмирили, к примеру, газовый фонтан, предотвратили страшную аварию, если бы не помощь геофизиков, которые случайно оказались рядом с разбушевавшейся скважиной.

Ты помнишь, как нечеловечески трудно было её усмирить. Мы и тогда уже были не бедны техникой. Ревела буровая, ревели моторы... Встретились лёд и сталь. Лёд дрогнул. Раскрошили его. И

целую неделю убрали лёд, чтоб повалить вышку. Но к скважине не подступиться. Она плюётся. Струи воды летят как стрелы, сшибая с ног, в считанные минуты превращая полушубки в ледяные глыбы. Лютует мороз. Как усмирить её? Добровольцы? Помнишь, среди первых, кто вызвался, были мы с тобой...

Да, это был героизм. Настоящий. Снова и снова бросались в ледяные струи фонтана, самоотверженно, бесстрашно шли вперёд, чтобы надеть стальные кольца на колонку. Не одной, конечно, смелостью усмирили стихию. Среди нас были настоящие мастера, с опытом и технической сметкой.

Целых двое суток люди вели эту, казалось бы, нечеловеческую борьбу. И всё же победили. Угомонилась богиня, отдала свои сокровища.

Да, было времечко. Одни ли мы с тобой были такими?

А помнишь ту площадь, которую мы с таким трудом «распечатывали»? Буровики нам здорово помогли. Наши труды не пропали даром. Помнишь первый нефтяной фонтан? Помнишь, как ты, таёжник, мыл лицо нефтью. Я ждал этого мгновения, можно сказать, всю жизнь. Но не думал, что и ты так восторженно встретишь нефть. Впрочем, мы же шли к одной цели. – Голос Веньки то приближался, то удалялся. Сергей представлял его молодое лицо в дни открытия шаимской нефти.

– Разве такое можно забыть! – ответил Сергей, вспоминая во всех подробностях тот памятный летний день шестидесятого года, когда на испытании скважины он впервые увидел нефть.

Они стояли у небольшого котлована, вырытого бульдозером. Вековую таёжную тишину нарушал лишь писк комаров. Люди замерли. На лицах ожидание. Открыли задвижку. Лихорадочная дрожь пробежала по трубе, подведённой к котловану из скважины. Мгновение – и из выходного штуцера резкими толчками ударила струя, золотыми кольцами расплывающаяся по дну котлована, превращая его в темноватое сверкающее озеро, в котором вдруг ожили и летнее северное небо, и зубчато-зелёный лес, и радостные, возбуждённые лица геологов, которые наконец-то нашли нефть. Она плескалась перед глазами, расплываясь золотыми кольцами по котловану. Она была совсем не чёрной, а какой-то зеленовато-коричневой, с золотистой пеной. Она и на самом деле казалась золотой. Все, кто был у котлована, спотыкаясь и скользя, ловили ладонями тёплые, вязкие кольца, мазали лица, смеялись, прыгали, как дети, целовались, плясали, пели, поздравляли друг друга. Капли магической жидкости искрились и на золотисто-пшеничных волосах Вениамина, на его обветренном, одухотворённом лице, на зелёной геологической спецовке. А во взгляде его синих глаз, устремлённом на фыркающий, посвистывающий фонтан, была разлита такая необыкновенная мягкость, такая восторжен-

ность, что Сергей залюбовался своим другом. Глядя на него, ему хотелось крикнуть: «Вот он какой романтик! Смотрите!..».

А струя нефти била из трубы, расплываясь золотистыми кольцами по сверкающему зеленовато-коричневому озеру, в котором ожили летнее небо, и зубчато-зелёный лес, и возбуждённые лица людей, которые нашли то, о чём мечтали, к чему так долго шли, преодолевая все преграды...

19

Залаяла собака, бросившаяся к двери. Сергей вышел на улицу. На небе играло северное сияние. Долго стоял он, глядя на переливающиеся, как волны, зеленоватые лучи, которые то собирались в бахрому роскошного театрального занавеса, то распускались пучками вверх, точно вспышки праздничного фейерверка. Желтовато-зелёное сияние играло на северной стороне неба, освещая верхушки заснеженных деревьев радужным светом. Деревья, казалось, покачивались в плавном танце, как древние манси, переговаривались шёпотом о чём-то своём, сокровенном. Сокровенное... Что сегодня для Сергея сокровенное? Да теперь сказать это просто трудно! Всё как-то переплелось, он понимал, принимал этот современный мир с космической техникой, и в то же время в нём продолжал каким-то чудом жить мир таинственности, которым манси когда-то наполняли свое бедное, таёжное существование. В последнее время Сергей стал чувствовать в себе мощь нового, неведомого духа. Когда ехал на машине, подпрыгивая на кочках, ухабах, преодолевая гудящей силой мотора и скользящей мудростью шин даже сугробы снега, он чувствовал себя куда уверенней, чем на лыжах. Когда летел на винтокрылом вертолёте, он сам себе казался крылатым духом, сильнее и мощнее богов, которым поклонялись древние манси. Для манси этот мир был вечно разделён на добрых и злых духов. Одни духи вредят, другие помогают. Манси верили в загробную жизнь, старались жить дружно, ощущая себя частицей этого вечного мира, в котором всё рождается, умирает и затем снова воскресает в чём-то совсем другом, сохранив вечным лишь дух жизни. Манси привык чувствовать, ощущать, предсказывать своё недалёкое и дальнее будущее. Если тяжело и голодно на земле, то в мире духов, богов, зверей, рыб, птиц, трав, деревьев, в которых превращается всякий человек после горестного мгновения смерти, он приобретёт что-то более важное, ценное, вечное...

На северной стороне неба светилось желтовато-зелёное сияние. Радужный космический свет играл на верхушках заснеженных деревьев. С полётом Гагарина космос Сергею стал казаться ближе, понятнее, что ли. Точно он сам побывал в нём, преодолев земное

притяжение, познав его реальную суть. В космосе действуют тоже реальные законы природы, которые можно познать. Там нет ничего сверхъестественного, таинственного. Здесь же, на земле, казалось, душа жила какой-то особой жизнью. И если углубиться в тайники её, послушать малейшие движения, то можно узнать, что ждёт тебя впереди: горе или радость, разочарование или удача. Душа его здесь словно оживала, слушая мир, ощущая его порывы, предчувствия, предсказания, будущее.

Деревья, освещённые желтовато-зелёным сиянием, словно покачивались в плавном танце, переговариваясь о чём-то наболевшем.

Углубившись в тайники своей души, Сергей думал о своём, сокровенном...

Сергей как-то выступал по радио. Корреспондент попросил рассказать о своей работе, о товарищах. Он хотел, естественно, говорить правду, и только правду. Но потом, когда слушал себя, ему было неловко. Даже собственный голос не узнать. Будто говорил не он, а кто-то другой, чужой и неприятный. И, наверное, здесь дело не только в механическом голосе. Оказывается, со стороны человек воспринимает себя совсем не так, как изнутри. Свой голос слышишь не ушами, а нутром. А для чего уши? Наверное, слушать только других.

Сергей слушал радио и ловил себя на том, что, если бы для себя, он так бы не сказал. Но почему для других он выразился так, а не иначе? Может, и в обыденной жизни также не все открываются друг перед другом? Неужели правда есть и в том, что чужая душа – потёмки? А твоя душа для других? Неужели и она тайна, которая никогда не открывается во всей своей полноте?

Однажды Ильля-Аки заболел. И, видно, не на шутку. Случайно зайдя к нему, Сергей нашёл его в глубоком бреде. Старик бормотал какие-то бессвязные слова. Непонятно было: то ли он молился, то ли кого-то заклинал, то ли говорил завещание. Но сквозь бессвязное бормотание прорезывались отдельные слова: Небо. Торум. Земля. Жизнь. Смерть. Душа. Сорни-най и даже русское – «Золотая баба»...

А когда он чуть пришёл в себя и увидел перед собой Сергея, то, поглядев на него долгим затуманенным взглядом, протянул:

– Это ты, внучек. Услышал мой зов. Пришёл. Хорошо. Огня...

У него опять закрылись глаза. И хотя он не договорил, Сергей понял его. В доме было холодно. У очага лежали приготовленные к растопке дрова, береста.

Миг – и береста запылала, затрещали и сухие смолистые поленья, оживив небольшую, но уютную избушку старика весёлым

огоньком, который недаром называют душой жилища. По представлениям манси, огонь является женщиной. А чувал, в котором она пляшет, это одежда огня. Такого обмазанного глиной чувала, стоящего в углу дома, ни у кого в деревне больше не было. У всех русские печи, сложенные из кирпича. Лишь у Ильля-Аки остался древний мансийский камелёк. Сергей любил посидеть на низенькой скамеечке перед этим камельком, где можно обогреться, сварить чай, посозерцать, глядя на весёлую пляску огненной женщины.

Этой огненной женщине, чтобы умиловить её или сделать приятное, как любой, Ильля-Аки нередко приносил жертву: то плеснёт ей водки, то бросит кусочек мяса или конфетку. А однажды он одарил её женским халатом красного цвета, расшитым орнаментом и бисером, в знак глубокой благодарности за весёлую пляску в его отшельничьем жилище, за негаснущую душу, за тепло и свет.

Приятно Сергею было посидеть у чувала. Но сегодня некогда: старик очень болен. Надо было бежать за фельдшером в деревню. Только открыл дверь – старик проснулся.

– Ты куда? – спросил он, поднимая голову.

– За фельдшером.

– Не надо. Если душа моя устала жить со мной – то фельдшер не поможет. Только вода... Дай мне воды...

Сергей налил из чайника в стакан кипячёной воды и протянул старику.

– Ты мне это не суй. Живой воды принеси.

Сергей ходил на реку, принёс полное ведро. Однако и на этот раз Ильля-Аки не принял протянутый ему стакан. Он попросил дать серебряную чашу из сундучка, который стоял на полочке в «священном углу». За потемневшей от времени занавеской царствовал полумрак. Невольно чувствовалось, что здесь обитает какое-то таинственное существо. Открыв крышку сундука, обитого медными пластинами, он увидел это существо и замер. Среди полуистлевших собольих и куньих шкурок поблёскивало серебряное лицо, обвязанное шёлковым платочком. Длинный нос, обмазанный кровью рот, стеклянные глаза-бусинки смотрели холодно. Суровое выражение лица богини действовало гнетуще, отталкивающе. Сергей чуть не бросил крышку сундука.

– Не бойся, – успокаивал Ильля-Аки, тяжело дыша. – Это Таг-най, богиня нашей реки Сосьвы, дочь великой Сорни-най. Это наша душа и кормилица. Не бойся. Подай мне серебряную чашу. Она под шкурками.

Сверху лежала небольшая связка беличьих и горностаевых шкурок. Они были почти новые. От большой росомашьей шкуры повеяло пылью, полетели длинные чёрные шерстинки. От шкурок

бобра, соболя и чернбурой лисицы посыпалось столько шерсти, что закрыло серебряное лицо богини и её шёлковый платок, тоже изъеденный молью. На дне сундука лежали ножи, стрелы, масса обвязанных поясков, платков, шёлку. Здесь же валялись бронзовые бляхи, фигурки зверей, птицевидные идолы... А под всем этим стояло серебряное блюдо с позолотой. На дне этой круглой плоскодонной чаши было вычеканено золотом изображение женщины с ребёнком.

«Бог литой, золотой в чаше сидит, и в эту чашу, наливши воды, пьют...»

Эти слова из летописи 1582 года ожили в памяти, напомнив рассказ о «Золотой бабе»...

И как бы в подтверждение этой догадки Илья-Аки попросил налить в чашу речной воды, насыпать горсть земли и поставить её на полочку перед изображением богини. Он бормотал то ли молитву, то ли заклинание. Потом знаком руки велел подать ему чашу. Приподнявшись, бережно взял трясущимися руками чашу и, прильнув губами к серебряному краешку, начал жадно пить, приговаривая:

– Богиня Тагт-най, хранительница и кормилица наша! Может быть, живая вода серебряной чаши, чаши здоровья, вновь оживит мою замирающую душу.

Выпив половину прозрачной, чуть темноватой сосвинской воды, старик вернул чашу Сергею и велел снова поставить её перед изображением богини.

Сергей нёс чашу к «священному» углу, точно заколдованный. Золотое изображение богини плескалось на дне серебряной чаши, будто живое изваяние. «Бог литой, золотой в чаше сидит». Эти слова древней сибирской летописи и недавняя статья журналиста, выступившего опять в печати, и увиденное в избушке Илья-Аки проливали новый свет на тайну «Золотой бабы». А в новой статье под названием «Секрет «Золотой бабы» журналист писал:

«Один мой знакомый спросил однажды у меня: «Что всего дороже для человека?» Мне было тогда двадцать с небольшим, и я ответил: «Любовь». – «Нет». – «Талант». – «Нет». – «Удача». – «Нет». – «А что же?» – «Здоровье».

«Золотая баба» должна была обладать каким-то поистине паразитическим свойством. Только это обстоятельство могло заставить Югру столь ревностно хранить её и прятать от чужого глаза в течение многих столетий. Одно религиозное чувство здесь ничего не объясняет. Может быть, что касается «Золотой бабы», то не лучше ли всё-таки предположить, что

она верой и правдой служила сынам тайги на протяжении веков, принося им то, чего они страстно желали. Что же она давала им? Здоровье.

Прежде чем подвергнуть наш ответ немедленной расшифровке, обратимся к культу серебра, бытовавшему в краях, послуживших родиной «Золотой бабы».

Ивану Калите, сидевшему в своей дубовой цитадели, не давали покоя мысли о «закамском серебре». Оно в таком изобилии встречалось в районах, примыкавших к Уралу, что шло оттуда в Новгород непрерывным потоком. Презрев крестное целование, Калита собирался двинуть рать к стенам Великого Новгорода. Ещё закамского серебра! Ещё!

Он даже пытался захватить этот удивительный источник драгоценного металла, чтобы обходиться без посредников. Но рать его оказалась слабее воинов Двинской земли.

И снова летят ультиматумы в Новгород. И владыка Василий, патрон поморов, откупается от Калиты, потрясающего мечом, сокровищами, выменянными и захваченными в Перми и Югре. Литые серебряные чаши, круглые и ладьевидные, с рельефными изображениями сказочных птиц и львов, кубки с изящными выпуклыми узорами, – откуда эти дивные богатства?

На торжище в холмьем городке купцы любовались таёжными сокровищами. Но не северяне создали их. Это были древние сасанидские чаши, блюда и кубки. Как попали они в заповедное северное царство «Золотой бабы» из далёких городов Средней Азии, пышущей зноем?

Деревня Бартым Берёзовского района Пермской области. Год за годом находят здесь легендарное «закамское серебро». 1947 год. Большая ладьевидная чаша, литое серебро. На стенках фантастические птицы, держащие на головах луну и солнце. 1949 год. Тяжёлый серебряный кубок. 1950 год. Огромная чаша, и в ней – двести монет. 1951 год. Блюдо со львами.

А по другую сторону Урала, в Ханты-Мансийском национальном округе, археологи не раз были свидетелями подобных находок, где вместе с бронзовыми вещами, как-то: эполетовые застёжки с зооморфными изображениями, бляхи, антропоморфные и птицевидные идолы, фигурки зверей – находили и немало серебряных блюд, кубков, монет...

Изучение этих и других находок показало, что на протяжении столетий с юга на север шёл мощный поток серебряных изделий. Они пользовались у северян неслыханным спросом. Ни войны, ни грозные нашествия воинственных кочевников, ни свирепствовавшие банды грабителей не могли прервать эту серебряную реку, неумолимо идущую к царству «Золотой бабы».

Раскопки, проведённые учёными в местах находок «закамско-

го серебра», подтвердили, что эти серебряные предметы носили культовый характер.

Итак, мы приблизились к разгадке секрета «Золотой бабы». Он заключался не столько в ней самой, сколько в чаше, которую она держала в руках.

Вспомним, что «Золотая баба» таинственно связана с серебром. Автор древней норвежской саги Снорри рассказывает, что в чаше, которую богиня держала в руках, были серебряные монеты, смешанные с землёй. (Кстати, обратите внимание на эту деталь – земля в чаше.) И вполне можно предположить, что чаша также была из серебра и была посланницей далёкого Хорезма, жаждущего тёмных северных соболей.

А сейчас обратимся к летописи 1582 года. «Бог литой, золотой в чаше сидит, и в ту чашу, наливши воды, пьют...» Это рассказ о «Золотой бабе». Чуваши-разведчик, посланный Брязгой, атаманом Ермака, также рассказал о торжественном питии язычниками этой воды и о хвалах «Золотой бабе» за эту воду, якобы дарующую мужество и силу.

Стало быть, дело уже не просто в серебре, а в серебряной воде. В чаше «Золотой бабы» были серебряные монеты с землёй. Шли дожди. И на поверхности чаши образовывались соли и окислы серебра, которые вызывали антибактериальный эффект. И вода в чаше приобретала целебные свойства. Нелишне заметить, что в Советском Союзе уже разработан и внедрён метод обеззараживания питьевой воды электролитическим способом с помощью серебра. И что серебряная вода всё шире применяется в современной медицине.

Кто знает, может быть, разведчик Брязги верно передал увиденное: и самой богиню сажали в огромную чашу с водой. Но, скорее всего, из серебряной чаши, где были ещё и серебряные монеты, смешанные с землёй, пили. Земля ускоряла образование солей и окислов серебра. Конечно же, секрет серебряной воды был знаком многим народам – эллинам, персам, индусам. Известно, что царь Кир во время походов хранил воду в «священных» серебряных сосудах. А волшебные сказки древних славян о «живой воде», вероятно, отразили магическую силу серебра. Не говорит ли всё это о том, что мы разгадали первую загадку «Золотой бабы»?..».

Что помогло Ильля-Аки: серебряная ли вода, которую он пил несколько дней, или просто «душа его ещё не устала жить с ним», но он через некоторое время поправился.

Неизвестно, насколько близок к истине в своих гипотезах и догадках этот пытливый журналист, но прав он в том, что эти серебряные предметы носили культовый характер.

Сергей сам был свидетелем, как в прошлом году археологический отряд Московского университета во время раскопок на поселении Вургасян-Вад нашёл клад – девяносто две бронзовые отливки, изображающие загадочных зверей с оскаленными пастьями, поджатыми лапами и вытянутыми хвостами. Собака или рысь, волк или бобёр? Сразу не скажешь, кого изобразил древний мастер. Учёные считают, что эти фигурки, пролежавшие в земле более двух тысяч лет, не украшения, а произведения ритуального искусства. Эти фигурки, поражающие нарочитым схематизмом, изображают предка умершего, его тотем.

По преданиям манси и ханты, у каждого рода свой тотем – одно из реально существующих животных. Согласно этим представлениям, «душа», «дыхание», «носительница имени» в этом изображении продолжает жизнь, обретает бессмертие.

Тогда же Сергей подумал о том, что эти фигурки своего рода искусство – самобытное, высокое. Может быть, и так? Кто знает, какие ещё загадки откроют со временем исследователи. Может быть, случится и такое, что отыщется след «Золотой бабы», которую он так хотел найти.

В последнее время Сергей стал внимательнее относиться к Ильля-Аки, который всё чаще и чаще намекал, что он скажет главное слово, когда взойдёт на последнюю свою вершину, перед самым уходом в иной мир.

– Взошедший на последнюю вершину говорит главное слово, – проронил он однажды. – Не упusti, внучек, моё главное слово.

Да, Ильля-Аки последний древний манси. Вместе с ним уйдёт многое. И хотя Сергей совсем другой манси, но и у него есть что-то от деда. Разве не так? А раз так, значит, ему знать и беречь сказания предков, и в то же время сознавать, что он создаёт своими руками новое и дарит людям огонь и тепло земли.

20

Над деревьями уже горела утренняя заря. Её холодный огонь гасил на лице неба бледные звёзды, зажигая пушистые ветви снежно-синим пламенем. А снег под деревьями синий-синий, ступишь – он хрустит. Морозец. Приятно в такое утро шагать по дремлющему урману. А вот когда мороз настоящий, сибирский, – тогда уж лучше завернуться в шкуры и сидеть у огня. Впрочем, не слишком ли много кричат в газетах, книгах о сибирском морозе? Может быть, где-то он и действительно без устали свирепствует, но только не в краю манси. Это лишь путешественникам и туристам эти хвойные леса казались унылыми и пустынными, где прекращается всякая жизнь. Да, иногда действительно разыграется мороз – и звонкое

небо задымит, затрещат деревья, и всё живое запрячется в снег, в норы. Но жизнь-то не прекращается. Она лишь замирает, притаясь под кустом или на ветвях дерева. И опытный глаз охотника ничего не пропустит, всё подметит.

Плавными, уверенными шагами шёл Сергей по утренней тайге, чувствуя себя наконец-то настоящим охотником. Ещё вчера, когда он ранил медведя, а потом шёл по его следу, он не чувствовал себя настоящим охотником. Всё вышло случайно, он не собирался так рано входить в азарт, и, наверно, поэтому он неожиданно решил не идти дальше по следу медведя. Вот он увидел на синем снегу цепочку беличьего следа. Оглядел окружающий лес. Тишина. Белки, кажется, нет. Но вот лежит веточка. На ней нет даже инея. Недавно, видно, её сбросили. И на стволе кедра царапины. Они тоже свежие. Где-то здесь на этих деревьях притаился зверёк. И правда, на пушистой кедровой ветке, с которой посыпалась чуть заметная снежная пыльца, сидела белка. Вдруг она бросилась вниз, стремительно полетела в густые ветви соседнего дерева. Урман ожил, зашелестел, заиграл, наполнился звуками жизни. А белка, цепляясь за нижние сучья, проворно уже взбиралась на новое дерево. Покачавшись, как обезьяна, на ветке, она рванулась к вершине ёлочки, которая оказалась рядом.

Увидев зверька, Сергей встrepенулся. Что-то словно пробудилось в его душе, руки сами потянулись к ружью. Горящие глаза, будто заколдованные, следили за каждым движением белки. А ружьё будто само стало подниматься, ища широкими глазницами беличьих глаза. Грянул выстрел, отозвалась Музгарка. Мгновение – и она рядом. Зажав зверька зубами, возбуждёнными глазами глядела на хозяина. В них была не только обычная собачья преданность, но и жажда крови, одержимость. Сергей приказал собаке бросить белку. Но она, обычно послушная, теперь не сдвинулась с места. Запах крови ещё тёплого тельца в зубах мешал ей выполнить команду хозяина.

– Сидеть! – приказал Сергей, вспомнив, что сидящую собаку успокоить легче.

Музгарка присела. И потом, словно придя в себя, нехотя положила жертву на побелевший снег.

«Немного найдётся млекопитающих, которые так резвы, непоседливы и забавны, как белка... – вспомнил он чьи-то слова. – И зачем я её убил?!»

Вдруг он уловил, что думает о каких-то не свойственных таёжному следопыту вещах. Он удивился своему состоянию. Ему даже стало неловко. Это двойственное ощущение. С одной стороны – зов предков. С другой... Нет, ему, сыну потомственного охотника, не хотелось думать об этом в данную минуту. Охотник должен оставаться охотником. Ведь для этого он оказался здесь в тайге вместе

с Музгаркой – этой верной собакой. Она смотрела на него. Взгляд её выразительных глаз ясно говорил о приподнятом настроении. Кажется, вот-вот вырвется из полураскрытой пасти звонкий радостный лай. Но не такая она, чтобы попусту лаять. Только глаза её кричали о полученном наслаждении...

Когда хозяин повесил белку за пояс, как поступали истинные таёжники, она, словно убедившись, что с этим уже покончено, стремительно рванулась по еле приметной дорожке в чашу леса. Сергей смотрел на свою собаку, узнавая и не узнавая её. Теперь, когда она яростно неслась по снежной целине, особенно походила на своего прародителя – волка. Длинная острая морда, вытянутая вперёд, прижатые заострённые уши, и хвост, летящий над снегом...

В ней было что-то волчье, звериное.

Вдруг Музгарка снова появилась рядом и, глядя в лес, тихо заворчала, предупреждая о чём-то важном. Она чуть подалась вперёд, вытянулась в струнку, наострила уши. Сергей, поднимая ружьё, стал прислушиваться к той стороне, куда глядела собака.

Неожиданно в таёжной тишине раздался густой и протяжный рёв. Вслед за ним где-то далеко-далеко затрещали деревья. Это играл не мороз. Нет. Треск деревьев при морозе как мелодичная музыка. А здесь будто ломалось что-то большое и живое под тяжестью неведомой силы. Треск и рёв приближались. Сергею стало тревожно. Вдруг это дикое ревущее стадо, несущееся напролом через тайгу, сметая на своём пути все преграды, ринется на него! Он быстро отбежал за ствол могучего кедра, которого не обхватить и вдвоём.

Из дремучей таёжной чащи всё ближе и ближе стал доноситься рёв и глухие удары о стволы деревьев. Теперь было ясно – лось. Только в его крике не было обычных нот, весенних, зовущих, нежных. В его трубном голосе звучали боль и страх. Будто прощался он с жизнью, нёсся с рёвом по тайге. И правда. Через какое-то мгновение среди белых стволов замелькал тёмно-бурой окраски зверь. Вытянул вперёд сильную шею, вскинул голову, увенчанную ветвистыми рогами, как вертолёт – лопастями-крыльями, рослый и широкогрудый лось бежал, шарахаясь из стороны в сторону, спотыкаясь, ударяясь о стволы деревьев, ломая сучья.

На небольшой поляне лось остановился. Замотал головой. Прилёг, опустив рога в снег.

Потерев голову передними копытами, он с рёвом вскочил и снова рванулся вперёд. Кедр, стоявший в десятке шагов от Сергея, будто ожил от громового удара, сбросив с ветвей весь снег. На мгновение заметелилось, закурилось. Но сквозь радужную снежную пыль виднелась покачивающаяся фигура лося.

Он стоял перед деревом, точно размышляя, откуда мог нагряз-

нуть на него этот новый, оглушительный удар. Сергей слышал его тяжёлое хриплое дыхание, видел уже, как из носа и рта чёрной струёй бежала кровь. Багровел белый снег. И глаза таёжного красавца багровели. Они зияли кровавыми дырами на великолепном лбу. Окровавленные веки болтались. По разорванным щекам текли густые струи слизи. Лось был слеп.

Приподнимая одно ухо, оставшееся целым, он будто ещё вслушивался. Раздувая мягкие ноздри, он к чему-то принюхивался, точно выбирая, куда ещё идти. Но идти, видно, он уже не мог. Ноги его дрожали. Он покачивался, изнемогал. Вот-вот рухнет. Умрёт, так и не поняв, откуда явилась смерть и этот жестокий мрак.

Его покачивало из стороны в сторону. Но голова его потянулась вверх, к ветви кедра, на которой висели лохмотья хвои. Его трепетные ноздри то расширялись, то сжимались, жадно вдыхая в последний раз знакомые и милые запахи. На мгновение, кажется, к нему вернулись силы. Он подтянулся, вскинул голову, забил копытами. Но, сделав несколько шагов вперёд, тяжело рухнул на белую землю. Уткнув окровавленную голову в сыпучий снег, он забился в предсмертных судорогах.

Вдруг на белую поляну откуда ни возьмись выскочило продолговатое существо, похожее чуточку на собаку. Оно бухнулось в снег, принухавшись к лосиному следу, сделало новый скачок.

Незнакомое животное шло по следу. Походка его была странной. Оно не шло, а прыгало и кривлялось. На снегу оставались глубокие ямы. Они зияли рваными ранами.

Подскочив к умирающему лосю, мохнатый чёрно-бурый зверь впился острыми зубами в горло своей жертвы. На белый снег хлынули струи тёмной крови. Кровь дымилась на продолговатой морде хищника, обросшей щетиной у носа и глаз. Короткими блестящими лапами чёрно-бурый зверь рвал могучую шею таёжного красавца.

Выстрел громовым раскатом пронёсся по дремотной утренней тайге. Зверь отскочил от лосиной туши, метнулся в сторону, откуда он появился. Но тут же присел, забившись в снегу. Музгарка рванулась было к теряющему силы хищнику, но Сергей остановил её. Где-то слышал он, что укусы росомахи смертельны. Подойдя ближе к ошестинившемуся животному, он почувствовал противный звериный запах. Да, это была росомаха. Оскалив острые зубы, она жёлтыми глазами смотрела то на Сергея, то на лающую собаку. В её пронизывающем взгляде рычал тот же зверь. И хрустящий снег, и высокие деревья, и вся тайга, кажется, пропахли росомахой. Она, живучая, пускала в ход последнее своё средство защиты – стойкий и густой росомаший запах. Музгарка заливалась в лае, как бешеная. Кажется, она обалдела от этого запаха.

– Росомаха, а Росомаха, кто же ты всё-таки такая? – допытывался Медведь, разглядывая приятельницу с головы до лап. – Всё знаешь, всех судишь... Как-то это не по-звериному. Ты, наверно, из другого мира?!

– Да, дорогой, угадал.

– Расскажи, миленькая, про себя. Может, и я прозрею. Не вечно же мне оставаться дремучим. Гладь меня. Сегодня разрешаю. Гладь и рассказывай.

Росомаха долго смотрела жёлтыми печальными глазами на Медведя, потом, вздохнув, нехотя заговорила:

– Стоит ли мне вспоминать подробности жизни моей трагичной? В жизни нет ничего неизменного: всё непостоянно и ненадёжно. Всё бежит и движется без остановки. То, что сегодня твоё, – завтра может исчезнуть, и ты не успеешь назвать его своим. Сегодня ты на вершине, – завтра будешь внизу. Всё в этом вечном и шатком мире зависит от случая.

Была я богиней. На небе. Живым золотым изваянием ходила рядом с солнцем. Глядя на лицо моё сияющее, на грудь высокую, на стан мой тонкий, кичливые боги стыдливо опускали вороватые глаза, волочась за мной по звёздным дорожкам.

Была я женой Тапал-ойки – первого помощника верховного бога Торума. Правил миром не Торум – владыка Земли и Неба, всем миром крутил Тапал-ойка, мой муж. Все молитвы сначала к нему поступали. Владычицей чувствовала себя и я. Окружали меня друзья и богатство. Изобилие друзей и поклонников дарило мне призрачно-блаженные сны и крылатую радость. Счастье, игравшее рядом со мной, казалось вечным. Я изумлялась своей Судьбе, не задумываясь, куда может привести это бездумное счастье. Судьба долго-долго лестила мне светлой улыбкой. Но она, коварная, лаская меня, готовила мне иную участь.

Мой муж, правитель Неба, верный пёс верховного бога, служака и раб, жаждал иметь себе подобных. Но я никак не могла родить ему сына. Посчитав меня бесплодной, разгневавшись, в один сумрачный вечер он сбросил меня с неба. И я стала – росомахой. Понимаешь, Медведь, как я была наказана. А ведь мной всегда владело честолюбие, и только оно поддерживало во мне память о том, кем я была.

Истинное честолюбие – это страстное стремление к воплощению своего «я» в деле, которому ты служишь. Это мечта о подвиге, в котором бы «я» смогло шагнуть далеко за пределы краткой личной жизни. Это борьба, беспощадная и бескомпромиссная, против временности и бренности всего существующего – гордое желание подчинить себе природу и заставить её сохранить в себе отпечаток могучей личности, сознающей себя необходимой, правоспособной и сильной.

Ах! Теперь уж я всего-навсего росомаха, а ведь была я богиней. И какой!.. Ты, Медведь, представить себе не сможешь!..

Да, была я богиней, теперь росомаха, а завтра, быть может, травую стану, а может, снова богиней. Вот только б найти мой образ, моё легендарное золотое изваяние!.. Ты, Медведь, коренной житель этой тайги, не видел где-нибудь «Золотую бабу»?

– Никакой бабы я не видел. Ни золотой, ни деревянной, – отвечал Медведь, постанывая от боли.

– Найти бы мне её. Да быстрее войти в свой золотой, божественный образ! Ты не можешь представить, дорогой, как надоело быть коварной и злой росомахой! Или кто-нибудь убил бы меня, что ли! Может быть, я тогда снова обратилась бы в богиню. И тогда я не стала бы больше кривляться... Ах, как я наказана!

Выслушав росомашью исповедь, Медведь чуть не расчувствовался. Его круглые дремучие глаза потеплели. В них, кажется, в одно мгновение даже что-то шевельнулось. Но, увидев перед собой росомашью морду, он вдруг словно пробудился от сна и, оттолкнув от себя лёгким движением лапы Росомаху, пробурчал:

– Ишь ты какая! Колдунья! Чего ещё захотела!..

Отлетев в сторону, как пушинка, Росомаха испуганно озиралась по сторонам, не понимая, почему Медведь, только что ласкавший её, так грубо оттолкнул.

– Околдовать меня, самого Медведя, хозяина тайги! Да знаешь ли что!.. Катись-ка ты в сторону, откуда явилась! А то косточек не соберёшь – лапа-то моя ещё медвежья!..

Треснула веточка. Росомаха исчезла. Будто её и не было. Выбравшись из-под коряги, Медведь грузно зашагал по тайге, переваливаясь с боку на бок.

Жёлтые росомашьи глаза, в которых только что играла жизнь, горя то ненавистью, то животным удивлением, потухли.

И лось уже не вздрагивал. Соперники успокоились. Они, окровавленные, лежали на белой поляне. Один большой, другой маленький. Маленький убил большого. И такой невзрачный зверёк съел бы такого гиганта, если бы не Сергей. Такова росомашья натура...

Лось – краса тайги. Он могуч и силен. Величавее его, кажется, никого нет во всём таёжном мире. Медведь и тот падает замертво от удара его раздвоенного копыта. А росомаха – зверюшка по сравнению с таёжным великаном – в поединке вышла победительницей. Почему? В любой борьбе, наверное, нужна не одна сила!

А росомаха довела до гибели своего соперника просто. Илья-Аки не раз рассказывал про её проделки. Высмотрит она зоркими глазами лосиную тропу. Вынюхает каждый след, каждое дерево, под которым любит он постоять и полакомиться. Притаившись на

густых ветвях такого дерева, росомаха терпеливо ждёт, когда величественные рога подплывут под ветви. И тогда она прыгает на широкую спину лося, припадает к голове и острыми когтями маленьких, но проворных лап царапает глаза, вырывая их с нервами из глазниц.

Ослеплённый таёжный гигант в паническом страхе обращается в бегство. Он несётся вперёд, стараясь уйти от неожиданно нагрянувшего жгучего мрака. Треск и гром стоит на его пути. Всё ломается, гнётся перед великаном. И только громадные кедры и лиственницы, вздрогнув от удара, отбрасывают его в сторону, нанося ему ощутимые побои. Шарахаясь из стороны в сторону, натываясь на деревья, грузно падая и поднимаясь, таёжный красавец несётся до тех пор, пока его не покидают силы. А следом за ним, кувыряясь, перевёртываясь, кривляясь, скачет росомаха, ожидая, когда длинные и стройные ноги не захотят больше нести гордую коронованную голову таёжного великана. И когда рога склоняются на снег, хищная продолговатая морда, сверкая оскалом превосходных зубов, припадает к горлу лося. Росомаха пьёт горячую кровь, смакуя и наслаждаясь. Потом ест. Потом спит. И снова ест. До тех пор находится около своей жертвы, пока не останется от неё и косточки...

– М-да! Вот и поохотился! – вздохнул Сергей. – И надо же так! Вконец испортить охоту!..

С росомахой – проще. Снять шкуру. Мясо – собаке, а жир соскоблить: лекарство незаменимое... А вот с лосем что делать?! На лошади и то далеко не увезёшь. К тому же у Сергея лицензии не было. Ведь он шёл на охоту за соболем и куницей. На худой конец на заготпушнину сдал бы беличьи шкурки. А теперь вот – лось!

Признают ещё браконьером. Кому докажешь, что убил не он, а росомаха! Никто ведь не поверит!..

Придётся вызывать комиссию, оформлять... Вся охота – к чёрту!..

«А раньше ведь такой добыче манси радовался, – подумал Сергей. – Такой тушей прокормишь семью пару месяцев, а то и больше». Лось был основным источником питания таёжных охотников – предков Сергея. Неделями, месяцами они иногда преследовали чуткого зверя по следу, чтобы уложить его. Иначе голодать придётся. Рядом с голодом – болезнь. Болезни уносят людей в иной мир – в печальное подземелье, где властвует мрак. Не убьёшь лося – будешь сам во мраке... Теперь же лось остался пищей только для кровожадной росомахи. Манси ходят теперь в магазин. Всё там можно купить. А заработать есть где! Много новых занятий придумали люди. И нефть добывать, и газопроводы прокладывать, и дома многооконные строить, и выращивать огурцы в теплицах, и коров доить, и водить по тайге машины, которые мощнее любого таёжного великана. И зачем из тайги тащить огромную тушу,

если можно сбегать в магазины и принести мяса повкуснее!.. Если манси в лес и ходит – то по привычке. Вековые инстинкты. Зов предков. А может, просто для души. Отдых. Прогулка. Спорт. Охота-спорт. Разве манси не хотят быть спортсменами?!

«Э-эх! – сокрушался Сергей, разглядывая чёрно-бурый хвост росوماхи, распластавшийся на снежной белизне. – И стоило тебе попадаться на моём пути!»

«Хвост росوماхи приносит счастье», – гласит предание. Времена преданий прошли. Изменились и понятия удачи и счастья.

И сам Сергей вроде стал другим. Особенно остро он почувствовал это недавно в Тюмени.

В ресторане, сверкавшем полированным деревом, люстрами, хрустальными бокалами, вначале было немного народу. Но комариным роем уже плыл шумок. Потом заиграл оркестр, поплыла музыка, знакомая и приятная. Скоро Сергей не стал замечать её. Как не замечает охотник монотонного шелеста листьев и шума хвои, когда играет лёгкий ветер. Другие тоже будто и не слышали этой музыки: они что-то говорили друг другу, чокались, пили, ели. Все сидели в одном большом зале. Но каждый стол, казалось, жил своей замкнутой, отдельной жизнью. Все говорили о чём-то своём. И Сергей тоже не чувствовал присутствия людей. Играл оркестр. Плыла музыка. Может, она помогала Сергею уходить в свой мир? А какой у него мир? Чем он не похож на других?

А может, легче ответить, что общего между ним и всеми? Ведь так же, как все, он любит музыку этой жизни. А она для сидящих в этом зале – одна. Все работают, учатся, служат. Кого больше в этом зале?

У входа в ресторан висело объявление, что обслуживаются только депутаты областного Совета и участники Всесоюзного совещания. А кто депутаты? Геологи, нефтяники, строители, газовики, лесники, рыбаки... Большинство – рабочие. Такие же, как Сергей.

И в его рабочем посёлке есть ресторан. И музыка по вечерам так же сзывает всех за столики, окутанные синей дымкой.

А где же в старину собирались люди? Неужели только у охотничьего костра? Нет. И в старину люди любили посидеть за одним столом, в одном доме покружиться, в одной большой думе искали пути. Были тогда «Медвежьи игрища», «Святые пляски», жертвоприношения богам... На таком игрище Сергей почувствовал бы себя «чужеродным телом». А в этом ресторане он сидел, как в своём родном доме... Нелёгким был путь к этому чувству. Сначала была тайга...

В зале стало шумно. Мест свободных почти не осталось. И Сергей с тревогой стал поглядывать в сторону двери. Ведь Венька – он по-прежнему так звал своего друга, – обещал явиться ровно в семь, да ещё грозился подкинуть приятелю «сюрприз»...

К столу подошла официантка.

– Что вам подать? – спросила она мило.

– Бутылку коньяку. Тюменской воды. Спинку муксуна. Осетрины на вертеле. Остальное потом. Всё на троих... Сейчас придут... Мои...

«Золотая баба»... Странное слово «баба». Ну какая, к примеру, баба – эта стройная золотоволосая девушка, которая с таким вниманием и обходительностью обслуживает меня, случайного посетителя этого ресторана? – думал Сергей, глядя вслед удаляющейся официантке. – Богиня! Вот слово, достойное такой девушки. И не только этой. Чем не богини женщины?..»

Причудливо вился дымок сигареты, которую он не торопясь раскуривал. И мысли его словно тоже вились по какой-то волшебной спирали. Он только что пришёл с сессии областного Совета. Ему бы сейчас думать о земле, воде, об охране природы. Все выступавшие депутаты рассуждали об этом. И он говорил. Только теперь его мысли были почему-то совсем не о том. Сегодня у него было какое-то волшебное состояние. В душе его росло неясное, загадочное ожидание.

Сергей прошёлся взглядом по столикам. Никого из знакомых не было. С тревогой посмотрел в сторону двери. В этот миг в дверях появилась она – Светлана. Та самая, из юношеской сказки. Только пополнела. И волосы распущены. Золотыми волнами плыли на плечи её сияющие волосы. А брови – те же два соболя. Глаза – те же два синих озера. Сияюще плескались они синими волнами. Привычно боязно стало Сергею. Он зажмурился, как от ослепительного света. Закрыв лицо руками, он на мгновение ушёл в себя, в свою сказку. А когда открыл глаза – в дверях ресторана колыхались лишь голубые портьеры.

«Не померещилось ли? – подумал он, охваченный беспокойством. – А может, и на самом деле она?»

И правда, через какое-то мгновение из-за портьер вновь появилась она в сопровождении Веньки и ещё одного незнакомого мужчины.

Увидев Сергея, Венька взмахнул рукой, приглашая спутников к столу.

– Так вот ты каким стал, Серёжа! – пропела Светлана, подавая ему руку.

Неужели это перед ней Сергей когда-то застывал, как лёд, горел, как костёр. Перед этой сияющей богиней он бледнел, краснел, становился молчаливым. Её глаза – два синих озера, брови – соболя пушистые, зубы – нити жемчужных бус, щёки румяные, как рязанские яблоки, и вся она, будто цветущая яблоня, когда-то пленила юношу своими колдовскими чарами.

Но сейчас этот возвышенно-шутливый тон, бесцеремонная

раскованность, неподдельная радость встрече вернули Сергея из мальчишеского оледенения к себе, к своему привычному состоянию.

– Здравствуйте! – сказал он просто.

Лишь огоньки, замерцавшие в чуть раскосых глазах, говорили, что он удивлён и рад встрече.

– Знакомся, – сияя улыбкой, представил Венька человека средних лет. – Журналист, искатель...

– Очень, очень рад познакомиться. Наслышан. Мы с вами коллеги. У нас одно увлечение: «Золотая баба». Надеюсь, мы с вами общими усилиями разгадаем, откуда взялось это одно из чудес света...

– О чудесах света поговорим потом, – наполнив рюмки коньяком, начал Венька. – А пока выпьем. За искателей! За искателей нефти, «Золотой бабы» и прочих чудес света!.. За знакомство!..

Когда все наконец подняли рюмки, Венька ещё раз повторил:

– За знакомство! – обращаясь к журналисту. – За встречу! – кивнув в сторону Светланы.

– Хороша рыбка! – молвил журналист, попробовав кусочек. – И всегда вас так кормят?

– Всегда! – протянул Венька с улыбкой. – Когда совещания, сессии... В Тюмени теперь много совещаний по нефти и газу. Со всех концов страны приезжают сюда большие люди, учёные. Им и большой стол.

– А если нет совещаний?

– То серебристый хек. В лучшем случае – сырок. Тоже рыба. Сиговой породы. Её у нас тут ещё навалом.

– Слышал я про рыбку, которая, говорят, во рту тает. Не то царская селёдка, не то...

– Сосьвинская селёдка.

– Да-да! Эта самая. Она тоже здесь, под Тюменью, ловится?

– Под Тюменью? Не знаю, что можно поймать под Тюменью. Все сокровища на Севере: и рыба, и нефть, и газ. Вот на реке его предков, – Венька указал на Сергея, – ловится эта чудо-рыбка. Сейчас мы попробуем организовать...

Венька вышел из-за стола и быстрыми шагами направился в сторону буфета, где в это время была белокурая официантка. Он о чём-то её настойчиво просил. Не первый раз Сергей в Тюмени вместе с Венькой. Он давно уже заметил, что приятель его здесь чувствует себя не гостем, а хозяином. И на самом деле он всё мог организовать.

И на этот раз он оказался волшебником: через какие-то минуты на столе появилась тарелочка с маринованной сосьвинской селёдкой.

– Ты маг, Венька! – воскликнула Светлана.

Сергей узнал, что она работает в Министерстве геологии. У неё, конечно, теперь своя, большая столичная жизнь... Смешно было Сергею вспоминать пылкое юношеское увлечение. И всё же в этом была какая-то прелесть, тайное волшебство. Одарив тёплым, благодарным взглядом Светлану, Сергей молча выпил рюмку до дна...

– А ваша нефть не убьёт это чудо? – расправившись с селёдкой, заговорил журналист.

Он то потирал руки, то брался за вилку и нож, то снова клал их на стол, вопросительно поглядывая то на Веньку, то на тарелочку с сосьвинской селёдкой.

– Из нефти спроектируем сосьвинскую селёдку. Как осетровую икру. Трудно сказать, чего нельзя сотворить из чёрного золота. Сидим на золотой земле. Мы ведь ещё в самом начале поисков. По рекам лишь прошлись. И чуть-чуть заглянули в глубинку. Открыли несколько месторождений. Самотлор, например... Расположено оно в непроходимых болотах. Но на этой небольшой «тарелочке» мы уже сегодня развернулись вовсю...

Сергей с любопытством разглядывал журналиста. Он казался ему старым знакомым. Лицо, руки, манера говорить. Таким он и представлял его. Только никак не мог представить, что он будет в замшевой куртке. Коричневая, как чай из чаги, она сидела на нём ладно и была оригинальной. В детстве мать заставляла Сергея носить лёгкие замшевые сапожки с красными узорами. И штаны у него были тогда замшевые. А он так хотел настоящей русской одежды...

– Я предлагаю выпить за первооткрывателей тюменской нефти и газа! – протянув рюмку, предложил журналист. – Что бы мы ни говорили, всё же это... Это подвиг! За первооткрывателей!..

Зазвенели рюмки. Зашипела минеральная вода в фужерах. Застучали вилки и ножи. И разговор, прервавшись на мгновение, снова ожил.

– Все журналисты молодцы! С первых дней были с нами, помогая развеять мглу, неверие, – заговорил снова Венька. – Знаете, скептики даже сейчас находятся. Но поначалу... Вы не можете представить, как было нелегко нам! Немногие нам тогда верили. Находились и такие, которые писали кандидатские и докторские диссертации. Облачившись в высокие научные звания, они с пеной у рта доказывали, что севернее шестидесятой параллели не может быть нефти и газа. Они становились в позу защитников государственных средств, обвиняя нас в напрасной трате денег. Эти фомы неверующие не только сеяли сомнения, но часто и мешали развороту работ. Даже после того, как здесь была открыта нефть, можно было услышать и такое: «Какая там нефть в Тюмени, она существует в головах... первопроходимцев!».

В любое дело, будь то малое или большое, нужно поверить. Без

веры в то, что каждый маршрут геолога, каждый метр скважины, пробуренный буровиками, принесут что-то новое, приведут к открытию, успеха не будет. Но мало верить самим. Нужно, чтобы и нам поверили. И нам не только поверили, но и помогли. Без этой веры, без этой помощи разве бы мы совершили наше открытие?! Конечно же, нет!

– За журналистов тост. Так я понимаю? – сияя синью глаз, пропела Светлана.

– За журналистов! За людей печатного слова! За всех, кто способствовал открытию!..

В ресторане гремела музыка. Играл оркестр. Пела певица. На небольшой площадке между столиками в плавном танце кружились пары. Казалось, все плыли куда-то в сказочно-шумном полузабытьи. На лицах – полуулыбки. На губах – полуслова. В музыке – полугрусть, полурадость. Платья, костюмы, причёски... Ультрасовременные соседствовали с модой десятилетней давности. Европа и Азия. Сибирь великих строек и Сибирь кондовая. Технический прогресс, последнее слово науки и искусства и вековое, нетронутое, первозданное... Всё плыло в одном каком-то шумно-сказочном полузабытьи...

Светлана кружилась с журналистом. Венька тоже не удержался, пригласил на танец темноволосую стройную женщину из-за соседнего стола. Лишь Сергей остался на месте. Ему было приятно наблюдать и думать. Почему-то глаза его тянулись к Светлане.

Когда-то он не мог спокойно смотреть на её стройный стан, на волосы, подобные солнечным лучам, на глаза, подобные синему небу, на белоснежное лицо, на её румяные щёки, алые губы. Именно такой хотелось её видеть. И потому шея её казалась хрустальной, а грудь мраморной. Теперь это книжное восприятие осталось как воспоминание.

Светлана действительно мила и прекрасна. И, наверно, не найдётся ни одного мужчины, который, увидев её, не задержал бы на ней свой взгляд.

Душевные свойства женщины – доброта, ум, благородство, нежность, человечность – дают крылья истинной любви. Обладает ли она этими качествами? Откуда это знать Сергею. Он лишь знает то, что если любишь только за красоту, намереваешься насладиться ею, если в этом одном заключается твоё мужское чувство, а её честь, имя, здоровье, поведение, достоинство тебе безразличны, то это не любовь, а животное влечение. Может, в любви больше, чем в чём-либо, видно истинное лицо человека, его высота и совершенство?! Да горела ли в нём в те годы истинная любовь? Наверно, нет. А вот скорбел и печалился. Это точно. Скорбь и печаль человеческая всегда порождены невозможностью и несбыточностью желаний.

Журналист, кружась в вальсе, кажется, не спускал со Светланы глаз. Она мило ему улыбалась. Сергей удивился своему состоянию. Раньше эта идиллия вызвала бы в нём чувство ущербности, пробудила бы зависть, ревность. Нет, подобного в Сергее давно уже не было. Точно прошла какая-то очистительная гроза и смыла с души всё ущербное, низкое, заронив семена отваги, великодушия, собственного достоинства. Может быть, виновницей всему тому была кристальная чистота Веры?! Да, с женой Сергеем повезло...

– Друзья, осетрина-то стынет. Смотрите, как она дымится. Хороша осетрина по-тюменски. Вчера отведала, – усаживаясь поудобнее за стол, лепетала Светлана, разгорячённая после вальса.

– Хороша и осетрина! Только меня всё же гложет этот каверзный вопрос, – разглядывая блюдо, начал журналист.

– Какой вопрос? – спросил Венька.

– Не сгубите ли вы рыбу?

И снова за столом разгорелся словесный поединок.

В е н ь к а. Конечно, добыча нефти, развитие промышленности будут влиять на природу, на её золотые дары. Но и мы ведь не лыком шиты, задумываемся. Вот сегодня этим проблемам была посвящена сессия областного Совета...

Ж у р н а л и с т. А не кажется ли вам, что такие хорошие мероприятия... проводятся так себе. Поговорили. Приняли хорошие решения. А дальше... по-прежнему. Это не только беда вашего края. Может быть, у вас люди другие? И я, возможно, ошибаюсь. Но...

С е р г е й. Но пока улов рыбы не уменьшается.

Ж у р н а л и с т. Возможно, причина здесь и в другом. Просто потребности растут. Цивилизация... А знаете, что говорил Марк Твен по этому поводу? Цивилизация – это машина, фабрикующая потребности. Я говорю уже не о рыбе. Западный мир, например, во второй половине двадцатого века потребляет в тридцать два раза больше продуктов промышленности, чем век назад. Подсчитано учёными.

С е р г е й. Что у них, больше занятий нет, как подсчитывать, кто сколько съел, потратил?

Ж у р н а л и с т. Не берусь сказать, насколько точно подсчитали учёные, но ясно одно: человек в наше время расходует всё больше и больше природного сырья и энергетических ресурсов. Ведь где-то теперёшь и вода, обыкновенная вода на вес золота. А человек сколько на себя тратит? И сколько без надобности...

Приняв ванну, человек взялся за электробритву. Потом зубная паста. Лосьон. Одеколон. Нейлоновая сорочка. Костюм из синтетики. Пальто на поролоне. Шапка. Шарф. Ботинки. Всё из новых материалов, сделанных машинами, которые в свою очередь съели уйму сырья, энергии. На улице он идёт не пешком, а садится в автомо-

биль. Попробуйте подсчитать, сколько он использует природных богатств, пока доберётся до рабочего места?

В е н ь к а. Это какая-то сказка, а не жизнь. Впрочем, вы народ пишущий. Вам нужно говорить образами. А если так посмотреть, без крылатых слов. У нас, например... Сколько стоило труда организовать горячие обеды на вахте!..

Ж у р н а л и с т. А я слышал, что у вас в квартирах и газ, и ванны...

В е н ь к а. Кое у кого есть и газ, и ванны, и телефон. Но...

Ж у р н а л и с т. И всё же. Сравните условия вашей жизни и работы на Севере в самом начале организации промыслов и теперь. Есть разница?

В е н ь к а. Конечно. Вперёд идём, а не назад. Вначале сами рубили дома, а теперь дают квартиры.

Ж у р н а л и с т. Я слышал, что есть у вас и комбинаты бытового обслуживания, и водопровод... Во сколько раз за эти годы выросли услуги сферы обслуживания даже на Севере? Но я не об этом. Я об общей тенденции развития цивилизованного мира.

В обыденной жизни мы разве задумываемся над этим? Конечно же, нет. Вот этот зал залит электрическим светом. Вечно ли сырьё – источник этого света? Природные ресурсы истощаются. А население растёт. К концу века может даже удвоиться. Сколько мы сожжём, выкачаем энергетических ресурсов, которыми располагает человечество на сегодняшний день? Половину? Две трети?

Нефть... Истинное золото нашего времени. Сколько миллионов лет ушло на её образование? А ведь её запасы не бесконечны. Запад уже кричит. Чует близкий нефтяной голод. Хищническое использование нефтяных богатств вызвало преждевременное истощение богатейших месторождений. Этого бы не произошло у нас! Сибирь – нетронутая ещё кладовая.

В е н ь к а. Пока мы на несколько километров заглядываем в недра. А что она там таит, наша матушка-земля? Может, дороже и ценнее есть там золото, чем нефть. Так что!..

Ж у р н а л и с т. Может быть, рыбы добывается действительно столько же или даже больше, чем в прошлые времена. И в магазине её не стало из-за возросшей покупательной способности. Это хорошо. Без рыбы не обойтись. Это необходимая потребность. Я хотел о другом. И ведь мы, в условиях социализма, порой становимся на эту скользкую тропу. Как бы миновать нам такую цивилизацию, которая фабрикует потребности, в которых нет потребности?!

С е р г е й. О, это слишком туманно и далеко. Не добуриться нам до понимания этой мысли. Лучше уж выпьем... Просто... За жизнь... Всё же она прекрасна!..

И вспомнил Сергей свой первый разговор у костра с новыми людьми. Не за столом ресторана тогда сидел он, а у костра, в тайге.

Плясало пламя, летели искры. В тёмном осеннем небе золоты-

ми оленями бродили звёзды. С таёжной речки – вечной говоруньи – несло сыростью и прохладой. А с костра – большого и яркого – веяло теплом и запахом варёного глухаря. Совсем как на охоте. Не о глухаре и соболе говорили у костра. Новые товарищи Сергея тогда пели песни, рассказывали разные смешные истории из городской жизни. Они были старше Сергея. Но не намного. Лица их дышали молодостью и озорством. Сергею было приятно с ними. Но ещё приятнее были звонкие утренние зори с глухариными песнями. Сверкающий иней, лай собак, полёты белок с дерева на дерево. Это было ему понятней и родней, чем их разговоры о какой-то нефти.

Товарищи Сергея спорили. Он слушал их, но думал о главной, как ему казалось, загадке своей земли – «Тайне Сорни-най». На безвестном островке, зарытая в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная «Золотая баба». Сколько поразительных событий, сколько страстей, кровавых трагедий связано с ней. И столько тайн!.. – строки газет кружились в голове, волновали ум и сердце.

Вопросы... вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света?..

Сергей думал тогда о своей земле, где таится «одно из чудес света», и с улыбкой поглядывал на новых людей, которые рубят тайгу, попусту шумят о чёрном золоте, не ведая еще, есть ли оно в суровом таёжном краю.

И теперь, сидя за столом ресторана в областном центре, новые люди тоже спорили. Всё о той же нефти, как тогда у костра. Только чуть по-другому. Они рассуждали о запасах, о количестве нефти, о целесообразности эксплуатации...

А может, всё дело не в нефти, не в «Золотой бабе», не в других загадках, а в людях? Может быть, в любом деле, в любые времена рядом с верующими во что-то большое и светлое всегда находятся скептики? А может, люди просто не могут жить без борьбы, без состязаний? Может, в вечном состязании друг с другом люди находят удовольствие и успокоение?

А может, жизнь, как бурная река, за новым поворотом всегда таит новую загадку? В разгадке этих загадок, возможно, человек находит своё высшее удовлетворение? Загадка и тайны жизни... А что бы было, если бы всего этого не существовало?!

Музгарка, крутившаяся вокруг россомахи, но не смеявшая без разрешения хозяина тронуть её, вдруг завизжала будто ужаленная. Шерсть её оцетинилась. Губы затрепетали, вздрагивая то зловеще, то предостерегающе. Морда собаки опять нацелилась в сторону, откуда недавно появились звери, вспугнувшие белое безмолвие поляны.

Сергея будто облили ушатом ледяной воды, когда, обернув-

шись, увидел вывалившегося из-за деревьев громадного бурого медведя. Принюхавшись к росомашьему следу, поводя мордой по воздуху, точно лова какие-то запахи, медведь сделал несколько прыжков в сторону поляны. Потом, учуяв что-то недоброе, остановился, встал на задние лапы. Замер. Застыл и Сергей. Руки окаменели. И только мысли, замершие лишь на мгновение, продолжали свой вечный бег, хаотично перегоняя друг друга:

«Ружьё... Заряжено. Одним патроном. Убить?.. Зачем?! Нет!.. На этот раз я не стану стрелять. Тогда – бежать?! Покидают бегущих ноги, наступают бегущих звери... Стоять! И соперник, подумав, что ты сильный и вовсе не боишься его, уйдёт сам?! Но он – ранен. А раненый зверь опасен. Он как обиженный человек. Будет преследовать... Вырвет глаза, как лосю! Глаза... Нет! Это невозможно!.. Где вторая пуля?!».

Мгновение – и вторая пуля в стволе. Чёрные глазницы ружья наведены на бурого медведя.

И у медведя – глаза. Они смотрят на него. В тупом, окаменевшем взгляде сверкнуло что-то живое. Что это? Проблеск мысли? Медвежья дума? А может, он принимает решение: идти на него или благоразумно отступить, рассудив, как справедливый судья, если перед ним настоящий человек. Для древнего манси медведь был судьёй, посланным на землю создателем мира Торумом, чтобы наказывать людей, провинившихся против чести... Честь... Пронёс ли её Сергей, эту высокую человеческую обязанность, с честью?.. Или где-то, в чём-то дал маху? Перед ним стоял сам судья тайги. Стоял, замерев рядом с большим деревом. На таком дереве Ильля-Аки и тогда вырубал тамгу медведя, говоря:

– Выберется он из берлоги, поплетётся по тайге, разбирая знаки и письма, оставленные человеком на деревьях, наткнётся на нашу зарубку и сверху оставит свою. «Ага, – воскликнет он, разглядывая причудливые знаки, – человек хочет вознестись надо мной. Не выйдет!» С этой думой медведь оставляет на дереве свою тамгу, знак своего превосходства. На другой год человек на том же дереве повыше делает зарубку. И когда снова к этому дереву придёт хозяин леса, подивясь высоте и умению человека, медведь под этим деревом роет себе гнездо, где и застает зимой его охотник, устроив затем медвежье игрище... На этом таинственном представлении, кружась в танцах, забываясь в музыке, воскрешая в песне далёкое время, встают века и мгновения жизни манси, и вся окружающая природа с её зверями, птицами. Характер зверей и птиц, их уловки, хитрости, страхи, ужас, борьба и смерть, смерть геройская, хватающая за душу, встаёт на этих игрищах во всей полноте и глубине. А человек, его личность, страсти и волнения остаются словно в тени... А может, и нет? А может, то, что говорится о зверях, относится и к людям? Ведь древний человек не выделял себя из окру-

жающего мира. И медведь, как манси, может быть справедливым, честным, простым, наивным, так же ему больно, если ударить, он, как и человек, любит, страдает, ненавидит, радуется, наслаждается, живёт...

На этом игрище оживала чуткая, пытливая душа манси, и незаметно уносилась она в сказочный мир духов, которые, если верить преданиям, творили на земле чудеса.

Стояло большое дерево. Рядом с деревом – медведь. Он смотрел и думал, что-то подсчитывая, соизмеряя.

Да, Сергей был теперь вооружён. С этим ружьём не страшны ему ни тяжёлая когтистая лапа, ни острые клыки, ни звериная пасть... Но настоящий ли он человек?! Доказать своё превосходство над хозяином священного леса не трудно. А как доказать, что ты настоящий человек, если ты уже не веришь в высокое происхождение не только медведя, но и во всё божественное, сверхъестественное, что придумали его предки, дети дикой и гармоничной природы? Хотя Сергей уже давно, кажется, не верил никаким духам, в это мгновение почувствовал себя как-то странно. Точно в нём снова ожили видения детства, представления и вера его предков. Ему было не безразлично, какой шаг сделает медведь: ринется на него или повернёт назад, посчитав Сергея не запятнавшим своё высокое имя, как существо земное, похожее на всё живое, но мыслящее и одухотворённое...

Окинув пристальным взглядом желтовато-чёрных глаз окровавленную поляну, дышавшую запахами росамахи, лося, собаки, человека, медведь повернул в сторону, откуда пришёл. Мгновение – и он растаял в серебряной мгле, будто привидение...

Сергей опустил ружьё. Вдохнул. Воздух был бодрящий, живительный, сладкий... Деревья, словно взявшись за руки, пытались скрыть скудное низкое зимнее солнце. Но лучи его, яркие, золотые, проникая сквозь дремучие ветви таёжных гигантов, зажигали белое безмолвие радужным светом жизни.

КОГДА КАЧАЛО МЕНЯ СОЛНЦЕ

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Стучали копыта. Вихрился снег. В белой мгле плясали рога. Свистел ветер. Звенели колокольчики. Бубном гудело небо. Летели олени. Бешеные олени куда-то меня мчали. Снег слепил лицо, глаза, уши. Бубном гудело небо. Звенели колокольчики...

– Телеграмма, – сказала тихо жена, подавая развёрнутый уже бланк. – Что так долго не открывал? Звонили, звонили. Не слышишь, что ли?..

– Олени снятся.

«Болен отец прилетай», – было написано в телеграмме. В первое мгновение эти слова показались обыкновенными. Позёвывая, как пустую бумажку, бросил телеграмму на лежащие в беспорядке дочкины тетради. Вдруг... рука потянулась к ней. Буквы словно ожили, зашевелились.

О – вздрогнуло.

Т – съёжилось.

Е – согнулось, как от боли.

Ц – простонало.

Отец... словно молния сверкнула и погасла.

Страшный мрак ударил в глаза. Сердце сжалось в комок. Будто его схватил какой-то злой дух.

Отец... Неужели?! Не может быть!.. А может, он просто болен?

– Отец... я помню то утро...

«Ветлю! Ветлю!» – поёт один кулик.

«Хап-ти-юв! Хап-ти-юв!» – вторит ему другой. – Лодка плывёт! Лодка плывёт!» – сообщает он.

И правда: лодка плывёт. Большая лодка: саранхап. В ней много людей. На ней и мой атя – мой отец. Мама говорила, что сегодня он приедет.

На лодке много людей. Но который из них мой атя? Я не знаю. Он уехал, когда был ещё снег. Далеко-далеко уехал. В самую большую деревню – в город Омск уехал. Там было большое собрание. Мой атя – председатель колхоза. А ещё он – депутат Совета. Самого большого Совета.

– Наш атя – большой человек, – говорила мама. Она каждый вечер обо всём мне рассказывала.

Я всматриваюсь в лодку. «Кто из них больше – тот и мой атя!» – решаю я. Неужели этот высокий, белоголовый – мой атя? Нет! Не может быть! У ати волосы чёрные и курчавые, как у нашего барана. Я помню. Глаза у него, как небо. Щека у него, как жёсткая оленья шкура, колется. Я помню, всё помню. Ведь мы живём давно-давно. Как эти чайки, кулики, деревья, вода, небо, солнце.

Только почему-то я всё время маленький, а атя – большой. Только почему-то я его всё время жду, и мама ждёт. А он всё ездит. А может, он меня тоже ждёт?! Плохо быть маленьким. Всё время надо ждать и ждать!.. Но не беда! Знаю: тоже буду большим! Когда вырасту – атя станет маленьким. Потом он снова большим станет, а я – маленьким. И так вечно мы будем жить! Как чайки, белки, утки, лебеди, вода, деревья, небо, солнце... Мы будем жить долго-долго. И я атю знаю, только немножко забыл.

Острый нос лодки ткнулся в берег. Волна, пенясь и шипя, набежала на песок и укатилась назад.

Из лодки вышел человек в красивой русской одежде. Этот русский человек шёл прямо ко мне, смотрел и улыбался какой-то очень знакомой улыбкой. Он схватил меня. Поцеловал. Поднял к солнцу. И сказал знакомым, вечным голосом:

– Мань-пыг!

Э! Я так и знал, что это мой атя! Он всегда называл меня так. Он вечно меня называл так! Мань-пыг – это значит маленький сын, маленький мальчик. Нет! Неправда! Я тоже буду большой!..

– Атя! – сказал я со слезами в голосе. – Называй меня яныт-пыг, большим сыном называй.

Он посмотрел на меня. Улыбнулся. Почему он ничего не сказал? Почему только улыбнулся?! Этот пронзительный, пытливый отцовский взгляд я запомнил навсегда. И улыбку запомнил. Так я познакомился с отцом своим. И теперь уже навсегда. С этого мгновения я узнавал его в любой одежде и как долго бы он ни странствовал.

А наша жизнь проснулась на берегу этой таёжной реки давно-давно. Вместе с этими летящими утками и плещущимися рыбами появились мы на свет. Вместе со счастливыми чайками мы смеялись задорно и со стонущей гагарой не раз горько плакали. С этими кудрявыми, могучими кедрами мы не боялись мороза. И солнце бывало щедрым. Летнее солнце всегда бывало щедрым.

– Здравствуй, атя! Как долго мы не виделись!.. Нам надо поговорить... Ведь мы будем жить вместе... Снова вечно жить!..

Солнце светит ярко-ярко... Утки куда-то летят, летят... Кулики на ножках тоненьких по песочку бегают, суетятся... Смеются беззаботные чайки, о чём-то курлычут лебеди, а где-то далеко-далеко стонет одинокая гагара...

– Здравствуй, моё утро!

– Приготовиться к посадке на самолёт, следующий рейсом по маршруту Ленинград – Тюмень, – объявил диктор. Зал ожидания стал похож на растревоженный муравейник. Одни поднимались с кресел, другие садились. Я присоединился к тем, кто не торопясь направлялся к выходу на аэродром.

Душа у меня стала как будто не моей. В ней сидел какой-то неспокойный дух. Он то хватал меня за сердце крючковатыми пальцами, сжимая его до тех пор, пока не выжмет стон, то отпускал, точно дразня меня. Этого духа я скоро узнал. В первый раз он пришёл ко мне, когда умирала моя мать. Было мне тогда девять лет. Двадцать четыре года он меня не тревожил. Где он был, этот коварный дух смерти? Кого давил, кому навевал слёзы?

Все думают, что я совершенно спокоен. А во мне клокочет жизнь. Сердце стучит. А рядом с ним притаился дух смерти. Он наблюдает за движением моих чувств и мыслей. Я хочу освободиться от него, забыться хочу. Но не в силах. Беспокойный дух побуждает меня вспомнить то мгновение, когда в последний раз я видел мать.

Помню, я стоял перед ней растерянный и жалкий. Она лежала на больничной койке. Говорила, будто молилась. В голосе – слёзы. В глазах – боль. Глаза у неё большие и печальные. Но в них искрится ещё надежда.

– Ничего, что Потепка отказался шаманить. Поезжай в нашу деревню. Иди к шаманке Алиовыл-экви. Она не откажется, поговорит с духами. Пусть пообещает им любую жертву. Курицу, даже телёнка...

Я оледенел. Не шелохнусь. Боюсь сделать шаг... В дверях стоят. Они в белых халатах. Наблюдают за мной. Из-за них я не знаю, что и делать. Не смею подойти к маме. Она растерянно смотрит на меня. Я то оглядываюсь на дверь, то слушаю её.

– О, зачем меня так мучают боги? В чём я провинилась? Пусть узнает, чего они от меня хотят. Пусть пошаманит!..

Она застонала. На мгновение закрыла глаза. Потом горящим взглядом потянулась ко мне.

Мне хочется подойти к маме. К моей маме. Но у дверей они. Смотрят, не спускают глаз. Халаты у них белые. И я – как ледяной.

– Ну, поезжай, попроси...

Ноги у меня отяжелели. Только глаза бегают, как шальные. Не знаю, что делать. Оживаю. Иду к двери. Не вижу ни матери, ни белых халатов...

О, почему я не подошёл к ней, моей родной и вечной?! Почему не упал на грудь? Не поцеловал, не приласкал почему?! Может быть, я надеялся, что помогут духи?

О, если бы я знал, что вижу её в последний раз! О, если бы не стояли у дверей люди в белых халатах!

О, если бы я был не так мал и глуп!

Почему она сама не подозвала меня? Может, она ещё верила, что мы увидимся, будем жить, смеяться, радоваться солнцу, как и раньше?!

Она вставала с солнцем. Радовалась солнцу. Была моим солнцем!.. Хорошо, когда солнце!..

Она не позвала меня, не простилась.

Она заставила меня всю жизнь вздрагивать. Вспомню – вздрогну. Сердце съёжится. Скорчишься, как от стыда, как от боли. Зачем она мне оставила вечную боль, вечные слёзы, вечный стыд за мою холодность, за мою недогадливость?!

А может, она нарочно оставила во мне этого беспокойного духа? Оставила для того, чтобы я помнил, что и у меня была мама, которой я обязан жизнью, и сыновнего тепла от меня было мало. Человек должен быть щедрым. Он не должен стыдиться ласки. Не имеет он права бояться постороннего взгляда. Быть самим собой – а не ледышкой. Сердечность и внимание, тепло и ласка – начало человека.

Может, она нарочно не простилась со мной, чтобы я всю жизнь чувствовал, что я в долгу перед людьми, как перед матерью?

Объявили посадку. Все, словно рыбы на перекате, поплыли. Шли друг за другом, держали наготове билеты и посадочные талоны. Я делал то же самое. Почти бессознательно. Я шёл вместе со всеми. Видел всех и не видел никого. Вдруг – словно проснулся. У входа на взлётную площадку остались двое. Она обнимала его. С заплаканным лицом припадала к нему на плечо и о чём-то просила. Не старая ещё, но и не молодая. Он – долговязый и какой-то неловкий – оглядывался по сторонам, будто стыдился её ласки. Наверное, мать провожает сына. Может, в первый раз и в первую дальнюю дорогу. И, быть может, надолго. А он, глупый, стесняется...

Как смотрела вслед мне моя мама!.. Тогда. В больнице. Каким жгучим взглядом провожала! Словно оторвала от себя своё сердце. И кинула его мне вслед. Что-то шептала. Может, молилась за меня всем богам, обещая им самую дорогую жертву?

А может, перед смертью она со мной, будто с духом, по всей правде говорить хотела? Ведь только я мог понять всю её материнскую ласку, её любовь к жизни и солнцу. Знала она: жить мне без неё – как бескрылому утёнку. А в небе коршуны злые. И лето тёплое не вечно. Зима морозная приходит, как смерть, и всё на свете леденит. Откуда знать всё это глупышу утёнку?!

Я уходил – не оглянулся. Не простился даже взглядом. Вспомню – вздрогну. Это её боль, наверно, во мне просыпается. Какой мучительной, видно, была её боль, если она во мне отдаётся даже через четверть века! А может, это поздний стыд за сыновний холод и невнимание?!

Скорее в самолёт! Может быть, ещё успею свидеться! С отцом. Моим единственным.

Самолёт незаметно оторвался от взлётной полосы и крылатым оленем стал подниматься в небо. Но глаза мои устремлены на землю. Внизу – Ленинград. Город моей юности. В нём я встретил Её. Она заменила мне мать. Я снова увидел тогда солнце. Пел, как птицы утром.

Улицы этого города – мои лесные тропы. Я иду по ним – как по тайге. Каждый дом – знакомое дерево. У каждого дерева – своя история и тайна.

Прежде волшебным миром мне была тайга. Каждое дерево казалось живым. В одном мне чудился добрый дух, в другом – коварный и злой. Теперь такой же мир – дома, улицы, площади, памятники.

Я брожу по улицам, как охотник по тайге. Но ищу не зверя, а добрые слова и мысли. Так мало в мире добра и тепла!.. Так много шума и грохота!.. Но в этом шуме городском я стал совсем другим. Во мне проснулся новый охотник.

*...Здесь, где дождь и прохлада
Освежали мне лоб,
Отдыхал я когда-то
От охотничьих троп.*

*Здесь, как зверя лесного,
Я искал свой мотив
И заветное слово,
Стол рукой обхватив.*

*Пусть асфальт – не болота
И фонарь – не звезда,
Только эта охота
Вряд ли легче, чем та.*

Город растаял в синей дымке. Самолёт крылатым оленем скакал по облакам, как по белому снегу. Сквозь сугробы облаков вдруг выскочило солнце. Самолёт качнуло, словно люльку. И опять сказка рядом со мной поскакала...

С мамы начинается земля.

В сказке продолжается земля.

А на земле – жизнь.

Жизнь... Какая тайна в ней заключена? Какой дух не даёт мне покою? Что меня так волнует и нагоняет думу за думой?

Может, судьбы людей помогут мне понять себя и мир?!

Рядом со мной сидели мальчик с бабушкой. Мальчик ростом такой же, как и мой сын. Лет шесть ему. Не больше. Такой же шумный и беспокойный. Пристаёт к бабушке с вопросами:

- Это что, бабушка? Снежные горы?
- Это облака.
- Почему они внизу? Снег падает сверху, с облаков...
- Мы же летим.
- А до синего космоса мы долетели?

Он спрашивал о том, кто зажёт солнце, почему на луну отправили луноход, а не человека, что будут пить на луне люди, если там нет воды, почему нельзя дышать космическим воздухом...

Бабушка слушала внука. И не спеша, глядя поверх очков внимательными, чуть усталыми глазами, отвечала на его вопросы. Эта чуть седоватая и спокойная женщина снова наваяла на меня сны моего детства.

Моя бабушка пришла ко мне из дремучей тайги. В первый раз я запомнил её в лесу. Была ли она до этого – не знаю. Наверно, была. Но я-то её помню с того самого мгновения, когда черника росла высокая-высокая, и я узнал её сладковатый запах, а голубика голубела. И я мог дотянуться и срывать губами круглые и сочные ягодки. О, как это было чудесно – брать ягоды губами! Собака Хулах бежала рядом. Она так же собирала ягоды, как и я. Мы были счастливы. А бабушка ругалась.

– Руками надо брать ягоды, а не ртом. Только собаки так делают: у них нет крылатых рук, – говорила она. – Потому они и собаки, что нет у них рук. Несчастные твари! Зачем делать, как они? Счастье человека в том, что у него есть руки. Всё ими можно сделать! Вот вырастешь большой, выше голубики станешь, и сможешь тогда влезть на самую макушку кедра и юркими руками будешь срывать шишки. А Хулах, твоя чёрная собака, этого сделать не сможет, у него ведь только лапы.

Но собака все равно была счастлива. Она бежала рядом со мной, жулила и весело взвизгивала. Она, может быть, не всё понимала в этом мире. Но видела, наверное, не меньше меня и радовалась, наверное, тоже не меньше и этим таинственным лапам кедров, в которых качаются тяжёлые шишки, и этим краснощёким грибам, которые наклонили к земле головы, и этим голубоглазым ягодам, которые дразнят нас тем, что их много и нам не под силу их съесть.

Вдруг собака залаяла. Мелькнуло что-то золотистое, и на качнувшейся кедровой ветке я увидел зверька с пушистым хвостом и остренькими усиками. Это была белка. Настоящая белочка! Живыми, любопытными глазками глядела она на нас. И у неё, наверно, была о нас своя дума.

А вот прокричала ронжа – хозяйка кедра, кедровка.

– Созреют скоро шишки, и будет кедровка собирать орехи да зарывать их в землю, – говорит мне тихо бабушка. – На пользу нам эта ворчунья. Настанет зима, и забудет она, где зарыла свой клад, а в том месте на лето другой кедр, новый, будет расти. Вот какая полезная эта горластая птица. А старый хозяин тайги ходит где-то рядом. Вот его следы. Чтобы задобрить его, положи на его след ягодки. И сердце его растает. И не тронет он нас с тобой, – рассказывает тихо бабушка, и на следы медвежьих ягоды кладёт. Я делаю то же самое.

Уплыло это сказочное время. И многое теперь кажется другим. И нет больше на земле голубики, которая выше меня. Бывая в тайге, я ищу такую голубику. И не нахожу её. Может быть, мой сын её увидит?

И ещё я помню первую встречу с огнём. Он на поленьях плясал. А я на него глядел. Он стрелял искрами – а я не сводил глаз. Смола золотистая на поленьях кипела и, шипя, сгорала – а я на огонь глядел. Невидимыми руками, жаркими ладонями касался он моего лица – а я глядел и глядел. Смолистым дымком иногда прямо в глаза дышал он – и всё же я видел его золотые зрачки.

И вдруг: земля под ногами качнулась, полетело небо, в голове закружилось синее пламя. И чьи-то руки схватили меня. Я очнулся: дедушка. Так я познакомился с огнём и с моим дедушкой.

Потом много раз я встречался с золотым огнём.

Замёрзнешь на охоте, окоченеют руки, побелеют щёки, а разожжёшь костёр на снегу – щёки опять порозовеют, руки наливаются силой.

Промокнешь на рыбалке, до костей промокнешь – а огонь высушит тебя, вскипятит чай, даст силы уснуть, чтобы завтра ты снова улыбался и ловил рыбу...

И дедушку я узнал. Лицо у него было непохожим на другие лица. Одна сторона его была синей. Поцелуем неба называли его лицо. Откуда было мне тогда знать, что лицо дедушки кое-кто считал священным. А для меня он был просто милый дедушка, который мог увести в волшебный мир длинных-длинных сказок.

Ещё я помню воду. Сверкающую на солнце весеннюю воду. Не помню, как ломался ревуший лёд, какой в ту весну был ледоход, но помню, как атя мой в первый раз столкнулся с берега лодку и окропил мою голову ещё леденистой, но уже открытой небу водой.

А вода струилась и искрилась, ходила кругами и журчала. И я словно услышал песню. Звонкую и нежную песню. Глаза увидели на ровной глади воды радужные ромбики, квадратики, причудливые узоры, похожие на орнамент, что на меховой шубе моей мамы.

– А что в воде? – спросил я у ати, сидевшего на корме лодки-саранхапа.

– Вот сейчас ты увидишь, какую щуку поймал.

И правда. Мы подъехали к запору. Запор – это перегорodka из кольев в маленькой речке. Атя вытащил из воды большую гимгу – ловушку, сплетённую из кореньев. В ней плескались рыбы. И среди прочей мелочи была там огромная щука. Борода у неё зелёная. Видно, старая эта щука. А глаза у неё круглые, водянистые. И смотрят они холодно. Морозно становится. И рот у неё большой. Она его открывает и закрывает, словно в воздухе что-то хватает. И зубы, длинные, острые, готовые прокусить не только меня, но и весь мир. Живот у щуки тоже не маленький. И, говорят, она проглатывает своих сородичей – таких же, как она, щук.

«Неужели так?! – задумываюсь я. – Неужели можно убивать и есть тех, с кем только что плавал и играл?»

– А бывают ещё и рогатые щуки, – говорит мне мама. – В сказках такие щуки бывают.

Хотя и рот у щуки большой, и зубы острые, хотя сказочные щуки и бывают рогатыми, но я их не боюсь – со мною рядом папа и мама. И я – самый сильный!

Опять наша лодка летит. От прикосновения цветных гребей вода стреляет. Звонко стреляет.

– А что под водой? – спросил я маму. – Почему она такая звонкая?

– В воде тоже жизнь. Под ней хрустальные дома стоят. В тех хрустальных домах водяные люди живут.

Непонятно было мне это. И понятно было мне это: всюду жизнь – и на земле, и в воде... И в сказочные времена была эта жизнь, и теперь она продолжается.

Теперь-то я знаю, почему манси и ханты по берегам рек селились. Вода – рыба. Вода – дорога. Вода – жизнь.

И снова вспоминаю вопрос, заданный мной маме:

– А что под водой?..

Теперь я знаю: нет под водой хрустальных домов, и водяные там не живут. Но жизнь есть всюду – и на земле, и в воде. И в сказочные времена была эта жизнь, и сегодня она продолжается.

Атя... Помню, что он вставал очень рано. Ещё темно, а он уже на ногах. То уходил на рыбалку, то на охоту, то просто будить колхозников. Он был всегда среди людей. О чём-то толковал, что-то доказывал, чем-то возмущался, подкрепляя свои слова жестами и мимикой. О чём были эти споры – разве мне вспомнить?!

Знаю только, что все разговоры были о колхозе, где он был председателем. Помню только, как дедушку он уговаривал сдать в колхоз лошадь, трёх коров и несколько овец.

– Молока захочешь – в колхозе возьмёшь, – убеждённо говорил он. – Надо будет куда съездить – лошадь возьмёшь в колхозе. Чулки связать нужно будет – шерсть возьмёшь в колхозе.

Помню: дедушка не верил. Возражал, говорил что-то своё. Но всё же уступил своему упрямому зятю. Видно, понял, что если родные председателя откажутся сдавать скот, то другие и подавно не отдадут.

Атя... Что мне вспомнить? Может быть, о том, как мы жили в старом доме в зимней деревне. Там стоял кедр. Издали он напоминал лицо великана из сказки. В деревне даже в пургу тихо – могучие кедры и ели закрывают своей грудью домики, и в древней деревне Хомрат-павыл тепло.

Атя... Что мне вспомнить? Может быть, то, как ты захотел создать для сородичей новую жизнь и осуществил свою мечту, построив на противоположной стороне реки новые, колхозные дома? Не верили сначала люди. Потом пришли строители, и вокруг озера, на берегу реки Пори-посал, выросла новая деревня, колхозная.

– Откуда взял он столько денег, что плотников нанял? – спрашивали удивлённые старики.

– Колхоз богаче самого богатого мансийца, – говорил им отец. – Колхозный карман опустеет – государство ссудой поможет.

В деревне был новый магазин, а главное – пекарня была. Белый хлеб на столе появился.

– Хороший колхоз, если белый хлеб даёт! Спасибо! Будем работать, рыбу добывать, зверя бить будем.

Атя... Что вспомнить мне?

А в деревне и правда было весело. На крыльях белых лебедей прилетала весна, гоготанием гусей горланила весна, стаями диких уток садилась у крыльца весна. Крыльцо наше было на берегу озера. А на берегу озера уток – темным-темно. Беру ружьё. Ба-бах! И небо синее темнеет. Темным-темно. На берегу озера – струйка алой крови. На берегу селезень лежит. С трепетом беру в руки добычу. А небо звенит и стонет от утиных стай. Принимай, озеро, крылатых, принимай! На берегу озера весна не убита. На берегу озера встречена весна.

Посреди деревни – тоже озеро. Как голубая плоска это озеро. А вокруг него, как квадратики с узорами, дома стоят, на прозрачной глади воды отражаются небо весеннее и дома колхозников. Хорошо было на берегу озера! И на берегу реки хорошо! Где теперь то озеро и весна крылатая?!

Атя... Что мне вспомнить? Может быть, то, как ты уходил в другой колхоз? Партия хотела, чтоб ты его «поднял». Но не успел ты выполнить завет – грянула беда, чёрная война.

Атя... Что мне ещё вспомнить?

Может, то, как ты уходил добровольцем на фронт? Помню я Берёзово, пыльные улицы.

- Раз! Два! Три! – ваш отряд шагает.
- Раз! Два! Три! – и я марширую.
- Раз! Два! Три! – улыбается ваш командир.
- Раз! Два! Три! – и вы улыбаетесь.

Атя... Что мне вспомнить? Потом вы сели на белый пароход. Ты махал мне рукой. Мама прятала лицо в шёлковую шаль. Я знал: она плакала. Не было у меня шёлковой шали, некуда мне было прятать лицо – и я не плакал.

Что мне вспомнить? Ты был под Москвой. Фашистский осколок не смог убить тебя, только ранил. И раненый ты вернулся домой. Но недолго пришлось быть тебе в доме родном. Приезжал из района уполномоченный и о чём-то тебя просил. Несколько раз приезжал уполномоченный и каждый раз становился резче. Ты о чём-то подолгу говорил с мамой. Она в чём-то с тобой не соглашалась, спорила.

- С кем оставишь дедушку? Ему ведь сто лет.
- С кем оставишь бабушку? Ей тоже сто лет.
- На чём привезёшь дрова? Нет у дедушки лошади.
- Где возьмёшь молока? Нет у бабушки коровы.
- А в колхозе не допросишься – колхоз кормит фронт.
- Не оставишь дедушку, не оставишь бабушку...

И вот атя уже сидит в красивой казённой кошёвке. Полозья у неё железные, а постромки смолёные. А конь вороной пританцовывает, жаждет умчать вас в снежную даль. И уполномоченный сегодня весел. Он говорит:

- Ничего. Поднимешь колхоз и вернёшься...

Никто отца не провожает. Я один его провожаю.

Снег уже летит, вихрится снег. Я вцепился в кошёвку, надо мной снег. Он такой колючий и горячий такой. Кружится и вьётся над моей головой. Залетает в уши и слепит глаза. А конь, как шальной, поднимает ветер и, почуяв дорогу, быстрее ветра летит. И деревня моя куда-то летит. Я кричу: «Ма-ма-а!».

И тяжёлая отцовская рука отрывает меня от казённой кошёвки. И казённая отцовская рука на снежную дорогу толкает меня. Долго ещё надо мною кружится снег. На солёные щёки мои ложится снег. Потом всё замирает, и в мёртвой тишине я вижу ледяной взгляд морозного зимнего неба. И кедры на берегу как немые стоят. Они не видели ничего, как слепые стоят. И река замёрзшая ничего не слыхала, она в этой тишине, как мёртвая, лежит.

Смахиваю с лица остывшие слёзы. Стряхиваю с себя прилипший снег. Пятилетним мужчиной шагаю обратно. Многого, конечно, я ещё не понимаю. Но одно чувствую: в доме нет мужчины. Хозяином быть должен я, чтобы был наш дом. Чтобы был наш дом, я должен стать мужчиной.

– Прошу приготовить столики! – проходя между кресел, сказала стройная стюардесса. – Сейчас вам будет предложен завтрак.

Самолёт гудел, как рой комарья. Пассажиры дремали, как в знойный полдень. До большинства слова стюардессы будто не дошли. Лишь кое-кто лениво потянулся налаживать столики.

Только мальчик ликовал.

– А мороженое будет? А пирожное? А лимонад?! – щебетал он, вертясь, как птица в клетке.

Бабушка наклонялась к нему, что-то строго шептала.

Глаза его засияли, когда появился перед ним поднос. Но он не стал есть ни ножку курицы, ни тёплый рис. Он едва притронулся к пирожному, глотнул вишнёвого сока и стал с удовольствием вертеть пакетики с перцем и солью.

Скоро кусок хлеба стал остовом самолёта, пакетики – крыльями, косточки вишни – колёсами.

– Жу-жу-жу! – зажужжал он.

Бабушка заставляла его есть. Он отворачивался от протянутой куриной ножки и продолжал жужжать. Мы летели...

Ходит по земле мороз. Стучится в каждый дом мороз. А откroшь дверь – вздохнёт тяжело, выпустит изо рта белый дым и, не спрашивая никого, входит в дом. Ещё холоднее становится. И на глазах замерзает крохотное пятнышко на стекле окна, которое я так старался разморозить своим тёплым дыханием. Но я снова и снова приклеиваюсь к окну и дышу на снег и лёд, чтобы можно было видеть дорожку, по которой, наверное, скоро придёт с рыбалки мама. А её давно нет дома. Целую вечность, кажется, её нет. «Неужели только семь солнц нет моей мамы? – раздумываю я. – Дедушка мог и ошибиться и на палочке, по которой он считает время, мог и пропустить зарубки. Ведь он слепой. Неужели только семь зарубок не было моей мамы дома, неужели только семь дней я её не видел?!»

Дров осталось мало. Лишь на ночь хватит. Когда же приедет мама?!

За водой мы ходим с бабушкой. У неё есть палочка. Подаст её мне в руки – и за мной идёт, следом санки катятся. В них бак стоит, в котором мы возим воду. Тяжело ходить с бабушкой по воду. Когда же приедет мама?!

А хлеб какой вкусный! Но моих двухсот граммов мне не хватает. И я твою, мама, норму съедаю. И всё равно есть так хочется! Приезжай скорее, мама, привози рыбки свежей!

И молотая черёмуха, черёмуха с рыбьим жиром – варкой – тоже уже кончилась. Мы не можем найти с бабушкой, куда ты припрятала черёмуху, вкусную черёмуху с варкой!

Когда же ты приедешь, мама?!

А дедушка делает гимги, снасти рыболовные из прутьев и кореньев плетёт. Председатель просит его научить молодёжь.

– Позабыли, – говорит, – древнее ремесло. А ловушек, – говорит, – так не хватает. – Председатель почти каждый день ходит к нам. И за труд дедушке выписывают литр обрату. Вкусно и такое молоко. Приезжай скорее, мама! Может, и тебе молока будут давать? Ты ведь не простая рыбацка, а бригадир рыбацкий. Тебя, наверно, тоже уважают, как дедушку. Приезжай скорее, мама!..

И мама приезжает. Она приносит рыбу. Не муксуна, не нельму, а шуку одну приносит.

Мы не спрашиваем, почему так мало она принесла. Мы знаем: в бригаде есть особый уполномоченный из района, девушка там есть такая. Она смотрит, чтобы всю рыбу сдавали. Мы знаем: мама и сама не возьмёт – она бригадир, она ведь понимает, что рыба-то идёт не куда-нибудь, а на фронт.

И варится уха из этой шуки, как в сказке варится. И запахом этой волшебной ухи мы долго наслаждаемся. Как будто едим не шуку, а мясо самого медведя. Как будто в нашем доме сегодня самый большой волшебный праздник, о котором позабыли мансийцы.

Хорошо, когда приезжает мама. Это мой самый большой праздник.

– Кем ты хочешь быть? – спросил я мальчика, летевшего с бабушкой. Может быть, потому, что у меня такой же. И я невольно сравнивал его со своим.

– Я хочу быть Гагариным! – выпалил, как потребовал. – Полечу на Луну. Буду космосом дышать.

– А не хотел бы ты быть рыбаком? – допытывался я.

– Нет! Мама будет смеяться, как над папой. Рыба в Неве не хочет клевать... Воскресенье пропадает. «Лучше бы в театр», – говорит мама.

– А может, охотником хочешь быть?

– А что это такое? Когда с ружьём ходят? А кого убивать? Шпионов?

– Волков, медведей...

– Где? В зоопарке? Разве можно? Медведи, волки ещё в сказке есть.

А я видел медведей и волков в тайге. Ещё тогда, когда голубика была выше меня. И боялся я не только волков... У меня была совсем другая сказка.

Заболел однажды. То горю, как в огне, то дрожу, как на морозе. То ручьями льёт с меня пот, как с тающей снежной горы. То в горле всё пересыхает, как речка в сухое лето. То всё кружится перед глазами,

и я вижу причудливый и странный мир, который никогда не увидят люди. То звенит в ушах, и слышу я волшебную музыку, и мне хочется петь, и я говорю складно и непонятно, как, может, никогда не скажу.

То ко мне снова возвращается ясность, и вижу маму, наклонившуюся к моему изголовью. Она кладёт на мой лоб мокрую сеть. Мне хорошо. Она смотрит на меня влажными глазами. И летят ко мне какие-то струи света. Тёплые, ласковые, печальные. Словно она боится, что я опять уйду в иной мир и буду петь непонятное.

И я забываюсь. Вижу: моя голубовато-дымчатая душа корчится и вьётся в чьих-то костлявых пальцах. А кругом темно-темно, как в глубокой яме. Пальцы давят, ещё темнее становится. Душно. Но не замирает душа моя. Она рвётся из цепких пальцев и кричит на самого бога Тёмного царства.

– Непокорный! – цедит сквозь гнилые зубы Куль. А глаза у него горят злобой, как угли. Он давит меня ещё сильнее. Жарко. Я кричу и мечусь в жилистых руках Куля. Он вздыхает и со злостью расслабляет усталые старые пальцы. Мне легче. Я снова вижу печальную маму. А в углу, перед красной шёлковой занавеской, сидит дедушка. Под напевную музыку слов у него в руках дрожит топор, повязанный шерстяным поясом. Он говорит с духами, с нашими домашними богами, которые сидят в сундуке за этой красной занавеской. Он говорит, как поёт. А поёт, как говорит. И слов его мне не понять. То слова божественные. И говорит он волшебным языком, который не многим дано понять.

– Сам Куль схватил душу нашего мальчика: значит, она чего-то стоит, – говорит испуганной маме дедушка. – Сам царь злых духов пытается завладеть душой нашего мальчика: наверно, дух что-то видит в невидимой дали жизни, – размышляет вслух дедушка. А голос у него хриловатый, усталый.

Наши домашние духи не могут... Попробую попросить Мирсуснэхума – духа нашего племени. Силы у него больше. Он может сразиться с Кулем и вырвать у него из рук жизнь нашего мальчика, если душа его не коротка. Нужна большая жертва. Нет у нас ни телёнка, ни овцы, ни белого жеребёнка... Ничего... Пообещаем отцу нашему вернуть душу мальчика...

И топор, повязанный шерстяным поясом, опять дрожит в синеватых руках дедушки. И он снова поёт. Сначала непонятно и далеко-далеко звучит его песня. Потом всё ближе и ближе. И наконец я уже различаю слова:

*На священной горе за тремя стенами,
В железном дворце, где еле найдёшь двери,
Ты живёшь, наш дух!
Твой небесный отец наказал тебе
Спасать души людей.*

*Споткнулась душа нашего мальчика.
Она в злых руках.
Как из тёмной бездны вырвать её?
Семигранную твою прозорливость
Призываю на помощь!
Пусть выздоровеет мой внук!
И не только нога его будет крепка,
И не только рука его будет сильна,
Но да владеет он семикрылым духом!
Не сильный рукой знает сладость светлого дня,
А сильный душой знает сладость светлого дня.
Спаси во мне надежду мою:
Верни моему мальчику прозорливую душу!*

Дедушка пел свою волшебную песню. И я видел жизнь, недоступную человеческому глазу:

На железном коне, что не больше соболя, скакал мой спаситель Мирсуснэхум. А был сам чуть побольше белки. Среди звёзд летел, говорил с луной. Облетев свою землю, направил коня в подземелье.

Когда схватился он с Кулем, ох, мне жарко было! Душу мою тянули туда, душу мою тянули сюда: ох, больно мне было! Я горел, как в огне. И дрожал, как на морозе. Но всё видел и слышал. Оттого сильнее стал.

*Спаси, наш бог, душу моего внука!
Он тебя не забудет,
Благодарить станет
И тёмной ночью, и в светлый день.
Белой шерстью, шёлковой нитью будет обшивать
Рукава твоей священной одежды.
Шёлковыми словами, как тёплой шерстью,
Будет охранять он твоё высокое имя.*

Потом дедушка поил меня каким-то напитком. И я видел, как Мирсуснэхум вырвал мою голубоватую душу из костлявых пальцев Куля. Мне стало легко. Легче облаков парил я где-то. И больше ничего не видел и не слышал ни одного волшебного звука.

А когда я выздоровел, дедушка повёл меня в священный угол, где под потолком на полочке стоит сундук, обитый железными полосками.

Когда он открыл крышку, на меня взглянули холодными глазами-бусинками наши домашние духи. В собольих шапках, в платьях из тонкого цветного сукна среди шкурки куниц, лисиц, соболей сидели они важно и чинно. Хотя они были не больше горностая, но простыми куклами они мне не казались.

Для меня они были живыми и сильными богами. И душа моя трепетала, как утка, попавшая в сеть.

И уже не мог я спокойно смотреть на потускневшие монеты с причудливыми изображениями, на сияющие кольца, на рюмки с золотыми узорами, на серебряные и медные амулеты, где в живом порыве замерли священные птицы и звери моего лесного края.

Дед щупал лицо каждого бога, а узнав, называл его имя, и я вслед за дедом должен был шептать это имя, как молитву.

– Вот твои духи. Ты будешь хозяином. А вот твой главный бог. Эта золотая пластинка – священный амулет. Я нашёл его на днях в сундуке. Крылатый лебедь – твой крылатый бог – прилетел изда- лека, с верховьев Сосьвы. Просит тебя быть его хозяином. Без про- зорливого духа люди не могут жить, край может зачахнуть. Будь хозяином! А он тебе поможет: лебедь – сильная и вещая птица. Да- леко летает, куда не могут ходить мансийцы, глубоко ныряет, где не могут бывать мансийцы. Бери амулет – и будешь сильным.

– Боюсь, – шепчу я.

А сердце моё трепещет, как рыба, попавшая в сеть.

– Эх, – вздыхает дедушка. И, закрывая крышку священного сун- дука, тянет: – Будешь опять болеть!..

Давно моего дедушки на свете нет. Иной век настал. И я задумы- ваюсь: почему дедушка так мучительно старался обратить меня в свою веру? Неужели без веры на свете жить нельзя?

4

Мы сидим у жаркой железной печи. Бока у неё красные, раска- лённые.

– К большому морозу это, – говорит мне Давидка, мой приятель.

Я к Давидке хожу почти каждый вечер. И неспроста: он чуть старше меня, и знает не только это, а ещё умеет так смотреть в книгу, что язык его выводит складные волшебные слова:

*Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...*

Говорит он, точно струны санквалтапа трогает. И я вижу мир, невидимый моему глазу. Синее, как ветер, море, белые, как песцы, волны. Теплей, чем парное молоко, воздух. Хочется дышать этим воздухом и мчаться на кораблике под парусом самому.

– Не шаман ли ты, Давидка?! – спрашиваю я его тихо, вызывая на откровенность. А сам боюсь, что лезу с любопытством в такое святое дело. – Не хочет ли тебя мой дедушка сделать шаманом?!

А Давидка смотрит на меня, как большая собачка на щенка, и продолжает:

*Белка там живёт ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт...*

– Не я шаман, а Пушкин! И никакой он не шаман, а поэт. Большой это человек. Самый большой на свете! Дедушка твой даже книгу не умеет читать... А ещё нам говорили в школе, что шаманы – плохие люди. Хуже росомах они!

– Ты не знаешь моего дедушку. Он хороший!.. И не смей называть его росомахой. А то буду драться!

Я стреляю в него словами, как сухие смолистые дрова в печке стреляют искрами.

– А если хочешь знать, то и твой Пушкин тоже шаман. Он тоже уводит меня куда-то далеко, и я опять начинаю видеть и слышать то, что он хочет. Он тоже волшебник!

– Ну, это другой волшебник. Книжный волшебник, добрый волшебник, – объясняет мне Давидка, зажигая новую лучину.

А мне обидно. Очень обидно, что дедушка мой не такой.

– Ничего, – говорю я. – Всё равно научусь читать. И увижу твоего Пушкина, и буду с ним спорить!..

А выйдя на улицу, по дороге к своему дому, я не хруст снега слышу, а плеск белых волн, и не чум цветистый – северное сияние – вижу, а бегущий по синему морю кораблик. Мне хочется повторять эти строки и найти свои слова. Но они, как великие духи, не идут ко мне. Мне больно до слёз. И, несчастный, падаю на свою постель – на старую оленью шкуру, а во сне опять тот же мир. Вот оно, то синее море... Вот кораблик на просторе...

*И опять я видел парус,
И хотел я стать, как ветер,
И завидовал мальчишке,
Что носил под мышкой книжку
Ту, где жили строки эти!
Я мечтал о синем море,
Я мечтал о нём без страха.
Не беда, что скачут волны,
Злые, точно росомаха!
Я мечтал с великим морем
Подружиться, побрататься
И, вдыхая свежий ветер,
Лёгким парусом помчаться!*

Долго жили во мне эти грёзы. Долго я мечтал увидеть живого Пушкина. Больно было, когда узнал, что певец сражён злой пулей. И праздником стало мгновение моей жизни, когда я понял, что Пушкин жив и я могу говорить с ним, сколько хочу. И у меня теперь есть даже свои слова:

*И теперь, когда навеки
Миновали годы детства, –
Снова дорогие строки
Быстрым ветром рвутся в сердце!
Снова вижу белый парус,
Полный ветра и задора, –
Он зовёт меня и манит
В беспредельные просторы!
Друг степей и дети тундры
Повторяют строки эти,
Строки смелые, как парус,
Строки вольные, как ветер.*

«Кто, сидя у тёплой печки, далеко-далеко ходит, чудеса видит, мудрые слова слышит?»

Теперь я эту загадку знаю: тот, кто умеет читать.

А для меня книга – это лес, где я ещё не был, строчки – дорожки, по которым я ещё не прошёл, слова – деревья, которых я не знал и не знаю, что на них растёт, какие звери в ветвях их прячутся.

Ясно одно: надо идти в школу! Учится же там Давидка. Наверное, и я смогу.

И в одно морозное утро я с Давидкой направляюсь в школу.

Прозвенел весёлый звонок, и все ребята словно приклеились к партам. И я рядом с Давидкой сел. И для меня нашлось место. Учительница даже не удивилась моему приходу. Она подошла, что-то участливо спросила, расставила на доске шашки и велела нам с Давидкой играть. Я был ни жив ни мёртв. Окаменелыми руками двигал шашки, боясь взглянуть на ребят, которые читают, что-то умное рассказывают учительнице. А она их слушает внимательно и серьёзно. Хорошо, когда тебя слушают! Но обидно, что мне она доверила только шашки.

Досадно охотнику, которому доверено лишь рубить дрова, а не идти вместе со всеми к берлоге – на медведя. Досадно рыбаку, который только чинит сети в большой артели, которого не берут на живой и радостный промысел. Глаз увидит – сердце захочет. Сердце заболит – слёзы потекут. А я не плачу – с Давидкой в шашки играю. Жду: что же дальше будет?

Медведя кусают комары, он на лес обижается, а лес и не слы-

шит. А учительница, видно, меня понимала. Кончился урок – подошла ко мне.

И говорит: будешь учиться в школе! Скоро. На будущий год... А нынче – ты опоздал: зима. И подрасти надо...

– Мне уже шесть! Хожу с мамой на охоту. Большой я! Большой! – твержу ей горячо и настойчиво.

Опять оленьими бубенчиками звенит звонок. Ребята садятся за парты, а мне разрешают... только играть в шашки.

Как долог этот школьный час, какие мучительные эти сорок пять минут, как ты придавлен, когда ты занимаешься не своим делом! Рядом с тобой жизнь – а ты бессмысленно передвигаешь шашки... Этих мыслей у меня тогда, наверное, не было, но тяжёлое чувство осталось. А сегодня могу сказать вот что.

Не лезь в нарту, пока олени не в упряжке. Не ходи на медведя, если ружьё дрожит в руках. Не иди в гости, пока тебя не зовут. Не пей напитков, которые сильнее твоего сердца, дурнее твоего ума.

Белая лошадь – дорогой подарок. Белая лошадь – счастье и радость. Белая лошадь самую добрую весть приносит...

На другой стороне реки белая лошадь стоит. На спине белой лошади человек. В руках у него – красный флаг.

– Победа! Победа! – кричим мы. И всей деревней бежим на берег, к рокочущей реке.

– Победа! Победа! – кажется, выгорланивают гуси, высвистывают летящие утки.

И о том же где-то за озером лепечут лебеди. И вся оживающая природа лепечет, горланит, поёт волшебную песню обновления, песню победы жизни!

Мы – красные. Потому над белой лошадью и развевается большое красное знамя. Вынес народ наш войну стоя. Потому и тот, кто принёс праздник, стоит на спине белой лошади и крепко держит наше знамя. Один – за всех, все – за одного...

Хотя нас разделяет широкая весенняя река с рыхлым льдом на середине, с кипящими берегами, мы стоим словно рядом с ним и держим наше победное знамя. И хотя наша таёжная деревушка далеко-далеко от «большой земли», мы чувствуем себя связанными со всем миром. У нас есть соседи. Они и поделились с нами радостной вестью о долгожданной победе.

Наше дело правое – мы победим! Это мы знали раньше. Когда недоедали – знали, когда добывали рыбу из-под льда – знали, когда шли в бой – знали: наше дело правое – мы победим!

На песчаном берегу реки праздник. Мы пляшем Танец победы. Мамы наши целуются, смеются, плачут. Деды наши вдруг словно помолодели, приподняли головы, как лоси рога. Мы кидаем кепки

в голубое небо, брызжемся леденистой водою, как на празднике, когда зверя убили.

Нет больше зверя! Гитлера больше нет! И мы дарим друг другу радость и о счастье мечтаем...

Прошло много лет с тех пор. Но каждый год Девятого мая в памяти моей всплывает белая лошадь, и человек на белой её спине высоко держит развевающееся Знамя победы!

И думается: не высечь ли из камня такой памятник, не поставить ли его на берегу той таёжной реки?

Пришла настоящая весна. Прилетели утки. Весело-весело стало. Приехала мама с охоты и поставила ружьё в угол. И я не свожу глаз с этого ружья. А в кармане у меня уже патроны лежат. Только вышла мама куда-то, я сразу хватаю ружьё и – на улицу. Куда бегу? Подальше от любопытных глаз. За конный двор, на песчаный берег речки. Там на песке кулики бегают, по воде утки плавают. Шеи у них не вытянуты: не знают, что сегодня я иду не с луком и стрелами, а с настоящим ружьём.

Вот я уже целюсь в самую красивую утку. Она, наверное, самая вкусная. Левый глаз зажмурил, правым – ищу мушку. А руки дрожат, и ствол чуть покачивается, как талинка при слабом ветре.

А почему дрожат руки? Потому, может, что целюсь в самую красивую? А может, пусть будет моей не эта, а другая, с красной головкой, с голубоватыми перьями? Самая красивая, наверное, самая жирная? А ствол опять покачивается. А может, всегда, когда убиваешь впервые, руки дрожат?

Но разве я об этом думал?

В то мгновение сердце моё плескалось весёлой рыбкой. И душа моя замерла, когда сквозь пороховой дым я увидел свою жертву.

«Она моя! Я сильнее крылатых уток!» – искрилось в сознании.

– Вот и вырос сын, – скажет мама.

– Дождались охотника! – воскликнет бабушка.

– Подружишься с ружьём – не забудешь ли нас? – печально спросит бабушка.

И с уткой, заткнутой за шерстяной поясок, как настоящий охотник, шагаю домой. Гордый шагаю. С ружьём на плече шагаю. Пусть видят все, какой я охотник!

Нет ещё и семи лет, а я большую утку убил.

«Жаль только, что отец не видит. Напрасно он уехал далеко от нас. Ничего! Пожалеет! Многих я ещё убью!» – шагают мысли рядом со мной.

Откуда мне было знать, что убивать – совсем не моё призвание...

В родной край я не приезжаю, а прилетаю. На крылатой лодке – самолёте прилетаю. Мечта была у манси – посмотреть землю. Долго думали, как стать крылатыми, и однажды додумались. Кузнец выковал железного семикрылого коня.

– Почему семикрылого? – удивится кто-то.

– О, семь – это волшебное число.

Но на этот раз волшебство семёрки не помогло. Семикрылый конь валился набок, не мог летать. Подумал, подумал кузнец и выковал восьмое крыло. Восьмикрылый конь поднялся выше дымков островерхих чумов, рядом с облаками мчался.

В сказочных снах мансийцы были крылатыми.

Настало новое время. И мечты сбываются. Самолёты над тайгой летают. По-мансийски их крылатой лодкой называют.

«А почему не крылатым конём или крылатым оленем? – задумываюсь я. – Почему теперь самолёт не кажется волшебным?»

И правда, сидишь, как в лодке. Облака – волны. Небо – море. Качнётся волна – и лодка качнётся и дальше по небесной сини плывёт. Хорошая лодка! Хорошо плыть-лететь!

В аэропорту Тюмени – пересадка. И тут я встретил приятеля из нашей деревни. Он вчера видел моего отца.

– Здоров твой старик! – сказал он. – Собирался вчера на рыбалку. Это, наверно, сестрёнка над тобой подшутила. Озорница она у вас.

«Это её проделки! – решил я. – Целых полгода не был у них. Соскучилась, наверное. Вот и придумала...» Снова летим, под нами тайга, озёра, реки.

– Сколько леса! – удивился сосед. – И воды много... Наверно, болота. А в озёрах, поди, много рыбы... А это что за море?

– Это Обь, – говорю я.

Он удивлённо смотрит на меня, точно я смеюсь над ним. И его смуглое неширокое лицо снова у окна.

И я смотрю на родные леса, озёра, реки. Обь светится, кажется хрустальной. Плоты и теплоходы словно замерли в этом блеске. Плывут лишь редкие посёлки.

– И где только не живут люди! – размышляет вслух мой сосед.

Наш «АН-24» плывёт по сини. Небо – как рыбий глаз: ни облачка.

– Удивительно, сколько солнца! Север – и солнце! Как-то не вяжется. Внизу, наверно, холодно.

Сосед в шерстяном свитере, в пиджаке, на коленях – плащ.

– А там купаются?

– Да, – киваю я.

– В ледяной воде? Потом удивлённо:

– И коровы... Значит, и молоко есть. А где же олени?

– Олени в горах, на Урале.

- А говорили, что здесь.
- К зиме спустятся с гор. Оленеводы каслают.
- Каслают? Что это такое? Шаманят?
- Нет, каслают – значит кочуют.
- А хорошо бы на олешках прокатиться!

...Олени мои, олени! Вы, как снежинки крылатые, летите, с ветром спорите. Но самолёт – крылатый олень – быстрее вас скачет. Кони мои, кони! Вы, как искры крылатые, летите, и вас не догнать. Но самолёт – крылатый конь – быстрее вас скачет. А сколько нужно было лун, чтобы проехать край мой с юга на север? Ведь ни мало ни много, а тысяча вёрст. А сколько нужно было лун, чтобы проехать край мой с запада на восток? Ни мало ни много, а с седого Урала до Енисея протянулся округ на тысячу триста вёрст.

Много лун, наверно, надо было.

А сегодня за несколько часов из Ленинграда домчался до родного неба и даже недоволен такой скоростью. Хочется быстрее попасть туда, куда сердце уже улетело.

А может, мы уже избаловались?! Ведь совсем недавно на «аннушках» летали, и казалось – быстро. И на «ЛИ-2» летали, казалось – быстро! А сейчас на «АН-24» уже кажется: не летим, а плывём, как на медленной крылатой лодке.

А может, просто время наше такое крылатое? И оно нам диктует свою скорость.

«Что быстрее быстрого?» – спрашивает северная загадка. – «Самолёт». – «А ещё?» – «Ракета, космический корабль».

«Что быстрее быстрого? Не стрела, не ракета! – отвечает северная отгадка. – Быстрее быстрого – мысль!»

5

Летишь на крылатой лодке, любишь землю. И вдруг сердце сжимается в комочек и, кажется, падает вниз. Там каждая протока шепчет сказки, навевает сны детства. В этом озере я ловил сетями сырца. А на том плёсе убил первую утку.

Пори-посал – зовут эту протоку мансийцы. А в переводе – вспять текущая река. Странная река! То течёт в одну сторону, то в другую. Когда на Оби большая вода – она течет к Сосьве, когда в Сосьве большая вода – она течёт обратно, в Обь. Может быть, такие реки и есть в мире, но для меня она – единственная: на её берегах я родился. А у этой излучины, в зеленовато-голубом бору, – могила моей матери.

А на том мысу с высоким белеющим обрывом – деревня Аргинтур. Там живёт мой отец. Эх, знали бы вы, какой там пологий песчаный берег и какая тёплая вода!

Сосед смотрит на меня пристально. О чём он думает?

– А где Пунга?

– Это там, в тайге, за Игримом. Недалеко...

Он вглядывается в горизонт, где синь неба сливается с сияющим лицом Сосьвы, с дымными глазами озёр, с осетровой спиной тайги. Все теперь знают Пунгу – там нашли богатые запасы природного газа.

– Недалеко! Я уже почувствовал ваше сибирское «недалеко»: час лети, два лети, семь лети!.. И всё вам знакомые места, все родные...

Снова его лицо у окна.

В салоне самолёта двадцать пассажиров. Напротив меня сидит Рыжая Борода. Это не имя. Я в уме его так прозвал. Наверно, геолог. Они такие бороды носят. Белокурая соседка заглядывает ему в лицо, спрашивает о чём-то важном и любопытном. А слова у него, видно, дороже нефти, не фонтаны льёт, а лишь слова-капельки роняет.

«А кто она?» – спрашиваю самого себя. И тут же отвечаю: «Может быть, учительница! Их ведь так ждут маленькие северяне! Может, врач – их ведь так ждут на Севере!»

Вот сидит девочка. У неё косички и полосатая куртка. Я ещё такой куртки не видел. Модница? А может быть, просто она едет с родителями издалека, где одежда и нравы совсем другие. Со всех концов света сюда едут. А мальчик, сидящий на самом переднем кресле, что-то спрашивает у отца. Тот внимательно слушает и что-то разъясняет. Лицо у него обветренное и, когда он молчит, кажется суровым. Руки большие, видно, сильные. А пальцы тёмные. Может, он строитель?

Города, газопроводы, железные дороги ждут строителей.

Земля моя, я хочу идти по тебе, как шли охотники! Пусть скрипят лыжи лосиным камусом и поёт белый снег. Пусть лыжами будут и вертолёты, и самолёты.

Югра моя!

Мчусь я на железном олене. У него и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчусь я на железном олене по дорогам железным. Лишь одного хочу я: чтобы думы мои не стали железными.

Мчусь я на железном олене – не забыть бы мне звон копыт оленья с ветвистыми рогами! Коня не забыть бы мне! И ещё – мечту об огне земли, которую лелеяла душа язычника:

*Я мечтаю об огне,
Как о вздыбленном коне,
Как о скачущей удаче,
Кем-то посланной ко мне.*

*Раздуваю уголёк,
Растопляю камелёк.
И рублю, рублю дровишки.
Разгорайся, огонёк!*

*То цветочки мне цветут,
То метели мне метут.
Но всё время душу греет
Огонёк и там, и тут.*

*Я за птицею – в полёт.
Я за рыбами – под лёд.
Резво прыгает удача,
Только в руки не идёт.*

*Я за сободем – с ружьём.
Я забудусь тяжким сном.
Неужели я не справлюсь
С быстро скачущим конём?!*

*Вот и старость – на порог.
Прожил жизнь свою, как смог.
При прощанье на дороге
В гроб положат кремешок.*

*Там цветочки не цветут.
Там метели не метут.
Может, я хоть там сумею
Осветить всю темноту.*

*Но мороз мне тело жжёт.
Частый дождичек сечёт.
Я живой! – и во лесочке
Резвый конь зазывно ржёт.*

*Я рублю, рублю дровишки,
Чтобы искру сохранить...*

Я стал крылатым. Высоко лечу. Рядом с облаками и солнцем лечу. Время крылатое... Но неужели от этого счастья я ослепну, оглохну, стану бесчувственным?!

Неужели река безмолвно меня встретит и не подарит плеск свой живой? Неужели эти струи прозрачные могут стать жирными, липкими?! Неужели эти юркие рыбы лишь в загадках будут плескаться?!

Я знаю: будет новое утро. Знаю: однажды я снова проснусь. Но неужели всё будет только в новой сказке?!

А может, и у старой сказки счастливый конец?!

6

Я припоминаю старую сказку.

Было в тайге много зверя. Больше деревьев было зверя. Больше ветвей было птицы. Смотришь: дерево стоит высокое. А пристальнее взглянешь – это стройный лось, красавец тайги стоит. Смотришь: коряга чёрная под деревом чернеет. Пристальнее взглянешь – сам царь тайги, медведь. А на каждой ветке кедра не пушистый мох, на каждой ветке – соболь. Там его пушистый мех золотится. И белки качаются на ветвях. Их – что кедровых шишек. А в таёжной речке плавают бобры. Они строят хатки. И плотины даже строят. И в таёжной речке появляется озеро. Его зеркальное лицо улыбается. А над озером бабочки летают. Их рыбы весёлые хватают. Рыбы пляшут, резвятся. Кишит лесное озеро рыбами. Дышит лесное озеро. Живёт.

А на опушке леса, на зелёной поляне – глухарина свадьба.

А небо звенит, как струна многострунной мансийской арфы – лебеда. Вечное лебединое «курлы-курлы» плывёт и плывёт, не умолкая. А поднимутся утиные стаи в небо – солнце собой затмевают.

Много зверя в тайге, много рыбы в реке, много птицы в небе...

Радуются люди. Бьют птицу, бьют рыбу, бьют зверя.

Долго ли, коротко было так. Но однажды тайга дремучая будто помертвела. Сколько ни смотри: не оживёт дерево, не взмахнёт рогами, не помчится лосем. И коряга чёрная останется корягой. Увидишь пушистого соболя, подкрадёшься ближе – мох пушистый на ветвях висит. А в таёжной речке нет озёр бобровых. И захламлённая ветвями речка, как болото, дышит прелой гнилью. И где уж плескаться рыбам!..

Замолчало небо. Будто с многострунного лебеда сорвали самую звонкую и живую струну...

И люди присмирели... Обуял их страх. Великий страх. Задрожали люди, чуя свою смерть.

– Кто умертвил наш лес, увёл зверя и птицу? – спрашивали они.

«Ха-ха-ха!» – смеялась сорока-белобока.

«Ха-ха-ха! – смеётся она. – Лесной дух – Гнев тайги – вас наказал». (А сорока – птица особая. Она в грязной помойке копается. С любым человеком уживается. Лишь она одна из крылатых так может.)

«Ха-ха-ха! – смеётся сорока. – Лесной дух вас наказал. Зверя

били, птицу били, рыбу били. Много били. Радовались силе своей. Не думали. Вот и наказал нас Гнев тайги. Ха-ха-ха!.. Нет, мне не смешно. Боюсь и я вас. И до меня, пожалуй, доберётесь. Моё чёрное и грязное мясо есть будете. Вы, люди, такие. На всё способны! Боюсь вас. Ох-ох-ох!..»

Задумались люди: что же делать? Тронет горе – люди будто просыпаются. Коснётся беда – люди словно прозревают. И глаза видят, и уши слышат, и душа оживает, и ум шевелиться начинает. А где же человек был раньше? Неужели он не видел и не думал?

Но среди людей был один человек. Звали его Тасманом. Однажды он шёл по лесу. Вдруг в тёмной тайге раздался страшный рёв. Это не гром гремел и не волк выл. Нет! Это не стон деревьев под вьюгой и не плач ребёнка! Нет! Это ревел лось. От боли кричал, кого-то на помощь звал.

Не убежал Тасман подальше от горя. Не испугался он чьей-то злобной силы, которая зверствовала в лесу. Исполнил Тасман закон тайги: пошёл спасать слабого, погибающего. И не случайно: ведь он был настоящим охотником. И видит Тасман между кедром лося. А на спине лося – медведь. Острыми когтями шкуру на лосе рвёт.

А как он на спину ему взобрался? Ведь лось высокий, стройный. И даже Хозяин тайги боится его ветвистых рогов, а угодит под удар копыта – и не встать ему больше. Но медведь хитрый. Он взобрался на кедр, под которым шла лосиная тропа. Притаился. Долго ждал медведь свою добычу. И дождался. Знал, что лось пойдёт на водопой по этой тропинке. И когда тот проходил под ветвями кедра, медведь прыгнул на широкую спину таёжного красавца...

Чуя кровь живую, радуясь добыче, счастливый зверь не заметил опасности. Тасман увидел несправедливость: один убивал другого. И он встал на защиту слабого. Потому что знал: убийцу надо усмирить. И натянул он лук старинный, и пустил старинную стрелу. С тех пор медведей стали убивать. Но мансиец не скажет: «Я убил медведя», а молвит: «Я низвёл его». И не по имени медведя называют, а «в лесу живущим» величают.

Склонил лось величавую голову перед Тасманом, склонил он рога могучие и молвил по-человечьи:

– Спасибо! Ты человек!..

А на спине широкой – рана. И Тасман повёл лечить лося в юрту свою лесную. Алыми струйками кровь лилась. И там, где лось проходил, где капли крови уронил, теперь ягода-брусника красными глазами каждое лето смотрит и каждое лето наливается новым соком. Вылечил Тасман лося. Поблагодарил лось Тасмана и спросил:

– Что для тебя сделать, человек?

– А вот соболю не играет, глухарь не поёт, сырок не плещется, душа умирает... Как оживить душу, вернуть тайге и рекам жизнь?

– Садись на меня, – говорит лось, – ноги у меня длинные, крепкие, может, и доскачем до юрты Лесного духа – царя зверей, и птиц, и всего живого.

Сел Тасман на лося – и в дорогу. А дорога та была не короткая. Дремучие урманы встали на пути, высокие горы, топкие болота, широкие реки. Вьюга и слякоть не остановили Тасмана. Доехал он до царства Лесного духа. А царство это волшебное. Люди пройдут – и ничего не заметят. Обыкновенные сосны, может быть, только повыше обычного. Обыкновенные кедры, может, лишь чуть поветвистей да постарше. Обыкновенные ели, может, лишь ветки ниже к земле мшистой тянутся. Обыкновенная тайга, может, лишь чуть-чуть таинственней...

А человек пройдёт – чудо увидит. Не всякий человек. А лишь тот, в ком доброе сердце, мудрый ум, чистые руки. А у кого на руках хоть капля напрасной крови – не видать ему волшебного царства, где белки с соболями играют, где собаки с волками дружат, лоси и медведи не дерутся, в реках пляшут рыбы, а над таёжными озёрами день и ночь плывёт лебединый лепет, не молкнет чаек звонкий смех, и гусиный гогот, и утиный свист.

На ветвях кедров узорчатыми чашечками висят рябчики, а на вершинах лиственниц неподвижными идолами глядят краснобровые глухари. И бобры плотины строят, выдры с гор катаются и так же, как в краю мансийском, в прозрачную таёжную речку ныряют. Росомахи там не воруют, не рычат, не скалят зубы. Увидишь кустарник ветвистый, подойдёшь поближе – оживёт кустарник, зашагает кустарник ветвисторогим оленем. Увидишь корягу, чёрную корягу, подойдёшь – и чудо свершится: перед тобой живой медведь. И он тебя не тронет. Как в старину, улыбнётся и восвосяи шагает.

Каких только зверей и рыб не увидел Тасман! И много их, как летом комаров, как зимой снега. А самого Лесного духа Тасман не увидел, а лишь услышал.

Дух есть дух. Тела у него нет. Прозрачно-голубоватой тенью подошёл к старику Дух и молвил:

– Здравствуй, пришелец с далёкой земли! Что тебя привело ко мне? Говори, я слушаю...

*– Золотую чашу дедов, чашу, из которой ели
Семь охотников-мужчин, кто-то злобный утащил,
Горе, горе бедным манси! –*

упав на колени, забормотал Тасман. Он молился от имени всех мансийцев, от всех рыбаков и охотников.

Верили духам древние люди. Думали, что всё зависит от них. И в чашу верили. У кого эта чаша – тому и удача на промысле:

*Если ты поймаешь вора, если ты вернёшь нам чашу,
То тебя мы не забудем, будем мы тебе молиться –
Ночью, днём, зимой и летом –
Сколько будет мир стоять...
Коли жертвы ты захочешь, принесём тебе мы жертву,
И последнего оленя, не жалея, мы заколем!*

Зелёное эхо повторяло слова Тасмана и уносило их вдаль. Их шептали листья живых деревьев. Их повторяли струи звонких речек. А может, это птицы пели? Может, рычали медведи и сердились люди? Может, то юркий соболь мудро скалил зубы?! Может, трёхсотлетний кедр думу думал? Может, это было, может, и нет. Только Тасман вдруг услышал:

– Человек! Ты не можешь жить без мяса, не знаешь счастья без рыбы. Я верну тебе и зверей, если будешь хозяином на Земле, а не гостем... И ещё скажу:

*Человек!
Будь рыболовом с головой,
А если жаден ты и зол
И вовсе безголов,
Проткну тебя своим ножом –
Ножом из гневных слов.
Пускай ослабнут у тебя
Колени, хворый пёс,
Чтоб не топтал траву, губя
Десятки птичьих гнёзд.
Ты за спиной уродский горб
Почуешь на бегу,
Когда свирепый твой топор
Начнёт кромсать тайгу.
Пусть примет на десять когтей
Башку твою медведь,
Когда муксуновых детей
Твоя наловит сеть,
И пусть, воздав тебе за злость,
Та молодь в рост пойдёт
Внутри тебя – и рыба кость
Насквозь тебя проткнёт.
Будь рыболовом – с головой.
Охотником – с душой!*

Слушал Тасман заклинания и чувствовал, как вслед словам слабли его колени, а на спине рос уродский горб, и медведи поднимали когти, готовясь схватить его, а в животе что-то росло. Неуже-

ли это молодая рыба, которую ловили его сородичи, не дав ей вырасти?! Неужели кости этих рыб и вправду его проткнули?! Но ведь Тасман не виноват! Он ведь никогда не ловил молодь и понапрасну не бил зверей! Так почему же его наказывает Дух тайги?!

И вдруг лось заговорил человеческим голосом:

– Тасман спас меня. Он заживил мои смертельные раны. Вернул мне радость жизни... Не виноват Тасман!

В коленях Тасмана опять заструилось тепло: то возвращалась сила. Спина распрямлялась, медведи, стоявшие гурьбой под волшебными деревьями, опускали когтистые лапы... Вздохнул облегчённо Тасман и опять услышал голос невидимого Духа тайги:

– Ты добрым был – тебе прощаю. Но знай, человек: ты за всех в ответе!

Семь раз эти слова повторил филин – волшебная птица. Ещё семь повторила волшебная гагара. И эхо волшебное во все концы света разносило вещие слова Духа тайги. Теперь все знали: Тасман – настоящий Человек. Теперь все знали: люди, оказывается, могут быть добрыми хозяевами. И опять Тасман услышал голос Духа:

– Люди, вы стелете сладкие молитвы. Но не за них я возвращаю вам птиц, зверей, рыб. А за то, что среди вас оказался Человек!

«Человек! Человек! Человек!» – кричал волшебный филин, ему вторила гагара и разносило эхо: «Че-ло-век! Че-ло-век! Че-ло-век!»

Трещала тайга: это стада оленей и лосей зашагали на север, скакали соболи, летели белки. Шипела вода: это косяки рыб поплыли в родные реки и озёра. Звенело небо: это летели стаи птиц в родную белую ночь, чтобы свить гнёзда и вывести крылатых сыновей и дочерей.

Ехал на родину и Тасман. На вещем лосе ехал. В душе у него ревилось счастье. Но рядом с ним сидела глубокая дума: «А может ли человек быть Человеком?!».

Тайга моя! Разрисованная следами зверей, наполненная пискom и пением птиц, ты так прекрасна! И я задумываюсь: нынче людям снятся города, космос, много говорят о нефти.

Но разве человечество забудет своё прошлое? Разве в наших потомках не шевельнётся душа рыбака и охотника, брата природы?

Земля моя! Я хочу, чтоб твой снег был всегда искристым. Хочу слушать его хруст. И пусть дети и внуки мои играют в снежки.

Земля моя, верю, что в тайге всегда будут стоять твои кедрy могучие, не переведутся звери пушистые, птицы звонкоголосые, не иссякнут реки рыбные.

Вот что подслушал я у соболя:

*Зажигает ветер ели
Диким пламенем весны.
Ни пожары, ни метели
Мне, красавцу, не страшны,
Много раз меня из лука
Убивали наповал –
Вопреки людской науке,
Я, как в сказке, воскресал.
Иль на нефть меня сменяют,
Соболиный сгубят гон?
Но себе я цену знаю
На прилавках всех времён.
В мире мены-перемены:
То затмение, то заря,
Был я шубкою царевны,
Был я шапкою царя.
И Парижем был закуплен,
Щеголял я на Москве,
И сидел не раз на глупой
На боярской голове.
Был зверьком для жаркой ссоры.
Был подарком для любви, –
И за мной в леса и горы
Шли купцы на край земли.
Пусть за мной бегут пожары!
Я укроюсь от огня.
Только знайте: вздорожает
Шубка модная моя.*

Земля моя... Тебя звали когда-то Югрой. «Дивное чудо нашли мы, о котором не слыхали раньше!» – восклицали древние новгородцы и по неведомым тропам старались проникнуть за Каменный пояс – за Урал, где, им казалось, громоздятся горы золота и драгоценных камней, а соболи и белки пушистыми снежинками падают с бездонного неба.

Югра моя, каким нынче дивным чудом манишь ты людей? Земля моя! Ты помнишь, как мы поклонялись деревянному идолу Сорни-най – «Золотой бабе»?..

Время богов прошло. А время творцов настало? Кто же твои создатели? Я хочу их понять.

Умирая, бабушка говорила:

– Закопайте меня в землю, но не забывайте обо мне. Знайте, что душа моя хочет стать травой зелёной. Она во что бы то ни стало прорастёт. Вспоминайте обо мне, когда лошадь щиплет траву. Вспоминайте обо мне, когда пойдёте гулять по лугам. Мне будет приятно.

Умирая, дедушка говорил:

– Моя душа хочет стать камнем. Она переселится в тот большой камень, что за последним домом нашей деревни. В нём живут души моего деда и прадеда. Если хотите, приходите к нам, только без слёз.

Предки мои были язычники. Они верили в переселение душ. Они уверены были, что нет на земле ни берёзки, ни травинки, ни камня, в которых бы не жила чья-либо душа. В детстве мы обходили стороной лиственницу, считалось, что в ней обитает злая душа.

Земля моя! Твои олени щиплют сочный ягель, и тёмные соболы режутся на ветвях, мудрецами древними глядят на мир кедр, реки полноводные играют серебряными струями, рыбы юркие в струях звонких пляшут, а на небе синем белый-белый лебедь, как дитя, курлычет – не плачет, а поёт.

Летишь на крылатой лодке, любишься землёй. И вдруг вздрагиваешь, сердце сжимается и, кажется, падает вниз. Там над обрывом стоит мой родной кедр. Наклонив трёхсотлетнюю голову, стоит в глубоком раздумье мой кедр. Давно я под его могучей кроной не был, давно не сшибал с его ветвей смолистых шишек, чужие орехи щёлкаю.

«Ко мне веками ходили за смолой душистой и за орехами сладкими, – слышу голос шелестящий. – Теперь вокруг меня с топорами ходят, вырубить норовят.

С молитвами ко мне ходили, с песнями, наслаждался я ими, – слышу голос его шелестящий. – Сегодня чаще слышу брань. Высоко летаешь, сын мой, далеко летаешь, сын мой, останови железную птицу, сын мой, походи вокруг, помолчи под моими ветвями, сын мой...»

А железная лодка несёт меня дальше. Смогу ли я её остановить? У нее строгий маршрут и расписание, как и у меня теперь.

– Найду, найду я время! – шепчу про себя кедр, так, чтоб сторонние меня не слышали. – Найду, найду время. И приду к тебе, как в детстве. Похожу вокруг тебя без топора острого, посижу под твоими могучими ветвями, но не с молитвой древней, а с глубокой думой. Пощёлкаю орехи и скорлупки не разбросаю. В память о тебе уроню случайно орешек. И про себя скажу: «Расти, мой сын, расти!..».

7

– Ты говоришь мне: спой. Смогу ли теперь я петь? Голос мой стал скрипеть, как старый кедр, – вздыхает Солвал, глядя на берег Сосьвы, плывущий навстречу теплоходу. Солвал – так иногда зовут моего отца. Это наше родовое имя. Он говорит словно не мне, а со-

снам и кедрам, корнями, как руками, держащим берег мансийской реки, чтобы он не обваливался от озорных порывов ветра, от слёз плаксивых туч, от радостных ручьёв тающего снега. Будто эти вековые деревья только и могут его понять.

– Все сейчас поют. Большим стадом одну и ту же мелодию тянут. А настоящую песню один человек выводит. Поёт так, как слезы льёт, или смеётся, как утреннее солнышко. И рождаются слова, когда больно вот тут! – показывает Солвал на грудь пальцем.

Отец был вполне здоров и весел. Телеграмму придумала сестрёнка. Я встретил его на пути к теплоходу. Он собирался ехать в Игрим, чтобы посмотреть новый посёлок газовиков. Решил поехать с ним и я. Хотелось послушать его мысли и думы.

– И у меня была когда-то песня. Своя, не колхозная. А пел её весь колхоз, все мансийцы. Сейчас не могу. Старое дерево скрипит: из него уже не сделаешь звонкий санквалтап... Ты говоришь: рассказывай сказки. Неужели твоя голосистая машина, – с уважением кивает он в сторону моего магнитофона, – может запомнить легенды о каких-то чудовищах, зверях, сказочных людях, подземном царстве? А может ли она запомнить мою простую жизнь? И почему вы все, учёные люди, стараетесь записать эти узористые слова древних небылиц? Нет у меня сказки, нет у меня теперь и песни. Есть дума. Тяжёлая дума о моей жизни, которую я прожил вот на этой реке.

И я таким был! – кивает он на ребятишек, весёлых, как весенние олентя. Они не отрывают любопытных глаз от песчаного берега, где рыбаки тянут невод. – Пионеры. Смотреть родную Сосьву, наверное, едут. Сейчас всякие экскурсии для детей. Хорошо. А я вот пионером не был. Батраком зато был... По Сосьве бегают моторные лодки. Не скрипит усталое весло, не каменеют руки от тяжёлой гребли. Теплоход возит людей, наш весёлый «Шлеев». А тогда на гребях катали нашего хозяина. Хорошо ещё, что была бечева. Окаменеют руки – ноги выручают. По берегу бежишь – и лодка плывёт против течения. Даже бородатые старики были быстроногими. Голод шевелил людей – и ноги делались быстрее оленьих, и руки мастерами становились. А всему хозяин – рот... Не бил хозяин. А было больно. Не ногам больно, не усталым рукам. А – сердцу. Как вспомнишь – до сих пор корчишься, как рыба на снегу. О, жизнь, она – как крепкий чай. Напьёшься – жарко станет. И добрый пот выступит. Хорошо... О, жизнь! Она бывает постылой, как мёрзлая рыба. Наешься – кажется, и сыт, а холодно. Не чувствуешь сладостного тепла бытия. А жить хочется. Ой как хочется! Мне бы хотелось ещё покрутить колесо. Как капитан «Шлеева». Двадцать лет стоит Черных у капитанского мостика, и никто его не меняет. А меня отправили на пенсию. Персональной её назвали. А мне хочется, ой как хочется ещё порулить!..

О, да что это? Где твоё колесо, Анатоль?! – обращается удивлённый Солвал к добродушному капитану.

– Старик! Ты отстал. Колесо давно сменили, – с улыбкой говорит капитан «Шлеева», который, наверно, знает наперечёт всех мансийцев. – Электричество вертит руль, а не руки. От старого «Шлеева» только название осталось. Теплоход теперь это, а не пароход. И скорость другая. Нельзя в новой жизни плыть старой скоростью. И руль сменили...

– О, как меняется жизнь! – вздыхает Солвал-ойка. – Глазам своим не веришь. Словно опять колдуны появились. Правда, новые колдуны. Посмотрите: каким стал Игрим! Не было такого Игрима даже четыре года назад. У этих полубвалившихся домов висели сети. Вода журчала – не слышно было жужжания машин. Пахло рыбой, а не бензином. Птицы в небе летали, а не самолёты. И сколько домов понастроили за эти четыре года! Никогда еще мансийцы не имели столько тёплых домов. И высокие какие – выше кедров древних. Выше лиственниц буровые вышки. И где моя тайга, в которой я когда-то охотился, чтобы наполнить сундуки Яныг-пуки соболями да белками? Леса нет – дома стоят. Хорошо ли, плохо ли – не ведаю. А то, что сын у меня там на газопромысле работает, – хорошо! Много денег получает. Был я председателем, начальником был – столько не получал. Простой рабочий получает. Не совсем я это понимаю. Видно, теперь рабочий – большой человек. От него зависит, видно, многое, раз его так ценят. А я думал: только начальник – большой, нужный человек. Времена меняются – и думы тоже.

У него была своя история, своя тэрни-эри¹, так не похожая на мою.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОГДА МИР БЫЛ СКАЗКОЙ

За шкурой ветхого чума визжала вьюга. Деревья скрипели, будто стонали. Сквозь щели пробивался в чум снег. Белым назойливым зверьком он полз к огню, который еле-еле горел посреди неуютного жилища. Головка зверька таяла, но ноги его ползли дальше. Вырастала новая голова. Струи тепла и её слизывали. Но следующая голова звериная была уже ближе прежней. А за ней следом носились белые духи мороза. Они вились над снегом, плясали, кружились. То раскрывали жадные рты, то вдруг таяли. И енщине, лежащей на шкуре, казалось, что они исчезали, когда кричал её только что родившийся сын. «Они боятся его! – думала она в

¹ Тэрни-эри – героическая песнь жизни.

какой-то волшебной полудрёме. – Вон какой у него голос! Он им покажет!»

Она стонала от боли, но улыбалась сыну.

«Он волшебник! – думала она. – Маленькие все волшебники. Пока у них нет зубов, они могут то, что великий шаман не может. Будущее могут предсказывать... А какое у него будет будущее?!»

На старой потёртой шкуре, где лежали она и ребёнок, проступили кристаллики инея. С каждым часом их становилось больше. Но никто почему-то не шёл к ним из дома. «Наверно, все уснули, – решила она. – Уморились. Уж слишком долго не было родов. И им, наверно, показалось, что они мешают мне родить. Духов ведь не поймёшь, когда и что они хотят... Может, в Верхнем мире решили, чтобы сын мой родился в присутствии только духов, а не людей?!

И ему, наверно, предназначена великая судьба! Великим шаманом, наверно, будет! Вон какой у него звучный голос! Нежней птиц поёт, громче лося ревёт, вьюга даже замолкает!»

А в большом рубленом доме, который стоял тут же рядом, знали, что родился ребёнок, да не шли, чтоб не отпугнуть счастье.

«Пусть подольше поговорит с духами, пусть наладит с ними отношения, – сказал отец. – Может, судьба будет у него другая, чем наша. И норов мороза пусть узнает. Жизнь не сахар. Пусть заметит это сразу...»

Таким был обычай. Человек рождаться должен был не в доме, а в маленьком шалаше или в чуме. Потом эту постель уносили в чащу леса, считали её священной. Ветер её проветривал, дождь мыл. И тогда никто больше не мог знать тайну: какой человек когда родился, какие беседы велись между новорождённым и духами, какая дума ими задумана.

Долг ли, коротко ли был малыш в своём священном гнезде, и вот за ним пришли. Взяли его на руки и понесли. Сначала свистел ветер, как великан, потом теплом повеяло, людьми запахло.

А где люди – там и слёзы: лишний рот появился. А где люди – там и улыбка надежды: может, всё хорошее с него начнётся!

А где люди – там пир: какой человек не любит смеяться, есть и пить. И режут последнего оленя в честь нового человека. Пусть знают духи, что люди не так уж пали!

Пусть духи наслаждаются кровью, к дымку ароматного мяса пусть слетятся. Но и люди попросят их, высокомерных духов, исполнить свои обязанности: пусть защищают мальчика от злых духов – болезней коварных, и пусть рыба в ловушки плывёт, и зверь далеко не уходит; а главное – хорошая судьба...

Зарезали последнего оленя. Пировали. На миг пришло счастье сытости, а потом вернулся голод. Кору варили. Шкуры старые варили. Без соли варили. Прозвали год этот смертельным, нарекли солёным. Не было соли. Мечтали о ней как о здоровье, о счастье...

И новорождённому дали прозвище Солвал. И правда, оказался солёным: мороз и голод вынес и судьбу крутую осилил. Судьба потом сложилась. А пока он лежал в берестяной люльке со связанными руками, плакал и рос.

Растёт северный мальчик быстрее кедра. Глаза – два сияющих озера – плещутся, до краёв наполнены живым удивлением.

Руки – два бобра-мастера – мастерят с ранней зорьки и лук тугой со стрелами, и весло с узорами, и гимгу для ловли рыб.

Ноги – два оленя – несут его подальше от родного дома. Там, на берегу зелёном, камешки кидает другой такой же мальчик. И вода стреляет, и слова звенят, и мир загадочный в звуках раскрывается.

– Что находится над подбородком? – спрашивает один другого.

– Крыльцо дома.

– Что над крыльцом дома есть?

– Дверь.

– Что над дверью?

– Дерево лежащее.

– Что над деревом?

– Два озера с живой, сияющей водой.

– А над озером что?

– Над озером высится белолобая гора.

– А что на белолобой горе?

– На горе дремучая тайга раскинулась.

– А под тайгой что?

– Под дремучей тайгой два чутких слушателя сидят. Вслушиваются они в мир и хотят всё понять.

– Это лицо, рот, глаза, уши, – говорит один.

– А где жилище загадок? – спрашивает другой.

– В голове!

– А что важнее: голова или сердце?!

И одна за другой загадки выплывают. А мир ещё таинственней становится.

Солвал поднимает с земли стрелу с жестяным наконечником, прячет скорей за спиной со словами:

– Дружок! Что за спиной держу я?

– Дружок! За спиной у тебя железный город.

– А выше железного города что?

– Выше железного города – деревянный.

– А выше деревянного что?

– Крылатый город.

– А выше крылатого города что находится?

– Там – просека, по которой из озера в озеро летят утки-гуси, не поднимаясь над лесом.

– А по обеим сторонам просеки что?

– Два ушка бурундука торчат.

Ох, эти ушки. Хорошие ушки. Подцепишь на гладкую тетиву лука – не скользит стрела. Натянешь тетиву, отпустишь тетиву – стрела запоёт. Миг – и бурундук у ног лежит. А шкура бурундука ой какая красивая!

Берёт мальчик лук и целится в густую зелень кедра, и с пушистой ветки падает настоящий бурундук. Он был резвым и красивым. Плясал на ветках, шубкой полосатой перед мальчишкой хвалился. И смеялся с высоты над его худенькой одежкой, сшитой из шершавой налимьей кожи. Солвал наказал его. Он теперь не мальчик. Он – охотник меткий.

А на Медвежьем празднике в охотника играл Солвал. В доме большом было много народа. Все сидели и смотрели. И голова медвежья, что на столе лежала, кажется, тоже за каждым шагом и словом его следила. Санквалтап звенел струнами – будто снег похрустывал; колотушка стучала – будто охотники стреляли из лука, копьями зверя кололи; бубен гремел – будто зверь ревел. И три брата, три охотника шли на медведя.

Вот они пришли к берлоге. Медведь чёрной стрелой вылетел из неё. Старших братьев как не было. Убежали. И медведь удрал.

Идёт мальчик по лесу и думает: «Нож мой тупой. Надо бы его поточить!».

Достаёт точило. Точит лезвие ножа и напевает:

*Кавк! Кивк!
Точись, мой нож!
Кок! Кок!
Точись, мой нож!
Братья мои
За зверем бегут.
Звериный живот
Мне б распороть!
Печень медвежьёю
Мне бы съесть!
Кавк! Кивк!
Точись, мой нож!
Кок! Кок!
Точись! Точись!*

Поточив, пошёл дальше. Три смолистых, сосновых урмана отшагал. В одном месте срубил дерево. Из него длиной в две сажени копьё для себя сделал. Выстругал копьё и для среднего брата, в полторы сажени оказалось оно. А для старшего брата смастерил копьё величиною лишь в одну сажень. Взял их и тронулся дальше.

В одном месте увидел берёзовую гриву. Белоствольные деревья стоят, будто красуются. Снял с берёзы бересту, чашечку берестяную сделал. Чумиком она называется и в песне так воспевается:

*Чашечка моя,
Сивр! Сивр! Сивр!
Чашечка моя,
Щовр! Щовр! Щовр!
Кровью звериной
Тебя наполню!
Салом медвежьим
Тебя наполню!
Сивр! Сивр! Сивр!
Готовься быть полной!
Щовр! Щовр! Щовр!*

Опять идёт дальше, мерит ногами тайгу. В одном месте на середине высокого дерева лохмотья мха заметил.

Обрадовался:

– О! Неспроста висит мох на широком стволе дерева, – воскликнул он. – Гнездо звериное там! Есть куда лететь моему копыю! И нож мой поработает! И печенью нежной полакомлюсь!

Прошёл немного и видит: братья на пнях сидят.

– Ну, где же ваш зверь? – спрашивает он их.

– Ты же изломал звериный след, запутал.

– Звериного следа я не касался.

– А что же так долго делал?!

– Я выстругал три копыя, чтобы зверя насквозь пронзить.

И раздаёт братьям копыя. Самое длинное себе оставляет. Показывает им и берестяную чашечку с узорами.

– А это что такое? – удивляются те.

– Это чашечка, берестяной чумик. Не видите, что ли?! Вы убьёте медведя. В эту берестяную чашечку я солью жир его, буду лакомиться...

– Что ты, что ты раньше времени?! Услышит он, снимет с хвастливой головы шкуру! Прикуси язык!..

Санквалтап звенел струнами – будто снег похрустывал; колотушка стучала – будто охотники стреляли из лука, зверя копыями кололи; бубен гремел – будто зверь ревел.

Зрители были довольны: хорошо маленький Солвал разыграл хвастливого охотника. Кем же он сам будет?!

Трещит ли лучина в полутёмной комнате в длинный зимний вечер, белая ли ночь плывёт над тихой таёжной деревней – в любое время мальчишек волнуют загадки жизни:

– Синичка, синичка! На что похож твой острый носик?

– Мой носик – острая пешня, которой долбят лёд.

– Синичка, а крылья – что?

– Крылья – две метлы, чтоб избу подметать.

– Синичка, а кишки для чего?

– Кишки мои – тынзян, которым поймаешь оленей.

– А лапки – что?

– Лапки – ножки избушки лесной, где хранятся припасы охотника. Далеко пойдёшь – заблудишься, избушку эту встретишь: там спички найдёшь, сухари найдёшь, кусок сушеного мяса найдёшь, жизнь продолжишь.

Вот для чего я, синичка, живу! Вот для чего с утра до ночи летаю, пою!

«А что такое жизнь! Для чего люди живут?» – задумывается маленький Солвал.

Ему семь лет. Но он уже давно ездит с отцом на рыбалку. На носу калданки сидит он. А руки его – два бобра – покоя не знают. Они летают, весело летают. А вода стреляет, и лодка плывёт. Доволен даже отец...

Однажды, когда было тихо-тихо и плёс улыбался серебряной улыбкой, они поймали большого осетра. Спина у него скалами зубчатыми громоздится, нос – стрелой, а голова жилищем таинственным кажется. Какие мысли там живут? Почему глаза осетра так задумчиво смотрят? О рыбьем царстве или о земной жизни думает осётр?

Мальчик помнит глаза маленьких братишек и сестрёнок. Они с такой надеждой смотрели, провожая рыбаков. Знали они: сели старшие в лодку – дома рыба будет, вкусно будет! Ой, как вкусно! Помнит Солвал голодные глаза братишек и сестрёнок! И вот осётр пойман. Счастье теперь в лодке. Улыбаться будут глаза братишек и сестрёнок. И осётр смотрит. И у него глаза...

– Домой сегодня не поедем, – говорит отец, – Будем ещё ловить. Потом в Берёзово поедем. Там муку купим. В последний раз купец смотрел хорошо...

Опять лёгкая калданка замирает на спокойной глади реки. Опять отец берёт калдан и тихо-тихо, словно совершая какой-то священный обряд, опускает снасть в воду.

А калдан этот такой: на шест с камнем сеть в виде мешка нанизана. Опускают этот калдан на дно реки, по течению плывут. Зайдёт в него осётр – дёрнет ниточку, что на палец нанизана. Целый день, бывало, плаваешь по реке, десятки раз поднимаешься по течению, но не оживёт волшебная ниточка, пока не зайдёт в калдан сам осётр – царь рыб.

Поймаешь осетра – опять забота. Куда его сдать?! Не было тогда плашкоутов, которые теперь в каждом уголье стоят, рыбу принимают. Везёшь этого осетра до самого Берёзова. А это порой за сотни километров от места лова. Приезжаешь – идёшь к купцу. Предлагаешь ему купить.

И на этот раз было то же самое. На многих плёсах опускали калдан свой. Хорошо, что стояла тишь. Лодку не качало, но и ниточку

не дёргало. Лишь один раз ещё улыбнулось счастье. Ещё одного осетра поймали.

Утром следующего дня они подъезжали к Берёзову. Маленький Солвал никогда в городе не был. А слышал о нём много. Берёзово казалось ему большущим городом. И правда: домов много-много. Может, целых сто, а может, и ещё больше. Выше всех – два блестящих чума. В лучах утреннего солнца золотом сверкают их островерхие шапки.

«Это, наверно, тот самый священный дом, в котором моют священной водой, дают новое имя, а главное, дарят рубашку», – не отводя глаз от горящих золотом куполов, думает Солвал.

...Берёзово. По-мансийски: Халь-ус. Это значит: берёзовый город, город в берёзах.

На трёх больших, обрывистых холмах, на которых стояли дома с зеркальными окнами, мальчик берёз не увидел. Лишь лиственницы да кедры по берегу стояли. Как воины из мансийской сказки, как идолы на священном месте жертвоприношений. На том мысу, где стоят лиственницы и сверкают купола церкви, есть дерево с тремя руками. Мальчик о нём много слышал. В дупло этого дерева любой проходящий манси и ханты кинет монету или кольцо, шкуру или хрустальный камешек. У этого дерева в старину, когда не было здесь попа в высокой шапке и с крестом на груди, были великие жертвоприношения.

А теперь здесь церковь. Поп хозяин, а не шаман. Но после церкви всё равно манси и ханты идут к этому дереву и говорят другие слова, свои слова. Как ни мудр поп, он ничего в мансийском языке не понимает.

...Калданка уткнулась в травянистый берег. К лодке подходит какой-то незнакомец. Маленький Солвал ещё не видел людей в такой одежде. Незнакомец толстый, как медведь. Лицо красное, жирное. Говорит на ломаном мансийском языке.

– Пася, рума! Пася! Пася! – здоровается он. – Здравствуй, друг! Здравствуй! Долго же тебя не было.

– Рыпи мала. И торока корот нет! – оправдывается отец.

Рыбы мало – нет и дороги в город. Всем это известно. Потому отец и не ездил в богатый город.

Здоровались хорошо! Навек это запомнил Солвал.

Торговались плохо! И это он навек запомнил.

Приказчика купца потом много раз видел мальчик. Но только первая встреча осталась в памяти.

Он подошёл к лодке, нагнулся, раздвинул зелёную траву, которой были прикрыты два осетра. Взгляд его водянистых глаз не менялся. Он не воскликнул от удивления, как манси при любой добыче. Он посмотрел холодно, повертел осетра с боку на бок. Помял: нет ли в нём икры. В жабры заглянул. Чмокнул губами, изрёк наконец:

– Нет! Этого не возьму!

– А другого?

– Тоже! Не икряный... А солить – куда больше. Баржи полны рыбой. Смотри, – кивает он на берег, где один к другому прилепились почерневшие от времени склады.

По берегу пологому чаны и бочки стоят. А на воде баржи. Там копошатся люди. Что-то носят на носилках тяжёлых.

– Видите, баржи какие полные. Да и рыба солёная – как дерево. Не тот у неё вкус. А вот икорка нужна была бы. Привози в следующий раз осетра с икрой! Сразу возьму! – ободряет приказчик отца.

Пока он дёргал осетра – рыба сдохла. Сдохнет рыба – гнить начинается. Кому тогда она нужна будет!

– Возьмите, пожалуйста! – взмолился отец, увидев, что приказчик собирается уходить.

– Если за пятнадцать копеек – возьму!

Мрачнеет отец: видно, цену деньгам знает. И всё равно соглашается. Звенят монеты. Приказчик отдаёт их с какой-то таинственной важностью, будто делает великое одолжение. Улов продан. Торг состоялся. Что делать теперь?

У каждого века свои законы и обычаи. Неписанный закон того времени повелевал им следовать в церковь.

«У, какой высокий, небесный чум у русского бога!» – думает маленький Солвал, глядя на церковь, которая, кажется, сама плывёт навстречу двум усталым рыбакам.

– У, какой белый и сияющий! И звонкий какой!

Нет! Это не олени мчались, позванивая весёлыми бубенчиками. И не таёжная речка играла камнями, и не ветер свистел, качая сосны, а будто синее небо щёлкало синим языком, и над сияющим крестом, над красными крышами домов, над маревом спокойной Сосьвы плыла какая-то волшебная музыка.

Нет! Невидимый музыкант играл не на санквалтапе, и даже не на многострунном лебеде. Звон струн у них не такой. Солвал знает их голоса. И на удары бубна не похоже было. «А может, над городом, где живут богатые русские, духи великие летают! – думал Солвал, дрожа от удивления и страха. – Сильные духи, голосистые. Таких у манси нет!»

Синий дух всё щёлкает и щёлкает звучным языком, и синие звуки торжественно и медленно плывут, проникая в душу и сердце мальчика. Пристально наблюдают за ним ледяные глаза плоских и незнакомых богов, но Солвал старается делать не так, как они хотят, а как дед наставлял и мать на дорогу шептала.

Он не плакал, когда его с какой-то девочкой купали в бочке со священной водой. Потом надели на Солвала новую рубашку. Тело его не чувствовало ещё такой мягкой и нежной ткани. Налимья-то шкура шершавая.

«Хорошее это платье! Очень хорошее!» – подумал мальчик, но виду не подал. Даже не улыбнулся.

Новое имя Солвалу тоже понравилось.

– Миколка! Хорошее имя! – сказал важно отец. – Счастливое имя. Не каждому его дают. Кому оно достанется – тому счастье улыбнётся.

Много плоских богов смотрит со стены, только Солвал наблюдает за указательным пальцем отца (уговор был такой). Вот палец сделал волшебное движение, и Солвал в такт отцу стал кланяться этому духу. Теперь он знал, что это свой, мансийский бог. Поп думает, что Солвал крестится и молится его богу. Нет! Он ошибается.

Солвал думает в этот миг о высоких деревьях, шумящих зелёной листвой, он солнцу молится, чтоб оно светило, реке глубокой дарит поклоны, чтоб та тоже была щедрой.

Выйдя из церкви, отец с сыном пойдут к священному мысу, где среди высоких лиственниц стоит священное дерево манси. Бросят ему монеты. И дерево вздрогнет, шевельнёт ветвями, улыбнётся удали и хитрости манси, над глупым попом посмеётся. Но, услышав колокольный звон и увидев растревоженную душу мальчика, оно нахмурит зелёные брови и опять замрёт, становясь неприметным среди других лиственниц.

А синее небо щёлкает синим языком, синие звуки торжественно и медленно плывут над сияющим крестом, над красными крышами, над Сосьвой широкой, над тайгой зелёной. И сердце мальчика трепещет, как бурундук в цепких руках охотника. В языческой душе мальчика сегодня что-то произошло. Неужели так волшебен колокольный звон?!

– Что есть в городе уездном?

– Магазины есть в городе.

– А ещё что?

– Кабак весёлый есть. Там вино пьют, в карты играют.

– Куда идёт рыбак после священного дома?

– В весёлый дом идёт рыбак, забыться хочет охотник.

В кабаке – как в дымном чулане. Люди – как весёлые тени. И улыбаются они здесь не так, как на улице. Разговаривают совсем не так, как у костра во время весенней охоты. Нет, они здесь не пляшут. Но ходят, как пляшут. Говорят, как кричат. Смеются, как гогочут. Пьют...

О, как там пьют! Словно совершают какое-то волшебное таинство. Прозрачную огненную воду разливают по капелькам, как серебро делят. Кто больше выпил – тот и могущественнее, и богаче себя чувствует.

И отец Солвала в кабаке стал совсем другим. Выпил стакан огненной воды, выпил другой, и будто его подменили. Весёлым стал, как тетерев на весеннем току. Болтливым стал, как сорока на по-

мойке, куда только что вылили остатки хорошей еды. Богатым стал, как приказчик купца. Монетами звенел, будто у него их целый мешок. В карты играли люди – он к ним подсел. Посреди стола положил свою монету.

Те ему карты в руки дали. Совсем довольным стал отец. Совсем весёлым стал.

Говорили за тем весёлым столом на мансийском языке. Очки считали на мансийском языке. Монеты считали тоже на мансийском языке. И в карты играли за тем столом манси. Только разные манси в карты весёлые играли. Один был тонкий и костлявый, как засохшее дерево. Другой – толстый и жирный, как осенний налим. Он серебряные монеты на середину стола бросал, а иногда и золотые важно ставил.

Его, этого жирного, Солвал раз видел. Он приезжал в их деревню, нанимал себе работников. Богатый этот манси – всё у него есть. И коровы, и лошади, и невода, и много лодок. Когда мороз играет и холод по земле бродит – он не варит кости, а хлебом питается, как русские. Кто у него в батраках – тот в голодную зиму выживает. Так говорят манси между собой.

Играет в карты и налимьими глазами на Солвала поглядывает.

– Хороший мальчик растёт у тебя! – говорит он отцу. – Хорошего работника из него можно сделать. Да ведь ты пропьёшь его!

– Мальчик не вино, не вода огненная. Как его можно пропить?!

– А вот ты, разгильдяй, пропьёшь! И работника из него не сделаешь! Я по-родственному тебе говорю!..

Солвал слышал ещё дома, много раз слышал, что этот жирный для них не чужой человек. Он какой-то родственник. И поэтому часто приезжал в деревню, распоряжался, брал кого и что ему нужно было и уезжал. Его все слушались, никто против него слова не мог вымолвить.

Один раз отец оказался счастливым. На столе лежала куча монет. Целая куча. Большая. Что-то случилось такое, что его костлявые руки вдруг ожили и к деньгам потянулись. Звенели монеты, шумели, как пьяные, и в кармане в один миг оказались. А глаза у отца в тот момент горели каким-то совсем непонятным огнём. То ли счастливым, то ли шальным огнём пылали они.

Потом опять летали карты, звенели стаканы, и монеты журчали. Но теперь они уходили от отца.

Горели глаза у жирного. У других игроков глаза тускнели. Всё возвращалось к нему, к Яныг-пуки. И он спокойно убирал со стола деньги, не так, как отец или другие игроки.

Наконец у отца не осталось ни копейки. Глаза его забегали, как олени, одичавшие без хозяина. Руки его пошарили по карманам, а потом к сыну потянулись.

– Вот я его на кон ставлю, – выпалил отец.

И снова началась игра.

Ничего не понял тогда Солвал. Лишь потом понял, что его проиграли в карты.

И он теперь был в руках у Яныг-пуки. Яныг-пуки теперь его хозяин.

– Я его воспитаю. Сделаю из него человека, – сказал Яныг-пуки. – И это я сделаю для тебя, как твой родственник, а не как купец. Вот тебе ещё!..

Он сунул в карман отца красненькую бумажку!

– Сын твой отработает. А это детишкам твоим на хлеб! – сказал важно Яныг-пуки и повёл мальчика к своей лодке, где ждали его гребцы.

В доме Яныг-пуки было много людей и собак. Счастливыми были только собаки. Не потому, что Яныг-пуки к ним относился лучше. Нет! Собаки просто не умели говорить и плакать. И ещё у них зубы острее, чем у людей, и ноги быстрее. Их не просто обидеть.

Замахнётся Яныг-пуки на какую-нибудь из них хворостинкой – собака зубы оскалит, зарычит. Разве простой человек осмелится оскалить зубы на хозяина?! А собаки могут. Они могут убежать даже в лес или в другую деревню.

А Солвал не смог убежать. Пытался не раз – да по дороге настигали. Долго потом горела спина от хворостины. Не сладко на земле людям. Собакам лучше. Их поутру только на охоту водят. А Солвала дрова таскать заставляют. Только засияет утренняя звезда – а он уже на ногах. Растопляет чувал. Потом идёт к речке, прорубь пешней тяжёлой долбит. А лёд там как каменный. Долго надо долбить. Руки каменеют. Пальцы от мороза горят.

А потом ведёт на водопой лошадей. Это забавно. На спине самого быстрого скакуна скачет Солвал. Остальных подгоняет. Фыркают лошади, по очереди пьют. Долго пьют, а Солвал, как богатырь из мансийской сказки, на коне сидит и командует лошадьми. Хорошо командовать. Плохо самому воду ледяную таскать. Вёдра на глазах леденеют. Тяжёлыми становятся. А воду домой везти надо. Хорошо, что собаки есть.

Солвал додумался: запряг в нарты собак. Бочонок на нарты поставил. И не надо было уже тащить самому – собаки нарты тащили. И вода домой приходила, как в сказке. «Хорошо быть и человеком! – решил маленький Солвал. – Собакой не всегда хорошо быть!..»

Только летом собакам лучше. Они ничего не делают, по берегу слоняются и не всякую рыбу едят. Жиреют они летом, важными становятся.

А Солвалу в летнюю пору даже некогда спать. В речке рыба плещется. Рыбаки невода закидывают. Солвал не последний сре-

ди них. Он тяжёлые кибасья в воду бросает. Потом, когда лодка в берег уткнётся и все начнут тянуть невод, он мокрый канат складывает кругами, вычерпывает воду, убирает рыбу, застрявшую в ячеях, нагружает невод. И так целый день.

И так целое лето. Собакам хорошо. Они летом на охоту не ходят. По берегу слоняются. Жиреют...

И всё же человеком быть лучше. Собаки не знают сказок. Они никогда не слушали и не мечтали ни о чём. А Солвал много сказок слышал от бабушки, которая живёт под горой в самой маленькой избушке.

Наступит долгий зимний вечер. Закружит вьюга, затрещат деревья. Солвал бежит к избушке и под треск смолистых сучьев в чувале слушает волшебные истории про волшебную жизнь. А больше всего Солвал любит сказки об Эква-пыгрисе.

Эква-пыгрись. Это обыкновенный мальчик из мансийской сказки.

У него нет ни отца, ни матери. Живет Эква-пыгрись с бабушкой в глухой тайге. Там, рядом с их избушкой, нет других домов. Стоят только кедры, ели, лиственницы. Высокие деревья. Летом они пахнут смолой, а зимой – снегом. Сквозь густые зелёные лапы елей синеет кусочек неба: так много на них хвои.

Рядом с избушкой бежит-звенит, играя камушками, узенькая таёжная речка.

На снегу – следы.

«Какого это зверя следы? – думает Эква-пыгрись, рассматривая их. – Наверное, большого – вон какие крупные. А что, если какого-нибудь зверька поймать? Спрошу-ка я у бабушки, как это сделать. Она долго жила – наверное, знает».

И спросил.

– Научу я тебя, внучек, научу, – сказала бабушка, – будешь ты сильным, смелым охотником.

И научила. Из жил оленя сделала петли. Рассказала, как их поставить: на Севере бабушки знают все охотничьи тайны.

Поставил Эква-пыгрись петли. Целый день не сводил с них глаз. Звери ходят мимо. Слева и справа оставляют следы. Смеются...

Загоревал Эква-пыгрись, ушёл в избушку, спать лег. Утром смотрит: в петле рыжевато-чёрный зверь шевелится. Шерсть длинная, как у пушистой собаки. Скалит зубы, рычит. Испугался Эква-пыгрись, хотел убежать домой, да вспомнил, что собирался стать охотником. Стыдно ему сделалось. А зверь тянется к мальчику, глазами сверкает.

«Что бы сделал охотник? – думает Эква-пыгрись. – Может, зверя палкой пристукнуть?»

Стал искать палку. Нашёл подходящий сук. Стукнул зверя раз – тот ещё злее зарычал. Стукнул другой – ещё сильнее зверь забил-

ся. Может, пожалеть его – и он будет добрым? Хотел погладить, а тот как бросится на Эква-пыгрися, как зарычит. Чуть не укусил.

«И вправду, оказывается, звери злые», – думает Эква-пыгрись. Собрал все свои силы и ударил его сильнее прежнего. Зверь упал... Еле-еле взвалил Эква-пыгрись его на плечо и понёс к избушке.

– Как звать этого лохматого? – спросил он удивлённую бабушку. – Не росомаха ли?

– Отгадал ты, внучек. Росомаха это. Тулмах. Это значит: хитрый, злой вор. Как это он тебя не укусил? Видно, ты настоящий охотник.

С этого дня Эква-пыгрись каждое утро стал носить домой зверей. То принесёт добычу в огненно-рыжей шубе. Это лисица – красный зверь. То в голубой – песца. Это голубой зверь. То принесёт он добычу в шубе тёмной, как ночь. Соболя принесёт. Это чёрный зверь. Шкура у него самая дорогая.

Настоящим охотником стал Эква-пыгрись, смелым, ловким. Однако бабушка не разрешала мальчику уходить далеко от избушки. Всё время учила внука, говорила:

– Выйдешь на опушку, далеко не ходи. Там менквы-людоеды живут. Поймают тебя, съедят.

Но однажды он всё же решил посмотреть мир. Идёт, озирается вокруг, удивляется. Лиственницы словно выше стали, а кедры в своих зелёных кудрях прячут даже золотое солнце. Боязно ему, но так хочется узнать: что же там, дальше. И ноги сами шагают вперёд.

Вдруг Эква-пыгрись замечает: среди самых высоких деревьев, в самом густом лесу стоит дом из толстых-претолстых брёвен.

Страшно ему, а узнать, чей дом, хочется.

Вошёл в дом. На нарах, на постели из шкур чёрных и красных зверей, сидит кто-то тёмный, большой.

Маленькое, как сосновая шишка, сердце мальчика дрогнуло. Но Эква-пыгрись сказал себе: «Если ты решил узнать, что делается на свете, – не одно существо к тебе ещё навстречу выйдет. Если вернёшься назад, – никогда ничего не узнаешь».

«Это, наверное, менкв? – подумал он. – О нём рассказывала бабушка».

А менкв сидит, не шелохнётся. Как пень сидит.

Эква-пыгрись у двери стоит. Он тоже осторожен. Прячет в груди стук сердца, в кулаке своё дыхание прячет. Мало ли, много ли стоял, вдруг менкв зашевелился, на нарах покопошился, и в руках у него оказался пятиструнный санквалтап. Тронул менкв струны крючковатыми пальцами – будто ветер заплясал среди осин, словно вода зажурчала среди тающих снегов. Из морщинистых уст старика крылатыми птицами полетели слова, крылатой рыбой песня поплыла:

*Тэнгьль, тонгьль...
Пятилетний олень-красавец!
Где бы ни стучали
Твои звонкие копыта,
Пусть тебя приподнимет
Крылатый зверь,
Пусть крылатый зверь
Тебя ко мне несёт!
Пусть ко мне несёт!*

Где-то вдали вдруг загремел гром. Гремел, гремел вдали – потом вдруг в доме загрохотал.

«Что-то большое свалилось!» – подумал, зажмурившись, Эква-пыгрись. Открыл осторожно глаза и увидел пятилетнего оленя.

Людоед-менкв встал на ноги. Ноги его – как два сросшихся дерева. Крепко стояли они на земле. Так крепко, что даже рогатый олень запрыгал от страха. Стукнул менкв оленя кулаком – из пенистого рта рогатого повис красный язык.

– Какое нежное мясо! – воскликнул менкв.

Отрезал он язык у оленя и отложил в сторону, чтобы съесть его сырым. Слюнки текут у него, да шкуру сдирать надо, не то кровь животного остынет, а менкв любит пить горячую кровь...

Пришел Эква-пыгрись домой и говорит:

– Был я в лесном доме. Живёт там какой-то дедушка.

Испугалась бабушка, запричитала:

– О, большое золотое небо! А я и не знаю, где бывает мой внук... Не ходи ты туда больше. Менкв – великан-людоед там живёт. Отца, мать, всех твоих родственников съел он. И тебя поймают. Не ходи туда...

– Если так, то не пойду, бабушка, не пойду! – успокоил её хитрый Эква-пыгрись. А сам думает: «Так вот ты какой: оленей губишь, людей ешь. Ладно, посмотрим, кто из нас сильнее, кто хитрее...»

В сказке Эква-пыгрись победил менква. Он отобрал у него волшебный санквалтап. В руках злого духа этот инструмент принёс людям много горя, слёз. А мог бы приносить радость...

Думал над сказкой маленький Солвал, и ему казалось, что Яныг-пуки чем-то похож на менква. «А чем он именно похож? – размышлял Солвал. – Почему Яныг-пуки такой богатый? И над людьми издевается. Делает всё, что захочет... Может, у него тоже есть какой-нибудь инструмент?! Мне бы такой инструмент. Не плакали бы больше братишки и сестрёнки!..»

Солвал хотел стать богатым, как Яныг-пуки. Только злым он быть не хотел... Но как стать богатым?! Может, в сказках об этом есть? И он опять слушает длинные, как ночь, сказки.

...Живёт Эква-пыгрись с бабушкой. Охотится. Много мягких и

пушистых шкурок стало в тесной избушке. И спрашивает тогда Эква-пыгрись свою бабушку:

– Зачем нам столько шкурок? Куда их девать?

– Внучек, да мы их потом в город повезём и поменяем у купцов на золотые и серебряные монеты. А на монеты купим себе то, что нам необходимо.

Услыхал об этом Эква-пыгрись и стал проситься в таинственный город.

– Куда ты один? – говорит она. – Заплутаешься. Там народу много, как в тайге зверя. Разные там люди.

Наконец бабушка собирает внука в большую дорогу, рассказывает:

– По нашей узенькой тропке пойдёшь; долго ли, коротко ли пойдёшь – широкую дорогу увидишь. Это царская дорога. Вправо пойдёшь по ней – в царский город придёшь. Одна золотая сторона его вверх лезет, другая золотая сторона его вниз спускается... Ты спроси у людей лавку купца Мань-вата-хума. Он у тебя все шкурки возьмёт и деньги даст. Твой отец и мать всегда у него меняли...

Настало утро. Бабушка помогла запрячь в лёгкие нарты большую пушистую собаку и уложить мешки с драгоценными шкурками. И Эква-пыгрись зашагал по узкой тропе, петляющей меж высоких кедров и лиственниц. Тропка привела к большой, широкой дороге. Пошёл вправо, как сказала бабушка.

Дорога привела в город. Никогда Эква-пыгрись не видел такого чуда: дома в одной стороне высокие, как горы, сияют окнами. В другой стороне дома низенькие и, как карликовые кусты, бегут под гору к долине речки. И народу много, как рыб весною в таёжной речке. И шумно в городе, как в тайге, когда летает ветер. Идёт он в центр города и спрашивает, где живёт купец Мань-вата-хум. И видит Эква-пыгрись, как два глаза за ним наблюдают, не отстают от него.

«И чьи это такие глаза?» – думает Эква-пыгрись.

– Что ты ищешь, мальчик? – спрашивает наконец хозяин странных глаз.

– Я ищу лавку купца Мань-вата-хума.

– А что ты ему привёз?

– Шкурки чёрных, красных, белых зверей...

– Так много! Нет у купца столько денег!.. Только у царя есть.

Пойдём к нему...

Пришли к царю. Одежда у него переливается, сияет, как снег при золотом солнце. Борода – как хвост у сороки. Глаза гноятся. Удивлённо он смотрит на пришельца и говорит:

– А я-то думал, ты человека привёл... Где нашёл этого мальчика?

– На улице.

– Ну, что привёз в город? – спрашивает царь.

Эква-пыгрись вынимает из мешков шкурки чёрных, красных и белых зверей. Кладёт их к ногам царя. Глаза у него расширились от удивления, стали как две мутные луны.

«Видно, это необыкновенный мальчик, – мелькнуло в его хитром уме. – Не найдёт ли он живой воды? И как его обмануть?»

– О-хо! И где ты столько зверей убил! Должно быть, ты ловкий охотник! Сколько за всё это ты просишь?

– Сколько стоит, столько и прошу.

– Стоят-то они недорого! – умиленно говорит царь. – Да вот ты мне нравишься. Видно, ты мудрый охотник. Будешь жить у меня в царском дворце. Мои мёд и золото – твои. Да только ты мне сначала принеси живую воду: глаза мои стали плохо видеть... А за шкурки зверей заплачу потом.

И велел он напоить, накормить Эква-пыгрися медовым питьём-едой и уложить спать в хоромах. А наутро Эква-пыгрись опять зашагал. Верный пёс его, чувствуя путь-дорогу домой, радостно взвизгивал и удивлённо поглядывал на пустую нарту.

Долго ли шёл, коротко ли – пришёл домой, к бабушке. Обрадовалась она, бросилась обнимать и спрашивает:

– Что, сынок, принёс из богатого города, на что выменял дорогие меха?

– А ничего не принёс. Купцов я и в глаза не видал. Зато был у самого царя. Если найду ему живую воду – с ног до головы осыплет он меня золотом, и будем жить с тобой в его сверкающих хоромах. Тогда царь уплатит и за шкурки...

Услыхала это бабушка, запричитала, заплакала:

– И зачем я тебя в этот город посылала! Опять обманули!.. И вправду говорят: кто в золоте живёт – золото обещает, последнее возьмёт – и пустым за новыми дарами пойдёт... Ох ты хитрый, царь! Ох, коварный!..

Настало новое утро.

– А живую воду надо достать! – говорит Эква-пыгрись.

– С начала рождения земли ни одному не удалось достать живой воды ни стрелюю острою и ни саблей стальной! Если только мудростью!.. А мудрость приходит с годами... Куда тебе, младенцу, до живой воды?! – причитает бабушка. – А озеро такое в мире есть. Я расскажу. Главное – будь внимательным. На закате смотри, запоминай, через какое плечо солнышко расплетает свои золотые косы. Которое плечо оно опускает ниже – в ту сторону и иди.

Долго учила бабушка своего внука. Внимательно слушал Эква-пыгрись. Выслушал он всё, набрался ума-разума и пошёл искать свою судьбу-дорогу...

Шёл он и на быстрых лыжах, обшитых блестящей шкурой выдры, скакал он на оленях ветвисторогих, плыл на плотках и лёгких лодочках-калданках и просто пешком шагала... Семь раз настигала

его морозная зима, семь раз расплывалась перед ним весна половодьем рек и голосами птиц, семь раз он шёл под пустынным зноем лета, семь раз слышал хрустящую песню осени. На своём пути он пережил все невзгоды, испытанные человечеством, вдохнул и счастье дальней дороги...

Наконец он дошёл и до места заката. Озеро сияло. Одна сторона его золотом туманилась в небе, другая – сверкала над землёю зеленовато-огненными волнами. Подполз ближе к озеру, в зарослях тальника спрятался, смотрит и дивится чуду.

А вокруг озера ходят великаны-менквы. Головы их, как маленькие солнца, излучают свет. А в руках у них тугие луки и яркие стрелы. Под их ногами громоздятся целые горы костей птиц, зверей, людей; ни одну каплю живой воды никому не удалось унести отсюда. И вспомнил Эква-пыгрись наставления бабушки, и задумался:

– Наверно, все приходили сюда шумно. Видно, хотели они взять живую воду только силой. Потому и погибли...

А между тем солнце склонялось к закату. Спускалось, спускалось оно, и наконец крылатый олень, тяжело дыша, застучал копытами у берега. На него невозможно поднять глаза – и копыта, и рога пылают золотым пламенем. Под этим светом и травы зелёные, и тальник колючий, и дальние деревья светятся насквозь.

Эква-пыгрись от страха чуть не выскочил из зарослей тальника, чуть не побежал прочь. Но, вспомнив о наставлениях бабушки, он сильнее прижался к земле, подавил в себе страх... А менквы со стрелами в руках рядом ходят...

Солнышко слезло с оленя. Распустив косы свои, стало опускаться в воду. В сверкающей живой воде барахтался и олень. Накупавшись вдоволь, они вышли на берег.

Тряхнуло солнышко своими расплетёнными волосами – и над озером, над дальними лесами, горами расплескалась алая вечерняя заря. Отпустив оленя на пастбище, уставшее светило медленно побрело в золотой туман, выплывавший из дальнего леса. Приоткрылась туманная дверь, взглянуло солнышко последний раз на мир и ушло спать. На земле стало темно. Уснули рыбы, звери, замолкли птицы, тише стали шаги великанов.

Тише соболя пополз Эква-пыгрись к озеру. «Наверно, пройду! – подумал он. – Они привыкли к шуму. Видно, за живой водой раньше ходили лишь с оружием».

Подполз к озеру. Вытащил маленький мешочек, сшитый из стерляжьей кожи. Наполнив его живой водой, в карман положил. И, не торопясь, по-соболю пополз обратно.

«Не думай о постороннем. Не пугайся случайного шороха. Не нарушая закона тихой ночи, ты иди к своей цели!» – вспомнил слова бабушки.

Исполнив этот завет, он был уже далеко от озера с живой водой.

Долго ли, коротко ли шёл – до царского города дошёл. «Пойти к царю? – думает Эква-пыгрись. – Или прямо домой, к бабушке?»

«Слово дал – выполни!» – вспомнил завет бабушки. И сразу направился во дворец. Сидит царь на покосившемся троне. Острая борода стала белее чайки, а голова блестит, как луна. Узкими щёлочками глаз глядит на него царь и спрашивает своих слуг:

– Кого вы привели ко мне?

– Я – Эква-пыгрись!

– Что-то такого не слыхал, – усмехнулся царь, кривя беззубый рот.

– Вы меня отправляли за живой водой.

– Многие ходили за живой водой. Но никто не возвращался. А что ты оставлял?

– Красных, чёрных, белоснежных зверей. Жду расчёта.

Царь прищурил глаза и с удивлением стал вглядываться в пришельца.

– Где же твоя живая вода?

Эква-пыгрись вытащил из кармана мешочек из стерляжьей кожи, развязал его и чуть приоткрыл.

Царский дворец озарился ослепительным светом.

– Хо! – воскликнули слуги, разбегаясь в стороны.

– О-хо! – вскрикнул царь, закрывая глаза руками. – Ты не живую воду принёс, а камень, слепящий глаза ядовитым светом. Живая вода не сияет!..

– Неужели ты, всемогущий царь, не видел росистого утра, когда капельки маленькими хрустальями светятся с трав и листьев? Неужели ты не знаешь, что в такой день солнце особенно яркое, всё сияет и искрится? Это от живой воды, упавшей на землю. От неё распускаются цветы, растут быстрее шишки кедровые. Это даже маленькие дети знают.

Удивился Эква-пыгрись тупости царя, положил мешочек в карман и направился к выходу.

– Постой, постой, Эква-пыгрись! Если вправду живая вода – умойся!

Достал Эква-пыгрись из кармана волшебный мешочек, сшитый из стерляжьей кожи, помазал лицо живой водой – белее зимнего зайца стало оно, помыл глаза сияющей водой – яснее месяца стали они. Долгую жизнь прожил царь на земле, долго царствовал, но такого красавца ещё не видел.

И бросился он к живой воде, как волк на добычу. Бросились и царевичи, и слуги. И с яростью зверей стали они тянуть в разные стороны волшебный мешочек. Засверкали сабли и ножи. С удивлением смотрел на них Эква-пыгрись.

А между тем все уже мёртвые лежали: и царь, и царевичи, и слуги. От жадности друг друга поубивали.

Эква-пыгрись взял уроненный на пол мешочек с живой водой и, охваченный думами, направился в свой лесной край, к бабушке.

Пришёл к избушке – не узнаёт: три угла её совсем завалились. В четвертом углу у потухшего чувала маленькой высохшей куклой, сделанной из корня, сидит бабушка. Смотрит она на своего внука и не узнаёт.

Достал Эква-пыгрись волшебный мешочек, сшитый из стерляжьей кожи, брызнул живой водой на неё – и помолодела она, глаза стали лучистыми и добрыми.

И стали они жить в своём уголке леса. С тех пор бабушки живут вечно и сказки мальчикам рассказывают...

Трещит лучина в полутёмной избушке. За окном из налимьей шкуры кружится и стонет метель. У потухшего чувала сидит бабушка. Она только что кончила рассказывать сказку и теперь горящим угольком поджигает трубку. А трубка у неё чёрная и длинная, как зимняя ночь, как сказка.

Сказки все хорошо кончаются.

«А как в жизни? – задумался Солвал. – Для чего люди рождаются, растут?»

Хорошо синичке из детской сказки: она знает, для чего живёт. Лапки у ней – ножки избушки лесной, где хранятся припасы охотника. Встретит заблудший эту избушку: там спички найдёт, сухари найдёт, кусок сушёного мяса найдёт, жизнь человек продолжит... Вот для чего живёт синичка! Вот для чего она день и ночь летает, поёт...

А для чего живёт Солвал?! Для Яныг-пуки, что ли?! И кто он такой – Солвал?! Раб? И о рабах, невольниках, которых забирают за неуплату ясака, он слышал много сказок.

Страшные эти сказки. Солвал их не хочет больше слушать. Про Эква-пыгрися слушать хорошо. Он всё время побеждает. Солвал, может быть, достанет волшебный санквалтап. Тогда дома все будут сытыми. Солвал хочет быть сытым. И богатым хочет быть Солвал. А от Яныг-пуки он всё равно уйдёт. А может, даже победит его, как Эква-пыгрись людоеда-менква.

Если волшебный санквалтап не достанет – Солвал пойдёт искать живую воду. Если живой воды не найдёт – то обязательно побывает в городе, встретится не только с приказчиками, но и с самими купцами. Уж он поторгует с ними! Им придётся оценить его резвость и ум.

И царя, может, самого увидит. Неужели он такой страшный, как в сказке? Тогда почему он стал царём? И почему люди повинуются ему?

А не стать ли Солвалу царём?! Но ведь Эква-пыгрись не раз побеждал царя, а почему-то сам царём стать не хотел?!

Может, лучше быть хорошим охотником?!

Но охотник всегда бедный. Не хочет Солвал быть бедным! Со всем не хочет!

Он хочет быть умным, находчивым, как Эква-пыгрись. Ещё богатым хочет быть! Добрым и щедрым человеком мечтает стать Солвал.

Растёт северный мальчик быстрее кедра. Глаза – два сияющих озера – плещутся, до краёв наполнены живым удивлением. Руки – два бобра – с утра до ночи покоя не знают. Ноги – два оленя – с утра до ночи его по земле носят. В голове – жилище загадок – комариным роем кружатся вопросы. А сердце, как охотник, стучит, день и ночь куда-то шагает. Куда оно спешит так?

А уши – два слушателя – любят слушать сказки. Лучше всего на свете слушать сказки: там жизнь волшебная и такая понятная!..

КАМЛЕНИЕ

После трёх лет работы Яныг-пуки отпустил Солвала домой. А дома было ещё хуже, чем прежде. Отец пьяный. Сестрёнки и братишки – голодные. Не слёзы у них были на глазах. Нет! От зноя высыхают даже речки. А где вечное горе – там слёзы высохли давно. На дне глаз их мёртвым камнем лежала тоска. Они даже не обрадовались приезду брата.

Но хлеб оказался той силой, которая вернула глазам их озёрный блеск и волнение. Пили братишки и сестрёнки чай – и оживали. Оттаивали их глаза, как озёра на весеннем солнце. Будто ветерок прошёлся по глади воды, заиграла рябь, и озёра ожили, с удивлением глядели на небо синее, на мир зелёный.

А хлеб Солвал привёз от Яныг-пуки, который на этот раз был необыкновенно щедрым. За три года батрачества он отвалил Солвалу два мешка муки, десять рублей денег, подарил даже телёнка.

– Хорошо работал. Спасибо тебе! – сказал Яныг-пуки на прощанье. – Будешь таким же, выйдет из тебя добрый хозяин. А телёнка я дал не за труд. Жаль мне твою маму – мою двоюродную сестру... Будь строже к отцу. Не пей вина. Мансийскому краю нужен хозяин...

Не сразу дошёл до сознания смысл этих слов. Но за три года жизни в богатом доме Солвал что-то почувствовал и понял.

На другой день, когда отец протрезвел и стал собираться на рыбалку, Солвал решил действовать. Он помнил тот злополучный день, когда проиграли его в карты. Теперь такая же участь ожидала братишку, который ездил с отцом на осетра. Поймает отец осетра – не домой плывёт, а какая-то злая сила тянет его в город. А там приказчик и дурная огненная вода – мутит она светлую голову человека.

По совету старших Солвал пошел к шаману Яксе. Дом шамана был на краю деревни, у мыса, где стояли три священные лиственницы, на которых развевались чёрные и белые тряпочки. Белая тряпочка – белый йир – жертва добрым духам. Чёрная тряпочка – чёрный йир – жертва злым духам.

Здесь устраивались небольшие жертвоприношения. Седовласый и сухой старик внимательно выслушал молодого человека. Расспросил его о людях, о деревне, где жил Яныг-пуки. Он, оказывается, знал там каждого по имени. Знал их семейные и хозяйственные дела. И Солвала, оказывается, он помнит почти со дня рождения.

А насчёт отца Якса посоветовал ему ехать в Берёзово, купить у того же самого приказчика три бутылки водки, а также достать петуха.

Как сказано – так и сделано. Солвал привёз из города что нужно. В один из летних вечеров все собрались у священных лиственниц. Горел костёр. Рыжими лисицами прыгали языки пламени. Искры, словно духи, вылетали из огня и таяли в небе. К ним, наверное, и обращался седовласый Якса в своём непонятном, но очень звучном и таинственном слове после того, как отрубили голову жертвенного петуха и богиню огня напоили горячей кровью.

Потом он подозвал «подсудимого».

Отец Солвала подходит к огню, достаёт из кармана бутылку водки, наливает чарку вина и, глядя на пламя, начинает молитву, обращённую к Мирсуснэхуму:

*Отец наш! От твоего солнечного взгляда
не ускользнуло моё горе.
Ты сам видел, как тянули меня злые духи
к дурной огненной воде.
Лишь твоя солнечная рука
может их остановить.
Ох, если бы не кружилась больше
моя голова от медового напитка!
Ох, если б мой язык не тянулся
к сладостно-горькой огненной воде!
Освободи меня от духов,
которые мутят мою светлую голову!..*

Потом остриём ножа проводит по мизинцу, и струйка алой крови льётся в рюмку, меняя цвет прозрачной огненной воды. И пьяница теперь уже обращается к огню:

*Семязыкая золотая наша мать!
На твоих глазах я смешал*

*свою дурную кровь с дурной силой
этого напитка.
А теперь я вылью её на тебя.
Твоих пылающих языков,
твоего беспощадного, горящего гнева
я боюсь!
Дрожу перед тобой,
как сухой стебелёк!..*

Сказав это, пьяница льёт кровавую водку в огонь. Наполняет вторую рюмку – пьёт сам. Остаток бутылки разливает по рюмкам и раздаёт всем. Теперь он уже знает: если не сдержит слова, данного перед глазами огня и перед всеми, то сгорит от вина или в огонь когда-нибудь упадёт и, как болтун нечестный, сгорит в беспощадном и жгучем пламени.

С этого дня отец как будто родился заново. Возвращаясь из города, куда он ездил продавать пойманную рыбу, не был, как раньше, дурно-весел. Заготавливал к зиме дрова, даже косил сено. Прежде его невозможно было заставить это делать. Считалось это делом женским. Да и в кормах раньше не было надобности. А теперь у молодого Солвала были корова и лошадь, овец завёл. От мала до велика в доме работали. Отец и мать, братишки и сестрёнки с благодарностью посматривали на Солвала и безмолвно внимали ему.

У старого Яксы не было детей. И он Солвала стал называть сыном. Ни одно жертвоприношение не обходилось теперь без Солвала. Якса просил его быть помощником. Жаловался Якса на молодёжь и на время. Мол, богов забыли, дурной водой увлеклись, будущего, мол, не будет. Всё светлое – в прошлом, а в будущем лишь одни слёзы и несчастья, если молодые не очнутся и не возьмутся за ум. Таинственный страх охватывал Солвала, когда он был рядом с Яксой. Но какая-то волшебная сила влекла его к шаману, и он жадно вслушивался в каждое его слово.

Но это нисколько не мешало земной жизни. Семья Солвала стала жить намного лучше. После каждого жертвоприношения в доме появлялись то кусок мяса, то пирог, а то и шкурка. Не мог это не заметить наблюдательный Солвал. Но Якса говорил больше о духах. Учил воздержанию от еды во время пиров и жертвоприношений, взывал к труду и самопожертвованию. Следовать этому было совсем нетрудно.

И теперь Солвал жил словно в каком-то возвышенном и потустороннем мире. Чайания и стремления духов ему казались близкими и понятными. Иногда ему чудилось, что он с ними даже разговаривает, спорит, состязается в красноречии.

Нравился ему всевидящий дух – Мирсуснэхум. Знал Солвал всю

его историю, все приключения и подвиги. Вот как об этом рассказывал Якса.

Как и все великие духи, Мирсуснэхум много раз рождался. Но первую колыбельную песню он услышал в небесном доме своего отца. Там и прошло его небесное детство.

Однажды отец, Великий Торум, сказал сыну:

– Я кое-куда схожу. Ты, сынок, жди меня!

Ушёл. Как все дети, Мирсуснэхум играл, возился, лазал по всем углам дома. За пологом он заметил бочку. Раскрыл её: мёртвой водой запахло. Рядом стояла вторая. В ней сверкала живая вода. А раскрыв третью бочку, он услышал брань. Вода в той бочке шипела, пенилась. Все бранные слова плохих людей в ней были замурованы. А в сторонке от них ещё бочка стояла. Ярким шёлком была она закрыта. Раскрыл Мирсуснэхум её и чуть не ослеп: сквозь неё он увидел яркую светло-зелёную землю.

Там и зелёные леса, и сияющие озёра, и искристые речки. Смотрит он на это чудо, и слёзы катятся из глаз. Плачет Мирсуснэхум от зависти. Почему эта прекрасная земля так далеко от него? Почему он не на ней?

Возвратился отец домой и спрашивает:

– Почему ты плакал? Вчера я тебя предупреждал: не ходи за полог. Теперь твои глаза потеряли свет и зрение.

– Не потеряли они свет. Видишь – смотрят. Отпусти, отец, меня в Средний мир, на светлую землю отпусти!

– Что на земле хорошего, сынок? Но если очень хочешь – иди! На земле не рай! Будет трудно – гляди на небо, вспоминай меня... Два живых драгоценных камня, два всевидящих глаза я подарил тебе. Просматривай ими землю, весь мир насквозь... Где горе – будь там, где счастье – будь там. Будь судьёй и защитником людей! Борись со злыми духами... На беспокойной земле мне нужен надёжный помощник... Созрел ли ты для этого?

Сказав эти вещие слова, Великий Торум уложил сына в золотую люльку. Зазвенела серебряная цепь серебряным звоном, засверкала, закачалась люлька между небом и землёй. Дунет ветер горластый с белым голосом северным – в край горячего лета относит люльку. Дунет ветер горластый с жёлтым голосом южным – в Ледовитое море, в студёное море относит...

Долго качало люльку, но Мирсуснэхум не зарыдал, не пискнул. Тогда отец опустил люльку на землю. Так Мирсуснэхум появился на земле.

Знал об этом Солвал. Но сегодня в полусне, как наяву, он всё видел снова...

А ночью Солвал был в дороге. Скрипел снег под копытами коня. Полозья саней то жужжали, то свистели, то пели заунывную несмолкающую песню. И шаман Якса, сидевший рядом, тоже что-то

бормотал. И небо было морозное и звонкое, кажется, оно тоже пело. А звёзды под эту музыку будто колыхались в плавном танце. А одна из них – самая яркая и красивая – как золотая люлька, качалась на серебряных цепях. Солвал засыпал. А люлька опускалась всё ниже и ниже. Иногда она качалась совсем рядом с их нартой. Тогда Солвал отчётливо слышал плачущий голос мальчика:

– Эй, отец мой, отец Нуми-Торум, меня укачало. Либо вниз опусти меня, либо втащи на небо!

– Сын мой! На земле давно богов забыли. Найдёшь ли душу, верную тебе? – слышится спокойный старческий голос сквозь звон копыт и хруст снега. – Найдёшь ли ты голову, где сможешь посеять свои волшебные мысли?! Найдёшь ли глаза, которым ты смог бы подарить свой всевидящий взгляд?

– Нашёл, отец мой! Нашёл! Солвал будет моим хозяином. Он жадно ловит каждое слово шамана Яксы. Он готов вынести все муки и страдания, которые ложатся на долю великих шаманов, чтобы быть мудрым и всевидящим, сильным и богатым.

И люлька, качавшаяся между небом и землёй, стала опускаться всё ниже и ниже. Вот она коснулась снега. Качнулась в последний раз и, как лодка, стукнувшись о берег, замерла. Из люльки вышел маленький богатырь. Ростом он чуть больше соболя. На голове у него шлем железный, на боку – сабля. А глаза у него – как два драгоценных камня. Не горят они, а светятся каким-то пронизывающим насквозь светом. «Не сабля оружие Мирсуснэхума! – промелькнуло в уме Солвала. – А глаза! Ясные и всевидящие глаза. Смогу ли я овладеть ими?!» – дрожа от страха и холода, думал во сне Солвал.

Золотая люлька зазвенела серебряными цепями, качнулась и стала медленно подниматься вверх. А Мирсуснэхум, не мигая, глядел на Солвала, ослепляя светом драгоценного камня. Золотая люлька качалась и звенела, уменьшалась на глазах, удаляясь в небо. И потом опять стала звездой среди других больших и малых звёзд...

От резкого толчка нарты Солвал проснулся.

Звенели колокольчики на дуге, скрипел снег под копытами коня, визжали полозья... Над головой висело звёздное небо. И одна из звёзд была ярче других. Она и на самом деле словно качалась...

«Неужели этот сон вещий? – подумал Солвал, дрожа от страха. – Неужели и вправду Мирсуснэхум хочет, чтобы я был его хозяином?»

«У-ху! У-ху!» – стонет где-то филин.

И тёмно-зелёные кедры тревожно скрипят. А ветер, как усталый старик, то свистит словно сквозь старые зубы, то сопит, будто успокаиваясь.

На поляне трещит костёр. Над костром котлы продымлённые

висят. Над ними вьются струи. Пахнет свежим мясом. Под лапой кедра стоит большой деревянный идол. Губы у него помазаны кровью. Он уже сыт. Может, потому и взгляд у него какой-то грустный. Чуть нахмурился, будто глубоко задумался над судьбой людей, которые пожаловали на священное место – в капище мансийских богов.

Чуть поодаль от него стоит другой. Он на голову ниже первого. Лицо самодовольное. И смотрит свысока. Словно вот-вот скажет: я дух всемогущий, а вы кто такие?! На губах у него больше крови, чем у первого идола. А третий, который всех ниже и корявее всех, вскинул гордо голову, глаза у него устремлены в небо. Выражение лица глуповато-восторженное. Губы, щедро помазанные горячей кровью жертвенной лошади, застыли в брезгливой улыбке. Этого глупого духа больше всего боятся манси. Они мажут ему кровью не только рот, но и бороду, и тело. Они приносят ему самую дорогую жертву.

Маленький дух, хотя и силы особой не имеет, но злость и недовольство его могут причинить немало несчастий. Маленький дух опасней большого. А Торуму – властелину Вселенной – никаких жертв люди не приносят. Ему не нужно ни золота, ни серебра, ни мехов. Великому богу зачем жертвы?

Лишь духи, с помощью которых он управляет миром, требуют к себе внимания и почитания.

Много помощников у Торума. Хороших, умных помощников.

Его кумирня, как большая птица, притаилась в зелёной тени кедров. На четырёх ногах-столбах стоит кумирня. Дверь её сегодня открыта. На золотой огонь смотрят глаза Торума. И лицо его вылитое из чистого золота. На голове соболя шапка. На шубе, сшитой из самого дорогого меха, узоры волшебного письма. И то письмо волшебное лишь шаман великий может читать. Говорят, оно бывает каждый раз новым. Причудливые фигурки, медные и железные, на шубе его висят. Они изображают разных животных. То исчезают, то появляются вновь. И по ним шаманы узнают многое.

Дерево, около которого притаилась кумирня, украшено цветными сукнами, шелками. Вершина кумирни обита белой жестью, а на ветвях висят колокольчики. Они качаются на ветру и день и ночь поют. На ветвях других деревьев висят шкуры оленей, лошадей, овец, принесённых в жертву. Под ними горы котлов, чашек, рогов с табаком.

Мирсуснэхум сидит на возвышении, похожем на стол. В стол тот священный воткнуты копыта и сабли. Под шубой у него волшебный мешок. Служит он туловищем. Каждый, кто приходит в капище, несёт подарок: кто шкурку соболю, кто лисицу, кто монету медную, кто кольцо золотое. Сегодня особенно много несут. Живот у Мирсуснэхума стал толстым, как у богатого купца. Тол-

стеет его живот, когда на земле беспокойное время. Тогда люди, которые вечно хотят что-то понять в этом сложном мире, идут к капищу.

Тревожное время настало. От чума к чуму, от стойбища к стойбищу, от деревни к деревне летит трёхгранная стрела. Старики всё знают. В сказочные времена, когда у манси были свои богатыри, полёт трёхгранной стрелы означал начало бедствия и войны. Тогда все мужчины надевали свои богатырские доспехи и шли к святому месту на совет богов и воинов.

Времена богатырские прошли, но бедствия остались. Летит трёхгранная стрела – значит, в мире мены-перемены, горе какое-то новое в край мансийский идёт. Летит трёхгранная стрела – надо собраться вместе, послушать предсказания шаманов и принять решение, как жить дальше.

Летела трёхгранная стрела. И она принесла весть, что великий шаман Якса видел волшебный сон.

Будто в вороний день – в первый день весны северной – прилетела не ворона чёрная, а белый лебедь. Ещё белый снег хрустел, как сахар. И солнце золотое не превращало снега в ручьи, а лебедь прилетел.

То был, конечно, необыкновенный лебедь. То была священная птица, которая при появлении злодея Кучама на земле древних югров улетела в дремучую тайгу, а когда пришли попы с крестом и пищалями, когда они построили в городах небесные дома-церкви, священный лебедь взмахнул золотыми крыльями и улетел из своего капища в небо – в приют согнанных с земли богов и духов.

И вот много веков спустя он снова прилетел. Он весело курлыкал и лепетал, как ребёнок, плакал от счастья и пел. Кружился над деревней, где жил великий шаман Якса, и говорил новость:

– На земле нет больше царя Белого. Его дух – Кристос – тяжело ранен. На земле теперь появился новый дух. Его звать – Революца. Какой этот дух – никто пока не знает. Добрый или злой – даже священный лебедь не знает. И птица вещая наказала людям разобраться самим. В мире мены-перемены. Хорошо ли это? Лебедь белый прилетел – это хорошо. Лебедь курлыкал весело и пел – это хорошо. Новое время настает. Но какое это время? Кто друзья, кто враги?

Надо собраться на священное капище, принести богам жертвы, послушать шаманов, подумать сообща о жизни, о времени... И летит трёхгранная стрела. От чума к чуму летит, от юрты к юрте летит, от деревни к деревне летит.

И вот на священный мыс со всех концов края тянутся люди. У кого олени – тот гонит тучные стада к священному мысу, у кого

лошади – на лошадях едет, у кого ничего нет – пешком идёт. Но и у него маленький подарок есть. Серьга или кольцо, аршин холста или просто полоска сукна. Любят боги живую жертву. Но если её нет у бедного человека, то душе его верной рады.

Оленеводы подвели к общему огню трёх белых оленей. Подвязали их к жертвенному столбу, а сами направились к капищу. Каждый из них молча поклонился. Потом звенели монеты, живот у Мирсуснэхума стал больше от принесённых пешек – мягких шкурок молодых оленей. За столиком у капища стало больше бутылок водки. Мирсуснэхум хотя огненную воду, дурмящую светлые головы людей, не любит, но и полакомиться не прочь. Его золотой рот мажут водкой, в золотую табакерку кладут терпкого табаку.

Потом шаман оленеводов раскрывает уста и, как весенний глухарь, токует:

*– Светлого дня щедрый наш отец!
Дух твой золотой
К нашим чашам пусть прикоснётся.
Ум твой золотой
В думе новой пусть проснётся!*

Одежда шамана сшита из белого-белого пыжика. Только на ней много металлических крючков, колец, бляшек, погремушек. Шевельнётся шаман – звон стоит. А на голове у него не шапка, а железный обруч. И неспроста это. Говорят, от сильного чародейства без обруча голова могла бы развалиться. Этот шаман молодой, задорный. Звать его Потепка. Будет, наверное, состязаться с великим Яксой.

*Кара-кий-я! Хос-хос!
Ка-ра-кий-я! Кара-кий-я! –*

прыгая у огня высокого, стуча колотушкой по бубну, запричитал молодой шаман. Никто не понимал этих слов. Но волшебные звуки, как меткие стрелы, поразили всех. Вздروгнули даже взгляды самых спокойных и мудрых стариков. А глаза молодых загорелись каким-то беспокойным. А трое из оленеводов запричитали в такт ударам колотушки, вслед за шаманом выкрикивая не понятные никому слова. Потом они упали на снег, крича и дико визжа, катались в снежной пыли.

Другие уже держат за рога оленей, третьи стоят с натянутыми луками и копьями.

Вот шаман три раза повернулся кругом по солнцу. Потом на мгновение замерла колотушка. Удар по бубну – и три стрелы по-

летели в сердца трёх оленей. Миг – и три копыта уже пьют оленью кровь. Ещё миг – и сердце оленя вынуто. Кровью сердца поят Мирсуснэхума, на его золотых губах капли алой крови. Горячая и живительная кровь плещется в кружках деревянных, теперь уже все наслаждаются божественным напитком жизни.

И всё это случилось в один миг. Духи, видно, теперь довольны. Любят они, когда кровь жертвы коснётся их губ, не успев омрачиться страданием погибающего животного.

А колотушка летала, и бубен громкий гремел. Огонь прыгал, и шаман плясал. И слова звучные и непонятные всё летели и летели. И трое на снегу, забывшись в неистовом крике, валялись как замороженные. И Солвалу теперь казалось, что изо рта шамана вылетает голубой дым. Рядом с ним пляшут голубые духи. И они в ухо шаману что-то шепчут, говорят.

Сегодня Солвал был как во сне. Мир ему казался причудливым и странным. На грани новой жизни он чувствовал себя, и эта жизнь сулила ему что-то особое, возвышенное и страшное.

Голова его кружилась. И снова и снова возникали перед глазами видения ночи.

Качалась звезда, как золотая люлька. Солвал своими ушами слышал звон серебряных цепей. Два живых камня, два светлых глаза глядели на него с надеждой. Они совсем рядом сияли. «Наверное, этот сон и вправду вещей!» – мелькнуло в уме Солвала, когда под ударами колотушки в громе бубна качнулась земля и голубой дым, вылетавший изо рта пляшущего шамана, закрыл глаза голубым мраком, а голубые духи, крича и беснуясь, давили на сердце и горло. Ему было тяжело дышать. И, изнурённый видениями и долгим воздержанием от еды, он упал на холодный снег. Шаман Якса был тут как тут. Он склонился перед ним и, устремив к небу красные глаза и старческие руки, запричитал:

*Не печальтесь, не горюйте!
Знаю песню я иную,
Песню радости великой!
Пусть откроет каждый сердце,
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне...
Всё в прошедшем, всё в грядущем,
Всё проходит, умирает
И рождается в новом свете –
В царстве вечного Торума.*

Он вещал о том, что на глазах простых смертных происходит чудо: дух великого Мирсуснэхума вселяется в душу молодого Солвала. И отныне у манси будет молодой и сильный ясновидящий. Не

навсегда покинули землю боги, не разуверились они в духовной силе манси. Белый лебедь прилетел, принёс весть, что Крестос ранен. А Крестос – смертельный враг Великого Торума. Не смог Крестос победить Торума, и Торум не смог взять верх.

Кто же победил Крестоса? Об этом не сможет сказать старый Якса. Об этом сможет поведать только молодой Солвал. И он призвал всех озолотить божественную чашу, чтоб отправить в дальнюю дорогу прозревшего Солвала, который и узнает, что представляет из себя новый дух Революца.

Трещал огонь. Гремели бубны. В серебряную божественную чашу сыпались монеты, серьги, кольца, ожерелья из бисера. А охотники несли своё пушистое золото: кто горностаю белого, кто соболя чёрного, кто лисицу красную, кто песка голубого. У каждого своя драгоценная жертва. Каждому хотелось знать, что его ожидает. Не нагрянет ли снова «бешеная старуха» – оспа? Не отберут ли промышленники последние уголья, где ещё плещется рыбка, зверь рисует следы? А может, и вправду наступит счастливое время, когда жёны, как икранные нельмы, будут полны и плодовиты, лес всем даст мясо, реки – рыбу золотую?!

Очнулся Солвал на руках людей. Его куда-то несли. Торжественно скрипели ветви кедров, звенел колокольчик, хрустел снег...

Солвал заметил, что выражение лица у маленького деревянного идола было всё такое же глуповато-восторженное, только на губах крови стало больше... Взгляд второго идола был самодовольным и высокомерным, словно ничего не произошло.

Только самый высокий, который стоял ближе к священному капищу, кажется, нахмурился ещё больше прежнего, будто глубоко задумался.

«О чём он так думает? – мелькнуло в голове Солвала. – Может, обо мне? Почему люди подняли меня на руки? Куда несут?»

В отблесках огня сверкнуло золотое лицо Мирсуснэхума. Солвал понял, что несли его к капищу. Он не вскрикнул, не стал говорить, что пришёл в себя. Он знал, что теперь судьба его в руках людей: захотят – подымут, вознесут к небу, захотят бросить – в болото столкнут...

Увидев, что Солвал очнулся, старый Якса воспрянул. В красных узорах его глаз сверкнули искры. Он, как весенний тетерев, затоковал. Над зимнею тайгою поплыла певучая молитва жизни, волшебное пророчество о завтрашнем дне манси... И великий шаман Якса говорил теперь от имени Солвала, будто он всё это видел и слышал от духов, пока был в их мире. Старый Якса благодарил судьбу, бога, что послали им юношу с такой чуткой и божественной душой.

*Нур и щар!² Клянусь медведем!
На земле, на Маа, будут
Все народы вновь свободны.
Страшно будет! Вы не бойтесь!
Будет смерть, пожары, голод...
После этого наступит
Время новое, иное.
Ваши жёны будут в чревах,
Словно нельмы икряные,
Будут полны и плодливы.
Лес немой деревьям вашим
Даст добро своё в избытке.
Даст вам мясо, шкуры, ленгын³.
Реки с мутною водою
Будут полны рыбы разной...
...Вы годов не бойтесь чёрных,
Что несут чуму оленью,
Истребляют разом стадо,
Их не тронет эта гостья...
И настанет снова время,
Вновь великие шаманы
Будут жить в народе вашем.
И на солнечных полянах,
На протоках, чащах тала,
На горах и на увалах,
На реках, озёрах, тундре –
Всюду, где укажут духи,
Встанут идолы – шайтаны⁴...*

В своей молитве-песне великий шаман Якса благодарил людей за то, что в течение долгой жизни внимали ему, а не попам-обиралам, у которых борода как веник, а живот как бездонная бочка. Ругал он и мансийских шаманов-кривляк, которые своим кривлянием наводят на людей страх. А народу нужно живое слово, которое согреет душу и даст телу силу. Чтоб бороться – нужна будет добрая сила добрых духов.

– Кто их позовёт на помощь народу манси? – восклицал он.

– Прозорливая душа молодого шамана! – отвечал он.

Якса сегодня отрекался от себя. Мол, стал уже старый, и говорящий дух, который был при нём и помогал сноситься с великими богами, покидает его. Он не будет больше шаманить.

² Нур и щар! – клятва.

³ Ленгын – белка.

⁴ Из мансийского эпоса «Янгал-маа».

А в следующий раз люди пусть слушают молодого и сильного шамана Солвала. В его душу вселился говорящий дух.

– Вот священный амулет, образ говорящего духа! – вытащив из-за пазухи золотой слиток с изображением летящего лебедя, пропел Якса. – Я получил его от деда, дед от прадеда, а прадед – от прапрадеда. Нет у меня детей. Но есть у меня прозорливая душа – Солвал. Пусть этот амулет помогает вам сохранять дух предков!

Выкрикнув несколько непонятных божественных слов, он вручил этот амулет Солвалу.

Качались кедр, блестела жесь, гремели бубны, плясал огонь, летели искры, сияла богиня, на губах самого маленького идола стало ещё больше крови. Взгляд второго был самодовольно-равнодушным. Только высокий идол о чём-то снова думал.

Солвал же сейчас ни о чём не думал. Его опять куда-то несли люди с горящими фанатичными глазами. Люди, боги, жизнь, смерть, огонь, кровь, летящие стрелы, деревянные идолы, жадные губы, качающиеся звёзды, золотая люлька, говорящий дух, молитва-плач, молитва-прозрение – всё смешалось в душе Солвала. И что он мог понять?

На этом камлании двух молодых шаманов, Солвала и Потепку, решили направить в Тубыл-ус, чтобы они своими всевидящими глазами посмотрели, что происходит в мире. Если духи и на самом деле борются, если, правда, в мире опять наступит жестокий богатырский век, когда не только духи воюют, но и человек на человека идёт не с улыбкой, а с топорами и копьями, – лесные люди должны подумать, как им быть. По пути в Тубыл-ус Потепка и Солвал должны были заехать в Белогорье, чтобы поклониться и принести жертвы духам самого большого, самого великого священного места всего Севера.

Недалеко от этого селения, там, где Иртыш свою жёлтую воду уже смешал со струями великой Оби, в глухом урмане, на холме высоко, среди священных лиственниц и кедров, стояла избушка на курьих ножках. В той избушке было гнездо Золотого лебедя. Эта огненная птица, говорят, умела предсказывать будущее. И потому около неё люди держали меж собой совет. Каждую весну они спешили сюда. Плыли на лодках. Лодок было много-много, чуть поменьше комаров. У яра лодки останавливались. Людей встречал шаман – великий, старый, мудрый предсказатель. Он смиренно принимал дары и для каждого из многих находил своё слово ласки, слово вещего значения дней грядущих, дней прошедших, что он ясно видел взором в царстве духов легкокрылых.

И когда наступала ночь, с тёмной части неба, сияя огненным светом, спускалась золотая птица в своё капище. Тогда и начиналось великое камлание. От костров сияла даже безбрежная Обь. Как бабочки, мелькали человеческие тени. Бубны громкие отбива-

ли дробь. Тихо-тихо, непонятно начинал с птицей вещий разговор мудрый старец, духов друг...

И у одного священного огня думали боги, птицы, люди. Ведь у всех одно небо, одна любимая земля, одна жизнь...

В Белогорье давно уже жили русские. Но урман священный, где когда-то было капище, манси не забывали. И каждый год шаманы со своих родов собирали мех и с мешками направлялись в Белогорье на поклонение. Простые люди теперь туда уже не ездили, передоверив сношение со священной птицей своим шаманам.

Камлание у капища Сорни-най в этом году прошло удачно. Много меха принесли люди в жертву. Доволен был не только Якса, но и другие шаманы. Не понимал пока Солвал ничего, но в его доме тоже появился мех.

Удивлялся Солвал, спрашивал Яксу: почему священная жертва для богов в его бедный дом попала? Сердился Якса на такие вопросы своего ученика. Видно было это по его лицу и глазам, но слова у него были тихие.

– Это подарок богов! Ты заслужил его! Всё объясню потом! – говорил Якса каким-то особым и таинственным голосом.

Ждал Солвал большого разговора, который обещал Якса, но так и не дождался. Настало время отвозить в Белогорье жертвы великим духам, предкам великим. Целый мешок шкурок соболей, белок, куниц, лисиц, горноста, выдры должны были отвезти молодые шаманы Потепка и Солвал. А потом надо было съездить в Тубыл-ус и узнать про таинственную и незнакомую Революцию.

РЕВОЛЮЦА... КАКОЙ ЭТО ДУХ?

Кто такой Революца? Если человек, то какие у него глаза, руки, голова? Головой он силён или руками? А есть ли у него сердце?! Можно ли с ним договориться лесным людям? Ценит ли он мех соболей и беличий?

Кто такой Революца? Если он дух, то какой дух? Чёрный или белый? Злой или добрый? Какую жертву он просит? Большую или маленькую? Жертву с кровью или без крови? Откликнется ли он на молитвы? А может, как многие духи, на жертвоприношении по-бывает, полакомится кровью и улетит, не оказав помощи страдающим?

Кто такой Революца? Неужели и вправду этот дух – красный? Разве такой бывает? Никогда не было такого духа! В видениях великих шаманов не видано, в сказках-былинах не слышано! Откуда выплыл? Чего он хочет? Куда поведёт людей? К добру или злу? Но тогда он был бы белым или чёрным! Нет! Это новый цвет. Непонятный для таёжников цвет. Надо узнать его. Надо быть очень

осторожным, чтобы не спугнуть. Не настроить бы его против таёжных людей!

Кто такой Революца? Самые противоречивые слухи доходили до таёжной деревеньки Хомрат-павыл, запрятавшейся от недоброго взгляда среди снегов и тайги дремучей.

Сначала говорили, что Красный дух победил Белого царя. Но этому никто не поверил.

Сам Мирсуснэхум вот уже сколько лет ведёт борьбу с духами Белого царя и не может победить. Неужели какой-то никому не известный Революца оказался сильнее?

Потом пошёл слух, что Белого царя держат в священном доме – церкви. Одни говорят, что там его бьют, выгоняя из него злых духов. Другие судачили, что, наоборот, там его ласкают, чтобы стал он добрее и добрым духам дал волю.

А происходит это всё не на небе и не в центре земли, где обычно живут самые именитые, а совсем недалеко от манси – в Тубыл-усе, который русские называют Тобольском. В этом звонком городе, сверкающем куполами священных домов, летящих в небо, не раз пили чай не только богатые манси, но и простые охотники.. Ярмарки там бывали весёлые, шкурки соболя там ох как любят. Чай там ой какой крепкий!..

Каждой весной на Север плывут огненные лодки с большими баржами. Привозят соль – увозят осетров, нельм, муксунов.

На этих огненных лодках весёлые люди – купцы – плавают. И самый именитый среди них – купец по имени Плотник. Это так его манси называют, а для русского уха он Плотников. Большой это человек! Богатый!.. У, какой богатый!.. Много у него огненных лодок, много неводов, много соли... По всей Оби он хозяин. Рыбаков у него тысячи. И его люди рыбу не только ловят, но и в железо заворачивают. Консервами это называется. Когда ешь такое чудо – чуть железом пахнет. Но всё равно это не железо, а рыба. Наша вкусная, обская рыба...

Весёлый человек этот Плотник. У него всегда вода весёлая есть. Пристанет к берегу сияющая огненная лодка – праздник приходит в селение. Угощает он всех весёлой, горькой водой. И люди не скупятся – кто соболя подарит, кто икру осетровую. Весёлый купец! Хороший! Главное, он говорит на языке манси. Хоть коряво, но говорит. Это очень хорошо, когда даже сам Плотник хочет быть на манси похожим!

И зачем это в Тубыл-ус, где живёт весёлый купец Плотник, привезли Белого царя? Не хотят ли обучить царя мансийскому языку? А может, весёлым его сделать хотят? Таким, как купец Плотник? А может, Плотника хотят сделать царём?

Непонятно! Совсем непонятно. Зачем привезли царя в Тубыл-ус? А может, это совсем не так? Надо съездить в Тубыл-ус и

узнать и про Белого царя, и про Красный дух – Революцу! Всё надо узнать самим!

В одно прекрасное зимнее утро Солвал и Потепка тронулись в дальнее путешествие. Зима повернула лицо своё к весне. Солнце поднималось всё выше и выше. Днём снег становился мягким, ночью твердел, как сахар. Наступало время звонких и длинных дней, хороших дней для дальней дороги.

Скрипел снег, пели полозья, звенели колокольчики. Но Солвал теперь не думал о богах, не задавал себе вопросов: «Кто такой Революца?». Слишком всё это сложно и запутанно. Он с наслаждением думал о земле своей. Хотя далеко никогда не ездил, он, кажется, её знал, как родную мать. В привычном и волшебном мире сказок она казалась чуть таинственной. Но всё, что происходило на ней, объяснялось в сказочном мансийском слоге.

Сказка... Она как родник. Прильнёшь к ней, мучимый жаждой, напьёшься прохладной живительной влаги и снова чувствуешь себя человеком. Всё станет ясно и понятно.

Земля... Как она появилась? Где начало всех начал?

Кто такой Революца?!

Не знает об этом сказка.

Кто такая Земля?

Всё о Земле знает сказка.

А появилась Земля вот как.

Жили старуха со стариком. Кругом вода, вода, вода... В хрустальных струях тонет звёздное небо. На зыбких волнах моря колышутся и жаркое солнце, и ледяная луна, и маленький их домик. Старик со старухой начали уж было глохнуть от безумолчного плеска волн. Но вдруг до их ушей долетели неведомые звуки. Глаза старца устремились за дверь. И видит старый – сверху летит железная гара.

Пролетела семь кругов, – опустилась на волны. Оправила крылья и нырнула в воду. Долго ли, коротко ли была под водой – вынырнула. В клюве у неё ничего нет. Второй раз исчезла под волнами – вынырнула: в клюве у неё лишь тяжёлый вздох. И только в третий раз принесла она в клюве крохотный кусочек земли. Бросила её у порога и, расправив железные крылья, снова заскользила по воде. Семь раз повторила над домиком вечный путь солнца и растаяла в лазури неба.

На третий день любопытные глаза старца выглянули за дверь и видят: у порога появился маленький кусочек земли. На седьмой день опять выглянули: земля уже немного выросла. Старец захлопнул дверь и, удивлённый, стал рассказывать старухе сказку о рождении чуда вселенного – земли. Долго, видно, рассказывал. Потому что, когда вышли старик со старухой из домика, моря уже не было.

- Куда оно делось? – спрашивали древние.
- Наверное, под землёй...

Земля... Какая она? Идёшь, идёшь, а она не уходит из-под ног. Только небо над головою с ярким солнцем – днём, с глазастыми звёздами – ночью. Плещут синими волнами реки, зелёными ветвями шумит дремучая тайга, и не раз на пути встанут горы, вросшие камнем в небо. Какая она, земля? Было о ней много дум, длинных, как зимняя ночь.

Сказывают, сначала земля, выросшая из крошки, которую достала со дна священная гагара, качалась на море, плавала.

Тогда Торум, создатель Вселенной, опустил на землю свой пояс. Пояс его украшен тяжёлыми пуговицами. Под его тяжестью земля осела глубоко в воду и стала неподвижной. На том месте, где лёг пояс, теперь Уральские горы. Это самая середина земли.

А пояс тот был не простой. Золотые пуговицы горели ярче солнца, а серебряные светились полной зимней луной. Хрустальные камни ослепительно сверкали, как снег под весенними лучами. Звёздным Млечным Путём мерцали украшения из меди, олова. Причудливые мраморные и гранитные фигуры висели на золотых цепях, как фигурки, сделанные из кости мамонта, на поясе охотника.

Богатый Урал – как пояс с драгоценными камнями. Центром земли считали его манси.

Но не там «шумел» таинственный дух Революца. Это русский дух. А у русских свои сказки, свои тайны, свои глаза... Для них Урал, может, и совсем не центр земли. И Тобольск для них – город не царский. А для манси и Берёзово не чум, а город.

Туда и держали путь Солвал с Потепкой.

Берёзово было не узнать. Здесь произошло что-то загадочное. Звонкие колокола на церквах молчали. На улице былолюдно, шумно, как на берегу реки во время большой путины. Никогда столько народу не видел Солвал в Берёзове. Раньше по улицам прогуливались лишь в меховых шубах и собольих шапках. Теперь на улице – люди в худенькой, неприметной одежонке, но такие весёлые, будто какой-то праздник.

Своим глазам не поверил, когда увидел, как Ванька Дровосек под ружьём вёл самого толстого приказчика. Рядом с Ванькой Дровосеком шагал ещё один. Сначала Солвал думал, что это солдат Васька. Одежда у него была такая же, как тогда, когда тот вернулся со службы царской. Когда подошли ближе, заметил, что это другой. Русский солдат, значит... Но почему они ведут приказчика под ружьём?! Ведь это большой человек! Главный помощник купца... Как посмел Ванька Дровосек подняться против своего хозяина?

– Пася, рума! – поприветствовал его весело Ванька Дровосек, когда они поравнялись.

– Здравствуй, друг! – ответил Солвал, но тут же осекся, поймав суровый и невесёлый взгляд приказчика.

– Не бойся его! – подбодрил Ванька. – Теперь мы хозяева. Приходи вечером в наш нардом. Вон в тот. Тебе, тёмному, всё объясню!.. Не забыл ещё русский язык?

Ничего не понимал Солвал. Или мир перевернулся, или с ним что-то случилось. Ничего не понимал Солвал с той поры, как связался с шаманом Яксой. Раньше всё было просто...

С Ванькой Дровосеком Солвал подружился в доме Яныг-пуки. Каждое лето приказчик, у которого работал Ванька, отправлял его вместе с другими ловить сосвинскую селёдку на самых лучших угодьях Яныг-пуки. Богатый манси не всякому разрешал ловить золотую рыбку в своих угодьях. Приказчику купца, его людям – разрешал. В свободную минуту Солвал и Ванька Дровосек разговаривали. От него Солвал многое узнал, русские слова складывать научился. А Ванька удивлялся мансийским словам...

Вечером приятели встретились. Ванька Дровосек привёл Солвала в большой дом, который называл таинственным и непонятным словом «нардом». Там было много народу, как на большом камлании. Только не было костра. Но огонь был: на столе, что стоял в дальнем углу, горела лампа.

«Всё же без огня люди не обходятся... Даже русские!.. – заметил про себя Солвал. – Без огня не сделать большого дела. Огонь всё видит и слышит...»

В нардоме накурено. В неярком свете лампы ясно виделось, как летают синие духи, синие струйки дыма. Дверь открывалась и закрывалась. Заходили белые духи мороза, а следом за ними – странные люди. Глаза их горели, как у шаманов во время камлания. И почему-то многие из них – с ружьями. Ружья большие и совсем маленькие. Некоторые из них – чуть больше ладони.

– Кто это такие? – шёпотом спросил приятеля Солвал.

– Это наши из Рабочего союза – красногвардейцы!..

Слова эти Солвалу были незнакомы. Только слово «рабочий» о чём-то смутно говорило. Он слышал его раньше от приятеля, ещё там, на рыбалке.

– А это товарищ Сенькин! – сказал как-то по-особому Ванька Дровосек, кивком указывая на человека в кожаной куртке. Лицо у Сенькина было энергичное, а глаза спокойные, задумчивые, чуть усталые.

– Председатель Совдепа. Большевик. Революционер! – прошептал в ухо приятель.

Первые два слова Солвал слышал в первый раз. Они ничего не говорили его таёжному уму. Как прилетели – так и улетели. По-

следнее слово заставило его вздрогнуть: «Революца!.. Это и есть Революца?! – воскликнул он в душе. – Так это же не дух! А человек!.. Лицо, глаза, руки... Обыкновенный русский. Значит, он любит соболя. Живую жертву, кровь любят только духи. Русский кровь не пьёт. Только увидит соболя – на духа похожим становится. Не на доброго, а на злого духа похожим становится.

Революца... Не отберёт ли он охотничьи угодья? Не займёт ли все лучшие рыбацкие пески, как весёлый купец Плотник? Не разрушит ли священные капища? – забеспокоился Солвал, обратив внимание на наган, который висел у Сенькина на боку. Знал он, что маленькое ружьё, стреляя, насмерть убивает. – Нет у манси такого ружья, нет такой силы! И народу мало. А русских много, ох как много! Вон сколько людей собралось только в этом доме! – мыслил он, прикидывая взглядом. – А сколько их на улице, в других домах!..»

Заметив испуганный взгляд Солвала, Ванька Дровосек стал его успокаивать:

– Ты не бойся! Это свои люди, такие же, как мы с тобой, батраки, рабочие!.. Теперь мы будем хозяевами, а не он! – И показал пальцем на человека, которого двое с ружьями только что втолкнули в народом.

Присмотревшись, Солвал узнал в том человеке старшину инородческой управы⁵, который не раз приезжал в деревню, собирал с охотников ясак. Это был большой человек. Самый большой среди манси. Он мог присудить к битью кнутами, розгами. Был судьёй в мирских и бытовых тяжбах.

Совсем недавно этот старшина с двумя помощниками-мировщиками⁶ приезжал в деревню. У Потепки будто бы потерялась кривда⁷. Двери у манси не знают замков, и никогда ничего не терялось. Сети манси далеко от деревни стоят, и не только снасть, но и рыбы чужой никто никогда не возьмёт. А здесь будто бы потерялась кривда, которая возле дома была. Потепка обвинял в этом страшном грехе Анха-Ваську. Это, мол, он, бездельник, у которого нет ни лодки своей, ни ружья, утащил и продал русским кривду. Мол, это его родовая привычка, недаром к его имени прилепили словно Анха!⁸ Ещё дед его заслужил такое прозвище за снятую с чужого силка куропатку.

⁵ Инородческая управа – орган управления инородцами до революции. Этот орган возглавлял старшина, получавший такое звание наследственно или по выбору. Управа подчинялась царской администрации. Это была патриархальная форма самоуправления, с помощью которой царизм эксплуатировал малые народы.

⁶ Мировщики – помощники старшины, которые обязаны все неважные ссоры в народе решать мировой сделкой.

⁷ Кривда – рыболовная снасть.

⁸ Анха – куропатка.

– По его следу и внук пошёл, стал таким же вором! – кричал Потепка по деревне. И между домами вспыхнула ссора, грозившая вылиться в кровавую драку.

Каким-то образом в таких случаях известие доходило до Берёзова, до инородческой управы. И старшина с двумя мировщиками был тут как тут. Видно, у них было дело и поважнее этой глупой ссоры. Но и это они не оставили без внимания, устроив суд у священных лиственниц, которые стояли рядом с домом Яксы.

Сначала шаман говорил о той страшной каре, которая ждёт и преступника, и лжесвидетеля, и обвинителя, если они будут говорить неправду и присягать против своей совести.

Потом обвиняемому Анха-Ваське Якса велел, чтобы он взял в руки острый нож и отрезал у деревянного божка нос, выковырял глаза и произнёс за ним такие слова: «Если я в этом споре не прав и если, дав клятву, покривлю своей совестью, то так же, как у этого идола, у меня пусть не будет носа. Если я на самом деле похитил кривду, то быть мне топором изрубленным, медведем в лесу изорванным, силами нечистыми преследуемым и гонимым...».

То же самое проделал и Потепка.

Благодаря этим мировщикам и старшине стало всем жителям деревни ясно, что Потепка действительно потерял кривду, но Анха-Васька здесь совсем ни при чём. Если бы он на самом деле похитил эту снасть, то кара бы его не миновала! Все знали: манси никогда не присягнёт ложно, а если это случится, то от одного страха и угрызения совести он с ума сойдёт...

«Большие люди – мировщики! Большой человек – старшина! Без него манси не может разрешить спор, развеять ссору, узнать, кто прав, кто нет!» – думал Солвал, глядя на побитого, помятого старшину.

– Зачем его так? Разве так можно с большим человеком? – вскрикнул Солвал на ломаном русском языке. Хотя в нардоме стоял шум и гам, голос его услышали и на него обратили внимание.

– А это кто такой? – спросил строго человек в овчинном полушубке, подойдя к Ваньке Дровосеку. – Откуда ты его выкопал?

– Это мой товарищ. Мы с ним вместе рыбачили. Такой же, как я, батрак.

– Для батрака у него слишком роскошная одежда! – разглядывая белоснежную парку, кисы с узорами, произнёс подошедший.

Солвал был действительно хорошо одет. Собирая в дальнюю дорогу, Якса о нём позаботился. У него нашлись и эта чудная парка, и малица, и кисы. Разнарядил он своего преемника, считая, что и внешний вид того, кто хочет завладеть сердцами, имеет не меньшее значение, чем его речь...

«Глаза человека – два зорких стража, два защитника. Но они таят и слабость. Глаза человека любят наслаждаться. Они от красо-

ты млеют. Узоры волшебные их уводят от мира, над которым надо задумываться!» – говаривал Якса.

Красивая одежда Солвалу очень нравилась. Когда он во всё это нарядился, то почувствовал себя самым счастливым духом.

Никак не мог понять, почему эта «роскошная одежда» не по душе русскому со строгими глазами. «Неужели его потёртый, измызганный овчинный полушубок лучше этой белой, как снег, мягкой, как пух, парки?! – думал Солвал. – А может, он хочет, чтобы все ходили в рвани? Нет! Солвал так не желает! Красивой жизни жаждет Солвал!...»

Отойдя от Солвала, Ванька Дровосек о чём-то горячо говорил с человеком в полушубке, то размахивая руками, то озорно улыбаясь. О чём он говорил – было не слышно. Но глаза строгого в полушубке очень потеплели. В этот миг чем-то он был похож на шамана Яксу, когда тот поучал, остерегая от неверного шага.

Долго потом журил Ванька Дровосек своего приятеля за сочувствие «классовому врагу» – старшине. Он старался объяснить, что старшина не только не хотел добровольно уступить революции власть, но и оказал вооружённое сопротивление. А потом вместе с купцами, попами, чиновниками старой администрации принимал участие в подготовке мятежа против революции. Увидев, что до приятеля не всё доходит, Ванька Дровосек в меру своих сил старался втолковать «язычнику», что в стране произошла революция и у власти теперь будут не мансийские старшины и не русские богачи, а бедняки, такие, как Ванька Дровосек или как бывший рабочий Тихон Сенькин, сосланный царём в ссылку за то, что он боролся за хорошую жизнь бедных.

В Берёзове он и возглавляет Совдеп – Совет рабочих и солдатских депутатов. И хотя он с виду не богатырь – сила у него немалая: пятьсот сердец, пятьсот человек объединились в Рабочий союз. И это – революционный кулак Сенькина!

Синие духи дыма струились, летали. Их стало больше, чем в тот момент, когда вошёл Солвал. Стало больше и народу. Они говорили, говорили, говорили... Их было не понять, как и великих шаманов. Их можно было только чувствовать, как и великих шаманов. О чём-то светлом и радостном ведали эти люди в ветхой одежке с узорами смолы и копоты, будто они собрались на пир по случаю окончания удачной летней путины.

Под конец они все пели хором, как счастливые весенние птицы пели:

*Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый...*

Солвал не был тупицей. Но мир, в котором он рос, был настолько далёк, что всё это он воспринимал как священнодействие нового, не ведомого ещё никому шамана.

В ДОРОГЕ

Солвал и Потепка ехали на лошадях, мчались на оленях, тащились на собаках, шли пешком. Даже за пушистый мех не всякий хотел везти странных путников, отправившихся невесть куда в такое тревожное время. Поэтому нередко от одного дымка до другого приходилось надеяться лишь на свои ноги. А ноги охотника – два выносливых оленя. Пушистый снег – не пушистый мех. Но оленю не страшен сугроб. И тайга дремучая ему не страшна. И белая снежная равнина, бескрайняя снежная даль под ноги стелется – шагать вперед зовёт.

Для того и снег, чтоб скрипеть под ногами путника. Для того и земля, чтоб шагал по ней человек и открывал для себя святую тайну. А в каждом уголке земли великой – своя маленькая и большая тайна. А для манси на земле слишком много тайны. Солвал и Потепка шли, чтобы разгадать её маленькую загадку: что происходит на земле и с кем манси быть, как вести себя?

Солвал и Потепка продвигались вверх по Оби.

...Ещё в сказочные времена задумывались манси: «Кто же живёт в верховье великой реки? Какие там люди? Не съездить ли нам туда?».

Собрались люди, поехали. На лодках вверх по Оби поплыли. Видят: по сверкающей глади реки плывут плоты. На всю реку плоты. «Кто их сделал? – думают они. – Наверно, великаны какие-то?»

Припасы кончились. Голодать стали.

– Хватит, – говорят. – Вернёмся назад. Пусть двое едут, смотрят землю. Много ли им, двоим, пищи надо!

Снарядили двоих, а остальные отправились обратно. Плывут два манси, смотрят землю, реку, небо. А плоты, как тучи, плывут и плывут. Кажется, ещё больше становятся. Однажды слышат звон топора. Видят: мужик что-то рубит. Только он какой-то необыкновенный. Высокий и большой. Тело у него в шерсти, будто беличий мех на нём. Сам голый. Видно, от жары одежду скинул. Лишь у пояса тряпочка.

– У, какой великан. Может, это менкв?! – говорит один. – Страшно даже смотреть! Не повернуть ли нам назад?

– Обь смотреть плыли, вести привезти ехали, – говорит другой, – вернуться назад?! Что нам скажут люди? Кто с полдороги раз вернулся, тому никогда больше не увидать счастливого пути!..

Подъехали к берегу. Один остался в лодке, другой пошёл к великану.

– Пася, дедушка! – кланяется манси.

– Здравствуй, здравствуй, внучек! Что это твой приятель не выходит из лодки? Вы меня уж не бойтесь! Хотя мой отец и менкв – злой Лесной дух, но я люблю топор и труд, а не человеческое мясо. Не трогаю я людей.

Вышел из лодки и второй манси.

– Вы куда это путь держите? – спрашивает великан.

– Мы едем смотреть верховья Оби. Все манси хотят знать: кто живёт в начале нашей великой северной реки, какими людьми облюбованы её песчаные да лесистые берега.

– Здесь и дальше людей нет. Мы, менквы, хозяйничаем. Что это вы так долго ехали? За три дня до этого я уже почувствовал, что вы на лодочке плывёте. Мы эту Обь в два шага перешагиваем... Вы уж дальше не ходите! Возвращайтесь к своему берегу и передайте: в верховье Оби злые лесные духи живут, людоеды хозяйничают, – говорит добрый великан, протягивая что-то большое пришельцам. – Берите, не стесняйтесь, ешьте! Это я кусочек мяса на обед брал...

– Ну и кусочек! – вздыхают оба. – До лодки не дотащишь, за неделю бедному человеку не съесть!

«Как это мы возвратимся назад? Для чего тогда нас посылали? Может, пойдём в их деревню, посмотрим их дома, узнаем, как они живут?» – задумываются манси.

– Внучата вы мои! Не послушаетесь – пожалеете! Пойдёте – не возвратитесь: не отпустят они вас, убьют.

А человек хочет знать. Что за деревьями – хочет он знать! Что за рекою – хочет он знать! Что за горами – хочет он знать! Что в небесах – хочет он знать! Что под водой – хочет он знать! И манси поехали дальше.

Долго ли, коротко ли ехали – увидели деревню. Дома большие, выше деревьев. Пристали. Зашли в один из них. Из угла в угол великан ходит.

– Па! Па! – восклицает он, поглаживая бороду, похожую на веник. – Па! Па! Таёжные птички прилетели.

Растопляет он каменную печь. Напевая песенку, поглядывает на пришельцев. Когда пламя разыгралось, он хватается одного из путешественников, переламывает ему спину – и в печь. Долго ли, коротко ли жарил – вытащил свою жертву из печи, очистил от копоти и, чавкая, жадно стал есть.

Второй манси был ни жив ни мёртв. Своими глазами он видел ужас, своими ушами он слышал стон человека и звериный лязг зубов людоеда, своей живой душой он пережил смерть товарища. И за одно это мгновение он пережил семь смертей и семь раз воскресал. Семь раз был в тёмном подземелье – могильном царстве

страданий и ужаса, семь раз мысленно возвращался в родной мансийский край, где плещет жизнь. И не одну думу передумал! И не одну истину успел понять!

А между тем людоед молвил:

– Сердце моё насытилось. Того завтра съем!

Свалился на нары, захрапел.

А манси тем временем – к двери. Дверь большая, тяжёлая. Толкает её, толкает – никак не открыть. Наконец появилась щель. Еле выкарабкался из неё. И бежать к лодке.

Оттолкнулся от берега и по течению поплыл. Доплыл до доброго великана. Тот спрашивает:

– А где же твой приятель?

– Его убили! – отвечает манси.

– Я же говорил, какой ужас ждёт рискнувших узнать больше себя.

Этот манси добрался до дому. Он и рассказал, что в верховьях Оби нет людей. Там одни людоеды-менквы живут.

А земля, как в сказочные времена, дышала невероятными слухами. Вести чёрные неслись по земле быстрее вьюги чёрной. Чем дальше – тем тревожнее становились они. И Солвалу казалось, что чёрные духи где-то совсем рядом, и вот-вот что-то произойдёт прямо перед его глазами, и его таёжный ум прозреет, и наконец-то он сможет принести народу своему весть, достойную правды, увиденную своими глазами, понятую своим сердцем.

Но недалеко от Белогорья Потепка исчез. Вместе с ним исчез и мешок с мехами. Солвал остался ни с чем. Но решил не ворочаться назад, пока не узнает, что «представляет из себя Революца», какой это дух и где правда... Пришлось продать узористые кисы и белую парку с нежным мехом молодого оленя.

Часто голодал. Нанимался на несколько дней на работу к какому-нибудь зажиточному, зарабатывал кусок хлеба, мяса или рыбы и шёл дальше.

Он знал предания, как много веков назад посланники манси ходили пешком даже до самой Москвы и решали с царём волнующие народ вопросы.

Почему исчез Потепка, Солвал не ведал. В последнее время ему казалось, что он пытался с ним поссориться. Но Солвал не шёл на ссору. Знал: не за этим послали люди. В каждом новом стойбище, в каждой деревне, хантыйской или мансийской, Потепка выдавал себя за великого шамана, требовал жертвоприношения... То прикидывался певцом и танцором, то важным и прозорливым всевидящим, которому народ доверил «своими глазами прозреть мир и принести народу правду».

А в небольших деревеньках, где дома были одни старики, жен-

щины и дети, он прикидывался сказочным героем Эква-пыгрисем и даже сыном бога – самим Мирсуснэхумом.

Он устраивал камлания, каких Солвал ещё не видывал. Когда не помогал бубен и люди оставались равнодушными, он творил невообразимое. Выворачивал нижние и верхние веки, красными глазами глядел на каждого усомнившегося... Глотал кольца и согнутые железные гвозди. Через нос просовывал тесёмку из оленьей кишки. Вытащив её через рот, завязывал концы наподобие петли, заставлял таскать себя вокруг огня... Делал вид, что ткнул себя ножом в живот, и тут же показывал на ладонях кровь... А порой накладывал на горло петлю из верёвки, заставлял четырёх мужиков душить себя. Сам притворялся на время умершим. Потом вскакивал и перед возбуждёнными и удивлёнными людьми снова продолжал своё кровавое священнодействие. Испуганные люди несли страшному волшебнику всё, что есть.

Немало прошёл с ним Солвал. И от его пытливого взгляда не ускользнуло, что эти штучки он выделял не для того, чтобы задобрить духов и улучшить жизнь людей. Он видел, что Потепка заботится, чтобы больше стало в его мешке. Да и перед ним он уже не играл волшебника, а порой откровенно говорил о цели своих проделок. В отличие от шамана Яксы Потепка считал, что люди глупы, они боятся даже своей тени, не только духов. И поэтому их надо, мол, больше страшать.

«Если научишься делаться страшным, непохожим на людей, то будешь великим шаманом и богатым человеком! – говорил он. – Если понадеешься на один свой ум и священные слова, которым тебя учил Якса, – не многого достигнешь!..»

Солвал видел, как по утрам Потепка приводил себя в «волшебное состояние». Нет! Он не духам молился! Он прыгал, как необъезженный конь, извивался всем телом, как скользкий налим, летал на ногах, ходил на руках. Шевелил бровями и ушами, расширял ноздри и ледяными глазами долго-долго глядел в одну точку...

Не забывал и слово. Священные молитвы старался произнести по-своему. Долго над одним словом возился. Он говорил – как щёлкал орехи. Пока скорлупа не лопнет – он не бросит орешек. Пока слово не приобретёт волшебной певучести, он не перестанет им играть...

Был у него и пятиструнный санквалтап. На нём он тоже каждый день играл... И про голос свой он не забывал... Он пел песни. Одни из них невозможно было понять. Другие песни простые, с обыкновенными мансийскими словами и мелодией.

– Где ты научился всему этому? – спрашивал его Солвал.

– На земле, а не на небе, – отвечал он. – В каждом крае земли –

свои шаманы. У каждого шамана – свои тайны и хитрости. Я много ездил по земле, много узнал, выпытал...

Потепка ругал старого шамана Яксу. Поносил его за высокомерие к нему, твердил, что Якса бездарен, что он не может даже глотать кольца и извиваться в танце, а надеется лишь на силу волшебных слов да на мягкую душу манси.

Он рассказал случаи, как Якса беспомощно, неумело «творил чудеса», бессовестно обманывал людей.

Солвала возмущала откровенная наглость Потепки. Было больно за Яксу, который с таким вниманием отнёсся к нему, совсем ещё молодому и бедному. Ему было жаль своего учителя. Но после всего увиденного и услышанного он уже не мог бы боготворить великого Яксу, стал задумываться о шаманах.

Много увидели глаза Солвала. Многому он в этой дальней дороге удивился. Но это?!

...Человек убил человека. Убил, не вздрогнув. Будто раздавил комара. Человек убил человека и вынул сердце. Живое сердце ёжилось в его больших руках. Дрожало, как на морозе. Плакало сердце. Красными слезами заливалось. Не задумывался он над красными слезами, которыми истекало сердце. Нет!

Человек вонзил в живое тело другого человека отточенную сталь штыка. И теперь уже не на грязной ладони корчилось сердце, а на горячем лезвии. Он поднял своё чудовищное железо над головой и пустился в пляс.

Он хохотал, как счастливый весенний халей⁹. Руки его в горячей крови, а он почему-то был бесконечно весел.

Нет! Это было не похоже на человека!

И даже на зверя не похоже! Зверь плясать не будет. Не посмеётся он над смертью. Кровь попьёт, насытит чрево и поплетётся восвояси.

Убьёт охотник росомаху. И за кровь пролитую он извинения попросит. За жизнь, отнятую у злого зверя, он прошепчет молитву. И хотя он не устроит игрище искуплений, он с почтением положит шкуру низведённой росомахи в священный ящик, где хранятся идолы богов.

Росомаха – зверь зверей. Не от неё происходят люди. Но росомаха – младший брат медведя. А медведь – таёжный дух – людям очень близок. У всех одна на свете радость – жизнь. Разве можно так жестоко отнимать святую радость?! Корчилось сердце человека на лезвии штыка. Чудовище с лицом человека винтовкой размахивало, бешено хохотало, плясало.

– Кто это?! – вскрикнул Солвал.

– Белый! – прошептал сосед.

⁹ Халей – большая чайка. Она промышляет у сетей рыбаков, портит попавшую в сеть рыбу.

А соседей было много. Всех согнали на берег большой реки. Там стояла большая огненная лодка – пароход. В этой огненной лодке люди с ружьями ходили. «Нет большой охоты летом. Зачем же тогда оружие людям? Неужели на земле стало мало зверей пушистых? Зачем же люди стали охотиться друг за другом? Неужели весело глядеть, как разрывают грудь и вынимают сердце?! К чему это игрище затеяно?! Неужели боги так упали, что стали просить в жертву человека?!» – думал в смятении Солвал. Резвыми оленями скакали мысли, копытами острыми стучались в душу, давили сердце тяжёлыми полозьями...

Сияло солнце. Но не в глазах. Сияло солнце на штыках. В каждом доме таёжного селения в это утро сияло солнце на штыках. Из каждого дома выводили мужчин и гнали на берег. Кого-то в огненную лодку сажали, кого-то в воду бросали, кому-то сердце вырывали, а потом плясали...

– У кого вырывают сердце? – спросил со слезами в голосе Солвал у соседа.

– У красных! – прошептал тот.

Раньше Солвал знал про белого и чёрного духа. Но почему добрый белый дух стал злым и коварным?!

Может, мир перевернулся?! Может, начался священный потоп?! А может, у русских просто свои понятия?!

– Кого вталкивают в пароход?! За что?!

– Он помогал красным.

– Кого бросили в воду?!

– Красного!

– За что?!

– Он хорошей жизни хотел!..

– Разве это плохо?!

Солвал мечтал о хорошей богатой жизни. Длинные вечерние думы были длиннее зимнего вечера. Сладкие утренние сны были слаще спелой морошки. Снилось ему жизнь светлая, как весеннее утро, богатая, как рыбистое лето. Богатой жизни хотел бедный Солвал... Неужели за это и его схватят и под огонь железа поставят?!

И его схватили. За что?! Не понял этого Солвал. То ли за то, что хотел заступиться за женщину, которую волокли по земле два пьяных чудовища с железными руками, то ли за то, что крикнул какое-то слово, не понравившееся им.

...Его втолкнули в тёмный трюм. Прокатившись куда-то вниз, он стукнулся обо что-то твёрдое и скользкое. От удара на мгновение потерял сознание. Но скоро стал приходить в себя.

Нет, до «себя» ему было ещё далеко. Он был в каком-то странном состоянии. Ему казалось, что он уже на том свете. В душе его жили видения тёмного царства – царства мёртвых. Чуть заметно

колыхались тени. Чьи-то стоны и вздохи. Кто-то пел – как будто плакал. Кто-то плакал и шептал страшным шёпотом могилы...

«Будьте милостивы к мёртвым – так гласит одно предание. – Чтите память вдаль ушедших, помня, что в тёмном царстве тени их живут и помнят вас, оставшихся на земле. Чтите память ушедших, поминайте в чумах чаще, соблюдайте все законы, и тогда народ не вымрет...»

Свято соблюдают манси заветы дедов. Кладут в могилу посуду для еды, одежду, лук и стрелы. Всё, что нужно человеку на этом свете, то и должно быть там: нитки, шило, трут и кремь, сети, нарта, острый нож.

«А меня не так похоронили, – мелькнуло в мыслях Солвала. – Ничего у меня не будет! Неужели душа моя исчезнет бесследно?!» И как бы в ответ он слышал вещей голос шамана Яксы: «Будьте милостивы к мёртвым, смерть и вас на перепутьях караулит терпеливо... Всё рождённое не вечно, всё умрёт, и день вчерашний не придёт и не вернётся... Только сильные шаманы вновь рождаются, приходят, но в других уже личинах, под другими именами...»

Тяжёлый комок подкатил к горлу. Слезы зависти к живущим душили его. Ему было жаль расставаться с жизнью. Ведь он лишь одним глазом увидел солнце. Человеком ещё не почувствовал себя. Не стал настоящим шаманом...

Голос Яксы таинственно исчез. Нет! Никакого Яксы и не было. Это просто его слова, запавшие в душу, в нём на миг проснулись и снова уснули.

...А в тёмном царстве было душно и жарко. Пахло навозом. Чувствовалось движение чьих-то теней, раздавались чьи-то вздохи и стоны.

СОН МИРСУСНЭХУМА

...Туча чёрная закрыла золотой глаз солнца. Ветер – мужик на звонкой нарте – проехался по туче. А потом, надув щёки, начал дуть на неё с краю. Чёрная туча дрогнула и тихо двинулась в сторону, где снег рождается.

«Э-гэ-гэ!» – крикнул ветер на своих оленей и помчался вслед.

Когда хореом гнал оленей – тогда молнии сверкали. Когда быстро мчались нарты – тогда гром гремел. Уставали когда они – туча плакала дождём. Мирсуснэхум не слышал грома, не чуял ветра и дождя. Он спал богатырским сном и видел вещей сон. Будто у огня сидит старец. В руках у него бубен и колотушка. Под ритмичный звон бубна он такие слова говорит:

– Я вижу, о чём ты думаешь, я знаю, что ты хочешь сказать. Я твою душу читаю как книгу белую. Только мне никакой книги

не надо. Я так всё помню. Много лет прожил я на свете и мудрость копил, как некоторые копят монеты.

Слушай, – продолжал старец, – в твоей душе глубокой я вижу духа. Но дух тот ещё не созрел. В твоей душе белый дух воюет с чёрным. Белый дух – добрый дух. Чёрный дух – нежелание делать доброе живущим. И теперь ты на распутье двух дорог жизни.

Слушай, сын мой, – продолжал он, – запомни, что тебе скажу. Изгони из сердца слабость, не бойся испытаний как храбрый воин. Валяться на шкурах в чуме, есть оленину и рыбу, запивать всё тёплой кровью – и глупец умеет. Лишь тот, кто выберет дальнюю дорогу и пойдёт вслед за мечтой, кто дерзнёт похитить тайну, скрытую от живущих, тот имя доброе заслужит.

Собирайся в дальнюю дорогу. Побывай в Нижнем мире – в царстве теней. Там хозяйничает злой Куль. Души людей умерших в его власти. Послушай мёртвых. Ты, Мирсуснэхум, можешь видеть мир насквозь. Но если твои глаза будут скользить лишь по вещам, равнодушно пройдут мимо горя, то какая цена твоему громкому имени?! Если сердце твоё примет чужую боль как свою и, наполнив мысль пережитым, будет искать исцеления других – богатырём можешь стать. Иди, борись с врагом людей – менквом. Поднимись в Верхний мир – на небо. И всё расскажи небесному отцу Торуму.

В этом великом подвиге ты не бойся смерти. При встрече с Торумом держись смело. «Бог велик – ничтожны люди» – так обычно говорят. Но кто первым из живущих войдёт в небо, перед ним боги бессильны. Кто заслужит бессмертие, тот будет подобен богу. Воспользуйся этим не для себя, а для народа. Пусть он укажет путь к счастью.

Хватит спать. Просыпайся. Колыбель свою – дом отцов, родную речку – вспомни. Подыши настоящим детством, но долго в нём не оставайся. Собирайся в дальнюю дорогу...

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

Из толстого и высокого кедра вырубил Мирсуснэхум лёгкую лодочку-калданку. Весло с узором вырезал. Сел на калданку, как рыбак, и поплыл вниз по течению.

Плывёт он по Оби. Волны плещутся, скачут белыми песцами, рычат росомахами. В одном месте он увидел великую заводь. Там вода кружится, будто кипит. Пролетит случайно над заводью птица – её закружит, завертит, и белая пучина вмиг её проглатывает. Подойдёт к тому берегу зверь – и его втягивает прожорливая заводь...

Не миновал её и Мирсуснэхум. Закрутило его лодочку. Миг – и он был уже в Нижнем мире, в царстве теней. Там было не темно. Нет! Там мгла белёсая лежала. Будто вечная белая ночь замерла

над тихими реками и озёрами. На болоте паслись олени без охраны, мох торопливо искали. Их рога колыхались, как кустарник в сильный ветер. Возле речки на поляне вился дымок костра. Чум пустой стоял, две тощие лайки смотрели грустными глазами.

В молчании напряжённом Мирсуснэхум чувствовал движение, трепетание чьих-то крыльев, кто-то пел тоскливо. И до его слуха доносилось:

«Моя молитва собольим мехом уже не стелется. Мои глаза высохли, как осенние реки, я уже не могу плакать слезами. Пришелец с живой земли, выслушай мой замирающий стон.

Два начала на земле – это волки и олени. Зло с добром, как волк с оленем, всегда враждуют. Волка кормят волчьи ноги, и зубы у него, как железо, охраняют волчье логово. Олень же беззащитен, как простой рыбак перед купцом, как охотник перед сборщиком ясака. Осетра в сажень берёт купец за медную копейку. А ясак... вспомнить страшно! Десять соболей с живой души, да ещё «на поминки», да ещё для «поклона царю белому»... Наши лучшие угоды отобрали, сменив на бутылки огненной злой воды. Обложили наши дымы данью. Чёрной птицей пролетела смерть, посылая нам болезни.

– Горе! Горе! – причитали грустным шёпотом в народе.

«Горе! Горе!» – лес скрипел.

«Горе! Горе!» – стонали птицы.

«Горе! Горе!» – рыдали звери.

«Горе! Горе!» – шептали рыбы.

Жутко стало Мирсуснэхуму от этой песни и равнины с мёртвым мраком. Захотелось ему увидеть родную землю, послушать нежный плеск волн живых.

Но не скоро пришлось ему увидеть это. Долго он ещё был в царстве теней. Много ему ещё привелось испытать.

Однажды захотел он есть. А в реках подземелья так же плещется рыба. её так же ловят. Неводами, сетями, кривдой ловят. Всё тем же занимаются души умерших, что и на земле, да только печальнее они и грустнее. Порыбачат, намёрзнутся – и к костру. А над костром висит большущий прокопчённый котёл. В нём уха варится.

«Вот бы душистой ухи поесть!» – думает Мирсуснэхум. Тени мелькают перед ним, приглашают садиться за столик низенький, быть гостем просят.

Садится Мирсуснэхум, берёт кусочек рыбы, жуёт, жуёт – никак не прожевать. Смотрит: трава зелёная. Берёт другой кусок. С виду жирный и свежий такой – пожует, смотрит – трава. А уха – как гнилая болотистая вода. Мертвечиной пахнет...

– Вот такой едой питаемся! – стонет кто-то. – Куль – царь подземелья – так вот издевается над нами. На земле не сладко было... А здесь... разве солёным плачем передашь?!

Комариным писком пищат тени. Комариным роем шумят. И молитвы стелются ниже травы, мягче собольего меха. Мольба. Стон. Плач...

С тяжёлым сердцем уходил Мирсуснэхум с этого места. Он шёл в дом Куля. А дом Куля находился в тёмном каменном ущелье. Вздохнёт Куль – тянет Мирсуснэхума в ущелье, выдохнет – назад относит.

«Не съест ли и меня? – думает Мирсуснэхум. – Может, вернуться назад? Но как же быть тогда с моим именем?! Нет, надо его увидеть! Узнать его слабости надо!..»

Добрался Мирсуснэхум до жилья царя подземелья. Вошёл в дом – а там светлым-светло: на стене висит луна, на потолке – солнце. На мягких шкурах лежит Куль. Дышит как курит: из носа и рта вылетают искры. Будто горячий газ выдыхает. Душный газ, смрадный газ. «Откуда у него луна и солнце? Неужели он их стащил, пока я странствовал? Как будут жить люди без солнца?!» – забеспокоился Мирсуснэхум.

– Ты зачем пришёл сюда? – спрашивает Куль, продолжая лежать.

– Хочу что-то спросить.

– Что ты хочешь спросить?

– А почему у тебя так много комаров? – как бы между прочим проговорил Мирсуснэхум. – В твоём царстве их много, а на земле жужжат, кусаются, жизни от них нет... Убери ты их!..

– А как же я без крови буду жить? Ведь это мои духи! Моя жизнь!..

Помолчал немножко. Потом, ухмыляясь, тянет:

– Наконец-то я зажил: солнце и луна в моих руках. Я их сегодня утащил. На земле вашей теперь темно. Затмение. Солнечное и лунное затмение. И работают там мои духи! Коровы режут, лошади ржут. Даже звери стонут. А люди? О них и говорить нечего. Эх! Хорошее время для Куля наступило. Вы все теперь в моей власти!..

Пока Куль бахвалился, Мирсуснэхум вытащил из кармана табакерку. И как только тот поднял на него красные глаза, он дунул в них терпкого табаку. Оба глаза Куля табаком запорошены, оба глаза злого духа смотреть не могут!

Схватил Мирсуснэхум солнце и луну – и бежать из подземелья. Куль за ним погнался. Вот-вот догонит злой дух. Тогда он оборачивается в железного ястреба, а Куль – в чайку.

Летит Мирсуснэхум к проходу в Средний мир – к небольшому отверстию, которое находится между корней золотой берёзы, что растёт на горе у истока Оби.

Чуть его не схватил Куль – да был он уже в Среднем мире, из-под ветвей золотой берёзы выплывало золотое солнце. И луна на краешке неба повисла. Не успел Куль схватить Мирсуснэхума в

своём царстве, в мрачном подземелье, а на земле он той силы уже не имел. Да и Торум уже обнажил свой сверкающий меч.

Куль заплакал:

– Вы будете жить в светлом месте, а я опять – в темноте! Души людей ко мне будут попадать – и пусть тоже в темноте будут.

– Ну, тогда я полсолнца дам, – говорит Торум сверху.

– Какой свет от половины солнца!..

– А не хочешь – так живи совсем в темноте!

Земля под солнцем снова заулыбалась серебряной улыбкой рек, зелёной улыбкой леса, голубой улыбкой лазурного неба. Коровы успокоились, мирно щипали траву. Лошади изредка помахивали хвостами, отгоняя оставшихся комаров, которые не успели спрятаться в тень от ярких лучей солнца. На ветвях кедров плясали белки, птицы щёлкали, рыбы плескались.

Земля опять пела вечную песню жизни.

Но людям и под солнцем было нелегко... Живущих ожидала тяжкая участь мёртвых...

Солвал будто очнулся от страшного сна. Он вскочил. Голова его стукнулась о что-то твёрдое. Откуда-то сверху ползла струйка света. Она прорезала мрак. Солвал видел уже чьи-то тени. Не во сне, а наяву. И стоны, и вздохи были тоже наяву. В этом мраке были люди, а не тени мертвецов.

«Но зачем их заточили?» – чуть не вскрикнул Солвал.

Ощувив рядом лесенку, он пополз вверх, туда, где был свет. Он огляделся вокруг.

Да, это были люди. Скоро Солвал стал их различать. Одни сидели, другие лежали. Одни молчали, другие стонали. И лица у них странные, будто разрисованные красной и синей краской. Словно они только что с Медвежьего игрища, где нарочно разукрасили себя, чтобы духи не узнали их. Но с Медвежьего игрища никого не замуровывают в такую яму, где душный полумрак и пахнет навозом. А одежда у них разодрана.

Смотрит Солвал и глазам своим не верит: перед ним лежит Ванька Дровосек. Лицо его тоже разукрашено, но его всё же можно узнать. Это его волосы. Золотистые, как пожелтевшая осенняя трава. Это его лицо – широкое, с веснушками. Это его русский нос, его брови. Только под глазом у него ещё одна скула. Синяя, жирная скула. Такой скулы у Ваньки Дровосека не было. И кровавого родимого пятна, что на всю шею расплылось, у приятеля не было. И Ванька не может быть здесь. Теперь он уже не батрак. Весёлая жизнь у него началась. Не может быть здесь Ванька Дровосек! Это опять ему кажется!

Но человек перед ним вдруг застонал, зашевелился, открыл глаза. Это были его глаза. Озорные глаза Ваньки Дровосека. Только спросонья они ещё ничего не видели в полумраке. А Солвал видел.

– Ванька! – вскрикнул Солвал, радуясь встрече.

Внезапным выстрелом, громом прозвучал этот возглас. Все встрепенулись, повернулись к нему. А Ванька Дровосек преобразился. Он словно из другого мира вырвался и принял свой обычный облик.

– Пася, рума! – воскликнул он совсем как прежде. Будто не было этого полумрака, духоты и множества людей в одной яме.

– Ванька! – произнёс опять ласково Солвал, словно поздоровался с ним, словно удивился неожиданной встрече.

– А ты как сюда попал?! – тяжело поднимаясь, проговорил человек в кожаной куртке. Лицо его тоже было изуродовано. Но Солвал сразу признал в нём Революцу. Да, это был он, Сенькин! Председатель. Большевик...

В тот берёзовский вечер Солвал запомнил его, кажется, навек. Энергичное лицо, задумчивые, чуть усталые глаза...

Нет! Не это. Много раз он слышал это имя потом, в своей дальней дороге. В мансийских и хантыйских деревнях судачили всякое. Одни говорили, что это новый русский богатырь, который хочет изменить жизнь на Севере. Другие говорили, что он совсем не русский, а манси. Не простой манси, а древний. Это тот самый Эква-пыгрись, который вечно боролся с купцами и попами, который своим умом и находчивостью не раз побеждал даже самого Белого царя. Только Эква-пыгрись не был белым. Поэтому не мог стать вечным царём, добрым царём. И манси снова оставались бедными. Теперь Эква-пыгрись, наверно, стал ещё хитрей: он обернулся в русского богатыря, чтобы спасти все народы от царя.

– Не знаю, как сюда попал! – ответил Солвал. – Совсем не знаю!

Человек в кожаной куртке рассмеялся и каким-то пронизывающим взглядом посмотрел на странного манси.

В этот миг Солвалу показалось, что во взгляде этого человека есть что-то близкое и тайное. Он ему, манси, хочет что-то сказать. Но Эква-пыгрись никогда зря слова не вымолвит, не выдаст свою сокровенную тайну. Тем более, что здесь много чужих, непонятных людей... Лишь глаза его говорят... «Похож на Эква-пыгрися», – окончательно утвердился в своей мысли Солвал.

Эква-пыгрись никогда не унывал. В любой обстановке шутил, смеялся. Из любой ямы вылезал, из любой западни уходил...

Слышно было, как о борт баржи бились волны, журчали и звенели струи воды. А на палубе иногда раздавался топот. Будто кони стучали копытами. Но ржания не было. На коней это не похоже. Порою что-то там кричали...

Совсем рядом была жизнь. Живая, настоящая...

«Разве трудно уйти волшебному богатырю из такой небольшой ямы, когда рядом настоящая жизнь», – думал Солвал. Вспомнил он сказки, как Эква-пыгрись уходил от смерти, от своих врагов.

...Однажды царь приказал казнить Эква-пыгрися. Слуги схватили его, втолкнули в кожаный мешок, повезли в церковь, чтобы там казнить. Вся надежда была лишь на священный дом, где духи языческие не смогут помочь Эква-пыгрису. А то из других мест, как это случалось уже не раз, он убегал. Все думали, что ему нечистая сила – дух – помогала. Привезли его в церковь. Бросили мешок в угол. Поп куда-то торопился.

– Завтра будем казнить! – сказал он и запер железную дверь на замок. Утром пришёл поп. Слышит: в мешке что-то звенит.

– Что ты там делаешь? – спросил он.

– Деньги считаю, золото перебираю.

– Какое золото?!

– Полезай в мешок. Сам увидишь. Чем больше сижу – тем больше денег...

Не даёт попу покоя звон золота. Захотелось ему заглянуть в мешок.

Развязывает он тугой узел, всматривается, шарит глазами.

– Ты не глазами, а руками... Золото со дна мешка течёт, – говорит Эква-пыгрись. – Залезай сюда...

Не удержался поп. Полез.

– Куда лезешь! – ругается Эква-пыгрись. – Дай мне выбраться. А потом считай сколько хочешь!..

Выкарабкался Эква-пыгрись. А когда нетерпеливый поп сунул голову в мешок, он втолкнул его и завязал на крепкий узел. Снял Эква-пыгрись с ног кандалы, которыми звенел, как золотом. Нарядился в наряды попа и по сияющей церкви ходит. Между тем явились слуги царя.

– Казнить надо нечистого! Казнить! – молвил Эква-пыгрись.

И повелел он повесить мешок посреди церкви и бить дубинами. Бьют палачи, слуги царя, по мешку дубинами. Качается мешок, ревет. Палачи радуются, что наконец-то удалось им казнить неуловимого манси.

А Эква-пыгрись стоит в сторонке и посмеивается над жадным попом, незадачливыми слугами и над самим царём...

Не раз волшебного Эква-пыгрися хотели сжечь на костре – он уходил. Не раз его бросали в кипящий котёл со смолою – он оставался живым. И в яму глубокую замуровывали – оттуда выкарабкался и снова боролся с попами, купцами, старшинами, с царём...

«И отсюда уйдёт, – смекал про себя Солвал. – Глаза у него во какие: насквозь видят!»

Человек в кожаной куртке расспрашивал Солвала о жизни в мансийской деревне. Интересовался рыбаками и охотниками, но не осетрами и соболями. Его пытливый ум хотел знать не об оленях, а об оленеводах. На шамана был похож этот странный русский. Но о шаманах он говорил осторожно, почти с неприязнью...

Не сразу, но скоро Солвал это почувствовал. Ему было обидно за себя. Ведь он мечтал стать шаманом. А этот хороший русский человек таким тоном говорил о властителях мансийских душ!..

И в этом он был похож на Эква-пыгрися, который своей простотой, смекалкой и хитростью не раз побеждал шаманов – земных служителей богов.

МЕДНЫЕ ВОРОТА ¹⁰

В небе звёзды летают. Над землёй птицы летают. Почему бы и человеку не летать?! Ведь интересно же знать, что за пятна на луне: то ли это горы, то ли моря, то ли силуэты мальчиков с берестяными ведёрками, как повествует об этом сказка.

Нет у человека крыльев – можно выковать из железа коня с крыльями.

Пошёл Мирсуснэхум к кузнецу и говорит: «Скуй мне коня, чтоб у него было семь железных крыльев».

Такого коня кузнец сковал. Сел Мирсуснэхум на коня и полетел. Чуть оторвётся конь от земли – набок клонится. Невозможно лететь. Привёл его обратно и говорит кузнецу:

– Сделай по-другому. Восьмикрылого коня мне сделай.

Кузнец выковал восьмое крыло.

Сел Мирсуснэхум на восьмикрылого коня и полетел. Быстрее птицы летит, быстрее ветра летит, и вся земля перед глазами стелется, и серебряные чаши озёр, и зелёные шкуры леса, и голубые ниточки рек увидел сверху Мирсуснэхум. Хорошо ходить по земле, наслаждаться её красотой. Но издревле человек летал и стремился почувствовать Вселенную.

Долго ли, коротко ли летел Мирсуснэхум в сторону, где солнце спать ложится, кто ведаёт. Однажды он увидел высокую небесную стену. Но не стал он удивляться ни зубчатой стене, ни столбам, обитым медью, у которых сходились тяжёлые ворота на крепких железных петлях. Видел он это в первый раз в жизни. Но старался не показывать виду: боги высокомерны, насмешливы. Заметят – засмеют. Железного коня в карман положил. Подошёл к воротам, напрягая дух, постучал и крикнул громко:

– Отворите, кто здесь слышит!

За стеной высокой никто не отозвался. И не скрипнули ворота. Он крикнул ещё раз. Опять никто не ответил. Тогда в гнев поднял тамгу¹¹, которую бросил ему Торум, когда спас он солнце и луну.

---

¹⁰ Медные ворота – в легендах говорится, что у манси были в древности медные города.

¹¹ Тамга – клеймо, метка. В данном случае – знак свободного входа в царство Торума.

Семь раз ударил ею о медь и потребовал властно: «Отворите мне ворота!».

– Если ты дух, то зачем тебе ворота? – отвечал кто-то высокомерно. – Если пришёл смертный, то покажи тамгу. Только смертных я здесь никогда не видел. Лишь слышал издали их слезливые молитвы. Вечно они чем-то недовольны, эти трусы и лентяи.

– Мне удалось отобрать у Куля солнце и луну, которые он похитил у нашего небесного отца. Мне сам Торум дал тамгу.

– Ты прости меня, – взмолился хранитель входа, – эти ворота перед слабым человеком никогда не отворялись. Я вижу, ты и вправду богатырь!..

Поприветствовал его Мирсуснэхум и помчался счастливый к шатрам Торума. Сердце его пело, чувствуя близкую победу. Когда он опять вернётся в родную тайгу, на берега журчащих рек, он принесёт тамгу жизни. Только какой там будет жизнь? Может быть, там будут такие же города с высокими домами, каменными дворцами? Только зачем дворцам ворота, высокомерные привратники? Неужели и на земле должны быть владыки? Неужели и там владыки отгородятся медными воротами, высокими воротами от простых смертных?! И что будет на земле зелёной?!

БОГАТЫРСКОЕ ИМЯ

И вот наконец долгожданное мгновение настало. Мирсуснэхум увидел самого Владыку мира. Он сидел на нарте со спинкой из белой мамонтовой кости. Это был его трон. Рядом улыбалось солнце. И серебряная луна сверкала, как седая голова создателя Вселенной. В синей дымке благовоний, которыми дымились костры, мелькали духи. В окружении божественных духов восседал Торум на троне и правил миром. То один дух наклонялся к его уху и что-то шептал, то другой. То они хохотали, то хлопали в ладоши, то все падали к ногам Торума, то дружно чему-то кивали.

Не замеченный духами Мирсуснэхум с любопытством ребёнка наблюдал божественную жизнь.

Вот что услышал Мирсуснэхум.

– Здравствуй, Торум, наш Небесный отец! – кланяясь, говорил пришедший.

– Здравствуй, здравствуй, сынок!

– Дай мне богатырское имя.

– А что, и дам. Без имени – как без глаз. Ты многое сделал и первым пришёл. Тебе и дам.

Ещё о чём-то говорил Торум с важным слугой.

Потом пришедший трижды склонился к ногам Торума и счастливый пошёл прочь.

Дорожка к Владыке, наверно, никогда не зарастёт травой. Не успел уйти один – на пороге уже другой. Шапка у него вкривь надета. Видно, этот дух не знает, что шапка у него на голове криво сидит.

– Дай мне богатырское имя! – требует у Торума пришедший.

– Богатырское имя я уже отдал, а другого у меня нет.

– Я первый на своей земле. Первый и сюда пришёл. Отдай мне богатырское имя!

– Я же говорю, что отдал. Почему ты думаешь, что ты первый?

Но дух не унимается, всё просит и просит.

– Ладно! – говорит Торум. – Сейчас проверим, кто из вас достойнее. Его я видел по делам, – кивает он на первого. – А тебя ещё мало знаю. Раз так настаиваешь – и тебя испытаем.

Привели крылатого коня, которым владел Торум. Связали этих духов за волосы и положили на спину коня. Взмахнул Торум серебряной плетью, сказал вещие слова: «Кто из вас завизжит, тому не будет богатырского имени».

Возил, возил их конь, назойливый дух не выдержал, завизжал от боли. Владыка и говорит:

– Я же говорил, что нет у меня богатырского имени. А разве простое хуже? А может, труднее иметь простое честное имя?

Глазами ребёнка наблюдал Мирсуснэхум суетную небесную жизнь и с грустью думал о грядущем своей молодой земли.

А на ней будет всё.

И опять думал: богатыри или обыкновенные люди станут творцами на земле? А может, обыкновенные люди своими мозолистыми руками сотворят чудеса? И они, не требующие богатырского имени, сложат самые душевные песни, придумают сказки, музыку? Может, они и есть настоящие волшебники?

ДУХОВ ИЗБИРАЮТ

Человек не может жить без веры. Женщина верит в любовь. Мужчина – в удачу на охоте. Сын не предаст мать свою, как не предаст и родину. Дочь мечтает о счастье.

А в старину ещё верили духам. Дух по-мансийски – Пупыг. Пупыги бывают добрые и злые. Будто от них зависит здоровье, удача на промысле и даже счастье в любви. Духа глазами не разглядишь. Лишь образ его – деревянную куклу – ты можешь увидеть в сундуке манси, что стоит в священном углу дома.

Но духи всегда рядом с человеком. Так манси в старину думали. Они, как чиновники, разные должности занимают, разную силу имеют. Торум не вмешивается в жизнь людей. Он управляет миром с помощью своих наместников – легкокрылых Пупыг.

Но Пупыг не всемогущ. Каждую весну Пупыг уходит. Куда ухо-

дит? На небо. Пока кто-нибудь из людей не изберёт его своим. Пупыг – представитель неба на земле. Пупыг – посланник людей на небе. Их избирают, как в старину старшин избирали.

Всё можно было попросить через духов, всё потребовать; если нужен дождик свежий, чтобы росла молодая трава, – просят люди дождик; если рыба плохо ловится – требуют люди рыбы; если зверь не идёт в ловушку – просят помочь.

Если не справляется Пупыг со своими обязанностями, то его сгоняют раньше времени, до весны. С позором сгоняют! Идола не справившегося духа сжигают на костре, разрубая топором или бросают в воду.

Духам верили и не верили. Духам доверяли и не доверяли. Духов выбирали и убирали.

А сейчас? Никогда не гасла у человека вера!.. Только раньше он ждал помощи от духов... Неужели он не дожждётся её от людей?

ВЛАДЫКА СЛУШАЕТ МИРСУСНЭХУМА

Долго ли, коротко ли наблюдал Мирсуснэхум небесную жизнь, кто ведаёт. Да только очень устал от этой суеты. Решил скорее высказать свою просьбу – да и на землю.

– А это кто? – удивились духи, когда он подошёл поближе к трону.

– Я сын земли. Прошу Небесного отца выслушать меня, – с этими словами он встал на колени, выкладывая перед Торумом Белый йир, который он принёс как жертву.

– Пусть он встанет, – молвил Торум каким-то далёким-далёким голосом, обращаясь к своим духам.

«Неужели Владыка говорит с миром лишь через своих приближённых, через болтливых духов? – подумал Мирсуснэхум. – Ведь они могут закрыть ему глаза на правду».

– Встань, сын земли! – вскричали духи.

Растерялся было богатырь перед ними. Да их чванливость и грубость словно вдохнули в Мирсуснэхума силу.

И воскликнул он:

– Вы такие же, как я, слуги Владыки. Я вам равен. И отец Великий может говорить со мною так же, как с вами.

Переглянулись духи. Уставили молящие глаза свои на Торума. Ничего подобного они не слыхивали от смертных.

И бог заговорил. Он обвинял Мирсуснэхума в незнании законов, обычаев земли и неба, требовал убрать Белый йир: мол, Владыке не нужно подачек. И наконец назвал его безумцем и невежей.

А Мирсуснэхуму словно это и нужно было. Заговорил с ним сам Владыка. И никакой божественности! Даже досадно ему стало. «Кому, как не богу, быть рассудительным и мудрым? – подумал

Мирсуснэхум. – Кто, как не бог, может выслушать внимательно пришельца с несчастной земли? А он шумит...»

Мирсуснэхум встал и громко сказал, что он пришёл не как невежа, и не богатырское имя ему надо, а хочется ему знать: как избавить народы от горя и несчастий. И больно ему, сыну, что Отец печётся о каких-то обычаях, а важную весть о своих детях не хочет выслушать. Торум виноват в том, что на земле нет счастья.

Хозяиничает на земле Куль. Он на золотистых оленях скачет по небу – и гром гремит, молния сверкает, золотыми стрелами людей убивает. А комаров в тайге тьма-тьмущая. Кровопийцы они. Мучители людей и зверей. А что творит злой дух в царстве мёртвых, как он мучает души людей!..

И ни один помощник бога, ни один дух не осмелится вступить в борьбу с Кулем... И только он, Мирсуснэхум, спас луну и солнце. Не испугался и дальней дороги, первый из смертных достиг божественного жилья, первый принёс горькую правду о земле, а Отец Вселенной сердится, не хочет выслушать его.

Опустил виновато свою седую голову Торум. И, может быть, первый раз глубоко задумался: «А что происходит на земле?!».

ТОПАЛ-ОЙКА

В глубоком раздумье сидел Торум. Не обращал внимания на духа, который что-то шептал ему в ухо. А у того духа голова чуть стала лысеть. А на бородке три белые волосинки... Это был сам Топал-ойка. Большой это дух. Он с Торумом всегда рядом. Большая у него власть.

Наступает осень. Лёд застывает. Сколько в этот месяц можно рыбы добыть? О, не столько, сколько захочешь! Ведь река-то бездонная!

Торум Топал-ойке даёт бумагу, где написано: сколько рыбы отпущено на месяц ледостава. Даёт Отец Вселенной бумагу и говорит Топал-ойке: «А уж распределить между людьми – твоя воля. Сколько кому хочешь – столько и дашь!».

И весной, в месяц ледохода, Топал-ойка получает заветную бумагу. И в синий месяц ледохода он занят важными людскими делами. Золотую рыбу даёт одним, серебряную другим, крупную – одним, мелкую – другим. Знает дух: все хотят кушать. Знает дух и то: не у всех людей вкус одинаковый. Одним пожирнее, другим понежнее. Знает дух и то, что не все рыбы достойны. Силен и могуч Топал-ойка! Потому у него и имя такое. Ойка – это значит мужик. Но это не простой мужик, как вы все, наверно, уже поняли. Топал – другая сторона. Топал-ойка – потусторонний мужик! Вот какой Топал-ойка. Вот какой дух.

ВЛАДЫКА ОБЕЩАЕТ

Долго думал Торум, опустив голову. Наконец он молвил:

– Спасибо, сын мой, пумасипа! За подвиги твои – пумасипа! За горькую правду – пумасипа! Что думал – в глаза сказал, – пумасипа. Мои духи так не осмелились бы! Не затуманил мой ум красивой ложью – пумасипа! Где мои зоркие глаза, которые должны просматривать мир насквозь? Может, их от жизни земной отводят мои предприимчивые духи? Где мой острый слух, который должен слышать плач земли?! Может быть, уши мои оглушены суетливым жужжанием духов, окружающих меня?! Пумасипа, сын мой! Пумасипа, что задумался я!

Ты пришёл с земли просить защиты, и путь к счастью указать ты просишь. Ответ мой готов.

На пути ко мне ты проезжал царство теней, где души предков живут без врагов, нужды, болезней, отдыхают от тяжёлой земной жизни. Ты видел реки чистые с прозрачною водою; леса, полные зверей; тундру с оленями, чумы со спокойными дымками. Там ветра и мороза нет. Грома и молнии с огневыми стрелами нет. Там не воюют, как на земле. Нет там бедных и богатых. Души светлые ушедших все равны на том спокойном свете. Ты передай народам, что Владыка мира слышит слёзы всех живущих и обещает великую награду за страдания земные в царстве мёртвых!..

– Нет, такой ответ нам не нужен, – молвил печально Мирсуснэхум. – Какая радость может быть в царстве мёртвых! Разве это награда? Так и так они там будут, мои бедные народы... Такого «счастья» им не надо!

Опечалился Мирсуснэхум. Последняя его надежда рухнула.

– Я пойду, скажу народам, что на небе бога нет! Есть чванливые там духи... Я скажу: не верьте им! Не приносите больше в жертву ни лошадь белую, ни курицу живую. Не молитесь солнцу и огню. Вас никто нигде не слышит!.. Я пойду, скажу народам: «Думайте о своей судьбе сами!».

– Успокойся, сын мой, – молвил опять Торум. – Ты герой и богатырь. В смелом поединке ты победил Куля, вернув на небо яркие светила. Ты достоин первого богатырского имени. И я его даю тебе.

Но напоминаю, что и ты виновен в несчастьи людей. Ведь я отправил тебя в Средний мир, просил быть главою над всеми духами, что землёю правят. Но ты не исполнил мои заветы. В житейских мелочах забылся, как и твой брат Медведь. И духи без присмотра остались, творя порою неправый суд.

И ты скитался по земле и под землёю, нарушая часто законы жизни. Тебя спасало от вечного исчезновения лишь высокое божественное происхождение, да и имя моё громкое... Умерь свой пыл, сын мой! Успокойся!

Я тебя прощаю. Снова сыном называю. Имя громкое возвращаю. Отныне снова ты Мирсуснэхум – мой первый помощник, правитель земли, глава всех духов. Отвечай же: что надо делать на земле?

– Мирсуснэхум, Мирсуснэхум! – зашептались духи.

– Оказывается, жив он.

– Где же он пропадал?

– Почему его так долго не было?

– Может, не он?

Торум обнимается с сыном. Он-то уж знает, кто есть кто! И Мирсуснэхум словно переродился, смутные видения небесного детства ожили в его душе. И он потянулся к Отцу, и всё божественное в нём вновь проснулось, а земное – растаяло, как туман под взглядом жаркого солнца... В один миг позабыл и про молитвы землян, и про своё обещание принести на землю счастье.

«А почему боги не хотят дать людям счастье?» – задумался Солвал.

С молитвами обращались манси к Торуму. Не раз просили Мирсуснэхума поведать небу о горькой доле землян. Молили бога избавить народы от бед и несчастий. Выдумали сказку о восьмикрылом коне.

Человек в кожаной куртке расспрашивал и о мансийских богачах. Их можно пересчитать на пальцах. Немного было их, а Солвалу хотелось, чтобы все были богатыми. Не понимал он, почему хороший человек в кожаной куртке с такой желчью говорил о богатых. В этом он, правда, был схож с Эква-пыгрисем.

Солвал очень обрадовался, когда услышал, что и человек в кожаной куртке – новый русский богатырь – тоже хочет хорошей жизни. Только непонятно, почему его за это схватили и заперли в эту яму и куда-то везут. И Ваньку Дровосека, оказывается, тоже схватили за то, что он не захотел быть вечным батраком, а решил бороться, чтобы все были сытые и свободные...

Многое Солвалу казалось ещё туманом утренним. Лишь от слова к слову, которыми они так щедро обменивались, становилось ясно, что перед ним сам Эква-пыгрись. О нём много-много сказок.

Эква-пыгрись... Это не имя. Эква-пыгрись... Это значит: сын женщины, внук бабушки. У него нет ни отца, ни матери. Одна лишь бабушка, да и та старая-старая. В одних сказках он живёт в лесу, а в других – под горой в избушке, которая вот-вот свалится. А на горе хорошие дома стоят.

В ту деревню Эква-пыгрись бегаёт лишь играть да шалить. Эква-пыгрись – смелый, находчивый мальчик. Ничто не ускользнёт от его острого зрения, чуткого слуха.

Однажды сыновья богача возвращались с охоты.

– Знаешь, я нашёл дом священного зверя – берлогу нашёл. Пойдём завтра утром на медведя! – говорит один другому.

Услыхал это Эква-пыгрись и говорит им:

– Вы идёте завтра на медведя? Возьмите меня с собой!

– Какой из тебя охотник! Иди прочь! – смеются те.

Эква-пыгрись упрашивает их, умоляет. Один из них сжалился:

– Ладно, пусть идёт!

Обрадовался Эква-пыгрись, побежал к бабушке. А у неё дома валялась большая трёхгранная игла. Вычистил ржавчину, поточил – получилось копьё. В углу лежало ещё какое-то тупое железо. Поточил его – топор получился.

Рано утром, когда солнце только-только расплетало золотые косы, три охотника пошли в тайгу.

Как только из берлоги выскочил разбуженный медведь – зашверкали пятки братьев, и Эква-пыгрись остался один на один со зверем. Идёт зверь на него, Эква-пыгрись идёт на зверя. Заносит топор над головой – и ударяет соперника. Потом копьём острым колет. И лежит священный зверь у ног мальчишки.

Снял Эква-пыгрись с таёжного собрата шубу, уложил его в люльку из трёх черёмушких обручей, на нарту поставил и с восклицаниями таинственными, с криком звериным к городищу поскакал.

А там, услышав эти вещие звуки, обрадовались: «Одним добрым духом больше стало, одним зверем диким меньше стало!». Все бегут навстречу, снегом друг друга моют, водой плещутся; собаки лают, старики, как дети, играют...

А бабушка, счастливая бабушка, посреди улицы стоит и улыбается внуку, людям улыбается. Сыновья богача, хвастливые сыновья, за углами домов прячутся. А Эква-пыгрись – вчерашний уличный мальчик – у головы медведя сидит. Он молча сидит, как настоящий охотник, вернувший лесного зверя в мир божественных духов...

А когда душистое медвежье мясо задымилось на столах, трусливые богатые братья были тут как тут. Губы их лоснились от жира, а в глазах млела тупая сытость. А соседям шептали:

– Это мы низвели в лесу живущего!..

Скоро об этом знали уже все.

Эква-пыгрись не стал спорить. Чтобы не делить шкуру убитого медведя, он отдал её им. Они себе и лучшие куски мяса отобрали.

Был Эква-пыгрись сиротой – лучшим охотником стал. Убил медведя один, а шкура досталась другим...

Вспомнил тут Солвал и сказку, в которой Эква-пыгрись первый раз увозил в большой город шкурки, а привёз домой пустую нарту. Вспомнил и про живую воду, и про царя, который забрал мех и ничего не дал взамен.

В памяти всплыли и жирное лицо приказчика купца, и хитрая улыбка Яныг-пуки. С такими Эква-пыгрись боролся. Русский богатырь Сенькин тоже встал на этот путь. И он хочет, чтобы Солвал за ним пошёл. Об этом он говорит прямо, не таясь. Не как шаман Якса, которого не сразу поймёшь, чего он хочет.

– Сколько лет ты батрачил у своего мансийского богача? – спрашивал товарищ Сенькин Солвала, по-особому спрашивал, как будто будил.

– Три года, – отвечал Солвал.

– Что заработал?

– Два мешка муки. Десять рублей денег. Телёнка...

– А сколько на тебе заработал богач? Подумай...

Солвал думал. Но разве можно сосчитать, сколько тысяч вёрст пробежали мальчишечьи ноги, поднося хозяевам дома одно, унося другое?! Разве человеческий труд может иметь какую-то цену?

Раньше Солвал над этим не задумывался. Был он будто не самим собой. Были у него руки юркие, ноги проворные, лишь головы, оказалось, не было. Головой его был Яныг-пуки. Он и думал за него. Куда укажет хозяин – туда бежали ноги. Что скажет хозяин – то делали руки.

Потом его головой стал шаман Якса.

«Неужели нельзя жить своей головой? – думал теперь Солвал. – Неужели человеку нельзя быть свободным, самим собой?!»

Словно уловив его мысли, Сенькин сказал примерно вот что:

– Человек должен быть хозяином своей судьбы, а не рабом. Чтобы стать самим собой – надо ему освободиться. Один человек никогда не освободится от власти богатых. Поэтому рыбакам и охотникам, батракам и рабочим надо вместе выступить против богачей, которые веками жили их трудом. Богачи власть свою просто так не уступят. Штыками и пушками, железом и сталью будут они защищать право быть хозяевами над другими!.. Но если угнетённые все будут заодно, то богачам несдобровать!.. И наша революция тогда победит!..

Многое Солвалу было ещё не ясно. Но что-то важное он уяснил себе. Теперь он знал, что Революция – это не один человек. Революция – это много людей, решивших сделать жизнь другой. Революция – это большая охота на волков. В старину волков считали священными. И поэтому они безнаказанно убивали оленей, пили кровь... Смотрели, смотрели люди. Терпели, терпели люди. Всякому терпению есть предел. Переполнилась душа людей гневом и ненавистью. Ринулись люди на волков, сломав священный завет старины. Уничтожали кровопийц. Стадо оленьё было защищено. Нарушен древний обычай, но жизнь от этого стала лишь лучше. Революция – это когда нарушают старые обычаи... Революция – это

когда жизнь становится лучше!.. Знал теперь Солвал: Революца не дух! Знал теперь Солвал: Революца – жизнь!.

Смотрел Солвал на Сенькина, на Ваньку Дровосека и других товарищей и думал о человеке.

Не все такие, как вертлявый Потепка или прожорливый Яныг-пуки, как поп Иван или пузатый приказчик. Есть, оказывается, настоящие люди, которые думают не только о себе. В этом полутёмном и смрадном трюме побитые, израненные люди называли друг друга добрым и светлым словом: «Товарищ!».

Здесь поддерживали друг друга не только тёплым словом, но и по-братски делились скудной похлёбкой, которую иногда подавали сверху вооружённые железные идола. Сильные не забирали себе большую часть еды. Наоборот, они старались накормить сначала самых слабых и больных. Ведь многих изуродовали так, что трудно было узнать...

Но эти люди продолжали верить не только в своё спасение, но и в счастливое будущее всех, кто ещё вчера был гоним и беден.

Человек... Какой он? Нет, совсем не права старая мансийская сказка, что человек слаб и зол.

«Нет. Не права сказка. Эти люди даже в беде красивы и сильны», – думал Солвал.

– Мы спасём тебя, – сказал однажды Сенькин. – Делу революции, делу Ленина очень нужны верные товарищи в таёжных деревнях и стойбищах. Выберешься отсюда – сразу уезжай в свою деревню. Расскажи людям, что видел и слышал. Передай сородичам, что у простых рыбаков, охотников, оленеводов есть большой рума, верный товарищ Ленин!..

Ленин... Про него Солвал вроде бы не слышал раньше. В тайге свои сказки, легенды, свои богатыри и герои. Дремуча она. Дика и глуха. Звуки новые непривычны таёжному слуху. Свист ветра, шум ветвей, хруст снега – лишь эти вечные звуки ему ясны и понятны... Но и в тайге зима не вечна. Приходит весна – и зелёное таёжное небо звенит, курлычет, поёт... Даже таёжный глухарь поднимает к небу красные брови и вслушивается в незнакомую песню перелётных птиц. Но что поймёт глухарь во внезапно возникшей музыке весны?! И небо остаётся небом, тайга – тайгой...

Ленин... Это имя Солвал слышал в своей дальней дороге. Звучало это слово для Солвала как таинственная и волшебная песня весны. Было оно непонятно. Но его произносили люди как молитву и заклинание, как надежду на счастье.

Много рассказывал Сенькин о Ленине. Солвал слушал это, как когда-то сказки. Слушал и думал. Понял одно: Ленин не похож ни на одного из сказочных богатырей. Главное оружие его – не огнедышащее железо, не стрела ядовитая, не копьё острое, а слово... Многого Солвал не понимал, но ясно было ему одно: бедные долж-

ны объединиться и сообща бороться за своё счастье.

Ленин не похож даже на Эква-пыгриса. А вот Сенькин похож. Он, наверно, и есть настоящий Эква-пыгрис. Новое время настало – в новой личине проснулся старый мансийский богатырь, человек из бедного рода.

Новое время настало – новые дороги к счастью. Помощником мудреца Ленина захотел быть Эква-пыгрис, товарищем Ленина захотел быть Эква-пыгрис. Хорошее слово: товарищ.

Не стать ли Солвалу тоже товарищем?!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Есть ли на земле счастье?

Есть! Это счастье возвращения на родину!

Сердце Солвала плеснуло в груди большущей рыбой, когда он увидел устье родной речки, где прошло его детство. Берега Оби такие же, как и берега речки детства. Но по незнакомым берегам лишь любопытный взгляд скользил, а сердце дремало. За многие дни путешествия, когда он плыл на лодочке вниз по Оби, примелькались эти низкие, однообразные берега с кустами черёмухи и тальника.

Но такой же зеленовато-жёлтый тальничок, по колено плескавшийся в такой же желтовато-мутной, разлившейся обской воде, вызвал в груди Солвала невообразимое волнение. Он глядел на тальничок, как на родного братца, с которым вместе играл и рос. Маленьким был тальничок – помнит Солвал. Маленьким был Солвал – помнит тальничок. Повзрослел тальничок – видит Солвал. Возмужал Солвал – видит тальничок.

А старая черёмуха качнула корявыми ветвями, приглашая осенью опять отведать черноглазых ягод. А тропинка узкая, лежавшая в тени черёмушьях ветвей, поманила Солвала опять пройти. А тропинка та живая бежала, осторожно обходя густые кусты смородины светло-зелёной. Она опять привела Солвала на берег круглолицего озера. Улыбнулось озеро серебряной улыбкой. От радости неожиданной всплеснуло руками: подняло к небу острокрылых уток!

И долго-долго держало крылатые руки свои над головой седой. Долго говорило, причитало, крякало голосами уток, гусей, куликов.

«Не забыл ли, сын мой, как получил ты здесь первую добычу – золотистоголовую утку?» – проквакало озеро лягушачьим голосом.

– Спасибо тебе, озеро! Как забыть такое! – ответил тихо Солвал.

Склонив три раза голову, к лодке своей направился. Опять вода

журчала, звенела, смеялась, пенилась. Это журчание милое ему вдали снилось. В заводи кружащей звонко плеснула рыба. И эта рыба не раз плескалась в снах его далёких, тяжёлых. И кедры зеленокудрые, что стоят на берегу высоком, не раз во сне шептались: «Вернись-ка, сын, вернись. В краю родном тепло. Тебя заждались люди. Жаждут узнать, какие вести привезёшь ты им». За кедрами – дома. А в домах – люди. Заждались они. В мире мены-перемены. И люди хотят знать: на какой стороне им стоять?

Но какая бы мена-перемена ни произошла в мире, встреча с родной колыбелью – счастье!

Приезжает человек из дальнего странствия – к его огню люди тянутся. Кто поприветствовать, кто узнать новости, а кто и просто погреться у его огня. А огонь в доме Солвала сегодня щедрый. Рыбаки приехали. Солвал приехал, и рассказ его длинный, как дорога, как жизнь. Он поведал сородичам всё, что видел и слышал.

...Удивились сородичи его рассказу. И особенно побегу с «баржи смерти».

– Наверно, добрый дух помог! – рассуждали они. – А то как выбраться из этой «ямы», где люди превращаются в «тени»? Попадёшь в лапы злых – не уйти живым... Чудом ты спасся...

Солвал сам ещё толком не разобрался, как случилось это волшебное освобождение.

...Однажды среди ночи раздались выстрелы... Топот, крик, стон, шум... Открылся люк – и все ринулись на палубу.

В белой мгле белой ночи сияли красные звёзды... Этих волшебных людей с волшебными звёздами на шлемах обнимали те, кто томился в барже...

А вчерашние хозяева этой баржи были связаны. На пароходе, который стоял поблизости, раздавались ещё выстрелы...

– Ты свободен! – сказал торжественно товарищ Сенькин. – Езжай скорей на родину! Расскажи о революции. Новую жизнь надо строить...

Вдали виднелась деревня. А на берегу стояла лодочка... Вода в реке журчала. Струи пенились, звенели... Солвал знал: поплывёшь по течению – будешь дома.

За чаем из душистой чаги Солвал узнал и о событиях в Хомрат-павыле и в других мансийских селениях.

– Солдата Ваську повесили...

– Как? Разве люди могут так поступать?

– Может, он сам лишил себя светлой жизни?

– Нет, не сам!

– Тогда, наверно, духи – людоеды-менквы?!

Это тот самый солдат Васька, который в царской армии служил и первый принёс весть, что царя больше нет, а есть Революца.

Повесили солдата Ваську, двух молодых манси с собой забрали, порезали коров, лошадей угнали, порылись в сундуках – шкурки искали...

Нет, это были не духи, не менквы! Даже злые лесные духи менквы – вечные враги манси – никогда так не ожесточались.

У этих были глаза, руки, ноги... Но глаза их высматривали не красоту земную, а искали жертву. Руки их искусно держали не нож мастера, а нож убийцы. Ноги их шли по земле не для того, чтобы познать её волшебную тайну... Кто же тогда они?

– Белые!

Духов злых много. Но белых было больше. Где прошли они – весенний снег превратился в чёрный камень. Где касались их руки – выступала кровь из земли...

А привёл их в деревню берёзовский старшина. Он и указал на солдата Ваську... Нет, он больше не манси! Он даже не зверь! А ведь был главою манси. В поисках справедливости шли к нему люди. С двумя мировщиками он разбирал житейские тяжбы. В нём искали правду и защиту... А на деле вот что в нём оказалось...

Не хотят больше манси старшинам верить. Подумают теперь они о своей власти... Но кому доверить власть? Заговорили о боге и шаманах...

Все посмотрели в сторону Яксы и Солвала. Солвал рассказал, что был в Белогорье. На месте, где, по преданиям, было капище и гнездо вещей птицы Золотого лебеда, теперь пепелище. Там и трава не растёт, и деревья не веселят глаза своей свежей зеленью. Нет теперь самого большого священного места всего Севера.

Шаман Потепка, который и раньше увозил туда дары народа, ещё не доходя до Белогорья, исчез. Рассказал о нём Солвал. Кто-то и призадумался.

– Смутное время настало, – заговорил Якса. – И всё из-за того, что люди богов забыли, жертвы не приносят, молодые старших не слушают, сквернословят, бранятся. Что такое Революца? – хитровато блеснув глазами, продолжал Якса. – Это же всемирный потоп. И был на земле он уже не раз.

И Якса рассказал...

Человек давно живёт на земле. Жил ещё до ледяного века, когда вся земля была зелёной и тёплой. Потом наступил век вечного льда. А затем век священного потопа... Сначала солнце не уходило с неба. О зиме и холоде люди совершенно не имели представления... Все были сыты и счастливы.

Но от безмерного счастья люди слепнут, глоснут, становятся бесчувственными... Зато язык у них вертится лопатой, бранные слова вылетают. Над обычаями эти люди смеются, куражатся и руки в ход пускают.

Долго был человек сытым и счастливым, так долго, что весь

белый свет, вся Вселенная наполнилась человеческой бранью. Не щадили ни отца, ни матери. Тяжко стало честным ушам.

Помутилась душа и у Отца Вселенной. Задумался Торум: как очистить мир от сквернословия? И решил он: пусть в течение семи дней во всей Вселенной станет темно, семь ночей и дней пусть гуляют по небу каменные тучи и вместе с дождём на землю падают камни. И деревья высокие пусть трещат и ломаются, и трава низкая пусть не сможет устоять. Грозное и злое тогда с земли смоеется. И людишки ничтожные под водой бурлящей превратятся в прах. А у кого нет вины – тот останется. Человеку чистому душой не страшен священный потоп. От него и продолжится новый людской род...

От оставшихся людей, видно, и пошёл род манси. Потому что о потопе много говорят старики, много помнят. И счёт времени нового человека с потопом ведётся. А это было много тысяч лет назад. Вот какие манси.

А потоп тот, сказывают, был страшный. Не было дерева, вершина которого осталась бы незатопленной. Лишь седая голова старика Урала осталась недоступной воде, сметающей на своем пути всё живое и вечное.

И часто на одном плоту плыли ящерица и волк, змея и человек. Волк не скалил зубы на ящерицу, лось не поднимал рога на медведя, соболь не пытался есть белку, россомаха не рычала, не показывал свою ловкость человек. Он присмирел, как и звери. Что их всех примирило? Может, вчерашнее зверство и сегодняшний страх? А может, жизнь, которая уходила из-под ног, заставляя всех задуматься?

Было на земле вечное солнце. Был на земле вечный лёд. Был на земле священный потоп... И сейчас он надвигается... И имя у него Революца!..

– Побойтесь, люди, неба, опомнитесь! – закончил свою речь Якса.

Солвал возразил Яксе. Он сказал, что видел Революцу. Это никакой не потоп. И не дух, как раньше думали. И не человек. Революца – это много людей, которые захотели изменить жизнь, сделать её хорошей для бедных. Правда, Революца похожа на потоп. Но это другой потоп. Не водой смываются жадные и плохие люди, которые всё себе захватили, а силу бедных. А бедные могут стать сильными, когда они объединятся, будут вместе. Солвал своими глазами видел, как русский батрак Ванька Дровосек был сильным. Он под ружьём вёл даже старшину...

Кто-то засмеялся, сказав, что это всё старые сказки. Сколько раз Эква-пыгрись делал то же самое, не раз добивался успеха, но другим от этого было не легче. Бедные оставались бедными...

– Меня спас Эква-пыгрись! – волнуясь, сказал Солвал. – У него

сейчас имя другое: Сенькин. Под видом русского богатыря сегодня вышел в мир наш Эква-пыгрись. Если он раньше не побеждал, то только потому, что был один. А нынче он в Берёзове всех бедных скликнул в один Союз. Попа, купца, старшину – все власти обхитрил, запер их в тюрьму. Только внезапно появился какой-то новый злой дух – Колчак. И он схватил Сенькина и его товарищей... Словом «товарищ» они зовут друг друга. Это очень хорошее слово и похоже оно на наше рума! Эква-пыгрися – Сенькина захватили. И меня захватили. В одной тюрьме-трюме нас куда-то везли. И Эква-пыгрись – Сенькин мне шепнул, что у него есть товарищ, кто мудрее всех. Его зовут Ленин. И с ним бедным людям теперь можно будет победить богатых навсегда!.. Эква-пыгрисю теперь легко: к его хитрости и находчивости прибавилась мудрость Ленина...

Про Эква-пыгрися никто не сомневался. А про Ленина многие слышали впервые. И на слово не хотели верить, что есть такой мудрец, который делом может помочь людям...

Видя, в какую сторону клонится речь, Якса забеспокоился. Он затоковал весенним глухарём. Слова его ручьями звонкими текли. Казалось, он молился Торуму, клялся в своей верности. Заклинаниями, как гвоздями, прибывал тех, кто в своём невежестве усомнился в вечном законе бытия: без богатых не могут прожить на свете бедные, не будет и богатых без бедных, исчезнет жизнь земная...

Не в погоне за животом, а в борьбе за веру приобретут люди своё земное счастье. Он говорил, что есть враги у манси: это Кристос могучий и его слуга – хитроумный поп. Если хотят манси счастья – с ними надо бороться!..

Якса говорил как камлал. Даже огонь, который чуть-чуть не потух в старом чувале, заплясал, стреляя искрами, загорелся каким-то тревожным пламенем! И люди словно воспламенились, они внимательно слушали старого Яксу, который лишь один кровавой взгляд уронил на Солвала, а потом заклинал какого-то ничтожного духа, не обращая на него внимания.

Солвал чувствовал, что эти безымянные проклятия летели к нему...

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Есть ли на свете любовь?

О, это тайна! Тайна эта неведома даже богам. А людям – тем более! Но люди повторяют жизнь богов. Всем известно: боги больше всего ошибались в женщинах.

Женщина... Она неведомое существо и для тех, и для других. Но без неё не могут жить ни боги, ни люди.

Когда золотая люлька коснулась земли, Мирсуснэхум глазам

своим не поверил: земля, казавшаяся сверху красивой, была болотистой, ржавой.

Сюда ступит – вода, туда идёт – деревья обугленные, съедены пожаром. В одном месте Мирсуснэхум нашёл толстое бревно. На него и лёг. Уснул. Проснулся – жарко. Руки протягивает – тепло, ноги протягивает – мягко. Смотрит – в доме он, а не на улице. Да в каком доме. Высоком и светлом, как у Небесного отца! Начал жить в нём. Но однажды стало ему скучно.

«Не посмотреть ли мне землю, не поискать ли мне край, где женщины поутру оставляют следы на росистых травах, где мужчины живут, не скучая?» – подумал он.

Оделся, подпоясался и пошёл по дремучему лесу. В одном месте видит: охотничий лабаз стоит. За одноногим лабазом – изба. Вошёл в избу. Хозяин дома, седоглавый старик, говорит:

– Ты почему не послушался наставлений отца? Вот где приказал он мне – там и живу. Семь зим надо было выдержать!

Мирсуснэхум промолчал. Хозяин тогда велел ему войти в полог. Там была девушка. Глаза у нее – две чёрные, спелые смородины. Волосы у неё – два пушистых соболя на плечи ползут. Лицо – белее первого снега, губы – краснее сочной брусники. Грудь – два тёплых чума. Ноги – две жирные нельмы.

Остолбенел Мирсуснэхум. Девушка пришла на помощь: она велела раздеться. Потом сама стала наряжать его в соболье, кунье платье. Коснётся щеки – горит щека. Коснётся плеч – руки наливаются неведомой силой. Молвит слово – он безропотно внемлет. Стелет постель соболью, и он забывает всё на свете: и про небо, и про землю, и про суровые наказания отца, и про свой божественный долг...

Долго ли, коротко ли жили, однажды старик и говорит:

– Что ты за человек?! Почему не разговариваешь? Может, ты злишься на меня, хочешь меня убить?!

Мирсуснэхум молчит, как камень. Старик опять за своё:

– У тебя, наверно, есть своя земля, своя вода, наверно, есть! Иди в край родной!..

Наутро молодые собрались в путь-дорогу. Долго ли, коротко ли шли – в свой дом пришли. И стали в нём жить да поживать. Муж охотился, рыбу ловил. Жена родила ребёнка и стала ходить в лес за трухой, что в дуплах сухих деревьев бывает. На этой мягкой трухе, в берестяной люльке все малыши Севера спят, растут, набираются силы.

Однажды жена пошла в лес. Поставила санки у дерева и только подняла топор, как кто-то её схватил, свалил на санки, и в один миг она подкатилась к двери своего дома. И тут кто-то ехидно прокаркал:

«Вот позорище на всю тайгу: санки женщину катают!»

В другой раз пошла. Нарубила деревьев сухих, из дупел вытащила труху, сложила в санки и в обратный путь тронулась. На середине дороги санки вдруг зацепились; посмотрела назад – никого нет. Зашагала дальше. А санки тяжёлые-тяжёлые стали. Обернулась: незнакомый мужчина сидит.

– Слазь с санок! – возмущается она.

– Если душа твоя повернётся ко мне, если ты полюбишь меня – тогда слезу. Если нет – убью. Я Бессердечный. Нет у меня ни сердца, ни печени!

– Ум мой повернётся к тебе, – молвила негромко она.

Незнакомец слез с санок и говорит:

– Если ум твой со мной – убьём мужа. Я тебе дам бутылку вина. Придёт твой муж домой – вскипяти чай, в чай налей рюмку вина. Второй чайник вскипятишь – вторую наливавай. На третий чайник – остаток вылей. Муж твой опьянеет, упадёт. Я приду – прикончу!

...Пришёл домой муж. Она вскипятила ему чай. И напоила... Сделала всё так, как сказал незнакомец без сердца и печени. Опьянел муж, явился незнакомец, и они Мирсуснэхума убили. Не пощадили даже ребёнка.

Бессердечный нарядился в платье убитого. Его меч и кольчугу забрал и вместе с этой женщиной направился в Нижнее царство, в подземелье.

Через семь лет Отец спустился с неба, решив посмотреть, как живёт на земле сын. Пришёл в его дом и видит: сын убит и внук убит. Поднялся снова в небо. Из бочки с живой водой взял живую воду, опять спустился на землю. Вымыл Торум сына и внука живой водой... И они снова ожили.

– Отомщу я Бессердечному! – пообещал Мирсуснэхум.

И снова зашагал по земле. Навстречу ему идёт человек.

– Убей меня! – говорит ему Мирсуснэхум. – Мне это очень нужно.

Удивился человек. Но раз просит – выполнил просьбу. Зарыл его в землю. Из земли травка зелёная пробилась. Шелестит она, радуется солнцу, тянется к свету. Всё умирает, и всё снова рождается. Ничего бесследно не уходит. Только рождается всё в новом свете...

Выпустили люди лошадей на волю. Щиплют они сочную траву и силы набирают. И ту травку, в которую превратился Мирсуснэхум, съела одна из лошадей. Скоро она родила жеребёнка с золотистой шерстью, с серебряными копытцами.

А это была лошадь Бессердечного. Вышел он на улицу и говорит жене:

– Когда ты была ещё на Белом свете, когда с мужем тем жила, ты ведь не имела такой лошади, которая рождает жеребят с золотой шерстью! Вот какой у меня дом, вот какие мои животные!..

И велел он разрубить этого жеребёнка на части и сжечь на огне.

Слуги его покорные вмиг это исполнили. Но разве можно убить жизнь?! Жизнь продолжается в новом виде. На месте, где пылал костёр, на котором сожгли жеребёнка, берёзка белая выросла.

– Вот на какой земле я живу, – хвалится опять Бессердечный перед женой, – даже берёзы растут в нашем Нижнем мире.

А утром на месте, где была берёзка, вырос дворец удивительной красоты.

– Вот какие чудеса происходят в моём подземном царстве! – хвалится опять Бессердечный. – На земле разве такое бывает?!

Пошли они с женой во дворец. А посреди дворца кто бы вы думали ходит?

Тот самый, которого они когда-то убили! Как хозяин он расхаживает по сияющему дворцу. Вокруг него вьются лёгкие тени мертвецов. Они что-то шепчут ему. Видно, жалуются. Кому скажет слово – тот оживает. Кому кивнёт легонько – тот из тени в богатыря превращается. Когда стало много железных богатырей, они схватили Бессердечного. Отрубили его разбойничью голову и на костре сожгли.

Богатыри вернулись вместе с Мирсуснэхумом в Средний мир, на светлую землю.

А ведь всё это случилось из-за того, что Мирсуснэхум завет отца нарушил: рано пошёл за женщиной!.. Надо было выдержать и найти ту самую, единственную, которая роднее и вернее сестры.

Есть на свете любовь?

Солвал об этом не задумывался. Она пришла к нему сама. Подкралась тихо и незаметно. Как болезнь, как рысь, как весна. Северная весна... Её сначала трудно отличить от зимы. Днём светит солнце, тает снег, а ночью морозец. Снег становится твёрдым, как сахар. И звёзды морозно звенят на ночном небе.

И вдруг тёплый ветер, ливень. Чернеет снег, набухают реки, летят утки, горланит небо лебединым голосом. Вчера был белый снег – сегодня белый лебедь... Вчера была зима, а сегодня – весна...

Так и любовь... Она в одно мгновение озаряет человека. И белый снег летит белым лебедем. Зима плывёт жарким летом. И солнце смеётся в небе шальной и дерзкой девчонкой. С утра смеётся, до самой ночи смеётся, расплетая и заплетая золотые косы...

Солнце, солнышко, постой!

Что ты делаешь со мной?!

.....

Молится Солвал на светило, которое мешает ему тянуть невод, перебирать мережу, убирать с ячеек сосвинскую селёдку. Привычное с детства дело кажется ему то необычайно трудным, то невероятно лёгким. Всё зависит от взгляда солнца...

*Солнце, солнышко, скажи:
Как смогло ты превратиться
В эти брови и ресницы,
В этот взгляд из-под платка,
Напоённый светом ясным,
В эти на лугу атласном
Млечных, нежных два стожка?*

Он сам удивлён, что высокое и далёкое светило кажется ему девушкой, которую он увидел в этой маленькой деревушке на берегу Сосьвы.

«Не сошёл ли я с ума?» – думает он, ловя себя на том, что разговаривает с солнцем, как с ней:

*Чудная моя загадка,
Тайна нежная моя!
Мне и больно, мне и сладко.
И смеюсь, и плачу я.
Солнце, солнышко, постой!
Что ты делаешь со мной?!*

А она тут как тут. Прибежала на притонение невода. Мотня приближается к берегу – счастье приближается. В мотне рыбы плещутся – счастье плещется. Все к счастью тянутся. Даже собаки. Они ходят уже по песчаному бережку, на плещущуюся воду поглядывают, рты раскрывают, счастливыми языками трясут...

Все приходят на притонение. Потому и она пришла. И совсем не из-за Солвала. Она на него даже краешком глаза не смотрит. Рыбы пляшут в мотне. Пляской рыб она любит. Брызги радужные летят. В них она купается... Хороша вода – когда солнце светит! Хороша жизнь – когда кто-то смотрит...

А вечером, когда июльский зной уляжется тёплым туманом на травы, когда небо укроется синей шалью с едва заметными кистями-звёздами, когда невод усталый уснёт на вешалах, они случайно встречаются у молчаливой воды. Она идёт по воду, он – за рыбой. Вкусна селёдка, нежна. Но не жаждал Солвал...

*– Как твоё имя? –
Спросил её вдруг. И вот
Ждёт его сердце, как дверь,
Ну, когда же её имя войдёт?!
Растёт вечерний туман,
И солнце поднимается,
Тьму разрушая и грея...
Шепни своё имя,
Шепни своё имя скорее...*

Три слова произнёс он. Три простых и ясных слова. Но прозвучали они в синей тишине как начало песни, сказки, легенды... Песня росла в его душе. Но мог ли он, заколдованный какой-то тайной силой, выплеснуть её? Он смог спросить лишь её имя.

– Оринэ! – сказала она, взглянув лукаво на него. Сказала так, как будто подарила волшебный ключик к своей волшебной тайне.

Закачались вёдра на коромысле, звонкие косы её зазвенели, и на росистой траве остались лишь следы от босых девичьих ног.

Солвал знал её. Ещё тогда, когда он в первый раз с отцом приезжал сюда рыбачить, он знал её имя. Но тогда она не хотела с ним играть. У неё была лисица. Живая, настоящая лисица с пушистым рыжим хвостом и с хитрющими глазами. Она играла с лисицей. А ещё она играла с уткой. Утка плавала в речке, как дикая. А произнесёт она какое-то слово – та плывёт в свой домик, сколоченный из досок, стоявший на берегу у травы.

Она была тогда дерзкой девчонкой. Лишь со зверьми играла. И имя могла иметь другое...

Теперь она иная. Нет у неё ни утки, ни лисицы. Зато глаза – спелые смородины, грудь высокая, косы до пят... Это по ней он тосковал, когда пел:

*Я ишу, я ишу, я ишу,
А найду ли – не знаю.
Шапку ниже на лоб опушу –
Против ветра шагаю.*

*Против ветра шагаю. Гребу
Против волн и теченья.
Ты мою перестроишь судьбу,
Ты мне дашь облегченье.*

*Я на месяц смотрю золотой
И на солнце слепое,
Не в аду ты живёшь, под землёй,
Не в раю, над землёю!*

*Ты живёшь среди белых снегов,
На руках – рукавицы.
Средь охотников иль рыбаков,
Русских или мансийцев.*

Нет! Она жила не на небе. В рай такую бы не пустили. Слишком молода: шестнадцать лет.

И в тёмное царство её пока не за что. Она живёт на земле. В маленькой деревушке Квайк-я. Там всего шесть домиков. Стоят они

на красивом таёжном мысу. Издали их сразу не увидишь. Они при-таились в тени могучих богатырей-кедров, над кудрявыми головами которых лишь несколько елей взметнули к небу свои острые пики. Меж домами – светлые зелёные полянки с мягкой, пушистой травой. Двери домов распахнуты к речке, которая струится совсем рядом. Двери домов распахнуты к речке, потому что по ней лишь приезжают гости. Двери домов распахнуты к речке, потому что по ней лишь приходят вести.

Двери домов распахнуты к речке, потому что лишь она дарит людям жизнь. В ней, темноводной Сосьве, разлившейся широко-широко, гуляет золотая рыбка – сосьвинская селёдка. Не всюду её поймашь, воды много. Не всюду её возьмёшь, не всякий берег она любит. А этот песчаный берег она облюбовала давно. Сколько помнят себя манси – столько и ловят её здесь.

Когда отшумят белые ночи белыми черёмушыми метелями и вода, разлившаяся серебряными блюдцами в заливных лугах-соках, пойдёт на убыль, к песчаному берегу подойдут первые косяки селёдки. К тому времени подъедут рыбаки из других деревень. Они объединяются в артели из четырёх-пяти человек и рыбачат одним неводом. Ловят они сосьвинскую селёдку. Это самая нежная, самая вкусная рыбка всего Севера. Разве с ней сравнится великий осётр или серебряная богиня Оби – нельма!

Нет! Сосьвинская селёдка несравненна! Потому-то и рыбаки сговариваются друг с другом, достают невод, просят разрешения у хозяина песка рыбачить. Жителям этой деревни, их роду принадлежит это богатое угодье, но с того солёного года, когда люди от голода умирали, настоящим хозяином стал Яныг-пуки. Он жителям этой деревни одолжил немного муки и соли, но выпросил себе право распоряжаться, кому ловить рыбу, а кому нет. С той поры уже не всякий может отведать и заготовить впрок золотой рыбки.

В этом году жителям деревни Хомрат-павыл посчастливилось: Яныг-пуки по-родственному разрешил ловить селёдку с условием, что половину добытого отдадут ему. Он был нынче на редкость щедрым: одолжил даже мережи.

Повезло и Солвалу: он ощущал не только радость удачного промысла, но и своими глазами видел каждый день Её, а в короткие мгновения рыбацкого сна она к нему являлась богиней. И в душе его зрела песня-сказка, песня-легенда:

*Мне снится русая богиня,
Её глаза, как ручейки,
Струятся в памяти, но имя
Не вспомнить: сны, знать, коротки.
Она не та, что из легенды,
Не та, что средь лесов живёт*

*И сполохи, как будто ленты,
На волосы свои кладёт.
Вся в соболях, в шелках. Серёжкой
Ей служит ранняя луна.
В избушке на лосиной ножке
Который век совсем одна.
Но ни один смельчак
Пока к ней не пришёл: пути темны,
И нравы дикие, как вьюга,
Все в шубу тайн облачены.
И беспокойные поверья –
Как те леса...
Но я иду
К богине-идолу.
Деревья
Шумят, как птицы на лету.
И вот она! Пред нею низко
Склоняюсь, опускаюсь в мох.
Но даже камень обелиска
Теплей её спокойных ног.
Как страшно мне! Хочу скорее
Прервать немое забытьё.
Её я лаской не согрею,
И сказкой не согреть её.*

.....
*Мне снится русая богиня.
(Я в сон по сердце погружён.
И он сбывается уж ныне:
Наверное, то вещей сон!)
Она зовёт меня: смелее!
И приближается ко мне.
Я, словно ветка, пламенею
На обжигающем огне.
Я напрягаюсь, замираю,
В душе моей – и свет, и грусть.
И наконец-то я сгораю
И человеком становлюсь.*

Но человеком он чувствовал себя лишь в снах. Как появлялось солнце и рыбаки шли на берег опять закидывать невод, он терял своё могущество.

*Без тебя мне плохо.
Хорошо – с тобой.
Как олень без меха,*

*Ничего не стою.
Без тебя и лыжи
Не идут по снегу,
И олень обижен
И не годен к бегу.
Без тебя не слышно
Песенки тумрана¹².
Появись, чтоб вышло
Солнце из тумана,
Чтоб скользили лыжи
И олени мчались.
Сядь ко мне поближе,
Приласкай в печали.*

А её тумран по вечерам звенит чуть слышно. Поёт, как будто вздыхает. Поёт, как шепчется. Поёт, как будто зовёт. Солвал не видит её, но слышит. Он чувствует, как она подносит к алым губам тонкую пластинку, выточенную из кости. Как пластинка вдруг оживает, вздыхает, шепчется, зовёт. Хороший тумран! Лишь с помощью его Солвал что-то знает о её состоянии. Он слушает, как она играет, и ему кажется, что он ей уже сказал:

*Чтоб согреть – огнём я стану,
Чаем жгучим и румяным.
Буду греть тебя огнём,
Буду чайным греть теплом.
Хочешь ласки – ветром стану,
Щёк коснусь твоих желанных,
И водой могу я стать,
Чтобы всю тебя обнять...*

Нет, совсем не то! Зачем ей огонь?! И разве она о чае мечтает? А в месяц жирной рыбы, когда солнца много-много, ветер тоже ласков. И не объятий воды июльской она, наверно, жаждет!

Ей надо бы сказать другое.

*Два весла в ладонях у меня.
Две ноги – иду, снежком звеня.
Уха – два, затем, чтобы слова
Мог воспринимать! И глаза – два...
...Только сердце у меня одно,
Ожидает твоего оно...*

Сердце... О нём ей надо и говорить... Но как? Может, поможет песня?

---

¹² Тумран – губной музыкальный инструмент, сделанный из кости. На нём обычно играют девушки.

И однажды вечером, когда усталый невод спал на вешалах и по воде спокойной поплыл туман молочный, он запел. Плыла его калданка лёгкая, и песня плыла. Сначала он пел тихо, стесняясь воды и тишины. Но вода по-прежнему журчала. Казалось, она тоже пела и говорила: «Пой и ты».

Он громче выводил слова, вслушиваясь в тишину таёжного берега. Никого там не было. Одни деревья стояли, наострив зелёные уши-ветви.

Пел он о сверкающем плёсе, серебряный покой которого изломала гагара, пробежав по нему, рассыпав хрустальные брызги. Потом о лодочке лёгкой, сделанной из белого елового дерева, лилась песня. И о том, что в лодочке есть одно место. Грустит это место, что не занято никем.

«Ох, нам бы сесть в одну юркую лодочку! И вместе бы плыть нам! О, если бы четыре спелые смородины, четыре наших глаза, друг на друга смотрели вечно!

Десяти пальцев с сияющими кольцами мне бы касаться! Твою белую лебединую шею мне бы обнять!»

Песня-мечта, песня-признание плыла по Сосьве. Слышали её и вода, журчавшая у калданки, и песчаный берег, притаившийся спящим, и сосны, игольчатými ушами ловящие каждую новость. Они шептали ей, перебивая друг друга, про Солвала, про его первую песню, произнесённую им вслух, про мечту и тоску по ней...

А Оринэ и сама без них всё это знала. Да только не думала, что песня такая сильная, что с помощью её можно открыть друг другу сердце.

Да только петь как-то неловко. Стыдно. Смешно... И странно слышать свой голос в тишине, в шуме ветра, в журчании реки... Но почему ветру не стыдно болтать, птице петь, листьям шептаться о чём-то очень тайном и сокровенном? Все они никого не стесняются. Почему Оринэ надо стесняться своего голоса, своей песни, своей тайны?.. Она может отложить тумран и запеть в полный голос. И Солвал пусть послушает.

*Мой друг, мой друг, что делать нам?
Зачем ты вдруг приехал к нам?
В деревню, в гушу наших дел,
Как утка на воду, слетел?
С утра на улице пустой
Звенит синицей голос твой.
Взглянул – как будто приласкал
И жизнь, как воду, расплескал.
С тех пор я молча слёзы лью,
Ты печень нежную мою
Как будто колешь остриём...*

Пусть все слушают: и кулики, которые носятся у воды по песочку, и ронжи, трещащие на тёмных ветвях кедра, и филины, стонущие где-то далеко-далеко. Всё равно они не знают, о ком поёт Оринэ. Это совсем не её песня.

Все поют, когда шестнадцать лет.

*Ох, хороший мой, любимый мой дружочек,
В эту ночь ко мне украдкой приходил ты
И морошкой меня сладкою кормил ты,
У груди моей сидел, как лёгкий сокол,*

*Целовал меня и руки мои трогал.
Как проснулась я – ой, где ж ты, мой дружочек?
Синим облаком растаял мой дружочек.
Зыбкой тенью улетел ты, мой дружочек.
Счастье девичье умчал ты, мой дружочек.*

*Как проснулась я – ко мне вернулся разум,
Мёрзлой рыбою нога – ой, что мне разум!
Веткой сломанной рука – ой, что мне разум!
Белы груди холодны – ой, что мне разум!*

*Будто не было в руках тепла и силы,
Будто ласки я ни разу не дарила,
Всё стучало моё сердце, всё стучало,
Будто филин в глухомани, всё кричало...*

Солвал услышал её зов, понял её тоску девичью.

И когда выпал снег и река надела белый плат пуховый, зазвенели свадебные колокольчики. Весело звенели колокольчики: лето было богатое, щедрое, немало рыбы насолили, навялили, засушили рыбаки. Весело звенели колокольчики: ягод и орехов набрали немало. Весело звенели колокольчики: и осенняя охота была доброй – немало соболей и белок принёс Солвал. Весело звенели колокольчики: Ванька Дровосек приезжал в деревню и сказал, что в Берёзове открыт хлебо-запасный магазин для северян. Весело звенели колокольчики: не к Яныг-пуки, не к купцам пойдут теперь за хлебом манси. Весело звенели колокольчики: счастье Солвала где-то рядом, близко... Весело звенели колокольчики: в санях-розвальнях разнаряженные сваты и жених, отец и мать...

Весело звенели колокольчики:

*Как по лесу тёмному,
Малая Медведица
Вперевалку по небу идёт.*

*Снег крупчатый мелется,
Вьётся и метелится –
Свадебные сани у ворот.
Эти сани-розвальни
За тобою посланы,
Эта ночь таится у дверей.
И дорожки звёздные
Тебе в ноги постланы...*

Сват стучится в дверь...

– Я пришёл привязываться! – говорит он отцу.

– Привязывайся не привязывайся, а дочери для вас у меня нет! – отвечает хозяин дома небрежно, будто он бросает слова бродяге-ветру.

– Не говори так, отец! Не надо!

– Сам знаю, как мне говорить. Привязываться ты привязываешься, а хватит ли у тебя силёнок?!

– Если бы не хватило, не рискнул бы тревожить.

Сват идёт к жениху, к его родителям, которые на морозе замерли в таинственном ожидании.

– Силы хватит или нет?! – передаёт он слово отца Оринэ.

Это добрый намёк. Лица всех будто просыпаются.

– Иди узнай, сколько просят! – торопит нетерпеливый жених.

Снова открывается дверь дома, где трепещет девичье сердце, жаждущее уйти от своей девичьей тайны...

– С какой силой хотите вы мериться? Сколько просите за вашу лесную богиню? – говорит повеселевший сват.

– Сорок оленей белоснежных. Сорок рублей денег! Эти слова и унеси тому, кто хочет сердцем дочери владеть.

– Откуда у нас олени?! – вздыхает мать.

– Может, поедем, другую, подешевле, найдём?! – вставляет кто-то.

– Пойдите. Мы что, с детьми своими играем?! Кто смеет над нами насмеяться? – говорит отец.

– Предложите ему лошадь, корову и двадцать рублей! Если не понравится ему и такой калым – тогда уже кони наши пусть летят по мансийской земле. Велика земля – невест хватит.

И снова морозец вползает вместе со сватом в дом. И снова сват торгуется:

– Лошадь, корова и двадцать рублей! Если не согласны – жениха ждёт дорога!

– Мне не нужны ни лошадь, ни корова. Мне нужен сын! Если он согласен жить в моём доме – без калыма отдаю ему дочь. Иди, сват, зови гостей в дом. Хватит им мёрзнуть посреди деревни...

И начался бы пир великий. Да родители Солвала не захотели от-

давать сына, который вернул семье «уплывшую рыбу, сбежавшего зверя». Да и Васька-ойка не очень-то уж хотел отдавать дочь за человека, который не смог воспользоваться улыбкой судьбы, вниманием великого шамана Яксы. Если бы из дальнего странствия он принёс не смутные слухи о каком-то неведомом Революце, а ясное божественное предсказание о будущем, то быть бы ему Большим Человеком тайги и тундры! Тогда бы Васька-ойка отдал ему не только дочь, но и своё волшебство.

Васька-ойка – отец Оринэ – всеми уважаемый человек. Со всех концов края манси и ханты едут к нему. Заболел ли кто, праздник ли какой – его приглашают. За сотни вёрст к нему ездили. И не случайно.

Когда приносят в жертву белую лошадь – то нужен и жертвенный ковёр, расшитый искусными руками художника. А это умеет делать не всякий, лишь Ваське-ойке дано такое волшебство.

Его привозят в дом за неделю до священнодействия. За это время на цветном и дорогом сукне он выводит узоры, пишет жизнь и думы сородичей, рисует просьбы людей. Его угощают. Но подают ему скромную и неприветливую пищу. Вино и другие напитки, дурманящие голову и душу, ему нельзя пить. Одурманенный напитком разве в мир иной сможет написать послание о жизни на земле?! Согретый не своим теплом разве может разогреть других и навеять на них думу?! Насытившийся огненной водой умертвит даже волшебные узоры, сделанные его мастерскими руками.

Васька-ойка не такой. Он умеет долго в тишине и уединении шаманить. А потом, когда ковёр ляжет на спину белой лошади, которую будут кружить семь раз вокруг священного дерева, люди не смогут оторвать глаз от говорящих узоров. Если так заморожены люди, то духи тем более. Волшебник волшебника поймёт и исполнит его первую просьбу.

И когда белая лошадь испустит кровь свою горячую, а шаман-говорун будет петь молитву, благодаря волшебному ковру его услышит дух, кому предназначена жертва.

Один глаз белой лошади подносят шаману-говоруну, другой – шаману-художнику. И чарку вина теперь ему подносят, самой вкусной пищей угощают, дарят самые дорогие дары.

Уважают на земле Ваську-ойку. Неужели любимую дочь он отдаст за человека, у которого, наверно, и собак-то добрых нет? А без собаки – какой охотник, какой манси, какой человек!..

По морозной наледи, по метельной замяти мчались кони. В гривах у них плясал полумесяц. Снег звёздный вился и метелился. Но в свадебных снях-розвальнях не развеялась её шёлковая шаль. И по дорожкам звёздным, постланным для неё, никто не шёл. Грустно звенели колокольчики. Мороз леденил душу Солвала.

Он слышал, что сватался к ней ещё Киркури. Богат Киркури, не

то что Солвал. Сорок оленей предлагал за невесту богатый отец Киркури, да ещё деньги, шали шёлковые, бусы дорогие... Не отдал Васька-ойка дочь свою и за него. Помешала песня... О, это грустная история.

Была у Киркури жена. Певуньей весёлой слыла до замужества. А вышла замуж – повесилась... Она умерла, но ушла не вся. Оставила людям душу свою – песню, которую спела перед смертью. Плачем поплыла та песня по мансийской земле, тронула каждое сердце, каждой души коснулась.

– Не зря прожила на свете: оставила людям песню! – говорили старики.

– А зачем она повесилась? – задумывались молодые.

Чёрная девичья коса разве дана девушке для того, чтобы обвинять её вокруг шеи?

Ветви кедра над землёй распластались разве для того, чтобы качать тугую девичью косу?

Не отдал отец свою дочь за того, в доме которого родилась песня, но ушла жизнь.

Тяжело сложить песню, но и жизнь даётся лишь однажды.

Только великие шаманы способны вновь и вновь рождаться.

Только душа певцов может долго на земле оставаться, переходя из тела в тело, из края в край.

Дочь не шаман. У отца немного дочерей. Какой отец не позаботится о душе родной и близкой?! Не зря растил и лелеял. Даже за калым хороший не отдал он дочь свою за Киркури. Говорят: Киркури хороший. Да в доме у него сварливых сестёр много. Довели они невестку. Выплакала песню и повесилась. Кто может сказать, что с новой невесткой будет?!

Не отдал Васька-ойка свою дочь в богатый дом молодого Киркури...

А Оринэ думала... Думала о Солвале. Сердилась на родителей.

«Не слишком ли они разборчивы? – мыслила она. – Как в той сказке о Филине...»

Оринэ знает много сказок. Они помогают ей разбираться в жизни.

...Жили-были три Миснэ. Три лесных духа, три девушки в своей избушке жили.

Однажды забежал к ним Йипыг. Это злой дух. В лесу много деревьев. Много и духов. Йипыг пугает человека. В образе филина летает. Забежал Йипыг в дом, где жили Миснэ, подсаживается к старшей и говорит:

– Старшая Миснэ, пойми меня!

– Нет у меня братца, ты будешь им! – отвечает она.

– Нет, Миснэ, так не хочу!

Рассердился. К средней подсел со словами:

– Ты меня пойми!

– Нет у меня братца. Братом будь!

– Нет, Миснэ, братом не хочу быть!

Подсел к младшей и опять говорит:

– Может, ты меня поймёшь?

– Нет у меня братца. Так мне нужен братец. Будь им!

Рассердился Йипыг, стал грозиться:

– Отца своего – Восточного ветра – позову, мать свою – Снежную метель – позову. Они заметут ваш домик снегом!

– Зови. У нас есть семь железных лопаток, семь деревянных. Разгребём!

Йипыг вышел на улицу, залез на крышу и кричит на восток:

– Отец мой – Восточный ветер, мать моя – Снежная метель, просыпайтесь, в этот край летите! Лив! Лив! Лив!¹³ Этот домик заметите.

Засвистел ветер, в диком танце закружилась метель. Заметает снегом лесную избушку. Миснэ стараются открыть дверь. Но её так замело, будто каменной стала.

Человек, если он захочет, перевернёт и камни. И Миснэ осилили эту дверь. Открыли её. Взялись за лопаты. Долго ли, коротко ли летали лопаты, да снег не убавляется. Сколько кидают – столько снова падает. Поломались деревянные лопаты, не выдержали и железные. Зашли домой. Сидят грустные.

Вдруг опять Йипыг забежал. И опять обращается к старшей Миснэ:

– Теперь-то ты, старшая Миснэ, меня, наверное, поймёшь?

– Нет у меня братца. Братцем будь!

Ну что хорошего может сказать Йипыг? Идёт к средней Миснэ. Та то же самое говорит. Тогда идёт к младшей. И молит её, чтобы она поняла. И, к удивлению своему, вдруг слышит:

– В начале большой дороги есть дорожный знак. В начале моей дороги будь ты! У кровати моей будь ты! Спутником моей жизни будь ты!

Обрадовался Йипыг.

– Ти, ти, ти! – восклицает он. – Милая Миснэ. Ти, ти!..

Потом вылетел на улицу. Крыльями широкими туда взмахивает, сюда взмахивает. В три стороны три раза взмахнул крыльями – и снега как не бывало.

Зашёл домой и говорит:

– Ну, Миснэ, собирайся, одевайся! Ко мне поедем.

Оделась Миснэ. Простилась с сёстрами, и в нарту села. А нарту не оленя потащили и не собаки, а сам Йипыг.

Долго ли, коротко ли тащил он её, въехали в густой и тёмный лес.

13 Лив! Лив! Лив! – непереводимые восклицания.

– Милая! Ты не проголодалась ли? – спрашивает он её.

– Проголодалась. Да что у тебя есть съедобного?

– Ты побудь здесь. А я схожу что-нибудь принесу.

Ушёл. А в лесу хруст и треск. Будто кто-то стонет. Пришёл. Охалку сухой коры лиственницы принёс. И всё это перед Миснэ бросил:

– Кушай, милая!

Смотрит Миснэ, в этой куче ищет съестное. Удивляется: ничего нет! «Почему же тогда он говорит «кушай»?» – думает она.

Поехали дальше. Йипыг опять её везёт. Как резвый конь, опять везёт нарту. А в нарте, как богиня, сидит Миснэ.

Приехали к какому-то дому. Йипыг взял Миснэ на руки, внёс в дом, а сам исчез. А на Миснэ навалилась какая-то тяжесть. Ко сну потянуло. Положила голову с чёрными косами на сосновый стол и забылась.

Долго ли, коротко ли спала – проснулась. А мужа нет! Миснэ так проголодалась, что готова была съесть целого оленя.

Вдруг видит: по одну сторону избы лежит берёзовое полено. Кора у берёзы белая, живая. И думает про себя Миснэ: «Кушать так хочется. Не построгать ли?». Идёт с ножом к дереву берёзовому, резанула – кровь струёй брызнула. Испугалась. Не стала резать.

Смотрит: по другую сторону избы лежит еловое бревно. Тронула ножом кору лишь – кровь брызнула. И с кедровым бревном случилось то же самое. Совсем испугалась. Бросила нож. Прильнула к столу и опять уснула.

Долго ли, коротко ли спала – опять проснулась и видит: в трёх углах дома три женщины стонут: «А-на-на! А-на-на!». И говорят со слезами:

– Что за женщина нас порезала? Откуда её привезли?!

В это время открывается дверь лесной избушки и в дом вваливается сам хозяин, лесное пугало Йипыг.

Стоит в дверях, будто удивляется чему-то. Сёстры его лесные спрашивают:

– Откуда ты привёз эту женщину, которая чуть нас всех на смерть не перерезала?!

Берет он верёвку, которой тащил нарту. Эту верёвку, сплетённую из сырой кожи лося, привязывает к дверной ручке. Второй конец на плечо кладёт и тянет, тянет, будто что тащит. Потом идёт к Миснэ, будто бороться готовится, словно драться хочет. И такие слова говорит:

– Вот ведь какое горе! Вот ведь какая беда! Широкоплечие пять мужчин меня поймали, широкогрудые пять мужчин меня пленили. Если бы не пленили – быть мне другим!

Ничего не понимает Миснэ. Загадкой остаются эти таинственные слова.

Таинственным кажется и этот танец, и все выходки Йипыга.

Потом он убирает с плеча верёвку, снимает с себя одежду лесного пугала.

Смотрит Миснэ и чуть не слепнет: перед ней стоит не пугало лесное, а человек! Удивительной красоты мужчина стоит перед ней. Взглянула на брёвна – глазам своим не поверила: красавицы сидят. Одна красивей другой, одна другой прекрасней! Оказывается, это его сёстры.

Вот ведь как бывает: смотришь на мужчину – пугало, да и только, а поближе узнаешь – человек! Да ещё какой! Вот ведь как бывает. Не оттолкнёшь влюблённого, постарайся понять его – зацветёт человек, снимет свою маску, самим собой станет! Вот ведь как бывает: не так уж много злых духов, как их изображают. И в тайге, и под водою, и на небе много, видно, добрых духов. Только многие из них в злых масках ходят!

«Чего боится отец? – думает Оринэ. – Может, Солвал ему показался Йипыгом? Да так ли важен калым?!»

По Сосьве плывёт белая ночь. Склонившись к воде, раскрыв белые лепестки-ресницы, удивлённо смотрит черёмуха на журчащие струи. А струи кружатся, пенятся, позванивают, будто передразнивают птиц, щебечущих на зелёном берегу. А берег низкий. А деревья – в воде. Над гладью реки – чайки. Они то замирают над струями, висят как заколдованные, то вдруг камнем вниз – и в клюве рыбка. Живая, трепещущая.

Где-то хохочет халей, захлёбываясь от счастливого смеха. Видно, жирную рыбу поймал. Видно, лето будет жирное, щедрое. Где-то лепечут лебеди. Как дети малые горланят, выводя по складам своё старинное «курлы-курлы». Видно, счастье будет. «У-ух! У-ух! У-ух!» – где-то далеко-далеко на тёмных ветвях какого-то большого дерева стонет филин. Неужели и горе будет?! Дрожащей струной прозвенело небо – стая уток пронеслась. Хорошо: мясо будет!..

На каком-то суку опять колдует кукушка, считая чьи-то годы. Солвал её не слушает. Солвал сердце своё слушает. А сердце спешит куда-то. А ещё слышит Солвал черноголового кулика, который кричит: «Хап ти юв! Хап ти юв!».

«Лодка плывёт, лодка плывёт!» – кричит черноголовый кулик, вылетающий навстречу калданке.

«Хап ти юв! Хап ти юв!» – кричит кулик, и все птицы и звери поднимают головы, слушают последнюю новость: по лесу лодка плывёт.

А знает ли Оринэ, младшая дочь Васьки-ойки, что по Сосьве плывёт калданка?! К ней плывет...

А весло у Солвала голубое, с красными узорами. А калданка Сол-

вала лёгкая, ходкая. А плывёт Солвал на свидание с невестой. Не везёт Солвалу.

Трижды ходили сваты, трижды просили старика Ваську-ойку выдать дочь за молодого Солвала – трижды приезжали в свою деревню Хомрат-павыл с тяжёлыми словами.

Теперь Солвал не будет просить Ваську-ойку. Сердце любимой будет умолять. Он не пристанет к деревне, где лодки уткнулись к берегу и, как усталые олени, дремлют. Он подъедет к дальней песчаной косе, где никто его не увидит. Подойдёт к вечнозелёному кедру, в священное дупло уронит звонкую монету и позовёт любимую своим трепещущим сердцем. Если она спит, то ей он приснится плачущим от любви. Она вздрогнет и проснётся. По росистым травам побежит к кедру любви и встреч. Если ей снится сон о другом парне – она перевернётся на другой бок, другую половину сердца во сне послушает, и вздрогнет, проснётся. И росистые травы уронят счастливые слезинки под её босыми девичьими ногами. Если она не спит и о нём думает, то разве она каменная, разве не услышит его мольбу?!

Кто любовью тронут, в том проснулось сердце. Кто пленён любовью, в том душа, как озеро, растаявшее под солнцем, – от лёгкого дуновения встрепенётся такая душа. Слышит такая душа. За семь озёр чует, за семь таёжных речек слышит. Росинки будут лететь и сверкать, травы будут гнуться и, распрямляясь, удивлённо покачивать зелёными головками вслед бегущей куда-то девушке...

Недалеко от кедра, увидев его, она каменеет. Нет, она просто останавливается. Замирает. Как дерево, стоит на месте, не решаясь сделать шаг ни вперёд, ни назад. Как живое дерево, трепещет. От какого-то неведомого страха дрожит, как белая берёзка на ветерке. И одна за другой искрятся мысли: «К кому бегу?! Какой стыд! Разве мать и отец вынесут это?! И я нарушаю обычай предков?! Неужели это я – тихая Оринэ?! Какой злой дух в меня вселился?! А Солвал... Кто он такой?!».

Он стоит, склонившись к могучему кедру. На шершавой коре выступила смола. Смола янтарная, прозрачная. Как слеза. Дерево плачет. Оно понимает человека.

«Почему же люди не понимают друг друга? – думает Солвал. – Почему одни – бедны, другие – богаты?! Почему Васька-ойка не хочет отдать за меня дочь?! Неужели и она меня не услышит?!»

Она услышала. Сделала шаг в его сторону. Кедр смахнул слезу, улыбнулся, шевельнул ветвями в её сторону. Оглянулся Солвал. И они полетели друг к другу. Как две волны встречные слились, обнялись...

Нет, не в эту ночь он увёз её. Дерево то шелестит ветвями, то замирает в зное. Человек то просыпается, то спит, то оживает, то замирает перед силою обычаев. А какие обычаи? О, эта сказка длин-

ная, как жизнь, как судьба!.. В одной песне не расскажешь. Оринэ нарушила обычай предков: убежала с молодым Солвалом.

Рядом с лодкой плыла белая ночь. Склонившись к воде, раскрыв белые лепестки-ресницы, удивлённо смотрела черёмуха. И струи кружились, пенились, позванивали, будто свадебные колокольчики. Свадьбы не было, но начиналась жизнь, полная тайны и загадки.

Берег низкий. Деревья в воде. Неужели ресницы будут вечно мокрыми от слёз?

Над гладью реки – чайки. Они то замирают над струями, висят, как заколдованные, то вдруг – камнем вниз, и в клюве – рыбка. Живая, трепещущая. Где-то хохочет халей, захлёбываясь от счастливого смеха.

Где-то лепечут лебеди. Как дети малые горланят, выводя по складам своё старинное «курлы-курлы».

Неужели и счастье будет?!

«У-ух! У-ух! У-ух!» – где-то далеко-далеко на тёмных ветвях какого-то большого дерева стонет филин.

Неужели и горе?!

А без него разве нельзя прожить?!

Дрожащей струной прозвенело небо – стая уток пронеслась. Лето мясное – зима сытая... Разве одной сытостью хороша жизнь?!

На каком-то суку опять колдует кукушка, что-то подсчитывая. Тридцать раз прокуковала кукушка. Через тридцать дней приехали в деревню Солвала отец и мать Оринэ. Через тридцать дней они смирились с дерзким зятем. Через тридцать дней началась новая история новой жизни, полная тайны и загадки...

ОДНАЖДЫ...

Однажды приехал в деревню Ванька Дровосек. Был у него вороной конь. И имя у него новое. Одни звали его Совет-ласть, другие – Милица. Лишь Солвал называл приятеля по-старому. И было у него ещё маленькое «пу-пу», которое имело великую силу. Все это знали и не шутили...

На этот раз Ванька Дровосек был особенно важен. Видно, важную весть привёз. И эту весть он выложил не сразу. Лишь выпив чашку густого чая, настоянного на чаге, сказал:

– У вас в деревне будет магазин, где вы сможете купить настоящий чай, сахар, масло, соль, хлеб... Нужен продавец. Посоветуйте, кто грамотный, кто хорошо умеет считать деньги?

– Читать русскую бумагу никто не умеет, – подумав, ответил Солвал. – Но считать деньги – сможет каждый. Только бы они были...

Магазин, лавка... И это в мансийской деревне?!

Хлеб, соль, порох, дробь, ружья... Неужели это всё можно приобрести, не выезжая никуда, не тратя драгоценного времени, так необходимого в дни большой путины?! Неужели возможно без купцов и их коварных приказчиков самим торговать?! Но чем торговать? Манси не знают даже, где растёт соль, откуда берётся сахар, как делается порох... У манси есть соболь и белка, осётр и нельма, орехи и ягоды... Но в деревне их никто не будет покупать. Если надо орехи или ягоды – манси в лес пойдёт, в «лесном магазине» купит. Если надо рыбы – манси к реке пойдёт, в «речном магазине» купит. Если соболя надо – можно найти и «соболиный магазин». Нет у манси лишь хлебного магазина. Не найти в деревне грамотного приказчика!

Все эти размышления и сомнения Солвал высказал приятелю. Ванька Дровосек нахмурился. Но ненадолго. Глаза его загорелись озорным огнём, и он выпалил:

– Если нет среди вас грамотных, но все умеют считать деньги, – продавцом будешь ты!

Солвал возражал. Но тот его и слушать не хотел. Он приводил в пример себя и других своих товарищей, которые не так-то уж грамотны, но власть сумели взять в свои руки. И хорошо держат власть, крепко держат, потому что учатся. Вчерашний батрак сегодня стал милиционером, вчерашний рабочий – председателем Совета... Почему рыбак не может стать продавцом?

Свою длинную речь Ванька Дровосек закончил многозначительно, будто говорил он какие-то волшебные слова: «Учиться, учиться, учиться!.. Завещал нам наш вождь – Ленин!».

Слова «Совет-ласть» оказались не пустыми. Скоро подошли обозы. Приехали и представители Советской власти. Ванька Дровосек по старой привычке привёл их в дом Солвала. Эти интересовались нуждами людей, а не шкурками и рыбой. Они были не так щедры, как весёлый купец Плотник, не угощали водкой, но и руки у них были не длинными – ничего не забрали. Наоборот, спрашивали: что привезти для манси, какие товары больше нужны...

Они попросили Солвала быть представителем Интегралсоюза¹⁴. К этому чудному и непонятному слову скоро манси привыкли. Даже полюбили. И не случайно. Если раньше за солью нужно было ездить к купцу за сотни вёрст, то теперь пойдёшь в дом Солвала, дашь ему деньги, он тебе отвесит соли. И сахар можно купить, и материю на платье, и шёлковую шаль... Любят женщины шёлковую шаль и к бисеру цветному неравнодушны... Зачастили они в дом Солвала... Юноши приходили, разглядывали ружья. Луками

¹⁴ Интегралсоюз – кооперация смешанного типа, которая занималась всеми сторонами хозяйственной деятельности (производство, торговля, кредит) и бытом народов Севера.

и стрелами многие ещё охотились. Теперь можно взять и ружьё. Если нет денег – в кредит можно!..

И шкурки белок, куниц, горноста́я увозить никуда не надо было, приезжал приёмщик пушнины – товарищ Солвала по работе – и принимал золотой мех. Тут же вручал деньги. С ним не надо было торговаться, как раньше с купцом: теперь стали твёрдые цены на мех.

«Хорошая новая власть – она даёт магазины с хлебом! Хороший Совет-ласть – у него можно взять и ружья, и порох, и соль, и одежду! Хороший Солвал – он всё может дать!»

И Солвала теперь звали по-новому: «Совет-ласть!».

Услыхав про успехи Солвала, Яныг-пуки не приезжал из своей деревни, не предлагал свою помощь, свои услуги, да в нём теперь никто не нуждался. Присмирел и шаман Якса...

Но люди помнили большое камлание. И перемену в жизни всей деревни многие восприняли как результат великого священнодействия. Побаивались Солвала. Знали все, что шаман Якса предсказывал ему великую судьбу, большую жизнь...

Однажды Солвал с односельчанами поехал в Берёзово за товарами. Сделав дела, как обычно, он забежал в раймилицию проведать приятеля.

– Слушай, – обрадовался Ванька Дровосек, – приходи сегодня в народ. Там собирается все Берёзово. Увидишь чудо!..

Вечером в народном доме, правда, было много людей. Все шумели, говорили, посмеивались.

«Балалайки по улицам наставили, пугала вороньи», – указывая на столбы с натянутыми проводами, смеялся кто-то.

«Как это в проволоке может быть огонь? Нет, этого не может быть! Врут русские! Верить нельзя!» – шептал ханты из соседней деревни.

«Старые люди жили, и мы будем жить. Керосин горел. Керосина не было – жир горел и гореть будет. Много рыбы в старой Оби. Жирная рыба. Хватит жечь», – говорил какой-то незнакомый манси.

«Огонь священный, древний. Разве можно над ним насмеяться? Никогда железо не освещало. Неужели сейчас оно может осветить наш Север?» – рассуждал другой.

Даже русские не верили.

Быстро наступали зимние сумерки. Зажгли керосиновую лампу. К столу подошёл партийный секретарь. Он приезжал в деревню, пил с Солвалом чай и долго с ним говорил. Как шаман Якса, он умеет говорить!

Воцарилась тишина. Напряжённая тишина, как перед большим камланием.

Заговорил партийный секретарь:

– Товарищи! То, над чем мы работали столько времени, завершено. Мы добились своего. Мы победили. Вот результат нашего труда...

Партийный секретарь взмахнул рукой. И, словно по его волшебному мановению, зал озарился небывалым светом. Нет, это было не северное сияние. Меркнет оно перед этим светом! Нет, это была не белая ночь. Разве сравнишь её с этим светом?! Нет, это была не луна. Потухшей лучиной кажется луна в сравнении с этим чудным светом!

Нет, это было не солнце. Свет этот казался ярче солнца, сильнее солнца, волшебнее солнца! Ведь появилось это озарение по мановению человека. Это чудо!

Все ахали и охали, жмурясь от небывалого света. Кричали «ура», пели, хлопали в ладоши. Не дали говорить партийному секретарю. Зачем слова – если есть свет! Зачем слова – если глаза видят! Зачем слова – если на глазах у всех свершилось чудо!

Потом каждый подходил к выключателю и сам вершил чудо. И Солвал своей рукой касался этой волшебной штучки, которую все называли выключателем. Повернёт её – наступает мрак, ещё повернёт – всё вокруг озаряется. Своими руками можно делать людям свет.

«Но чей это свет? Кто послал его на Север?» Вопросы комариным роем кружатся в голове, не дают покоя душе.

Нет. Нужны слова. Очень нужны слова партийного секретаря. И когда воцарилась тишина, он ответил на удивлённые вопросы северян:

– Свет послал большой человек – Ленин. Это светило называется лампочкой Ильича.

– А-а! Ленин! – кивали люди.

Теперь было ясно: Ленин – это не дух! Теперь было ясно: Ленин – это свет! Это новая жизнь! Жизнь с простыми чудесами, которые делают умелые руки человека.

Однажды вечером на глазах Солвала люди Ленина свершили чудо – зажгли новый свет, о котором даже нет намёка в мудрых сказках и легендах манси. Значит, люди Ленина мудрее сказок и легенд? Однажды вечером у таёжника зародилась мечта самому овладеть этим волшебством, чтобы принести свет и в свою тёмную деревню.

Однажды вечером захотелось ему быть вместе с людьми Ленина – ленинцем вечным твёрдо решил он стать!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Кай-о! Кай-о!

Я – Солвал!

Я – Большой Солвал! У меня много песен. Но песни мои старые.

Кай-о! Кай-о! Я – Солвал. У меня ещё есть глаза – они видят. У меня ещё есть уши – они слышат. У меня и сердце есть – оно поёт.

Есть у меня и песни об Игриме.

Юхрим... Это твоё старое имя, Игрим. Твоё мансийское имя, Игрим. Почему ты сменил своё имя? Не слишком ли богатым стал ты? Не слишком ли знатным стал ты?

Юхрим... Где старая мансийская деревня?

На узкой полоске земли сидели дома, как чёрные глухари, копошащиеся в песке. Стаей глухарей чернели они на песчаном берегу Сосьвы.

«Тюр-тюр-тюр», – журчала вода. Почти у дверей плескались шипучие волны.

«Атлув-атлув-атлув» – так пел кулик, радуясь весне.

– Пять лошадей, пять лошадей, пять лошадей! – слышали мансийцы. Что могли они ещё слышать? Самой сильной машиной была лошадь, а не трактор...

О, как пахло травами, мокрыми сетями, рыбой!..

Какой запах у тебя теперь? Ой, какой большой стал Юхрим!

Когда я жил рядом, в Люлюкарах, когда председателем колхоза работал, не маленький был Юхрим, может, тридцать домов стояло, а может, целых пятьдесят, оттуда в Юхрим приезжал, – село стало больше, может, сто домов, может, даже больше.

Экспедиция пришла, железные деревья – вышки – посадила, машины привела, землю сверлить стала...

А когда с Аргинтура стал приезжать, когда тихим пенсионером стал ходить – приезжаю в Юхрим, не узнаю его. Сколько домов – сосчитать не могу!

– Кто тут живёт? – спрашиваю я.

– Это рабочие конторы бурения, служащие Игримгаза, строители, – говорят мне. – Новые люди...

– У, какой большой Юхрим!

«Что тут удивляться! – может воскликнуть кто-то. – Разве деревянный Игрим велик? На свете есть, мол, каменные города с медными воротами...»

Простите меня...

Глаза мои – два охотника: за зверем таёжным бегут, кедром зелёным любят, а каменный город, наверное уж, не поймут. Уши мои – два рыбака: в вечерний плёс вслушиваются, плеском рыб на-

слаждаются, и колыбель свою – юркую лодку – на трактор разве сменяют?

А Игрим пахнет железом. Не ржавым железом пахнет Игрим, а новым, сияющим железом.

Разгружаются баржи, звенят топоры, рычат бульдозеры, урчат тракторы, лают машины, скользя по песчаным улицам, и небо кажется песчаным, и солнце кажется песчаным, раскалённым. Всё движется, кружится, вьётся... Жарко! – вот чем пахнет в Игриме.

Что я делаю в Игриме? Хожу, слушаю, спрашиваю...

– Как называется железная лестница, что в землю и небо упирается?

– Буровая, – отвечают мне.

– Как называется чудовище, железными зубами хватающее землю, сосны, бруснику?

– Бульдозер, – отвечают мне.

Всё должен знать старый человек, входящий в новый век!

Рыбу добывавший мужичок, зверя догонявший мужичок, что на своём веку я ещё умел? Не похваляясь скажу: хозяином быть умел, грамоте больших начальников завидовал, над словами больших начальников думал, а руководил колхозом своей головой.

И вот думаю: а ведь можно жить сейчас очень хорошо! Бывшие колхозники манси и ханты ловят рыбу, охотятся, доят коров, ухаживают за лошадьми, выращивают картофель... Только называются теперь рабочими. И получают большую зарплату, как и все рабочие газопромислового управления. Бывший колхоз подсобным хозяйством стал. Только думаю: рыбак – всё же рыбак, манси – всё же манси. Есть у него что-то, непослушное бумаге. Чутче лося надо быть начальнику, чтобы слышать многим неслышимое, прозорливее орла надо быть начальнику, чтобы видеть многим невидимое. А доярка-манси и рыбак-манси хотя считаются уже рабочими, они остаются всё же манси, есть у них всё же своё. На то ты и начальник: услышь, пойми человека. Тогда будет тебе и рыба, и молоко, и мясо! И люди скажут: спасибо, директор, ты манси рума, ты друг манси, а не начальник. Мы народ сговорчивый. Но только смотри, начальник, чтобы твоя дума была не легче рыб, которые мы сдаём в подсобное хозяйство, не жирнее молока, которое доят наши доярки, не дешевле соболя, который так трудно даётся охотнику.

Твоя голова пусть будет не меньше всех наших голов – вот какой директор нам нужен!

Кай-о! Кай-о!

В Игриме часто сетуют: мол, большие начальники к мнению маленьких не прислушиваются. Мол, начальники управления на газ лишь глаз имеют, а на подсобное хозяйство смотрят, как рыбаки на охотничьих собак.

Может, это правда, а может, совсем не так!

Знаю одно: хозяйство любит хозяина, а не начальника!

Добрый хозяин поладит и с малыми, и с большими!

Верю: можно найти язык и с новыми людьми!

Аргинтур мой, Аргинтур! Большая моя деревня!

На твой песчаный берег садятся ещё утки, а самолёты – железные птицы – ещё не садятся! Аргинтур мой, значит, ещё маленький.

Юхрим мой, Юхрим! Над тобою летают не только стрекозы-вертолёты, но и самые великие лебеди – «АН-24», значит, ты уже большой. Ты сияешь, Юхрим, яркими огнями, по тебе, Юхрим, ходят новые люди, ты живёшь, Юхрим, мечтами, которые нам не снились, тебе, конечно, надо называться по-новому!

Пусть тебя зовут Игримом! Пусть это имя станет светлым!

Мой древний Юхрим, я верю: ты станешь светлым.

С этими людьми я жил. У них не только дух, но добрые руки и сила. Ты будешь, мой Юхрим, светлым, ты будешь Игримом!

Вот какой я, Солвал. Вот какая моя новая песня! Кай-о! Кай-о!

– Кто нашёл газ? Кто открыл нефть? Имя его – геолог. Хороший был мужик. Я ему даю лошадь, а он мне – бензин... – говорит напевно Солвал, отвёртывая ключом замавленную гайку мотора длинной лодки – саранхапа. В курчавых, коротко остриженных волосах – ниточки инея. На бледном обветренном лице – морщины. Но из-под тяжёлых век льётся ещё озорной свет голубоватых глаз. Они внимательно, испытующе смотрят то на меня, то на своего спутника: не смеются ли?.. И продолжает: – Все ведь теперь про это знают. Лавриатом, говорят, он стал. Премию Ленина получил. А вместе работали. Я в колхозе, председателем. На пленумах встречались, на сессиях...

И он рассказывает, как охотник о своей удачной охоте, о встречах с начальником партии глубокого бурения, которая открыла в Берёзове первый газ Сибири.

– Геолог тот был, как мы, северяне, росту невысокого. Плотный мужик. Но проворный, что рыба. Большую машину-лестницу привёз. Около Берёзова поставил. Место выбрал – как в землю глядел. Газ вырвался, загремел, заплясал. На много вёрст кругом слышен был его рёв, испугались сначала многие. Геолог счастливый ходил: голубой огонь нашёл. Люди говорили: «Уж не колдун ли он, не шаман ли? Как знал, куда поставить буровую? Ведь потом, говорят, совсем рядышком пробурили, а газа не нашли». А геолог счастливый отвечал: «Пусть что хотят болтают, а газ-то есть, а нефть-то есть, а бензин-то есть!». Вот какой геолог!.. Хороший был мужик. Да только как нашёл он этот огонь, так сразу народу стало много, а рыбы-то меньше. Сваришь её – так иногда машиной пахнет. Хороший мужик тот геолог. И зачем он это сделал?!

– А на каком горючем вы ездите? – спрашивает мой спутник, удивлённый поворотом разговора.

– На бензине. Быстро саранхап бежит!

– Так этот бензин из той самой нефти, которую в округе добывают.

– Понимаю! – холодно откликается моторист, всем своим видом показывая, что он не только это понимает. – Нефть – золото! И рыба – золото! И без мотора плохо, и без рыбы плохо!

– А как быть?

– Как быть? Человеком надо быть! Хозяином на земле надо быть, а не гостем!

– Вот к нам, на Север, приезжают люди, – размышляет вслух Солвал. – Побудут – уезжают. Не понимаю я этих людей. Что они ищут? Что им надо?! Где-то и у них, видно, есть край родной. Не на луне, наверно, родились.

Речка, в которой плескалось детство, разве можно её забыть? Деревья, которые шептали колыбельные песни, разве можно их забыть? Дом, единственный в мире дом, потолок которого двигался, разве может сын забыть?

Потолок этот сначала кажется высоким-высоким. Недостигаемым кажется. День проходит, год проходит – видишь: ближе стало. Двигается к тебе высокий потолок. День проходит, год проходит – ты уже коснулся потолка. День проходит, год проходит – тебе уже тесно под ним. Такой потолок лишь в родном доме бывает. Лишь в отчем краю самые высокие потолки снятся!..

Я не говорю, чтоб каждый сидел в своём гнезде. Пусть человек ездит, пусть свой потолок ищет! Настало время – стало тесно и мне в родительском доме. Позвала меня жизнь – и я пошёл пытаться силу. Трудной дорогой пошёл, своей дорогой пошёл. В каждом новом месте потолок казался высоким. Дотягивался до него, рос. Много бессонных ночей мне это стоило, много. Но вырастал я, и этот дом становился для меня родным. Вырастал я, и снова меня звали в новую дорогу. Не сам бежал – жизнь звала.

По семь, по восемь лет в каждом колхозе работал. Председателем был. Я расту – и колхоз растёт. Смотришь – люди чаще улыбаются. Смотришь – люди лучше одеваются. А то вначале... Ах! Всяко бывало! Глядит на тебя, а смотрит росомахой. Будто ты, новый председатель, пострашнее росомахи зверь! И пришёл ты сюда, мол, не работать, а лазить по лабазам, охотничьим амбарчикам, да по колхозной кассе шарить. Косо вначале смотрят на начальника. Сам им был. Знаю. А вот поработаешь, годок-другой повертишься – иными глазами начинают глядеть. Как лайки, ласково люди смотрят, кошками вокруг тебя трутся. Хорошо!..

А если бы сразу ушёл – этого бы и не видать сроду!..

Коли приехали новые люди в наш край, то пусть живут, работают. Только пусть не бегают.

А край наш богатый, ой какой бога-а-тый!.. Всё что хочешь у нас

есть! Нефть надо – нефть есть. Газ надо – газ есть. Хрусталь надо – хрусталь есть. Соболь надо – соболь есть. Медведь надо – медведь есть. Грибы есть. Орехи. Тайга наша – ещё нехоженная.

Ягоды надо – в лес иди. Какую хочешь ягоду – такую и выбирай. Красными глазами брусники, голубыми глазами голубики, золотистыми глазами сладковатой морошки взглянет на тебя земля и скажет: человек, будь хозяином!

Осетра надо – осётр есть. Нельму надо – нельма есть. Муксун надо – муксун есть. Реки наши, как море, полноводные. Плещутся в них рыбы, как играют. Темнеет небо весеннее не от туч, а от утиных стай. Гремит небо не громом, а гоготом гусиным. И белая ночь, может, оттого белая, что белые лебеди плывут и плывут над весенней тайгой.

Комаров надо – и их не занимать! Мошкарку надо – и её на всех хватит. Всё есть у нас.

Грешно такой край не любить! Дом надо строить. Не временный дом, а родной. И чтобы потолок в этом доме двигался. Это самое главное богатство!..

2

Сейчас я понял, что не прав был старый шаман, когда говорил, что Мирсуснэхум сотворил рыб, зверей, птиц... Не было никакого Мирсуснэхума. Была сказка: ехал Мирсуснэхум по земле. Однажды слышит сверху:

- Внучек!
- Что?
- Куда едешь?
- Землю посмотреть, силу свою попытать.
- Силу не пытай, я тебе работу дам.
- Какую работу?
- Птиц, зверей делать.
- Как же я смогу делать зверей?
- Э!.. Сынок, всё узнаешь...

Поднял с земли два круглых камушка, потёр их друг о друга – появилась собачка, и, виляя пушистым хвостом, побежала за Мирсуснэхумом. С белой берёзы сорвал три листочка, свернул их в трубочку, дунул – и появился зверёк: лесная мышь. Все вместе идут дальше.

Отломил от кедра щепочку, обстругал её – прыгнул пушистый соболь. Тоже с ними пошёл. Увидел корягу с засохшими ветвями, подтолкнул её – и по лесу зашагал лось с могучими рогами. Так, идя по дороге, делал Мирсуснэхум всё новых и новых зверей. Куда клонится его голова – туда и идёт. Куда Мирсуснэхум идёт, туда и звери бегут.

Долго ли шли, коротко ли, Мирсуснэхум говорит своим зверям:
– Сейчас разойдёмся! Ты, собака, иди, ищи человека. А ты, мышь, ступай, может, где найдёшь кучу травы, там себе сделаешь гнездо. А ты на берег реки беги, – говорит он лисице. – Увидишь мышей – убивай. А ты, соболь, в лес скачи... А ты, олень, будешь возить людей на охоту... Звери разбежались по тайге.

Сейчас я понял: прав был старый Якса, когда говорил, что сильным рукам нужен сильный ум.

Однажды Мирсуснэхум увидел озеро... Вода в нём прозрачная, хрустальная... Видно даже, как плавают рыба. Нельмы, как серебряные луны, важно шевелят плавниками. Осетры, как хрустальные хребты, по дну песчаному идут, задумчивые такие. Наверно, говорят о чём-то важном, может быть, о своём будущем по-рыбьи рассуждают. И лишь глупая мелочь пляшет, плещется на поверхности, заливаясь счастливым смехом...

Смотрит Мирсуснэхум вверх. Видит – осина стоит. Ветвей на ней нет, ствол голый. Лишь на самой вершине один листок дрожит. Взял в руки лук и стрелу.

– Собью с осины лист. Попаду или нет?

Натянул тугой лук, и запела стрела. Полетела стрела, попала в середину листа, пробил его насквозь.

– Хорошие, оказывается, у меня руки! Я самый сильный на свете!.. – И, наслаждаясь своей силой и могуществом, он задремал на берегу озера.

И вдруг слышит – кто-то бранится: «Вот тоже мне – герой... Вырастил такие сильные руки, вырастил такие сильные ноги и даёт им полную волю. Ну зачем ты пробил кусочек моей постели?».

Открыл глаза Мирсуснэхум, смотрит вверх, видит: на листочке букашка сидит. И поучает его, сильного:

– Для тебя этот листочек ничего не значит, а мне жизни стоит. Я на нём и сплю, и думаю, и работаю. Зачем ты, такой большой, не думая, по земле ходишь?!

Права сказка: сильным рукам нужен сильный ум!..

3

*Не шумите, что продрогли,
Не кричите, что замёрзли,
Я ещё ведь только-только
Разжигая свой костёр.
Нет ещё тепла нисколько!
Затевают только-только
Языки его живые
Свой весёлый разговор.*

*Не шумите, не пляшите:
У огня – глаза и уши.
Говорили предки манси:
Пламень слышит и глядит.
Если глаз ему проткнёте –
Он ослепнет, он погаснет.
Если уши прожужжите –
Он не вспыхнет, зашипит...*

И вот я у рыбацкого костра. Красная корова лижет чёрную корову. Отгадка этой загадки перед глазами: языки огня лижут прокопчённый котёл, висящий на перекладине.

Веет смолистым дымком и душистой ухой. Сосьвинская селёдка... Долго ли ей надо вариться? Вкусная она и свежая. Бросишь её живую в соль, а через часок будешь чувствовать сказочную нежность золотой рыбки. А уха-а! Но я сегодня не об ухе, даже не о сосьвинской. У костра – люди, у костра – жизнь. А у жизни – своя история. История грустная или весёлая, большая или маленькая. Костёр не любит молчать. Он отплясывает на смолистых ветках огненный танец, стреляет искрами, шипя и вздыхая, греет людей, кипятит наваристый чай.

Но разве первый говорящий знает, какая дума у последнего? Костёр любит слушать и других. Отдавая своё тепло, он навевает людям желание говорить, смеяться, исповедоваться. И перед глазами золотого огня оживает одна история за другой. И не только о рыбе...

– Была война. Большая война. И на той войне я был не маленьким человеком. Не таким, как сейчас, – рассказывает Йикор.

– Ты и сейчас высокий, Йикор. Ростом ты удался. Не ниже русских над землёй стоишь. А вот другим...

– Не мешайте ему. Пусть рассказывает. Рыба-то сегодня всё равно нас не веселит – не плещется в мотне. И песок отдохнёт. Вода отстоится. Может, к закату больше будет нашей золотой, – говорит Солвал, успокаивая молодых, которые нет-нет да и кольнут Йикора то лукавым взглядом, то словом.

– А на войне-то вот что было, – не унимается Йикор, не обращая внимания на мелкие колкости.

Хотя дымок костра чуть и колюч, но глаза Йикора, глядящие на огонь из-под тяжёлых век, сегодня не слезятся. И весь вид его словно говорит, что он и не таких сопляков видывал. Закуривая очередную папироску «Север», он продолжает:

– Привезли нас однажды в Москву. Веселится народ, победе радуется. В небе ночью огни ходят, будто северное сияние зажглось. Хорошее сияние! Лучше нашего. У нас загорится зимой, краски бе-

гают, как дикие олени. В Москве прямыми, ясными лучами; лучи в небе сходятся, пересекаются, расходятся.

Иду по Красной площади, слышу – где-то в окно стучат. А окон много. Хорошо, что снайпером был, – увидел: сам Климент Ефремыч стучит в окно – в гости меня зовёт. Пришлось завернуть к нему. А времени тогда у меня, как у всех больших людей, не хватало. У Ленина ещё не был. Он в Мавзолее живёт – к нему всегда очередь...

Мало было у меня времени, а к Клименту Ефремычу заглянул. А как же! Разве можно пройти мимо друга и не остановиться, не заглянуть в его дом хотя бы на минутку?

Обнялись. Он по-русски здоровался. Я по-мансийски. Уж очень нравится Клименту Ефремычу наше «паса, рума!» Хороший он для людей рума – друг хороший! Как не скажешь ему наше мансийское паса – здравствуй!

– По случаю встречи надо бы...

– А-а, – догадался я.

Климент Ефремыч ставит на стол «Столичную». Человек в столице живёт, «Столичной» угощает. А я достаю из вещмешка бутылку нашего северного спирта. Ещё с дома как-то осталась... Тушёнку на стол ставлю, свиную, союзническую.

Чокнулись... Сразу веселее стало. Хорошо с друзьями встречаться!

А вечером было собрание. Большое собрание, как в колхозе. Выступал товарищ Сталин. Долго выступал. Складно и ладно. А потом и говорит: «Кто из манси и ханты выступать хочет?». Я поднял руку.

– Тише, тише, товарищи! – говорит товарищ Сталин. – Йикор будет выступать. – Сам зовёт меня рукой к столу и готовится слушать.

Вожди внимательно слушают народ.

Делал доклад я. Как вожди говорят, как с вами сейчас беседую. Было время – рядом с большими людьми ходил!.. Выступал...

– А что на войне было! То не пересказать за один костёр. Много костров надо, много огня, много чаю...

...Бой был однажды. Страшный бой!.. Как осенние лоси дерутся – такой шум стоял.

Мы стреляем, и фрицы стреляют. Метко стреляют. А немец ещё и бомбит. Упала около меня одна бомбочка. Смотрю: крутится, вертится. На солдатскую фляжку похожа. А пить хо-о-чет-ся!.. Думал, там спирт. Чуть не схватил – она разорвалась. Засыпало меня землёй, наверно, метра на два.

Думаю: всё! Кончился твой светлый день, Йикор. Не будешь ты больше пить спирт. Не будешь рассказывать свою историю.

А история моя вот такая в тот момент была.

Лежу под землёй и хочу курить. При смерти, наверное, все курить хотят... А «Север» у меня в кармане был. Мы, северяне, только наш «Север» курили. Другие то ли махорку, то ли мох курят – кто их разберёт. Еле достал папироску из кармана – земля-то в могиле тяжёлая.

Лежу, курю, думаю: затопчут фрицы нашу землю, побьют оленей, соболей, осетров. И конец нашему Северу. И папирос таких не будет.

Нет, – думаю, – мне лежать под землёй никак нельзя. Драться мне надо с фашистами, а потом снова курить мой «Север».

С такими думами вылезая из-под земли. Когда у человека есть дума, ему ничего не страшно. И с того света вылезет, а своего добьётся...

Вылезая с того света, смотрю: никого нет. То ли вперёд все ушли, то ли сзади остались. Вдруг вижу: у костра сидит наш командир, с пулемётом возится. Увидел меня, пальцем к себе подзывает. Я к нему. Докладываю.

Похвалил он меня, что успешно вылез с того света. Хотел дать орден, да вдруг увидел, что у меня ружья нет. А без ружья какой солдат?

Иду, откапываю ружьё. И мой командир прицепляет на гимнастёрку серебряную медаль «За отвагу». А ведь хотел дать орден. Ружьё подвело...

А впереди уже фрицы опять в атаку пошли. Прямо на нас лезут, как волки голодные. Командир к пулемёту прилёт, я тоже целюсь в фрицев. О, вы не видели моё военное ружьё! Не то что наши двустволки охотничьи. Раз зарядишь – много раз стреляешь. На медведя бы с таким ружьём ходить...

– Будем прикрывать наших. Они временно, до прибытия главных сил отступают! – объясняет мне командир.

Строчит пулемёт – фрицы падают, как трава от острой косы. Наш командир, как хороший косарь. Красиво косит. И я не отстаю. Стрелял не так уж плохо. Когда-то белкам в глаз попадал, а тут фрицы. Они большие. Во много раз больше белок. И я их бью, бью... А они падают, падают, как белки с веток. Не знаю, сколько я их уложил там. Столько белок я, наверное, не брал.

Отступили фрицы.

«Молодец», – хвалит меня командир.

И к груди моей прилепляет знаете что? Настоящий орден. Золотой.

Сидим мы с командиром, жжём костёр, кипятим чай из снега. Совсем как на охоте. Пьём чай и рассказываем друг другу разные истории.

Много припасено историй у старого Йикора. Сидя у костра, он не торопясь продолжает:

– Однажды слышу: над плёсом жужжит мотор. По-особому жужжит. Смотрю: лодка. Бежит, как гагара. Ноги еле воды касаются. Бежит лодка, догоняет мою. Наверно, думаю, это сам Рыбнадзор.

И правда, подсказывает к моему деревянному саранхапу железная лодка. На корме сидит он. Мой друг. Глаза его зорко смотрят. В лодке моей рыбины лежат. Драгоценными слитками сияют. Смотрит Рыбнадзор на рыбу и не видит её. Глаза друга всегда сияют. А когда глаза сияют, то ничего не видят. Хорошо!

А подружились мы с ним вот как. Слышу однажды: на Севере новый хозяин появился. Рыбнадзором его зовут. Звонкое у него имя, громкое. Все его боятся. В кармане у него «пу-пу». Стрелит – только пулька тумкает. Все это знают! А лодка у него, что гагара крылатая. Только брызги летят да рыбаки вздыхают.

– Не рыбаки, рыбакам кто запретит рыбу ловить?! – обрывает его Солвал. – Тебе, может быть, тяжело. Ты же не рыбак, а шалый-валяй. И больше ты на купца похож: теплоходы останавливаешь, рыбу продаёшь. Такому, правда, только «пу-пу» и надо!

– Думаю: как мне дальше жить? – не обращая внимания на Солвала, продолжает Йикор. – Подлетит к моим сетям Рыбнадзор, вместе с рыбой сдёрнет мои стоглазые ловушки. И буду я плакать. А дома не поверят. Скажут: сети продал.

– Пропил, – поправляет кто-то.

– Принимаю решение: Рыбнадзор пусть меня боится, а не я его! А как это сделать? Сам себе колхоз, сам и решаю: хоть из-под земли, но надо достать красивую форму, которую носит Милица. (Так Йикор милиционера зовёт.) И фуражку... Козырек у неё пусть, как у Милицы, сияет. И синие штаны... Какой Милица ходит без синих штанов!

Выполнил я свой план и поехал на рыбалку в Милициной одежде.

Подъезжает к сетям моим Рыбнадзор. Только собирается снимать их, как я из кустов на своём деревянном саранхапе к нему подъезжаю. Увидев мою сияющую фуражку, вздрагивает его железная лодка. И стоит он передо мной, вытянувшись, как стройная сосна. Чуть ли не честь мне отдаёт, да, видно, вспоминает, что у него-то самого такой формы нет... Улыбается рыбьей улыбкой. Отведёт глаза от рыб. Рыбы шевелят ртами, видно, хотят что-то сказать ему. Спасти от меня, видно, хотят. Да Рыбнадзор теперь не хочет их слушать. Рыбнадзор теперь моим другом хочет быть! И опять жужжит его сказочный мотор. И кто-то там лишится сети. Даже если она у него единственная. Всё сдирает Рыбнадзор – в рыбном краю в большой цене капроновые ловушки... Закон, говорят, такой есть: нельзя, мол, ловить рыбу тем, кто на сухом месте работает, имя рыбака не носит. А мой друг и у рыбаков втихомолку цапает. Ловкий был Рыбнадзор!

– Не городи, Йикор! Не возводи напраслину! Одну-две сети всем разрешают ставить. И никто, даже Рыбнадзор, не имеет права их брать! – пытается кто-то урезонить разболтавшегося Йикора.

– Ты слушай. Однажды мой друг предложил прокатиться с ним. Ну кто же откажется полетать по воде на самой быстрой лодке! «Сосьвинскую селёдку кушать хочешь?» – спрашивает он меня. Ну кто же откажется от такой сладости! Даже Черчилль, говорят, за золото хотел купить нашу Сосьву. Уж больно ему понравилась наша сосьвинская селёдка! Даже империалист Черчилль растаял от её нежности. И, попробовав её, на Крымской конференции другим языком заговорил. А на той конференции большие вопросы стояли. Военные. Гитлера надо было быстрее давить. Сговорчивее стал Черчилль. Не стал вилять хвостом, как раньше. Помогла, видно, наша рыбка.

Ну, поехал я тогда с моим другом и удивился его искусству. Вот подлетаем к берегу, выходим из лодки. Рыбаки невод тянут, а Рыбнадзор по берегу ходит, лодки смотрит, рыбу глазами мерит. Увидит селёдку – глаза его особым огнём загораются. Лицо строгим становится, а шаги – важными. Будто он самый большой начальник и принёс он самую новую весть, самый строгий закон. Тянут рыбаки невод и поглядывают на него с опаской. Не впервые, видно! Селёдки, конечно, мало. А мелочи прочей много. Селёдку в ведро убирают, мелочь снова в реку вываливают...

И тут-то начинается.

– Почему у вас в лодке много нестандартного сырка? – начальственным тоном задаёт вопрос Рыбнадзор.

– Такого сырка всегда принимали, – говорит бригадир, старается снять с лица хозяина реки строгость. – Или есть новые указания?

– Штраф будете платить! – ещё важнее говорит Рыбнадзор.

Быстро кончаются разговорчики. А в лодочке Рыбнадзора – уже селёдка. Два ведра, а может – целых четыре! Настоящей селёдочки! Самой золотой, самой сосьвинской!

Довольные рыбаки нам руками машут. Как же не быть довольными, если теперь им штрафа не будет! Как же и нам не быть довольными, если в нашей лодке, летящей крылатой гагарой, столько живого золота, от которого таял даже Черчилль.

Вот какой у меня был друг! Вот какого друга у меня теперь нет! И вынужден я сидеть у вашего костра в ожидании жалкого полая...

– Нельзя ронять на землю даже кусочек сладкого сахара, даже каплю горького вина! Был когда-то такой обычай у манси, – глядя на огонь, словно думая вслух, тянет слова Солвал. – Где уронил сахар, там могила вырастет, страдать и плакать будут. Сладость горем прольётся. Где горькое вино пролили, там сладкое тоже не вы-

растет... Не сласти землю, Йикор. Не мути воду! Если бы всё было так, не горел бы перед нами наш золотой огонь. Давно бы мы разучились чувствовать его тепло и ласку.

– А разве не правду говорит Йикор?! – возмущается кто-то из молодых рыбаков. – Было же такое: поставишь сеть – исчезнет. Украдут, а на Рыбнадзор валят. А почему? Это тот Рыбнадзор дал повод: у всех без разбора снимал сети, нужно и не нужно, а снимал. Что прикрывать-то!

– Не браконьеры и тунеядцы страдали, а люди, – поддакивает ему другой.

– И правда! – поддерживает третий. – Плохо было тем, кто на земле работал. Кто сено косит, коров доит, картошку убирает, с трактором возится, где им взять рыбы? В магазине её нет: мол, у большой реки живёте. А в большой реке Рыбнадзор не даёт ловить: мол, вы не рыбаки. Где начало, где конец – никто не разберётся. Плохой закон!

– Такого закона не могло быть! Рыбнадзор такой мог быть. Это, может, и правда. Но и правда-то бывает разная, – поучает Солвал. Видно, привык он на своём веку поучать.

– И в том правда, что манси без рыбы жить не может. Когда жизнь человечья зачиналась, спросили Торума: чем будут на земле питаться люди? Отец Вселенной ответил: в тайге дремучей – чёрные звери, в реке широкой – белые рыбы. Мудрыми будете – сытыми будете. Рыба – начало жизни манси. Как можно манси этого лишать?! Но и в том правда: рыбы всё меньше и меньше! Браконьеров ловить надо? Надо! Значит, Рыбнадзор нужен! Только умный Рыбнадзор, грамотный!

Трещит костёр, стреляет искрами. Разве может у костра молчать Йикор? Пока не потушишь костёр, его не остановишь.

Трещит костёр, трещит и Йикор:

– Хороший был у меня друг! А лишился я его вот как: приехал он однажды в нашу деревню. Куда ведёт манси гостя? Не в ресторан, и не в шумное кафе, а домой настоящий манси ведёт гостя. Вот и я повёл домой.

Удивляется Рыбнадзор, что на столе моём много спирта. Стол хороший – друг будет хорошим! А какой стол хорошим называется?

Если на столе не лежит нархул – сырая трепещущая рыба с живой и сладкой кровью, – это стол не мансийский! Если на столе не лежит ехыл – сушёная на солнце рыба, – это стол не мансийский! Если стол широкий не пахнет свежесолёной рыбой, или крепко-солёной рыбой, или малосолёной рыбой, или рыбой чуть-чуть с душком – он не мансийский! Варёная рыба, мёрзлая рыба, жареная рыба, живая рыба – вот стол мансийский!

За таким столом и сидел мой гость. От такого стола хмелел мой гость. За таким столом не только говорят, но и чокаются.

Раз чокнулись – гранёные стаканы звенели. Сам слышал.

В третий раз чокнулись – слышен был плеск. Так вода в реке плещется.

Седьмой раз чокнулись. А что слышно было? Только дух знает.

Видели ли мои глаза? Заяц косоглазый, наверное, больше видел. Слышали ли уши мои? Дерево глухое, наверное, больше меня слышало.

Думал ли мой ум? Дикий медведь, наверное, больше меня думал. И всё же думка одна в сознании моём, видно, не гасла. Теплилась. Больная думка...

Была у меня красивая форма Милица. Не было у меня только маленького «пу-пу». В правом кармане его носят.

Больная думка от спирта не гаснет. Больная думка с огненной воды растёт, гореть начинает. И голова в пламени этой думки. И вот уже рука моя в правый карман к другу лезет и достаёт оттуда маленькое «пу-пу».

Моя красивая форма вдруг оживает: на правом боку на ремешке – маленькое «пу-пу». Иду счастливый по деревне.

Дети смотрят на меня – завидуют, женщины смотрят на меня – как коровы режут, мужчины смотрят на меня – как волки лают.

А я не обращаю на них внимания. Гордый иду. Вижу – теплоход стоит. И теплоход – белая лебедь – далеко-далеко от Рыбнадзора везёт, далеко и от дома.

И кто-то меня поймал, кто-то меня связал. Проснулся: в тёмном доме сижу. Там я и протрезвел. Там и понял я, что друга потерял. Его тоже, как и меня, наказали – с той хорошей работы убрали! В тюрьме той я и поумнел. Там наконец я понял, что спас вас, глупых манси, от этого Рыбнадзора.

Есть теперь разные рыбнадзоры. Умные, грамотные. Друзьями моими не хотят быть! Хорошо ли, плохо ли это – пусть скажут манси. А я помолчу. Много дров сожгли – хватит; много костёр трещал – хватит!

– Ну и щука рогатая! – вздохнёт кто-то.

– Ну и сорока-болтуня! – молвит второй.

– Ну и налим скользкий! – скажет третий.

– Если был такой Рыбнадзор – пусть его не будет больше! – заключает Солвал. – Если опять заведёшь такого друга – сами тебя засудим. А Рыбнадзор нам нужен! Только грамотный, сердечный, мудрый! Пусть он ловит браконьеров, рыб наших стережёт, а манси зря не трогает! Ну как, ребята, – говорит Солвал, – дадим Йикору полпая за сказку?

– Ладно, – тянет кто-то. – Вон солнце на деревьях начинает садиться. Не упустить бы рыбку! Пошли, ребята, пошли!

– Вы кидайте невод, а я на гармошке буду работать, – нашёл выход Йикор. – Рыбы любят музыку. В журнале прочитал. Не читаете

ничего – вот и не ловите рыбу. Моё рацпредложение: с музыкой надо ловить сосьвинскую селёдку. Вы закидываете невод – я сажусь у волны и играю на гармонике. Сосьвинская селёдка тоже стала современной – не всяким инструментом возьмёшь. Звуки старого мансийского санквалтапа её не тронут. Только гармошкой её теперь и можно привлечь!..

– Может, лучше на пианино! Манси-то теперь больше на пианино да баянах играют. Отстал ты, Йикор! – смеётся кто-то.

– Сосьвинская селёдка – это ещё не манси. Ей пока и гармошка – новость! – находится Йикор.

...И вот уже скрипят гребни, стреляет вода, стучаются о борт лодки поплавки – и над тихой вечерней Сосьвой вдруг оживает рыбацкая музыка.

*Чешуёй стальной блистая, хэй-я;
Пляшет в струях рыба стая, хэй-я,
Кипит вода, кипит вода...
Э-гэй, друзья! Скорей сюда!
Хэй-я, хэй-я, хэй-я, хэй-я!*

Голубоватые глаза Солвала зорко следят за каждым движением лодки. Знают они, эти глаза древние: закинешь невод чуть подальше – селёдki не будет; чуть не дотянешь до положенного места – не будет золотой!

*Мы проворными руками
В плёс закинем невода...
Хэй-я, хэй-я, хэй-я, и-йа!*

Может, эту песню поют руки Рыжего Солнышка, сынишки Солвала. Руки его летают, рыжие волосы летают – сияющая вода звенит, брызжется, расходится кругами. Рыжая улыбка летит, стоглазый невод с надеждой уходит в воду.

*Гей! Потянем сеть дружной мы.
Гей, друзья! Быстрей! Быстрей!
Нету лакомства вкусней,
Чем серебряная нельма!
Хэй-я, хэй-я, хэй-я, и-йа!
А селёдочка нежней...*

Может, эту песню поёт сам Йикор, идущий впереди петовщика, перебирая лады старой гармошки-хромки. Он зовёт в невод рыб.

Хэй-я, хэй-я, хэй-я, и-йа!

Лодка на полном ходу вскакивает на песок, за ней шипящая волна, и руки рыбаков бегают – тянут невод, и босые ноги рыбаков бегают – тянут невод. Вот уже первые рыбы застряли в ячейках. Значит, в мотне что-то будет. Неужели и сосьвинская будет?! Глаза рыбаков сияют, как эта Сосьва под лучами заходящего солнца...

*Плеск и гомон ввысь летит...
Хэй-я, хэй-я, хэй-я, и-йа!
Счастьем каждый взор блестит.
Хэй-я, хэй-я, хэй-я, и-йа!*

И правда, в мотне плещутся и серебряные сырки, и золотистые язи, полосатые окуни, ёршики колючие.

Среди этой суетливой мелочи важно ходят рыбки снежной белизны, удивительного спокойствия. Это она, сосьвинская селёдка. И какая дубина назвала эту нежную рыбку селёдкой? И что общего у неё с тихоокеанской?!

А ещё зовут её тугунком. Манси же её золотым мальком, рыбкой золотой величают.

– Хорошо! Золотой нашей рыбки почти ведро, наверно, будет. По нынешним временам совсем хорошо! Спасибо Сосьве, что подарила нам своё золото!

– И тебе спасибо, Йикор! За музыку спасибо! Смешно ты звал рыб в наш невод... Чтобы золотая зашла, может, и вправду что-то надо придумывать?!

*Шутки, хохот над рекою...
Видел ты хоть раз такое?
Хэй-я, хэй-я, хэй-я, и-йа!*

4

Письмо... Пришло однажды Солвалу письмо. И каждое утро, на заре, когда глухари будят уснувшую тайгу, он достаёт чуть помятые, но ещё не пожелтевшие страницы. То глядит он в синие строчки букв, то в серебряную даль разлившейся Сосьвы устремляется его взгляд. Отсюда, с этого обрывистого берега, где стоят вековые кедры, он многое видит, и вспомнить есть о чём.

О днях незабываемых поёт это письмо. Жизнь была полноводной, как эта сверкающая в лучах утренней зари Сосьва...

«...Помните суровую зиму 1944 года, когда в поселениях Обского Севера бушевала эпидемия сыпного тифа? Нам с врачом И. Ф. Гладких пришлось около трёх месяцев бороться с этой инфекцией. Около ста дней трудились мы днём и ночью, и победили инфекцию».

Как не помнить тот суровый год!

Война была. Большая война. Мужчины на фронт ушли. Немногие с поля боя возвратились. А он, Солвал, хоть и раненый, но вернулся. Недаром род его нарекли солёным. Соль всё выдержит: и мороз, и Гитлера, и тиф!

...В таёжной деревеньке, куда направили вернувшегося с фронта коммуниста, свирепствовал тиф. Почему эта старая болезнь опять проснулась? Может, её подбросил Гитлер? А может, потому, что ханты – жители глухой тайги – по суеверию не хотели мыться в бане?!

Да и бани доброй в деревне не было. Новый председатель с неё решил начать свою деятельность. В тайге деревьев больше, чем людей. Срубили люди баню. А печь Солвал сложил сам. Потому что мастеров не оказалось.

Из Берёзова, районного центра, приехали «люди в снежных шапках», «в снежных платьях». Врачи. Вернее, мужчина-врач – Гладких, так его фамилия звучала, – и девушка, его помощница. Голубоглазая, светлолицая зырянка казалась волшебницей. Колола иглой тонкой и сияющей, давала таблетки, спрыскивала дома какой-то таинственной жидкостью. И люди оживали, на лицах смугловатых появлялась улыбка. Вот какой была тогда эта девушка. А теперь она уже врач!

«Я никогда на забуду ваше предсказание, Солвал, что буду хорошим врачом... Вы меня назвали тогда «дохтуром», но я была только фельдшером».

Да, была она тогда ещё молоденькой... Малицу наденет – северянка да и только! А снежную шапочку наденет, шприц возьмёт – преображается, на дохтура похожей становится. Сильной и могучей кажется, как сам Гладких.

Да, Гладких был герой. Спас других, а сам погиб. От тифа и погиб. И на Севере был фронт. И на Севере была война. Война была с болезнями и предрассудками. Спасибо голубоглазке, что вспомнила старика и прислала весточку.

...Думы стариковские воскрешают живую и кипучую жизнь...

Наизусть знает Солвал это письмо, хотя и не умеет читать. Люди помогли. Сейчас все грамотные. И он мог бы быть грамотным, да рановато родился! Но кто сказал, что он необразованный?! Есть и у него своё образование, своя грамота.

...Это письмо обычное. Бумага белая, как снег. Буквы синие, как следы утром. Как сплошные росомашьи следы, обведённые пушистым хвостом.

Не умеет он различать эти буквы. А вот след любого зверя угадать может. И старинные надписи на деревьях читает. Но там не

буквы, а волшебные рисунки. В них – целые слова и предложения. О жизни таёжника повествуют эти знаки. На скалах крутых их можно увидеть и на маленьких дощечках, которые носит с собой охотник, делая какие-то зарубки, понятные только ему.

А узоры на шубах и кисах женщин – это тоже не просто орнамент. Не только для красоты они нарисованы. Они повествуют о жизни тайги. Вот рога лося. А вот лягушка. Она – хозяйка рода, волшебный амулет семьи. И все другие должны знать об этом. И крылья гагары, и след медвежьих лап, и длинная шея журавля говорят о многом... Солвал каждый знак знает. Старинное это письмо читает, как молодые – новое.

Солвал всю свою жизнь пользовался этим таинственным письмом. Оно его ни разу не подвело. И когда делал доклад перед большим колхозным собранием, и когда на пленуме райкома выступал, и когда на сессии окружного Совета держал слово. Когда говорил о рыбаках, о славных их трудовых делах – в орнамент рыбы глядел, когда говорил об оленеводах – в орнамент рогов глядел, когда пел о пушнине, о золотых мехах, добытых далеко в тайге, – орнамент тоже помогал.

Об этом, наверно, и вспоминает голубоглазка:

«А ваши выступления на пленумах и конференциях – всегда самые толковые и злободневные – заканчивались бурей аплодисментов в любой аудитории... А помните наши поездки на сессии окружного Совета? ...Ездили на лошадях в Ханты-Мансийск, ходили пешком. Но являлись всегда вовремя...».

«Эх, была жизнь! Настоящая, большая! – думает Солвал с удовольствием и сожалением об ушедшей молодости. – Да только в одном маху дал: не захотел учиться. Орнаментом хотел всё понять и постичь!.. Э-эх!.. Жаль!..»

Возили Солвала на курсы, учиться заставляли. Слушал он преподавателей окружной колхозной школы, внимательней лайки был. Звонкие слова пропускал мимо, а умные – записывал. Волшебное мансийское письмо помогало. Учителя удивлялись: человек не писал, а рисовал – и всё понимал. На любой вопрос отвечал председатель северного колхоза. Хорошо отвечал.

Одного не мог – писать по-новому. И ещё одного не мог – жить в городе, где мало свежей, очень свежей рыбы и мяса звериного нет. И убегал он из города в свою деревню. И руководил колхозом по-своему. А рыбу добывать в его колхозе умели: два-три годовых плана за год давали. И звери с золотым мехом от колхозных охотников не уходили. И картошку научились выращивать. Все северяне поняли тогда, что это – второй хлеб. И коров завели, и черно-бурых лисиц. Дома все понастроили. Новая жизнь пошла...

На дымной, прокопчённой корме мотолодки любил стоять председатель. Важно он стоял. Знал: ни в одном колхозе района не было ещё такой железной силы. Угадывал, что за железной силой – будущее Севера. Лишь с помощью машин, мудрых и мощных, северяне возьмут богатства своего ещё таинственного края. Чувствовал он это и, гордый тем, что первый обладает такой силой, под ритмичный треск мотора пел песню.

Много раз с тех пор прилетали утки, неся на крыльях новую весну. Много раз улетали утки, унося с собою время. Те далёкие дни стали мутной памятью, те далёкие люди живой легендой стали. Может быть, что и не так, по-другому было. Но легенды живут. Жизнь была. И счастье было! Большое счастье коммуниста, организатора первых северных колхозов! Четверть века проработал он председателем. Много колхозов поднял. Не позабыла об этом голубоглазка. Она ведь стала тогда секретарём райкома партии и редактором районной газеты. Не раз Солвал бывал с ней в ближних и дальних поездках...

«Спасибо!» – шепчет Солвал, обводя пальцем строки:

«Я помню, району было очень тяжело. Война... В рыбартелях одни женщины, дети, старики. А артель выполняла план по добыче рыбы, пушнины... Ваш образ организатора-самородка... останется со мной навсегда...».

«Навсегда»!.. Это слово неточное. Понимает это Солвал. Ничто на свете не вечно. Всё рождается и умирает, но Солвал знает одно: дети продолжают дело отцов и ценят сделанное ими.

– Жизнь... Она вечна. Только бы она пошла по пути, проложенному нами, старыми коммунистами!.. – Солвал задумывается, и снова воскресает в его памяти прожитая жизнь...

Когда-то мечтал стать богатым. Таким, как Яныг-пуки. Сытой жизни каждый хочет. А другой мечты тогда и не было. Колхозы, социализм... – это потом появилось. Это потом загорелись манси новым огнём, от которого было жарко и друзьям, и врагам. А тогда!.. Что там говорить!

Видят люди: хозяйство наше в гору пошло. И лошадь появилась, и коровы, и овцы... Стали со мной разговаривать даже старики. А им почёт был особый. Молодой человек за счастье почитает обращение к нему старика, даже самого последнего.

Стал на меня поглядывать сам шаман. В гости приглашает. С трепетом вслушиваюсь в таинственные слова молитв и заклинаний. И кажется мне, что живу я в волшебном мире. Иногда забываюсь. Причудливые видения вижу во сне. Как и шаманы, я умел забываться. Сейчас я узнал, что у меня была какая-то нервная болезнь. А тогда!.. Трясёт меня. И люди думают, что в это время меня

посещают духи. Если буду верным старому шаману – духи смогут мне открыть желания неба.

А шаман – это не простой человек. Не дурачок какой-то, как часто на сцене изображают. За семь озёр его глаз должен видеть, за семь лет вперёд его ум должен думать. Лечить он умел и погоду предсказывал. Но и коварный был, как зубастая рыба. Преступишь обычай – как щука: проглотит, детей своих не пощадит. Скользкий был, как налим! Голыми руками не поймает. Говорил, как пел. Как весенний тетерев токовал. Заслушаешься, забудешь себя и своё горе. И ты уже в его власти. И несёшь ему не только своё добро, но и сердце. В руках шамана плясали манси и ханты. И я мог сделаться таким владыкой. Обладал я ещё хорошей памятью. А это большое дело! Много должен знать шаман – больше, чем сто манси, а может, и тысяча. Он должен «на языке держать» все заклинания и молитвы, богатырские песни предков и плачи о сказочном прошлом...

Учили меня старики, посвящали в священное таинство. Но посредником между небом и землёй не суждено было мне стать. Пришла новая жизнь.

Коммунисты... Далеко было мне и до них. К тому же в нашей деревне коммунистов не было, как и грамотных. Но когда из района приезжали уполномоченные – я чувствовал, что эти люди по мне. Они такие же, как я, «солёные» и упрямые. И слова у них огненные, как у шамана, но не усыпляющие. Они звали к деятельности. Большой и огненной деятельности, какой ещё не знали манси. А мне этого и хотелось. И я стал коммунистом... И не жалею. Спасибо. Я узнал такую жизнь, что вы мне ещё не раз позавидуете! В борьбе за жизнь людей, а не только за свою жизнь, есть сладость. Её невозможно нарисовать словами, её надо почувствовать самому...

Избрали меня председателем – хозяином колхоза. Я сначала не очень хорошо знал – что делать с этой властью? В руках ли держать её, людям ли раздать или запрятать так, чтобы никто и духу её не почувал? На всей земле никогда раньше колхозов не было. И такую жизнь мы начинали впервые. Не сразу всё у нас наладилось.

И хоть не стал я шаманом, а Сорни-най, нашу золотую богиню, тёмной ночи светлую красавицу, я всё же держал в святом ящике, который стоял в углу нашего нового дома. Что правда – то правда. Не могу кривить душой при заходящем огненном солнце. Унесём-ка свой ум в то далёкое время.

Дела в колхозе были не совсем удачные. И вот рассердился я на нашего домашнего духа Сорни-най. Наверно, она, не верящая в коммунизм, во всём виновата. Из-за неё, наверное, мало ловим рыбы и премии не получим. Если плохо работает бог, зачем тогда он нужен? Утоплю нашу богиню в проруби. Пусть она там мёрзнет. И посылает в наши ловушки рыб, пока не поймёт, как хорошо быть

в тёплом углу мансийского дома.

Поехал по дрова на своей белой лошади и захватил с собой золотую богиню. Какое там золото! Это кукла. Лицо у неё деревянное, две дырочки – два глаза, красный, мазанный кровью рот. Шёлковый платок на шее и соболья шуба.

Ругать её не стал: грех ругаться на божественного духа. А просто, без слов, толкнул её в прорубь. Сам поехал в лес, чтобы вывезти срубленные дрова. На обратном пути лошадь моя провалилась в полынью, и сам я чуть не оказался в ледяной воде.

«Мстит мне богиня и другие духи, от которых я отрёкся, – подумал я со страху. – Сегодня она лошадиную душу захотела взять, завтра потребует жертву побольше. Будет мешать, как злой дух. И не успею я доказать, что колхоз лучше. И путь наш к коммунизму затруднится. И из-за чего?! Из-за собственной дурости – не смог сговориться с каким-то духом! Если богиня есть на самом деле – пусть будет мне другом, а не врагом. Пусть и духи помогают строить светлый коммунизм!..»

Достал её из проруби, отвёз домой, посадил на прежнее место. И сказал ей:

– Не буду больше приносить тебе в жертву ни белой лошади, ни барана, ни курицы. Смиловался я над тобой, посадил тебя в угол тёплого дома. Но если не станешь помогать – тогда гляди!

Не знаю, помогла ли мне богиня, но мои колхозники в тот год поймали много-много рыбы. Два колхозных плана за один год выполнили. И слава о нас пошла по всему округу.

Когда рассказываешь сказку – и то запинаешься. Нужное слово не сразу с языка летит. А жизнь складывать еще труднее. Борьба была. Настоящая драка. Яныг-пуки не хотел быть колхозником. Сыновьям и внукам завещал то же самое. За ним тянулись и некоторые старики. Рыбу все ловили, а сдавали государству не все. В лесу прятали, гноили. Сами не ели и другим не давали.

– Преступники! – сказали бы сейчас.

А тогда не каждый решался сказать это в лицо бывшему богачу. Помнили люди его былое могущество. Ещё злых духов назовёт, несчастья посыплются... А главная беда – манси и ханты не будут ловить рыбу в священном озере. А сырка там много, как летом в речке мальков. И никто это добро не ловит. Обычай запрещал. Священная, мол, рыба. И ловить её могли лишь Яныг-пуки, шаман да их приближённые. Простые манси и ханты, как деревья на ветру, трепетали, даже близко к этому озеру не подходили.

Мы, молодые – коммунисты и комсомольцы, – решили сломать древний обычай. Не пропадать же добру. Но большинство колхозников были против.

– Накажут вас боги за то, что хотите порушить древний обычай! – сказали старики, женщины повторили. Лишь семь смельча-

ков нашлось. Тоже священное число. «Что-то будет», – говорили суеверные.

И сами-то трясёмся. Ведь духи, быть может, вправду есть. Накажут они не только нас, но и детей наших. И всё же вышли на лов серебряной заповедной рыбы.

Дрожим. Холодно под сердцем. Кажется, душа ушла от нас. И всё же ловим рыбу. А её в озере много-много. На самолётах её возят. Начальники большие нас, смельчаков, хвалят. В газетах о нас пишут, а старые манси на нас самые тяжкие проклятия сыплют.

Вернулся домой – жена слезами умывается. Стонет и кричит на меня: «Ах ты, убийца! За тебя мы наказаны. Дочь наша умирает...». Ругала меня, проклинала! А дочь моя маленькая и вправду при смерти. Кричать уже не может, красная вся. Животик – как надутый мяч. Я к врачу бегу. Пришла к нам фельдшерница наша, голубоглазка... Она что-то сделала, и девочка уснула. И выздоровела в конце концов!

Богател колхоз. Слава добрая о нас слыла. И видит Яныг-пуки: духи шамановы ему не помогают. Шаман Якса к нему на помощь приехал. Тогда, видно, решили они силой со мной расправиться.

Приехал я в деревню к Яныг-пуки. Хожу, как начальник, ищу в лесу ямы, в которых рыба спрятана. Лазаю по лабазам, где мешки с мукой лежат, шкурки звериные висят. Хозяйничаю. Приказываю сдать всё это государству. Видно, глаза мои были затуманены колхозной славой. Не чуял беды. Схватили меня мои недруги. Били. Скрутили назад руки, привязали к кедру.

Сосут меня комары и весёлые песенки напевают. Их много, длинноносых кровопийц. Горит лицо огнём, и тело полуголое горит, и силы гаснут. Лишь душа моя не гаснет.

Видел я, как из-за кустов смотрел на меня шаман красными глазами глухаря. Жгли меня комары, сосали мою кровь, но я не молил о помощи, а вспоминал заклинания. Цветистыми заклинаниями стал я крыть шамана, Яныг-пуки и весь их род.

По коре кедра стекали янтарные капельки смолы, а из глаз шамана – слёзы. Он плакал, но меня не отвязывал. Может, ему показалось, что я говорю с богами? И они мне дарят такие яркие слова, а он бессилен против меня. И колхоз богатеет, и не он, а коммунисты на Севере хозяева...

Струсил Яныг-пуки – отвязал меня. Понял, наверное: коммунисты не простят его...

А Север наш богатый. Ой какой богатый... Всё, что хочешь, – всё есть у нас! Счастье – жить на такой земле!

Зверь скачет в лесу, рыба в речке плавает. Без зверя жить нельзя: ноги лыжи потеряют, глаза зоркость потеряют, не за кем будет охотиться! Скучно будет...

Без рыбы жить нельзя: без плеска рыб – оглохнут уши, без

рыб – река замрёт. И человеку нечего будет ловить. Скучно будет...

Без коммунистов жить тоже нельзя! – так я думаю. Как человек может жить без головы? Без головы жить человек не может! Чтобы жизнь была мила – нужна светлая голова.

Есть у нас на Севере жир земли – чёрная нефть. Не расплескать бы её по ручьям, не замутишь бы речки!

Есть у нас на Севере дух земли – горючий газ. Не продымить бы наши леса, не затмить бы солнце. Нашему Северу ой как нужна мудрая голова!

В лесу ещё токуют глухари, в Сосьве играет сырок, хватая бабочек над плёсом...

Хорошо!..»

Так думает старый манси, старый Солвал.

Глаза его были раньше синими – я помню. Теперь поблекли. Волосы его были чернее соболя – я помню. А теперь в кольцах кудрей – белый мех...

Он держит в руках письмо, и вся его жизнь проплывает перед его глазами, звенит в сердце щемящей песней...

5

Меня качало солнце. Большое и яркое солнце детства качало меня. Я снова был в родной колыбели...

Сердце моё плеснулось в груди большой рыбой, когда снова увидел я зеленовато-желтый тальничок, по колено стоявший в разлившейся реке. Я глядел на него, как на родного братца, с которым вместе играл и рос.

Маленьким был тальничок. Помню. Маленьким был и я. Помнит тальничок.

Возмужал тальничок. Повзрослел и я.

И старая черёмуха качала корявыми ветвями, приглашая отведать черноглазых ягод с костяным сердцем. И тропинка узкая в тени черёмушьях ветвей манила меня пройти. Тропинка бежала, осторожно обходя густые кусты светло-зелёной смородины. Тропинка привела меня, как в детстве, на берег круглолицего озера. Улыбнулось озеро серебряной улыбкой. От радости неожиданной всплеснуло руками – и взмахнула к небу стая острокрылых уток. И долго-долго держало крылатые руки свои над седой головой. Долго-долго говорило, причитало, крякало озеро голосами уток, гусей, куликов. Помнило, наверно, как подполз в первый раз карапуз к его стоячей зеленоватой воде и пустил свою дерзкую стрелу.

«Не забыл ли, сын мой, как подарило я тебе первую добычу – золотоголовую утку? – проквашало озеро лягушечьим голосом.

– Спасибо тебе, озеро! Как забыть такое! – шепчу я тихо, наклоня голову.

Белая ночь плыла. Склонившись к воде, раскрыв белые лепестки-ресницы, удивлённо смотрели цветущие деревья на своё отражение.

Всё это снилось мне не раз в далёком городе.

Низкий берег. Деревья – в воде. Звонко всплёскивает рыба...

«У-ух! У-ух! У-ух!» – где-то далеко-далеко на тёмных ветвях большого дерева стонет филин.

На каком-то суку опять колдует кукушка, считая чьи-то годы. Чьи годы считает вечная колдунья?

Кедр зеленокудрый, что стоит на берегу высоком рядом с отцовским домом, не раз шептал мне во сне: «Приди ко мне, сын, приди! В краю родном – дыхание твоё. Надышись запахом кедровой хвои – и ты прозреешь...».

Я всё помню... Волосы у отца были чёрные и курчавые. Глаза – как небо. Щека кололась, как оленья шкура. Я помню. Ведь мы живём давно-давно. Как эти чайки, кулики, деревья, вода, небо, солнце. Только я был маленьким раньше, а атя – большим. «Плохо быть маленьким, – думал я тогда, – всё время надо ждать и ждать!»

Может, плохо быть и стареньким? Может, так же, как дети, они ждут кого-то?! Но я тогда знал, что вырасту, буду большим. А что думает о своём будущем отец? Как хорошо, что мы опять встретились! Молодец сестрёнка, что придумала телеграмму. Я рад был увидеть снова и её, и отца, и родные края.

Постарел отец, но ещё много в нём сил. И я смотрел на него с гордостью, как в далёком детстве, – вот он какой, мой атя!

Порой мне казалось, что всё это мне чудится. Но когда я слышал его слова, звучные и ясные, как крик чаек, когда ощущал на плече его руку, мне дышалось легче. И это было не в сказке, а наяву. Мы сидели у одного костра. Вместе плыли по Сосьве, смотрели на берега, где проснулась новая жизнь. Я рассказывал отцу о далёком городе, о моих новых друзьях. Старый Солвал слушал меня не перебивая. А потом я слушал его рассказы – о тайге, о Сосьве, о новых и давних временах. Мне кажется, я стал намного богаче. Жизнь моя словно удлинилась. Будто не он, а я жил в те далёкие годы, когда впервые его качнуло весёлое и яркое солнце жизни.

Рядом с отцом всё было и проще, и сложнее. Всё казалось понятнее, но тут же возникали новые загадки... Жизнь играла свою вечную игру. Рядом с отцом мне она казалась полноводной рекой, выходящей из берегов. И жизнь моя снова была полная чаша.

И вот я снова лечу в крылатой лодке. Высоко лечу. Рядом с солнцем лечу.

Солнце осталось и на земле. Золотым язем плескалось солнце в серебряном плёсе. И чайки смеялись, унося в тонких клювах ры-

бок. И рыбы ломали сияющее лицо воды расплывающимися кольцами...

Земля моя, где олени бегали, где резвились соболи, где мать моя качала берестяную люльку, где отец мой на широких лыжах из лосиного камуса оставлял узкий след, снова навеяла мне свою сказку.

Крылатая лодка несёт меня вдаль. Смогу ли я её остановить? У неё расписание и строгий маршрут.

Там, внизу, над обрывом стоит мой родной кедр. Наклонив трёхсотлетнюю голову, в глубоком раздумье стоит он. Нашёл, нашёл я время и пришёл к тебе, как в детстве. Походил вокруг тебя без топора острого, посидел под могучей кроной – но не с молитвой древней, а с глубокой думой. Пощёлкал орехи и скорлупки не разбросал. В память встречи уронил орешек.

Крылатая лодка несёт меня в новую сказку. Какой-то она будет?

СИНИЙ ВЕТЕР КАСЛАНИЯ

Повесть

Тайга... День идёшь – конца не видно, год идёшь – конца не видно. Только кедры стоят как замороженные, жмутся к земле карликовые сосенки, смотрят в небо лиственницы. Снег слепит глаза. Снег, снег, снег...

И словно всё здесь омертвело, ничего живого нет и никогда не было. Стоят одни деревья, да над ними небо, да вечно сияет снег... И некого спросить, и не о чем вспомнить. Снег, снег, снег...

Так ли это?

Нет! Это только кажется...

Вот стоит обыкновенная лиственница, запорошенная снегом лиственница. Можно проехать мимо и ничего не заметить.

А если остановишься, пристальнее взглянешь на толстый стройный ствол – многое узнаешь.

Всё это на дереве написано. И писали не лось рогатый, и не медведь косматый, и не злобная россомаха, а человек, убивший их.

На стволе фигура зверя: голова, круглая, как луна, короткая шея, туловище и шесть ног. Это медведь. Он хозяин. И все враги удирают от него, как на шести ногах.

Над затёской пять зарубок – значит, было пять охотников. А внизу семь косых зарубок – семь собак было с ними.

А разные метки, что стоят в центре, – это «катпос», знаки руки, личные подписи охотников.

И можно прочесть, где убит лось, а где россомаха, где было пиршество, а где постигло людей горе...

Край наш не без истории. Только надо смотреть, только надо слушать...

Ты слышал, как шелестит кедр зелёными иголками, когда играет ветер?

Ты слушал хоть раз таёжную музыку? Знаешь ли что-нибудь об оленеводах?

Олень... Словно дерево ветвистое растёт на его голове. Глаза его смолистые, ласковые, как у доброго человека.

В них нет ни высокомерия, ни лжи, ни укора. Свет их тёплый и ясный. Они греют оленевода в пургу, дают ему крылья, – и он летит на своей нарте, словно вьюга.

Оленеводы бывают разные. Одни мужественные, как сказочные герои, другие трусливые, как слабые плотвички, мелкие рыбёшки. Таких мало, потому что каслание – кочевье оленеводов – дорога длинная, трудная...

Я был в такой дороге. Кочевал с оленеводами от Оби до Урала. Далеко от Оби до Урала: не семь раз поставишь на пути тёплый чум, а больше; не семь болот надо перейти, а больше; не в семи озёрах придётся попить воды, а больше; не семь дум передумаешь, а больше; не семь раз испытаешь себя, а больше!..

Длинна эта дорога, как жизнь. Трудна эта дорога, как жизнь. Сложна эта дорога, как жизнь! Только в каслании я почувствовал, кто я такой!..

Тебя манят звёзды. Далёкие, таинственные звёзды... Кажется, они низко-низко ходят по синему снегу на тоненьких ногах. Сквозь длинные ресницы они пристально смотрят на тебя.

– Скоро ли к нам? – спрашивают их светящиеся глаза.

И ты летишь... Хорошо!

Но звёзды есть и рядом с тобой. На твоей земле. И часто ты проходишь мимо, не пытаясь даже заметить. А ты можешь, можешь разгадать их тайну! Тайн ещё много-много.

МОЯ ТЁТЯ

*Дремлет лес, легко дыша,
В нём живёт, я знаю,
Миснэ – добрая душа,
Женщина лесная.*

Моя тётя. Ты её, конечно, не знаешь. Звать её Сана. Она мне кажется странной и интересной. Я спрашиваю её: – Далеко ли наше стадо?

А она мне:

- Нет, совсем близко!
- А сколько километров?
- Наверное, десять,
- А сколько часов езды?
- Наверное, час.

А стадо находилось в ста километрах. И ехать надо не час и не два.

Сколько километров – ей всё равно. Ей бы ехать и ехать. Только серебристые сосенки мелькают, широкоплечие кедры из-под белых шапок удивлённо смотрят, любясь её вечным движением. И тётя, наверное, тоже ими любит. Поёт им тихо песни, здороваются с каждым. И они её от ветра укрывают и в огне горят – дарят ей тепло...

Вечная дорога. Тётя к ней привыкла. И сколько километров – теперь ей всё равно. Она – жена оленевода...

Ей тридцать шесть лет. Мы родились в одной мансийской деревне. Росли в одном доме. Она качала мою берестяную люльку и рассказывала мне сказки.

И я засыпал под медленные звуки древней жизни. Вместе с ней катались с высокой горы на ледяных санках. Вместе падали и смеялись, радуясь снегу, ветру и жизни...

Помню, как мы вместе встречали весну. Я маленький, а она уже большая. Сначала солнце пригрело снег. Потом забурлила и запела вода. Посинела река. Медленно зашевелились льдины. А потом река заблестела под солнцем до самого горизонта, спокойная и нежная река. И поплыли по Сосьве калданки с разноцветными вёслами. И тётя Сана пела песню:

*Почему летает
Острокрылый стриж?
Лодка-белогрудка,
Ты куда спешишь?
Кто там так умело
Взял весло в ладонь?
Чья рубашка в лодке
Блещет, как огонь?*

Она радовалась жизни какой-то новой, непонятной мне радостью. Смотрела на птиц, что-то отсчитывала, тёмные глаза её летели вдаль. Вдруг показалась лодка. Гордым гусем плыла она меж задумчивых берегов сияющей реки. Я помню грустную песню, поплывшую вслед за лодкой:

*Лодка, лодка, если б ты
К берегу пристала,
Как бы радостно тогда
Сразу сердцу стало.
Я бы милого дружка
Обняла за шею,
Целовала бы его,*

Как одна умею.

Лодка, как дикая птица, проплыла мимо... зато с первым снегом прилетели олени. Я помню ночь, сверкавшую, как бусы на груди моей тётки. Светила луна. Деревья спали. И никто не слышал и не видел, кроме меня, как скрипнула сонная дверь, как побежал неслышными шагами колючий морозец, как наклонилась надо мной моя молодая тётя Сана и шептала таинственные слова:

– Он меня нашёл. Я его искала. Уезжаю, завтра скажешь отцу. Прости меня. Нас ждёт дорога...

На моём лице горел поцелуй. Приоткрылась дверь. В лунном свете видел я, как выходило тепло из нашего дома, как плясали морозные струи. Потом прозвенел снег. И всё замерло. И мне было больно и радостно, и смеялся я, и слёзы текли...

Утром долго гадали в доме: куда она делась? А я молчал, как дерево. И был горд её доверием. Просмотрев вещи Саны, отец начал понимать.

– Кто он, наш зять? Каков собою? – спросил он.

Я сказал, что «он нашел её».

И улетели они на оленях...

Стало всё ясно. Оленеводов в колхозе не так уж много. Конечно, только самый удалой мог так ловко украсть Сану, мог увлечь сердце девушки.

Никто не шумел, никто не бранился. Времена теперь другие. Сами виноваты. Не поняли Сану.

Зима. Ночь. Сухой, приятный, пахнущий кедром морозец. Тишина. Всё спит: и дома, и деревья, и снег. Даже чуткие собаки и те не заскулят, словно их нет.

Ночь. Нельзя тревожить её волшебное спокойствие... Это понимают даже собаки. Но молодые манси и ханты с древних пор почему-то старались нарушить это спокойствие.

Девушки убегали ночью из родительского дома. Их увозили на лёгких калданочках по сверкающей глади Сосьвы и среди бурных волн Оби, увозили на быстрых оленях среди пляски снега.

Почему ночью? Может быть, потому, что в старину ночью не надо было платить калыма. Убежала – и всё. А может, ночью просто красиво. И звёзды на снегу, и на луне, кажется, целуются двое, и даль – она зовёт и манит, и люди – особенные, и олени бодают небо, и звёзды меж рогами пляшут, и сердце летит...

Так моя тётя Сана стала женой оленевода – молодого ханты Микюля, так стала она вечной кочевницей.

...Вчера тётя Сана с мужем приехали из стада в деревню. С недельку они поживут в своём доме. Будут собираться в большое кочевье. А потом опять уедут на семь-восемь месяцев, будут весну, лето и осень кочевать в предгорьях и горах Урала.

Вечером все родственники собрались вместе. У южного угла дома убили оленя для пиршества. По обычаю, на этом месте были одни мужчины. Вун-ай-ики бормотал что-то непонятное. Кружками и стаканами с наслаждением пили свежую кровь. Голову оленя сразу отдали варить. А сердце, печень и лёгкие, разложив на две большие тарелки, подали на стол. Там уже стояли две бутылки спирта. Они были ещё не раскрыты.

У стола хлопотала тётя Сана. Она укутана от головы до пят в сиреневую шёлковую шаль с переливающейся бахромой. Что было в её глазах: светилась ли ласковая улыбка, искры злости ли

сверкали или просто равнодушие застыло в них – никто ничего не видел.

Лицо её закрыто шалью. Лишь сквозь маленькое отверстие между складок ткани она видела, кого и что ей нужно было. Особенно она сторонилась Вун-ай-ики – дяди Микуля.

Он, по поверьям манси и ханты, не должен был видеть лицо невестки.

Мне было странно. Ровесницы Саны, Матра и Олена, которые тоже были должны закрываться, сидели с открытыми белыми лицами, весёлыми глазами смотрели на древних дедов, подмигивали парням, будто они лоси, играли острым словом, улыбкой убивали...

А моя тётя Сана, Вун-ай-ики, Микуль и Яныг-турпка-эква говорили тихо, почти полущёпотом. Лица их торжественны, движенья осторожны, а в глазах тайна.

Ловким ударом Микуль открыл бутылку спирта, стакан наполнил, сказал:

– Найт-отрыт, хоть на мгновение приблизьтесь к нашему праздничному столу.

На столе стояли большие чаши. Ароматным паром дымилась голова оленя, разрубленная на куски. Из одной деревянной чаши смотрели глаза рогатого. В другой лежал его язык.

Восторженные лица, плавные движенья, таинственный полущёпот наполняли торжественностью мансийский ужин. Кажется, стол расширился, кажется, дом расширился, кажется, весь мир огромный сегодня в этом доме.

Кажется, над этим паром, что чуть не светится радугой при тусклом электричестве, вьются наши боги, в которых верит моя тётя, в которых я не верю.

– Ойнга-писинга! Счастья-удачи! – Звенят стаканы. – Ойнга-писинга! – Пьют одни мужчины. – Ойнга-писипга! – Пьют уже и женщины. – Ойнга-писинга! – И я пью вместе со всеми.

Вдруг тётя Сана, словно вспугнутая куропатка, сорвалась со своего места и наклонилась к Микулю.

– Ты, как эти деревенские, тоже всё забыл. Надо бы сначала подняться вам на крышу и отнести шайтану, хозяину нашего дома, дымящиеся глаза оленя, да хотя бы чарочку пылающей воды. Всё забыли. Накажут нас за это шайтаны, – шептала с дрожью в голосе встревоженная тётя.

– Ийсынга-нотынга! Века вечные жить! Да ладно с этими шайтанами. Если шайтаны хотят быть с нами – пусть спускаются к людям, гостям всегда мы рады, стол ваш для всех накрыт.

– Ийсынга-нотынга! – Звенят стаканы, хрустят кости. – Ойнга-писинга! – Вкусные глаза.

– Ийсынга-нотынга! – Целуются женщины.

Играет санквалтап.

*Эй, «Куреньку» заиграли –
Все поджилки задрожали.
Пляшет девушка, смеётся,
Как налим, скользит и вьётся.
Ноги гнутся в рог олений,
И плывёт, что гусь весенний,
Скачет, как лесной лосёнок...
А напев-то звонок, звонок,
Санквалтапы в звоне, в звоне,
Бей в ладони, бей в ладони!
Пляшет, как в медвежий праздник,
Всех напев крылатый дразнит,
Пляшет, пляшет платье-пламя,
Так и плещет языками,
Чтоб глаза у всех пылали...
Где такое вы видали?*

– Ийсынга-нотынга! –

Льются песни.

Тётя поёт.

– Ийсынга-нотынга! – Играет уже и радиола.

Молодёжь танцует. И тётя танцует «Куриньку».

– Ийсынга-нотынга! – Богов забыли...

– Ойнга-писинга! – Мы просто живём...

...Утром разбудил меня возбуждённый голос тёти:

– Эти люди совсем уж заплутались. Кто это их щекочет, побуждает к дурному? Вон, смотрите, Татьяна на коне верхом несётся. Женщина на чистое животное залезла. До чего дожили!..

Я взглянул в окошко, Размахивая плетью, наклонясь вперёд, как настоящий охотник, гоняющийся за лисицей по свежему первому снегу, несётся верхом комсомолка Итья Татьяна – конюх колхоза. Она, видимо, погнала молодых коней на водопой. Погода за ночь резко изменилась, подул север, разыгралась вьюга, и жеребята не хотят идти навстречу летящему снегу и ветру, их так и тянет назад, к тёплому конному двору. Но Итья Татьяна (недаром зовут бесстрашной) словно летает на своём тонконогом воронке, и жеребята вынуждены ей подчиниться, они рысцой бегут к водопою.

Тётя Сана возмущалась её поступком, жители деревни уже давно привыкли к этому.

Правда, даже мне, учителю, окончившему институт в Ленинграде, сначала как-то непривычно, странно было видеть мансийку верхом на лошади.

Но я рад за Итью Татьяну: она победила!

Тётя Сана, наверно, ещё не знает, что ей придется жить в одном чуме с этой девушкой: позавчера у нас было комсомольское собра-

ние, на котором решали, кого из молодёжи отправить пастухами в оленеводческое стадо, и, к общему удивлению, первой откликнулась Итья Татьяна.

Из парней никто не изъявил желания стать пастухом. Пришлось обязать

комсомольца Ларкина. Он недавно вернулся с армейской службы, больше толка от него будет – так решили мы.

Организатором просветительной работы решил поехать я. Надо молодёжи брать в свои руки древнее наше хозяйство. Недостает людей. Одни болеют, другие показывают на белую голову: мол, и глаз не тот, и ноги не те, хорей дрожит в руках, и тынзян летит не туда, а стадо большое, а волки злые, а дорога на Урал бесконечная, а сам Нёр, Камень, Урал, высокий. Вот и обратились колхозники к комсомолу. Мы решили. Теперь дело за общим колхозным собранием...

Мне жаль мою тётю. Живёт по старым обычаям и законам. Закрывает лицо платком от родственников мужа, не поднимается на крышу дома, верхом на лошади, как Итья Татьяна, не проскачет, над вещами мужскими не пройдёт. Она верит в Сорни-най – Золотую женщину. Лес для неё живой, населённый духами. Есть духи злые, от них зависит многое – так думает она. Но есть в лесу и добрая лесная женщина – Миснэ.

Я говорю тёте, что это сказка. А она:

– Нет, правда. Миснэ не сказка, её много раз видели люди, много добра она им сделала. Да вот я тебе расскажу историю...

Это было во время войны. Тогда не только хлеба было мало, но и зверей в лесу словно кто-то сглазил, и птица не шла в ловушки, и не ловилась рыба. Однажды мы весь день неводили – и поймали только одну щуку да мелочь разную. Щука, правда, была крупная, но до того старая, что росла у неё борода и глаза позеленели.

Уже звёзды зажглись, когда мы повесили невод. Был холодный осенний вечер. Мы продрогли до звона в зубах. Развели костёр. И скоро была готова уха. Поели, попили чайку. И тепло, как в летний вечер, стало. Погуляв немного, начали устраиваться спать в палатки, в шалаши из просохшего сена. В бригаде было пять женщин: мужчины на фронте.

Я уже легла... Устала и от воды, ледящей руки, и от тяжёлого невода. Другие ещё копошились у тёплого костра. Вдруг раздался чей-то крик: «А щуки нет в лодке: кто-то утащил!».

И не слышно стало, как трещит костёр, как у берега струится говорливая вода, – все наши женщины заговорили, застрекотали, будто птицы ронжи, когда на кедрах поспевают шишки. Самые тяжёлые слова кидали друг в друга. Вспоминали пороки отцов и матерей.

Бабушки в гробах, наверное, перевернулись: стыдно было им и за себя, и за таких внучек.

Куда тише тайга, даже когда глухари токуют, когда стонут деревья от острых клювов дятла или когда из чащи несётся зычный голос филина. Ругани не было конца...

...Вдруг из лесу, что тёмным зверем чернел на мысу реки, вышла стройная высокая женщина. Глаза её чёрные-чёрные, лицо её белое-белое. Одета она была в мансийскую шубу с яркими узорами и колокольчиками. Шла она по густой траве, покачивая головой, недовольная руганью: «Чего вы соритесь из-за какой-то одной щуки, разве она стоит ваших добрых сердец? Вот настанет утро, и если вы будете дружны и добры друг к другу – добудете много-много рыбы...».

Сказала – и растаяла в голубом лунном свете. И всё вдруг поглубело: и лица женщин, и звёздное небо, и лунная река...

А утром мы действительно поймали много-много рыбы: лодка была полной, даже невод пришлось оставить в воде.

Вот как бывает, зря ты говоришь, что нет на свете Миснэ. Так взволнованно, так поэтично!

...Миснэ, кто она такая? Ты, конечно, не знаешь. А знал бы, если бы скользил по склонам Камня-Урала, вросшего прямо в небо, если бы спал под снегом длинной таёжной ночью, что длиннее самой плохой дороги, если бы бродил между кедров и лиственниц, таких высоких и белых, что не проникает сквозь них зимнее золотое солнце, только лучи его скользят яркими пальцами на серебристых вершинах могучих деревьев. А под ними таинственно и тихо, не хрустнет снег, не шелохнётся ветка. Лишь ели, да кедры, да небо, да снег, снег, снег без конца и края.

Тебе может показаться, что в лесу совсем нет жизни. Но это не так; идёшь, идёшь – и вдруг с ветки сыплется серебристая радуга: то белочка щёлкает кедровые орешки. Она их нанесла в своё тёплое гнездо ещё осенью.

А что это за снежный вихрь среди безветрия, на синем морозе? Это с гулом и шумом взлетел старый глухарь. А вот здесь волк протащил свой хвост по снегу, а под этим кедром резвился соболь.

Есть жизнь в тайге.

А вечером, когда разожжёшь костёр на хрустящем, как сахар, снегу и посмотришь на деревья, тебе покажется, что они ожили, зашевелились ветки, от тепла людского вдруг зашептали... Шепчут сказки и навевают сны. Ветки деревьев и хлопья снега укрывают снежной шубой человека. И он засыпает... Деревья своими вершинами смотрят в небо, разговаривают с ним. И на небе появляется большеглазая луна.

Она освещает голубым светом все деревья, чтобы человек даже

ночью мог видеть и крадущихся волков, и злых духов великанов менквов, и добрую лесную женщину Миснэ.

Луна сияет, стоят деревья на страже, как старые верные воины, в руках их пляшут белки на заре, скачут горностаи, сидят очкастые глухари, и поют маленькие лесные птички.

Сияет луна, стоят деревья... А ты спишь, и ночью тебе обязательно приснится Миснэ. Ещё днём, когда ты шёл, ты, наверное, заметил, что недалеко от ночлега лес особенно тёмный и густой. Там стройные лиственницы уходят за облака, плечистые кедры обнимают землю так, что не видно неба. Там мало снега – весь он на густых ветвях.

Туда не проникает озорной шалун – Луи-вот-пыг, сын северного ветра. А сам дедушка северный ветер, коль дерзнёт войти, сразу теряет свой холодный длинный нос. Этот дремучий лес – дом доброй лесной женщины Миснэ.

*Ходит веточки стройней
Где-то в снежной дали.
Шубка вышита на ней
Птичьими следами.
Пусть ни солнца, ни лучей,
Воет вьюга злая,
А у Миснэ из очей
Льётся ласка мая.*

– Если бы ты всё это испытал, к тебе обязательно пришла бы Миснэ, – говорит тётя, – как приходила ко мне в детстве.

Какая древняя сказка! А моя тётя Сана верит в неё. Попробуй, докажи тёте, что это сказка!

Но и она, смешная моя тётя, очень хочет разгадать тайну говорящих крючков и много других тайн. Однажды, по дороге в чум, под грустный скрип полозьев, она мне спела песню про жизнь, про свою мечту.

– Вот возьмёшь газету, большой лист бумаги, – пела она в песне, – какие-то крючки с тобой заговорят словами такими мудрыми, что одним умом ты увидишь мир, невидимый моему глазу. Для меня просто бумажка, для тебя – говорящая. Я словно немая, без глаз, а ты с четырьмя глазами. Когда учился ты, я хотела в город к тебе съездить, но как найти тебя без глаз? О, как хотела быть такой же, как хотела я учиться! – пела тётя со слезами в голосе.

А потом тётя Сана рассказывала мне, как всё случилось. Это было в тридцатых годах. Молодые учительницы-комсомолки, отважные русские девушки, ездили по мансийским и хантыйским

стойбищам, собирая детей в школы-интернаты. Родители, не понимая смысла учения, отдавали детей в интернаты с неохотой. К тому же шаманы распространяли слухи: «Из детей северян готовят слуг чертей». Тогда были уже культбазы. Шаманы переиначили это слово.

Слово «куль» – по-мансийски «чёрт». Культбаза – «чёртова база», так растолковали шаманы это слово. Этого, конечно, уже не рассказывала тётя Сана. Я это знал сам.

Но она поведала мне, как за ней приезжали ласковые, настойчивые учительницы, как они беседовали с родителями, а потом увозили её в интернат. Там она и по палочкам считала, и узнала несколько букв. Но вдруг заявили родители и тайком забрали маленькую Сану. Снова приезжали настойчивые учительницы, снова что-то доказывали, родители наконец соглашались и отдавали им дочку. Но через недельку они опять приезжали и втихомолку увозили обратно.

Так повторялось несколько раз.

– Надо было качать, нянчить тебя, плаксивого, – кивая на меня, с нежной грустью укоряла тётя Сана. – Если бы не ты, я, наверно, была бы тоже другой. И не разговаривала бы только с одними кедрами, не надеялась бы на одних оленей, не жила бы тогда в чуме, с тобой умела бы спорить, и других по книгам, может быть, учила, и не смотрели бы на меня, как лоси, свысока...

Эх, моя тётя Сана!.. Как она не похожа на своих ровесниц, Матру и Олену, и словно на целое столетие старше Итьи Татьи и всех других девушек и женщин нашей деревни Аргинтур.

Почему тётя Сана так отстала от других? В деревне в каждом мансийском доме сияют маленькие зимние солнышки – электрические лампочки. Их зажигает Миша Неттин – электрик колхозной электростанции. Зимой целыми днями не умолкает гулкая песня тракторов, а летом – моторных лодок. Вечерами в большом и светлом клубе после трудового дня вся деревня смотрит кино, слушает лекции, песни поёт, танцует. А в просторных классах школы сидят за мудрыми книгами утром юркие дети, а вечером их старшие братья, матери и отцы. И каждый знает, что крылья даёт человеку учение.

...А удел моей тёти – оленья нарта и бегущий снег, снег, снег... В руках у тёти Саны хорей, а не книга. Олени бегут, бегут, бегут... Вечером она ставит чум, утром убирает его – и опять в дорогу. Олени пощипывают ягель, как тысячи лет назад. Вместе со стадом движутся древние сказки. Тётя Сана их шепчет... А я? А мы?..

Нет. Так дальше нельзя. Надо идти в оленеводство нам, комсомольцам.

ПЕРВОЕ УТРО

*Звёзды падали, звенели,
Крался луч луны.
Ах, какие в той постели
Выделись мне сны!*

Светит яркое-яркое солнышко. Светит жаркое-жаркое солнышко. А я купаюсь в ледяной воде. По спине скользят холодные струи. Барахтаюсь. Тёплый песочек близко-близко. Ещё одно усилие – и я на берегу. Ещё одно усилие – и опять со мною тепло. Я барахтаюсь... Я просыпаюсь...

Где я? Во рту ощущаю оленью шерсть – я укрыт шубой тёти Саны, лежу на мягком – оленья шкура. Над моей головой серый сумрак – это тоже шкура, гладкая, посеревшая от времени. Я рассматриваю её. Она наклонно убегает от моего глаза всё выше и выше...

Наверху я вижу синий узор. Это на связанные чёрные жерди наброшен лоскуток синего неба. Где я? Я в чуме.

Рядом со мной кто-то похрапывает... А, это Микуль, рядом – тётя Сана. Головы наши лежат на одной белой парке. У нас одна постель. В ногах шевелится что-то теплое.

Это Питюх – собака моей тёти.

У моих ног высится что-то тёмное, горбатое. Я вглядываюсь в серый сумрак и смутно вспоминаю вчерашнее щедрое тепло железной печки.

Вчерашний день... Он был слишком длинным и коротким. Долго собирались, прощались, пили спирт, пели песни, плакали, целовались... Такого длинного дня и такого короткого мгновения, полного впечатлений и разнообразия чувств, я ещё не знал...

Сегодня тяжело. Какая-то пустота в душе и сердце. Кажется – всё в прошлом. Кажется – всё в будущем. Сквозь связанные жерди смотрят на меня бледные звёздочки. Греет мои ноги свернувшийся в калачик Питюх. Горбится посередине чума холодная железная печь.

«Зиуз, зиув, зиув, зиуз!» – звенит в ушах, звенит на улице. Что это такое? Это звенят не звёзды – звёзды весною тихие. Это звенит не луна – она весною мягкая. Это звенит морозный, весенний снег: олени, наверно, подошли к чуму, под их копытами поёт снег.

Это новая для меня песня. Долго ли придётся мне её слушать? Полгода, восемь месяцев...

Каждое утро по спине будут скользить холодные струи, сниться жаркое солнышко, тёплая постель... Каждое утро будут глядеть на меня звёзды, звенеть за чумом снег, и этот однообразный скрип будет будить меня и напевать раздумья. Мне холодно и одиноко. Не вернуться ли сегодня, пока не поздно, назад, не заняться ли привычным делом?

Лёгкий озноб прошёл по спине, побежал к ногам, потом вернулся и остановился где-то около сердца. Холодно-холодно стало. Я натянул на голову шубу, стараясь надышать тёплого воздуха. В это время Питюх отодвинулся от моих ног – и стало ещё холоднее.

Шуба была тёплой. Но она не прилегала плотно к спине, вздываясь. Из-под еловых веток, под которыми царствовал снег, ползли струи холода. Невидимые, они подбирались к ногам, к спине и сердцу... Я приподнял голову. Стало светлее. Вон я уже вижу потёртую шубу Окры. Под ней спят, наверно, Окра и Ай-от. Рядом с ними ночная люлька. В ней спит их сынишка Мань-пыг. Где-то среди шкур должна быть и дочка Мань-аги, что постарше года на два. Подальше ещё кто-то спит прямо на малице. Это, наверно, Ларкин.

Вчера было жарко от железной печки, и он приговаривал: «Я всё кочевье буду спать на малице, а не в малице. Все говорят, что чум холодный. А здесь жара... Испечься можно...». Ларкину, может быть, и жарко, а мне холодновато. Я отыскал свои белые кисы, подаренные тётей. Они тёплые-тёплые. В любой мороз ноги как в печке. А сейчас натянул одну – ледяная-ледяная, натянул другую – такая же. Ещё холоднее стало. В снежной яме спал – там теплей было. Может, не надо было раздеваться. Но если так всё время спать, то тело не подышит, не отдохнёт как следует. А может быть, этот холод – только сон? Ведь остальные спят спокойно: и дети, и взрослые. Даже не шелохнутся, как листья, когда нет ветра. А может, это просто с непривычки? Ладно, поживём – увидим!..

Меня удивил сонный чум. Ещё два десятилетия назад в центре пылал костёр, дым которого выходит прямо в отверстие. В некоторых чумах до сих пор царствует костёр...

Чум спит. Люди спят. Их головы лежат словно по окружности. А сами они будто радиусы, тянущиеся от окружности к центру. У всех ноги сходятся у печки, у центра.

Удивительно, ни один не лёг головой к печи. Даже я и то почему-то лёг, как все.

Странная геометричность спящего чума немного отвлекала меня, и я забыл про холод. К тому же я ведь не ледяная сосулька – ноги отогрели тёплую шерсть кисов, стало отогреваться и пальто. И я задумался о другом. Вот передо мной лежат люди, которые, может быть, каждое утро испытывают эти же ощущения и не замечают их. И не философствуют. А я почему-то философствую и возмущаюсь. А они нет. Разве они не люди? Нет, они такие же, как я и все. Мечтают, ненавидят, радуются, плачут, поют песни, любят, страдают, восторгаются... Я пришёл к ним не с луны ведь. Во мне течет та же кровь, что у них. Мой детский язык впервые пролепетал те же слова, что и они произнесли впервые. На одном

языке нам пели песни наши матери. Мы – люди одного племени. Так почему меня возмущает этот чум, этот холод, это неуютное, промозглое утро?..

Бег моих хмурых мыслей прервал внезапный плач ребёнка. Серая шуба с потёртым орнаментом зашевелилась, и вынырнула лохматая голова Окры. Она наклонилась к ребёнку. Но голос самого маленького человека уже возвестил всем остальным обитателям чума наступление нового дня.

– О, долго спали сегодня, – поднимаясь с постели, громко произнёс Микуль. – Белый день уже в чуме. А ты уже оделся? Совсем как оленевод. Что ж ты нас не разбудил? Или хотел один погнать оленьё стадо на Урал? Ничего не выйдет! У нас вон есть маленький вещун, он о любой опасности предупредит, – отстукивал слова Микуль. – Да, я совсем забыл. Ты ведь не оленевод, а учитель. Понятно. Ты как наставник решил показать ученикам пример. Хорошо!..

Я, убитый холодом, хмурым видом чума и своими ненастными мыслями, молчал. В эту минуту я, наверно, был смешон...

Между тем все встали: Итья Татья, и тётя Сана, и Ай-от. Тётя Сана копошилась у печки. Вот она берёт сухие, приготовленные ещё с вечера лучины. Чирк спичкой – и вспышка падающей звёзды в руках у тёти. Мгновение – и она держит луч солнца. Ещё мгновение – трещит железная печь, через щели дверцы летят искры, и уже струится мягкое, нежное тепло, без которого чум будто холодное подземное царство. И совсем другой покажется жизнь, когда пред тобой возникает, как в сказке, столик.

...На столике железная зелёная чашка. В ней хлеб нарезанный, сухарики, печенье. А у столика уже улыбается Мань-аги. Глаза её синие, как солнечное небо, тоже улыбаются.

Косички её, до пояса, с кольцами, с блестящими железками, сплетённые шерстью в две верёвки, прыгают, звенят.

Мань-аги, маленькая девочка, почему так ласково все тебя зовут? Может быть, потому, что только ты проснулась – не стал я видеть чума холодного, забыл свои мысли хмурые. Ты лепечешь и играешь – сердца у всех теплеют, ты лепечешь и играешь – жизнь звенит в чуме!

Мань-аги улыбается: видно, что-то вкусненькое ждёт. В стороне от чума, куда печь смотрит железной решетчатой дверцей, зашевелилась шкура: в чум вошёл Ай-от. Он что-то несёт. Вот он садится к столику, скрестив пред собою ноги. Берёт охотничий нож, и на стол ложится тоненькими стружками вкусная-превкусная, мёрзлая-премёрзлая печень оленя.

Самая тоненькая стружка уже в руках у девочки, купается в соли, насыпанной на стол, и тает на её губах... Тёмно-красные стружки печени пляшут и в руках Ай-ота, и у Окры...

Мне тоже захотелось вкусной мёрзлой печени... А вот и тётя Сана. Она несёт в руках то, что мне сейчас увиделось, что вдруг я захотел. Микуль, я и тётя садимся за свой столик. Микуль приглашает за стол Итью Татья и Ларкина. Оба они какие-то хмурые, не похожие на себя. Наверно, они так же, как и я, приуныли. И всё утро, наверно, думали длинные думы. Может быть, и они уже сожалеют, что сменили привычную, уютную жизнь в деревне на холодный чум?

Но стружки тёмно-красной печени тают на языке. Кажется, просыпается в теле каждая жилка – так вкусно! И всякие мысли – и летающие на лёгких крыльях, и бредущие тяжёлыми шагами – исчезают, как тени. И этот низенький столик кажется самым богатым: ведь на нём сегодня лакомство богов. У жителей деревни – у рыбаков и охотников, трактористов и доярок – такой стол бывает не каждый день. А у оленеводов... другое дело. С ними олени... Глаза у Ларкина стали острыми, весёлыми. Ожила, словно рыбка в воде, Итья Татьяна. Потеплел и я. Стал уютным чум. Улетели ненастные мысли. Мы уже просто наслаждались! Печени одного оленя нам не хватало. Тётя Сана принесла ещё кусок. Потом долго тянули чай из блюдца, круглых, как луна. Один чайник выпили – не хватило. Тётя Сана поставила второй. Огонь пылал и трещал, кажется, ещё задорнее, словно он стремился быстрее вскипятить чай и утолить нашу жажду. Мы снова пьём крепкий и пахучий напиток, вкуснее которого никогда я не пил...

Говорим ли мы? Наверно, говорим... Говорит чай, говорим и мы... О чём поют звуки, слетающие с уст, вплетающиеся в пар над блюдцами? Они поют, наверно, о сегодняшнем дне, об оленях... О чём же говорить ещё оленеводу?

Вот какое ты, первое утро нашего большого кочевья. Ты нашептала мне многое-многое. Я даже не в силах сразу разобраться. Сначала мне всё показалось холодным, странным, диким, словно я из другого мира... А потом всё вдруг потеплело, стало близким и даже чем-то родным. Кажется, дышал я тысячу лет этой жизнью. Кажется, и совсем не жил я. И не хочется видеть всё это, как в детстве не хотелось видеть волка, и хочется, как во сне, очень хочется. Так что же это такое? Как объяснила бы тётя Сана?

Может, Танварпэква – старуха, делающая нитки из мальчишеских жил, – ночью нащекотала мне дурные мысли, а потом Миснэ нашептала добрые сказки? И потому чувствую себя так, как будто текут во мне две бурные речки. Но я ведь древним сказкам уже не верю. Не знаю, что это такое. Только это было не в сказке и не век тому назад – это было во мне и в первое утро нашего каслания.

ПОЛЁТ ОЛЕНЕЙ

*Голубого снега стрелы
Вьются под копытом белым.
«Вий-ю, вий-ю!» – ветер злится,
«Вий-ю, вий-ю!» – нарта мчится!*

Нет весны ослепительней, чем северная весна!.. Солнце светит с сосен, с белых шапок кедров, каждая снежинка ярче солнца светит, ослепляет радугой, – глаза мои слезятся... Под ярким взглядом солнца стал мягким-мягким снег, он не хрустит уже, и он не звенит уже под копытами оленей, как утром, когда было небо тёмно-синим...

Не успел я коснуться снега руками, не разглядел как следует поляну, над которой чум наш выдыхал голубой дымок, а олени были уже запряжены. Микуль берёт хорей – шест тонкий, сияющий, и мы садимся в нарту. Впереди Микуль, а я за него держусь.

Рванулись олени от страстной пляски хорей, и мы помчались.

– Иу-иу-иу-иу-и! Иу-иу-иу-иу-и!.. – поёт Микуль. – И-и-и-и-у-у-иий! И-и-и-и-у-у-иий!..

А хорей всё пляшет, пляшет! А собаки всё лают, лают! Рядом с нартой летят, летят... копыта оленей в снежном тумане, тумане... Мокрый снег слепит, слепит глаза... Ветер поёт, поёт в ушах!.. Кедровые пинают, пинают нарту... Я прячу ноги... Дорога узкая, узкая, узкая... Деревья летят, летят сквозь нас!.. Олени в тумане, в тумане... Становлюсь я ветром, ветром... Становлюсь снежинкой, снежинкой... В снежном вихре кружусь, кружусь... Мимо скользят, скользят нарты. Скользнул хореем Ай-от... Скользнула улыбкой Татьяна... Гогот гусиный растаял в радужном снежном тумане – это смеялся Ларкин.

...В глаза мне глядело небо спокойным глубоким взглядом. неподвижно, как идолы, стояли вокруг деревьев... Рядом со мной лежали тихие синие тени... В уши мои стучалась немая тишина... Всё замерло, всё онемело. А мгновение назад был я порывом ветра, и вокруг меня всё вертелось, искрилось, летело. Полной грудью вдыхал я жизнь. И не знал я цену счастью.

Вот так бывает в жизни: летишь, летишь – и свалишься, коль поворот попадётся круче, коль держишься за чужую спину, коль счастье жизни создаёшь не своим умением...

...Нет, не всё замерло и не всё онемело. На лице своём я почувствовал движение – это таяли пушинки снега. Тоненькие ручейки бежали по щеке, сползали к подбородку, подбирались к горлу. Вот один ручеёк – наверно, самый юркий – проник за тёплый воротник и щекочет, щекочет, стараясь согнать с меня безразличие.

*Море солнца, детство без мучения
Получило наше поколение.
До того уютно нам живётся,
Что иной уж и не ценит солнца...*

Тишина растаяла, как тает облако в сини неба, и я уже слышал, как где-то вдали скрипят полозья и стучат копыта... Это Микуль возвращался за мной. Он загадочно улыбался.

«Ну как, понравился полёт на оленях? Что ж ты не встаёшь? Или ушибся? Ничего, с нами бывает не такое. Всё впереди, на Урале. Ещё не такие там будут полёты. Нам, может быть, завидует сам Гагарин: мы по обыкновенной земле летаем, по синим горам летаем.

Летаем не два-три дня среди безмолвия и тишины, летаем восемь месяцев, летаем круглый год. Тебе надо научиться самому управлять оленями. Кто держит хорей в своих руках, кто сам управляет – ни при какой скорости не свалится с летящей нарты, с летящей жизни!»

Не знаю, кто это говорил. Говорил ли Микуль, подъехавший ко мне, говорили ли струйки, скользящие по лицу, говорило ли моё сердце?

Я встал, отряхнулся. Микуль дал мне в руки хорей и тынзян. Я, конечно, не умел ещё лёгким и чутким вздрагиванием тынзяна вовремя подсказывать, в каком направлении двигаться оленям, но уже умел заставить хорей плясать по их спинам и задним ногам.

Странное дело: управлять тонко и умело животными мы не умеем, а бить умеет каждый, бить даже самого близкого, бить оленя, который и возит человека, и кормит его, и одевает.

Хорошие мысли ходили в голове, но, подгоняя оленей хореем, просто-напросто их бил: надо было догнать остальных, да и показать, что я умею быстро ездить... Странно: из-за этого «показать» мы часто делаем такое!..

Если бы олень умел говорить, он бы побил меня словами, наверно, больше, чем я его бью хореем. Интересно, а не жалко ли бывает Микулю оленей? Не думает ли он, что и им больно? Не успел я и подумать, как он меня упрекнул:

– Ты бьёшь оленей. Хорей не палка. Это язык оленевода. Оленевод подумает.

Передаст мысли хорей. Хорей коснётся оленя, и тот уже знает, что хочет человек. Олень всё понимает.. Особенно вожак! С хорошим вожаком не пропадёшь ни в пургу, ни в мороз...

Нам надо было ехать быстро. А нарты тащились еле-еле. Другие уже, наверно, на месте. И солнце уже склоняется к верховью речки. А дел ещё много: часть стада, состоящую из важенок и годовалых

оленят, надо было перегнать на новое пастбище по направлению к Уралу, к летним пастбищам колхоза.

Микуль попросил остановить оленей. Я потянул к себе верёвку – вожак остановился.

Микуль опять взял свой хорей и сел на своё место, а я снова поместился позади. И как бы в утешение он сказал:

– Учителю не обязательно уметь управлять оленями. Это уж наше дело. Ну а если хочешь, то научим со временем. Какой ты манси, если не умеешь ездить на оленях!

Дёрнулась верёвка, подпрыгнул хорей, и нарта полетела, полетела не как дикая, разъярённая выюга, а со скоростью спокойного, крепкого ветра.

Хорошо ехать на оленях! Лучше, чем на тракторе. Не пропахнешь бензином, не застрянешь в сугробе. В любую погоду олешки крылатые не подведут... Трактор хороший, очень нужен людям. На нём возят и сено, и дрова, и лес, и пашут целину...

Трактор сильный – не сравнишь его с оленем. Но на нём на охоту не поедешь. Не пролетишь в соседнюю деревню за одно мгновение. И не станешь есть железо – мясо трактора. Олень на Севере нужен, как и трактор. А вот некоторые этого не понимают...

Дети рыбаков и охотников – мои ученики – все хотят стать трактористами. Это хорошо! И хотят стать космонавтами, капитанами, учёными, врачами, учителями, рыбаками и охотниками. Это хорошо!

Только никто почему-то не хочет быть оленеводом. А все любят нежное оленьё мясо, при виде мёрзлой сырой печени у всех слюнки текут. Почему у них текут слюнки, и почему не хотят быть оленеводами?

Может, в этом виноват и я? Виновны и все учителя: нет внимания к профессиям древним.

...А вот и сами красавцы. Они как лёгкие сны: подумаешь – присятся, подумаешь – появятся. О, сколько их, безрогих, и белых, как снег, и серых, как мох, и пятнистых, как тундра... Снежной лавиной спускаются они с лесистого холма в долину речки.

Милые олешки, вас любят воспевать в стихах поэты, скульпторы возносят вас на пьедестал – и вы красуетесь на площадях больших городов. А вот тех, голос которых эхо носит по тайге, тысячи раз повторяя звонкое «о-о-о-о-оооо!», тех, кто пасёт вас, милые олешки, защищая от волков, перегоняя на богатые вкусным ягелем пастбища, всегда ли мы понимаем? И, может быть, в один из дней вы окажетесь без пастухов: стариков уже не будет, а молодые не захотят возиться с вами, – поинтереснее вас в мире есть дела! ..

Солнце склонялось к обеду.

НОЧЬ НА СНЕГУ

*Звёзды осыпали небо.
Месяц в звёздах исчез.
О рыжие лисенята
На синем лугу небес!*

К вечеру, когда небо стало как разорванная шкура медведя, наш караван наконец остановился. Было необычно тепло. Снег был мягким-мягким, – казалось, даже вечером, без ласковых рук солнца, продолжал таять. Но это, наверное, только казалось. К утру снег даже в любую тёплую ночь покрывается хрустящей корочкой.

– Тепло! – поглядывая на небо, сказал чем-то встревоженный Микуль. – Не пошёл бы дождь, а то не успеем перевести стадо через большое болото. Беда будет. Разольётся болото, скользить будут олени. Да и здесь маловато корма для оленей. Надо спешить!..

Может, обойдёмся сегодня без чума?

– А дети не замёрзнут? Хотя и весной пахнет, а снег ещё толстый и холодный, – проговорил я, вспомнив прошлую ночь, когда чудилось, что звёзды позванивают, как холодные льдинки под копытами оленей.

– Дети-то не замёрзнут: они не впервые по этой дороге едут. Не такое видели. А вот ты...

Мне было обидно, что меня считают слабее детей, с чего это взяли? Я ведь тоже северянин, а не какая-нибудь там ворона, улетающая в тёплую зиму от сурового северного ветра. А может, слабыми, невыносимыми считают всех грамотных? Микуль смотрел на меня не то жалостливо, не то с вопросом.

– Если детям хорошо будет спать под открытым небом, то мне тем более, – сказал я ему.

Уже горел костёр. Белый конь облизывал чёрного: в пламени висел большой медный котёл. «Наконец-то горячее! – подумалось мне. – А то одно сырое мясо с мёрзлым хлебом. Надоело».

Самый маленький человек, Мань-пыг, улыбался огню. Тянул к нему ручки. Мань-аги подносила к костру сухие еловые веточки. Они загорались ярким пламенем, трещали, как стрекозы в жаркий день. Мань-аги смотрела и слушала, как яркие языки огня превращали в летящие звёзды и в пламенеющий уголь её веточки. Она, наверное, очень радовалась, что наконец-то не надо сидеть спокойно в нартах, можно бегать, как оленёнку, играть с любимой маленькой собачкой Хулах и даже подбрасывать ветки огню. А девятилетний Епа уже строил себе из снега и еловых веток маленький чум для ночлега, приговаривая:

– Бот увидите, замёрзнете, коль не захотели ставить чум. А я не замёрзну!

Рядом с котлом пыхтел огромный чайник. Когда пыхтит чайник, люди веселее: без чая какая сила!

Микуль. Ай-от, Вуи-ай-ики, Силька ещё возились с оленями. Тётя Сана, Окра, Яныг-турпка-эква копошились у своих нарт. Они приготавливались к ужину и ночлегу. Только Итья Татьяна, Ларкин и я вместе с ребятишками сидели у костра. Почему-то мы молчали.

Может быть, эта дорога нас всех заставляет думать, рождает невесёлые мысли? Но почему я думаю, что у других должны быть тоже невесёлые мысли? Итья Татьяна не кажется подавленной. Она, может быть, молчит оттого, что ей нравится этот тёплый вечер, этот костёр на снегу?

Итья Татьяна... Она склонилась над костром, большой деревянной ложкой снимает пену с варева. Я говорю ей:

– Ты ведь так уберёшь весь жир.

– Я убираю не жир, а плохую пену, которая всплывает раньше жира.

Смуглое лицо её, освещённое яркими языками огня, кажется румянее и белее. А большие раскосые глаза чёрные-чёрные, как дужка котла, живые и глубокие. В них отражается, как в зеркале, пламя костра. А может, это её собственное пламя? И оно сильнее огня этого костра?

Ларкин – мой ровесник. Но сегодня он выглядел старше. Узкий длинный нос, кажется, стал ещё длиннее.

На покато и узком лбу сплелись чуть заметные морщинки. Подперев правой рукой щеку, он как-то безразлично глядел на пляшущие языки огня. Глаза его напомнили мне взгляд усталого оленя...

Ларкина я знаю с детства. Вместе росли, в одном классе учились, играли, иногда ссорились. И, как маленькие собачата, только что подравшиеся друг с другом, опять играли, бегали, веселились. Мне он тогда нравился: глаза его были такие острые – кажется, летят на тебя маленькие невидимые стрелы, вот-вот уколют. Мы вооружались еловыми шишками, тонкими прутьями и нападали на укрепления «фашистов». Мы скакали верхом на лошадях – на тоненьких прутьях, увидев «укрепления врага» из досок или подгнивших лодок, громили их. На них летели шершавые еловые шишки. Когда «противник» отступал, мы разрушали до основания его укрепления...

А как мы ходили на охоту и рыбалку! Это не расскажешь в сказке, выдашь за быль – не поверят.

Потом наши пути разошлись. В каком-то классе Ларкин отстал, рыбачил, служил в армии. Как одного из самых выносливых, выдававших жизнь, привыкших к трудностям, комсомольская орга-

низация направила его в оленеводство. И вот он сидит у костра, взглядом усталого оленя смотрит на пляску огня...

Постепенно все собрались. С удовольствием чихнув два раза после очередной дозы терпкого табака, который он так любит нюхать, Микуль бодро пробасил:

– Ну как, маленькие люди, сердца ваши у костра стучат?

– Скоро наши сердца достучатся до того, что растают, как снег под костром, – неожиданно выпалил Ларкин. – Едешь-едешь, и не видишь ни конца, ни края. Сколько дней уже мы в пути – а что видели? Один костёр да иногда чум. Когда будет конец?

– Конец будет, когда умрём.

– Ну, бригадир, мы умирать не собираемся!

– Тогда живи! Кто тебе запрещает? Ты дышишь – значит, душа твоя с тобой.

– Но так жить я не хочу! Дорога, костёр, опять дорога. В армии хоть знаешь: пройдут учения, опять начинается нормальная армейская жизнь с увольнениями, с книгами, кино, радио, телевидением. А тут не видишь просвета.

– Я не служил, не знаю, как там у вас. А у нас, оленеводов, своя армия: тысяча двести оленей – солдаты, а мы с тобой – генералы, – говорил, чихая, Микуль.

Был он важный, как олень-хор. Смотрел на нас снисходительно: мол, вот такая нынче молодёжь пошла.

– У костра на снегу – как на пляже под солнцем! – с улыбкой кивнула Итья Татьяна.

Значит, она ждала удобного случая вступить в разговор.

Что такое пляж, Микуль, конечно, не понял, но он не стал показывать, что не знает этого слова, а с тем же важным видом продолжал:

– Вы говорите «у костра на снегу». Вам не нравится костёр? Тининг мань махум!

Дорогие маленькие люди! – продолжал он. – Если бы не было этого огня, старики такие, – он кивнул в сторону Вун-ай-ики, – до седых волос по земле, по лесу и не ходили бы. Наши олешки одичали бы, как звери. Может быть, только оттого в наших душах сила, что выросли мы у такого костра: он топит снег и растит сердца!

Не понять мне Микуля. Он то поддерживает нас, молодых, то старых. Учился в школе, а нюхает табак. Я спрашиваю, почему он любит эту гадость. А он мне:

– Чтобы чихать. Чем-то надо заниматься в свободное время оленеводу. Ты читаешь книги, а я чихаю.

Не понять Микуля.

– Я ж не о костре, а вообще об условиях, о дороге, – говорил с раздражением Ларкин.

– Дорога... Хорошему оленю большая дорога не страшна, а плохому и маленькая тяжела. А ты, Ларкин, хотя и новичок, но я бы не

сказал, что ты слабый: ты ведь наравне со всеми обходишь следы с утра до ночи, и не видно твоей усталости. Будет из тебя настоящий оленевод! – сменив важный снисходительный тон на внимательный, серьёзный, заключил Микуль, принимаясь за дымящийся паром кусок мяса.

Перед нами тоже стояла большая эмалированная чашка. Итья Татьяна, Ларкин,

Микуль, тётя Сана и я образовали свой полукруг на левой стороне костра. Мы всегда ели вместе. Нашей хозяйкой была тётя Сана. Я взял большой кусок с мозговой костью. Когда-то я очень любил такую кость с чуть-чуть жестковатым, недоваренным мясом.

Переваренное мясо соскальзывает с кости. Это не вкусно. А когда чуть недоварено – сказка!

Трещит костёр. На его противоположной стороне под ударами тяжёлого ножа Вун-ай-ики трещит большая мозговая кость. Вот уже она разбита, и по седым редким усикам, напоминающим сухой ягель, текут жирные капли.

– Аен, аен, Епа (пей, пей, Епа), мозг оленя, – приговаривал Вун-ай-ики, обращаясь к внуку и наблюдая, как тот с аппетитом сосёт кость. – От оленьего мозга умнее будешь!..

...Во мне, кажется, что-то шевельнулось. Я не мог больше есть. Тётя Сана посмотрела на меня, как важенка на только что родившегося оленёнка.

– Ты что, заболел? – спросила она участливо. – А может, дать тебе русской еды?

Не дождавшись ответа, она встала и принесла из нарты холодную блестящую баночку с надписью «Котлеты». Я открыл баночку складным ножом. Ко мне присоединился Ларкин, не удержалась и Итья Татьяна. Нам не хватило и трёх банок...

– Если вы будете опустошать банки с такой быстротой, то русской еды не хватит вам и на неделю! – проговорил молчавший до этого Микуль, с аппетитом пивший мясной навар.

«Вот если бы была база, где можно было приобрести свежие продукты. Ну хотя бы на середине пути, – вдруг подумалось и мне. – Совсем хорошо было бы...»

Потом мы долго с наслаждением пили густой тёмно-коричневый напиток, настоящий на чаге. Чага... Недаром люди говорят о ней: растёт на дереве, люди любят. Конечно, люди любят не чагу, а кипяток, настоящий на ней... Чай... Я вспомнил стихи.

*Мы белее мёрзлой рыбы.
Без тебя пропасть могли бы!
Выручай, выручай,
Кипяти всесильный чай!*

Чай действительно всесильный. От него стало теплее, чем от костра. Теперь глаза говорили на самом весёлом в мире языке... Но разговаривать некогда: завтра снова утро.

Снова дальний путь. Поэтому надо спать.

Все стали устраиваться на ночлег. Маленький Епа уже потащил в свой небольшой чум шкуру оленя. До того был «велик» чум, что часть шкуры торчала на улице. Но Епа не огорчился. Он сегодня самый умный и заботливый оленевод: ни у кого нет чума, а у него есть. Да ещё какой! Не куропачий чум, а конусообразный. Куропачий чум делается из одного снега. А Епа срубил колья. Связал их наверху тынзяном, как шести над настоящим чумом. Покрыл еловыми ветками и снегом. Получился настоящий, смотрящий в небо чум.

Епа, довольный своей работой, был веселее осеннего сытого оленя. Раньше других он устроился на ночлег.

Рядом с чумом Епы копошились Вун-ай-ики и его старуха. Тоже готовились ложиться спать.

Ночь... Небо оделось в торумсов, в яркую небесную одежду. Там бредут сияющие звери – уй. Это звёзды. Они движутся медленно-медленно, словцо сонные, навевая людям яркие сны... Их, наверно, уже видит Микуль: он храпит на всю тайгу. Даже звёзды, наверно, его слышат. А он не слышит... Устал. Целый день на лыжах...

Рядом со мной лежит Ларкин. Под нами оленья шкура, под шкурой снег. Под головой парка с мягким-мягким мехом. Легли мы так, как были одеты: в малицах и кисах.

Единственное покрывало наше – узорчатое небо.

Лес стал голубой, лунный. Далеко-далеко звенят ветви деревьев. Звон всё ближе, ближе... Это поёт, наверно, снег под копытами. Олени рядом. Звон всё ближе, ближе... А кажется быть, это острый луч луны. Он, синяя, скользит через сугробы. Всё ближе и ближе подбирается ко мне. Я вижу его уже рядом. Я чувствую его прикосновение. Чудится, этот луч стремится проникнуть в моё сердце и ледяным цветком прорасти в нём!.. Я уже мёрзну... Переворачиваюсь с боку на бок.

А под голубеющей елью, дальше всех от костра, спокойным и глубоким сном спит семья Ай-ота. Посредине Мань-пыг и Мань-аги. По краям отец с матерью. Берестяная люлька Мань-пыг завернута в сахи. Но лицо его открыто, как и лица сестрёнки, матери, отца. Над ними скользят синие лучи луны. Но они спят спокойно, как будто нет мороза, как будто это всё обыкновенно...

Я мёрзну... Подхожу к еле тлеющему костру, подкладываю дрова. Чувствую на себе чей-то взгляд. Это смотрит на меня не холодная луна, а проснувшаяся Татьяна.

– Не спится? – тише лунной ночи спрашивает она.

– Холодно! – отвечаю я.

Она молча встаёт. Берёт дрова. И на расстоянии трёх метров от костра разжигает другой. Сухие, смолистые ветки быстро загораются ярким пламенем. На снегу появляется новое светило. Может, даже небесные светила завидуют его свету и теплу. Костёр сильнее звезд, костёр нужнее людям. Солнце и то уступает костру: золотые языки огня не только греют в любую погоду, но и делают вкусной пищу, кипятят лучший на земле напиток – терпкий и душистый чай.

Я не понимаю, зачем разожгла Татьяна второй костёр. С недоумением гляжу на неё.

Она молчит. Берёт шкуру на которой спала, и стелет её между кострами. Из нарты несёт другую, свёрнутую шкуру. Теперь я догадываюсь: эту положит она под голову. И правда, постель готова.

– Ложитесь, – говорит она почему-то строгим голосом.

Может быть, это потому, что ночь? Обыкновенно озорная и весёлая, Татьяна сейчас кажется суровой. Не дожидаясь ответа, она идёт опять к нартам, несёт ещё одну шкуру, стелет её тоже между кострами. И, положив в огонь по два толстых бревна, молча ложится. Ложусь и я.

Наши головы лежат на одной постели, а ноги врозь. Я и не думал, что между кострами так тепло, хоть раздевайся.

Не догадался бы я никогда, что между двух огней можно спать.

– Кто тебя научил такой мудрости? – спрашиваю не громче потрескивания дров.

Головы наши рядом, – зачем ночью разговаривать громко?

– Это не мудрость! Все так делают, когда очень холодно. Так ещё, наверное, делали и наши деды.

– А ведь всё же опасно спать между двух огней.

– Зато тепло! Бояться будешь – от одного страха превратишься в ледяную сосульку.

– Огонь не спросит, боишься или нет, протянет длинный язык – и запыхаешь, как сухой мох.

– Когда стоит лунный мороз, искры летят к звёздам, не сгоришь.

Правда, языки огня тянулись к небу и искры не летели в стороны, как в ветреный или пасмурный день. И дым костров прямым столбом уходил ввысь, словно стояли две высокие стройные девушки с золотыми тёплыми ногами, с тонкими талиями и с платками звёздно-узорчатыми на голове. Я почему-то думал об Итье Татьяне.

Хотелось коснуться её руки, почувствовать тепло... Тепло, когда рядом люди...

– Что за красивая ночь!

И мне кажется, что это говорит не Татьяна, а моё сердце. И кажется, нет на земле больше мороза. И никто не мёрзнет: ни седой, как старик Урал, Вун-ай-ики, ни бригадир Микуль, ни пастух Силька, ни даже самый маленький мужчина Мань-пыг. Разве можно мёрз-

нуть, видя эту дивную красоту? Ели под лунным светом присмирили. Рядом с ними лежат на снегу длинные тени. Они будто живые, даже дышат. Нет, это дышат не они, а олени. Я вижу, как играет луна синими лучами у их ноздрей. Олени не боятся мороза. Они любят красоту.

Олени! Да что олени! А те, кто спит на снегу, под елью, вдали от костра, с лицом, обращённым к небу, к морозу, кто они такие? Каким словом их назвать?

Мне стыдно за себя: я чувствовал только холод, только тяготы, а красоту не заметил, пока не подсказали другие...

Среди каких людей, оказывается, живу! Какую красоту приходится видеть!

А я вспомнил старую глупую сказку... Замечтался о базах, о домах на пути оленеводов, о свежих продуктах, о тракторах. Тогда, быть может, исчезнет эта красота?

Какая красота на земле без костров, без снов на снегу, без сказочно-холодной лунной ночи?.. Согретый теплом костров и баюкающей красотой ночи, я уснул...

И, став чище телом и душою, опять я шёл вперёд. Опять костры сияли. Бодали небо олени. И сказка не кончалась.

ХОРОШЕЕ ВОЛНЕНИЕ

*Кто простит мне молчанье,
Если длинен язык у огня,
Если скачет огонь по тайге
Вороватую рысью?
Кто простит мне, скажите,
Молчание чувства и мысли?*

Вот бывает же так: уснёшь радостный, довольный собой и другими, а проснёшься – словно камень в груди.

Всё кажется холодным, серым, чужим... Даже если весеннее солнышко играет на верхушках елей, даже если Епа смеётся, как чайка над Обью, когда рыбы пляшут в струях, даже если олени ластятся к тебе и дарят самый добрый в мире взгляд. А тебе всё равно, как будто кто-то навалился на тебя и давит, давит...

– Эх вы! Отчего вы такие дохлые?! Как рыбы, вытасщенные из воды! – укоризненно бросает нам с Ларкиным Итья Татъя. В глазах её не то жалость, не то презрение. – А ещё комсомольцы!..

Над утренней тайгой эхо носит звонок: «О-о-ооо!». Это Микуль и Ай-от обходят стадо оленей. А олень-хор, мудрый вожак, уже настраивается, он знает по голосу хозяев, в каком направлении вести стадо. Потепка и Вун-ай-ики запрягают в нарты оленей.

Яныг-турпка-эква копошится у потухающего костра. Тётя Сана моет снегом чашки и складывает в специальный ящик для посуды. Окра усаживает в нарту детей...

Каждый занят своим делом. Торжественны их движения. Какая мудрость в них живёт? Почему им кажется всё это обыкновенным? И эта морозная ночь, и это солнечное утро, и этот мёрзлый хлеб и мясо... Может быть, их успокаивает, радует дорога, стадо, движущееся по ней, вечное движение? А может, они просто привыкли жить, не думая? А может, они просто мудрее?

Думы мои, думы...

– Так много мы любим говорить!.. Романтика... Комсомол... А что сделали мы? Да скоро нас презирать будут! Йикор, и тот... – Итья Татьяна не договорила.

Она словно захлебнулась от еле сдерживаемого волнения. Слова больше не летели.

Наверно, они слабее... Говорили её лицо, глаза. Кажется, я всё понял, даже в окаменевшем Ларкине шевельнулось что-то живое.

– Что ты от нас хочешь? – усмехнулся он.

В глазах его сквозила древняя улыбка мужчин, снисходительно относящихся к женщинам. Но она не заметила этого. Татьяна вдруг приблизилась, особенно её глаза. Они словно прилетели издалека, из страны презрения и отчуждения, и замахали тёплыми крыльями. Они тянулись к нам, словно руки друга. В них было столько желания сказать, объяснить...

Впервые я видел её такой взволнованной, сердитой, какой-то далёкой и недостижимой.

– Я... я ведь умею готовить. Готовить обеды по-новому, по-современному. А то я вижу, как вы едите. Так не протянете... Разрешите мне готовить для всех!

Подобрел и Ларкин. Но он высказал сомнение: мол, оленеводы обидятся, да и не захотят есть наше.

– Ведь они привыкли по-своему. Привычка – как тяжёлый камень. Его трудно убрать с пути, камень обычно обходят... – философствовал Ларкин.

– Ну если не захотят, то я буду готовить для вас. А их буду учить. Они постепенно привыкнут...

В душе я был согласен с Татьяей. И я люблю мёрзлую печень, тающую на губах, и мозговые кости, и глаза олени, и строганину из нельмы, и соленого муксуна. Но одно мясо, мясо, и только сырое, надоедает. Я уже привык к другому. И Ларкин, и Итья Татьяна – тоже. И оленеводам нужно разнообразие.

Хорошее волнение у Итьи Татьяи. Но что скажет моя тётя? Не обидятся ли остальные пастухи? Не будут ли неприятности?

Неприятности, может, и будут. Но если бояться всего, то нечего мечтать. Какие же мы тогда комсомольцы?

Хорошее волнение у Итьи Татья.

Действительно, сколько мы уже каслаем с бригадой, что полезного сделали для них?

Ничего! Просто слоняемся, не знаем, за что взяться. Просто мы, наверное, мешаем. Скоро действительно они будут смеяться над нами.

Оленеводы – мастера! Они нас научат пасти оленей. Но мы комсомольцы – мы много нового знаем, можем учить их.

Мы поговорили по душам. Решили жить не в чуме, а в палатке. Она есть в бригаде, только не используется. Оленеводы относятся к ней с улыбкой. «Дом старушки, делающей нитки из жил, – говорят они о палатке. – В жилу в ней превратишься от холода...»

Нет, мы будем ставить её на каждой стоянке. В ней будет чисто и уютно. Не будет той тесноты, что в чуме.

В чуме трудно навести порядок. Очень трудно. Итья Татьяна пыталась что-то в чуме сделать. Но всё безуспешно. А в палатке можно... Там можно поставить и столик для газет и журналов. И радиоприёмник. Наша палатка будет красным уголком, новым Красным чумом. Говорили ещё о многом, спорили, предлагали, мечтали...

Хорошее волнение. Даже Ларкин словно оттаял. Это было, наверное, наше первое комсомольское собрание, хотя не вели мы никакого протокола. Впрочем, почему должен быть обязательно протокол и прочие формальные признаки «мероприятий»? Ох, как это всё надоело! Было бы хорошее волнение. А оно уже есть, есть!

Олени, запряжённые в нарты, нетерпеливо постукивали по хрустальному утреннему снегу, лайки весело повизгивали в предчувствии новой большой дороги. Хорошее волнение...

ВСЕ РОСЛИ В ЛЮЛЬКЕ

*...Станет мальчик с бурей биться,
Пробираясь к маю.
Станет падать, подниматься,
Станет плакать и смеяться...
Путь искать среди ночи,
О, как жить он хочет!*

На стоянке мы пытались поставить палатку. Не вышло.

Тётя Сана набросилась на меня.

– Что это вы за существа такие? Кто вас чешет? И это вам не так, и то не этак.

Нипочём вам боги и духи! – тянула тётя Сана тягучие мансийские слова.

Голос её вздрагивал. В нём чувствовались и слёзы, и гнев. В глазах её погас тот ласковый огонь, который так грел меня в детстве. Они смотрели растерянно, словно потеряли что-то дорогое, но с надеждой, что, может быть, и найдут потерянное. Мне стало жаль тётю. Я не пытался больше настаивать.

Только Итья Татьяна не отступала.

– О, да ты уже старик! А я считала тебя молодым! – колет словами она Микуля.

– Да дайте им палатку, пусть живут как хотят! – добродушно говорит почему-то весёлый сегодня Силька.

На противоположной стороне чума сидит мать Сильки, костлявая Яныг-турпка-эква.

Уставив бесцветные глаза на Сильку, с большой дымящейся трубкой в руках, она цедит:

– Силька, Силька! Шёл на поводе у жены. Мужчина! Жил под поганой крышей. А сейчас идёшь на поводе у этих!.. – Она с презрением кивает в нашу сторону.

Отец Сильки, Вун-ай-ики, сидит тихо, насупив брови. Исподлобья посматривает на Сильку. Глаза так и колют. Сердцу холодно становится. Но скоро будет жарко. Йикор бьёт ладонью по поллитровке. Звенит стекло: звякнула отлетевшая пробка.

Спирт... Он хороший, когда горе. Всё забудешь. Горе? Да, горе. Жена Наста опоганила дом, Силькино имя, честь. Доброе имя – честь! Манси любят доброе имя. От зари до луны, от луны до зари бегут за широкими лыжами, обгоняя друг друга, две дорожки. Если они бегут – доброе имя у охотника. (А Силька был охотником.) Если спят – плохое. Если белка не висит за поясом, если не смотрит с плеча лисица, если не качается росомаха – плохое имя у охотника.

А летом, когда запляшет рыба на Сосьве, забурлит от всплеска Обь, плохое имя у манси, если он может спать в такие ночи. Какой сон! Ему больше надо рыбы наловить, обогнать других.

А хороший дом, хорошая жена? Что за манси, если нет у него хорошего дома, жены?

А у него, говорят старые люди, нет хорошего дома. Опозорила Наста. Лазила на крышу.

Старики говорят: «Ты, Силька, мужчина, а жил и ходил под крышей, где женщина ходила». Эх, Наста!

Звенят стаканы. Йикор любит чокаться. Сегодня и Силька не прочь. Горе! Горе! Горе пришло в дом Сильки, в сердце Сильки.

Йикор сверкает не только гранёным стаканом, не только коростливой плешью на голове, но и ехидной улыбкой. Он смеётся и над пьяным Силькой, и над старушкой корягой, и над нашей неудачей. И хотя глубокая ночь давно навевает уставшим за день сны, он гогочет, как гагара...

Словно вихрь пронёсся над Микулем. Волосы взъерошились. Глаза сузились. Он весь побагровел, как закат, обещающий бурю.

– Товли! Довольно! – вырвалось у него, как гром.

Подлетел, как вихрь, к гогочущему Йикору. Одно мгновение – и гагара стонала уже за чумом.

В ночь ушёл и Силька.

Ещё холоднее стало в этом чуме. Разве можно спокойно спать в такую ночь?!

Меня разбудил детский плач. Это кричал Мань-пыг, спелёнатый в берестяной люльке. Наверно, мокрый, наверно, надоело лежать связанным... В лапах медведя побывал и то не кричал... А тут кричит..

Ещё заспанная мать вынимает его из люльки. Он потягивает от удовольствия толстые белые ножки с прилипшей мокрой шерстью и, довольный, машет ручками...

Он поблёскивает, как мокрая нельма. К нему ластятся белёсые струи: в чуме ещё холодно.

*Мой горластый, узколицый,
Ты зачем родился?
В мир тайги, где ветер злится,
Ты зачем явился?
На полу, где иней талый,
Там родятся дети.
Сколько горя испытала
Мать моя на свете!
Буря выла, буря злилась,
Ветер дул упрямо.
Радость, как цветок, раскрылась
На губах у мамы.
Нежность, радости, печали,
Снежное ненастье..
Люди, вы бы мне сказали,
Что такое счастье?*

Мань-пыг, маленький сыночек, выйдет ли из тебя оленевод, захочешь ли ты жить в чуме, будешь ли ты кочевать, как твои родители? Кто знает, кем ты будешь и чего захочешь. Сейчас тебе всё равно. Жизнь твою никто не сможет придумать.

Жизнь теперь бежит не шагами лыжника, несётся не оленьей рысью, а летит космическим кораблём. И тебя, быть может, подхватит скорость этого корабля, пусть ты ещё каслаешь, пусть даже спишь в древней люльке.

Люлька... Мать вытряхивает мокрую труху из ночной люльки. Ноздри щекочет острый запах.

Но никого это не тревожит. Все спали в такой люльке, со связанными руками и ногами.

Шевельнуться даже нельзя. Можно только повернуть голову набок.

Зато ночью не мёрзнешь... Хотя и неудобно, зато живёшь, в чуме живёшь, на нарте живёшь, когда поёт вьюга – живёшь, когда всех клюёт дождь – а тебе тепло, а ты живёшь!

Вот какая ночная люлька, сделанная из бересты, с узорами леса, оленьих рогов, следов лягушек и птиц.

Но есть ещё и дневная люлька. Она тоже из бересты. На ней тоже узоры, ещё ярче.

И красные, и жёлтые. И сделаны они гораздо аккуратнее. Ведь это дневная люлька. На неё смотрят люди. Смотрит и дитя. А на люльке навешаны бляхи, и колокольчики звенящие, и разноцветная бахрома.

В отличие от ночной, в дневной люльке есть спинка. Ребёнок не лежит, а сидит в ней. Люлька обычно висит на кожаной верёвке, подвязанной к потолку или к жерди, как в чуме. Когда ребёнок плачет, люльку качают – и ребёнок успокаивается, засыпает. Когда маленький человечек проснётся, он старается освободить ручки, потрогать бахрому, висящую перед ним, и голос звонкого колокольчика хочет послушать. Малыш плачет.

Тогда его развязывают по грудь, освобождают руки, и он успокаивается, играет..

Эту люльку манси называют апа. Апа! Хорошая апа. Пусть лежал в тебе связанным и я, пусть не давала ты мне свободу и простор, но ты прятала меня от холода, защищала от длинноносых кровопийц-комаров, под твоё мерное качание я засыпал, забывая детские обиды и желания. Благодаря тебе, милая апа, я был всегда с мамой. И тогда, когда она вынимала из сети серебристых сырков и лодочка качалась, качалась на волнах, я был опять с мамой – мне было и не холодно, и не кусали комары. Я был с мамой и тогда, когда она косила сено в жаркий июльский полдень, и когда везла дрова из дремучего леса на ленивой лошащёнке. Апа, ты, может, была чересчур тесной. Но лишь благодаря тебе я стал ценить простор и свободу..

В такой же люльке рос и Вун-ай-ики, в такой же люльке он баюкал Сильку, из такой же люльки улыбалась Итья Татъя. Но не в этой ли люльке Яныг-турпка-эква стала такой ворчливой, не в этой ли люльке у милой тёти Саны родилось суеверие, не в этой ли люльке разболтался Йикор, не в этой ли люльке Потепка стал шаманом? Все росли мы в одной мансийской люльке. И, как стороны света, такими разными стали...

ВОЛКИ

*Снег сухой они хватают,
Мчась среди стволов,
И всё злей глаза сверкают,
Звонче лязг зубов.
«Дай нам крови», – небо просят,
Поднимая вой.
Но мороз сильней заносит
Кнут над ними свой.*

Утро. Звёзды уже откочевали с проснувшегося неба. Лишь тонкий месяц, как пастух, ожидающий смену, ещё бродит по верхушкам коренастых кедров-мужичков. Где-то близко-близко за деревьями идёт солнце. От его приближения небо позолотело, заулыбалось, а тонкий месяц, уставший за ночь, побледнел. И как только солнце кинет свой золотистый взгляд на верхушки кедров, он уйдёт на отдых до вечерней смены.

Трудная всё же у месяца обязанность: ему приходится работать ночью.

А ночью – темень. Хоть глаз выколи – ничего не видно! Ночью только волки становятся зорче, чтобы видеть свою добычу – тонконогих оленей.

Ночью злей мороз. В темноте наглеют его ледяные языки. Лизнут щёку – и она побелеет, как мёрзлый сырок, лизнут кончики пальцев – и чуткие пальцы не слышат ничего, словно глухие. А как взойдёт месяц – всё заголубеет, засияет. Месяц яркий всё видит: ведь он пастух, ему доверено охранять всю землю, все добрые стада звёзд, все стада оленей...

Трудная профессия пастуха!

Как на смену месяцу приходит солнце, так и Микуля и меня, дежуривших всю ночь, сменяет пастух Ай-от. Вот он уже идёт...

Трудная была ночь. Как больные в жару, метались олени. Их беспокоили волки.

Волки. Раньше о них я слышал лишь в сказках да в длинных, как ночь, охотничьих рассказах. И не совсем без спроса нападают они на людей и на тучные олени стада.

Перед тем как напасть, они завывают голосами вьюги, плачут, умоляя небо, прося разрешения указать им, кто больше всего грешен, кому пришла очередь оказаться в волчьих зубах, расплатиться за содеянные грехи.

Волки воют – говорят с небом. Волки напали – это желание неба, судьба. А от судьбы никуда не свернёшь, не спрячешься... Так думали раньше манси и ханты о волках.

И вот, когда за карликовыми соснами на голубоватом лунном снегу мелькнула серая тень, лыжи мои словно онемели, остановилось, кажется, сердце. В мыслях быстрее самолёта промелькнуло – судьба! (Как сильны всё же суеверия, навеянные в детстве!)

Но волк нёсся не на меня, он стрелой летел на почуявшего опасность оленя, вцепился клыками в ляжку.

Олень остановился, присел, наверное, от испуга и боли, передними ногами на снег.

Мгновение – острые клыки впились в горло, и на синеватом снегу в судорогах билась голова оленя. А волк летел уже к другому, к третьему...

Вторая и третья головы оленей плясали на снегу, второй и третий ручей крови журчал из перегрызенного горла...

Олени метались. Они бежали почему-то в мою сторону. И я чуть не побежал, но волк был уже совсем рядом. Только тогда, когда он перегрыз горло первого оленя, надышался тёплой кровью нового и был готов броситься на следующую жертву, только тогда волк заметил меня. Глаза его зажглись зелёным огнём. Они горели, кажется, ярче луны. Волк оцетинился, оскалил зубы. Острые клыки сияли в лунном свете. Он словно улыбался над моей растерянностью.

Не помню, как я выстрелил. И не помню, из какого ствола двустволки сначала выстрелил: то ли из заряженного пулей, то ли крупной дробью.

Но когда дым рассеялся, на шее оленя лежала голова волка. Она ещё раскрывала пасть и скалила клыки... Но злобный зелёный огонь в звериных глазах уже погас.

Услышав выстрел, с лаем прибежала собака. А за ними и Микуль. Он, не обращая на меня никакого внимания, подошёл к подышающему волку.

– Твари! – процедил он сквозь зубы. – Опять появились!

Я ожидал что он меня похвалит: ведь я впервые убил хищника, да ещё какого!

Четырёх оленей растерзал он на моих глазах.

Но Микуль на меня даже не взглянул. «Обидно! Неужели и это обычное дело?!» – подумалось мне.

Не теряя ни секунды, Микуль срубил топором высохшую сосну, набросал сухих веток. Только чиркнул спичкой, как сухая хвоя вспыхнула ярким пламенем. Высоко в небо полетели искры. При свете костра голубая лунная ночь, кажется, посинела.

«Собаки лают – волки близко», – говорят в народе. Собаки наши визжали, стучаясь о серебряные стволы деревьев, жались к нам. Видно, не один и не два волка напали на стадо. Микуль стрелял из ракетницы. Красные и белые ракеты вспыхивали и рассыпались над верхушками деревьев, освещая на мгновение необыкновен-

ным светом тайгу. Олени жались к костру. Много костров разожгли мы в эту ночь, пока не откочевали звёзды с проснувшегося неба. Много раз обходили мы огромное пастбище. Но усталости не чувствовали.

И вот верхушки кедров уже пылают в лучах солнца. Месяц ушёл на отдых. Волки исчезли, как тени. И мы с Микулем, почувствовав наконец усталость, направились к чуму.

Волки... Нет, исчезли не насовсем. Вечером с появлением теней они опять приблизятся к стаду, опять будут резать оленей.

– Вот ведь твари! – вслух возмущается Микуль. Ну загрызли бы одного-двух оленей... Так нет, режут подряд. Кровопийцы! Надо усилить охрану, наставить пугал, капканы, сделать отравленную приманку. С волками справимся! – почему-то вздыхая, говорит Микуль. – Труднее наладить положение в бригаде...

Поскрипывают лыжи, похрустывает подмёрзший снег. «О чём это Микуль? – думаю я. – Наверно, о вчерашнем происшествии».

– Погорячился я, – продолжает он. – Не надо было выбрасывать Йикора из чума. Всё же человек...

Поскрипывают лыжи. Хрустит снег...

– Но сколько можно терпеть?! – словно оправдываясь, восклицает он. – Вечное кривляние, расхлябанность, болтовня. Когда это кончится! А всё из-за вас! Раньше, когда ходили одни старые оленеводы, не было у нас никакой грызни. Всё делали дружно... Складно. Не было враждебности, непонимания...

Поскрипывают лыжи. Хрустит снег...

– Что-то надо делать! – заключает он.

Поскрипывают лыжи, хрустит снег. Месяца давно уже нет. Его сменило солнце. Но кто сменил бригадира? Ночью он боролся с волками. Днём новые заботы – бригада, люди.

У каждого душа. А что в ней? Бригадиру надо, надо знать всё... И всё уладить. Но как? С чего начать?

А может, и он виноват. Трудно сказать, кто виноват. Ясно одно – в бригаде беспорядок, так жить нельзя. Волков можно уничтожить, а люди...

Солнце золотым глазом уже осматривает землю с её лесом, со стадами оленей, с людьми. Всякая нечисть при свете ярких лучей прячется, спит до темноты, а всё доброе начинает жить.

Вот уже дымок чума: оленеводы встали. Микуль не месяц. Он не может и не имеет права отдыхать, если в бригаде беспорядки.

Поскрипывают лыжи из блестящего камуса. Похрустывает снег... Микуль задумчив... Много надо думать бригадиру...

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ОЛЕНЕВОД

*Нет, не буду как речная гладь,
Буду я волной большой, как дом,
Пусть мне в сердце постучится мать,
Что ловила рыбу подо льдом,
Я костры родительских сердец
Сберегу, чтоб век не догорит им, –
Ведь не зря же дрался мой отец
С медно-рыжим кулаком – медведем.*

Что за шумное веселье над тайгой? Неужели небо звенит от полёта уток? Неужели юг на Север прилетел? Не может быть: рано! А может быть, удачливый охотник убил хозяина лесных дубрей и в чумах и во всей тайге Медвежий праздник?

Гремит тайга дремучая весёлым собачьим лаем, а над кедрами столетними летят, летят слова: «Самый большой оленевод приехал!».

Проваливается мокрый снег под широкими лёгкими лыжами, но я не обращаю на это внимания – я спешу навстречу голосам. Вот уже вижу дымок над чумом. Вот и чум, и поляна. На поляне олени, собаки, люди...

«Самый большой человек, охраняющий оленей, приехал!» – поёт поляна.

А я большого человека и не вижу. Вижу только оленей. У них бока колышутся, как мехи старой гармошки. Отвисли красные длинные языки – видно, долгую дорогу пришлось осилить.

Но где же он, этот человек? Разве тот, что в объятиях пастухов?.. Да он вовсе не большой, не выше карликовой сосенки. К тому же это и не оленевод, а обыкновенный горожанин: одет в короткое модное пальто коричневого цвета. Очки с роговой оправой...

Какой он оленевод с такими глазами: очки упадут в снег, если бегут нарты, и он слепой, как сова днём! Настоящий оленевод, наверно, уже в чуме. Приезжего я где-то видел. Но когда, где? Взгляд... Знакомый и незнакомый. Где я ощущал на себе этот взгляд? В памяти возникает чёрная доска, чёрная парта, серые глаза...

И мы летим друг к другу, как две встречные волны. И обнимаемся, как две волны. А потом смотрим друг на друга, и, наверно, каждый из нас думает о том, какими мы были в школе и как изменились теперь. Хорошо ли, плохо ли – встретились; хорошо ли, плохо – вспомнили...

Арсентий... Мы учились и жили в одной школе-интернате. В

восьмом классе сидели на одной парте. Потом он куда-то исчез. Всегда как-то сам собой забывается тот, кто до конца не идёт вместе с остальными. Потому, наверно, Арсентий выпал из памяти и никто из сверстников не вспоминал о нём. А может быть, потому мы забыли его, что он в школе был каким-то тихим, словно сонливым. Его почти не видно было. Даже тогда, когда он отвечал на вопросы учителя, он не привлекал внимания ни плохими ответами, ни хорошими. Он был незаметным, как свет днём. А вот теперь его называют самым большим, самым главным оленеводом, хотя он и совсем не похож на пастуха. В чём дело?

Мы сидим за маленьким столиком с короткими ножками. Рядом пылает костёр. А на небе солнце. Тает снег от костра, солнца и от нас. Даже столик вот-вот провалится в снег.

Но мы не идём в чум. Там нет солнца, костра, этого чудного бескрайнего простора.

Квартира под голубым небом – лучшая квартира в мире: самая светлая, просторная, чистая. Костёр – лучший друг людей. Костёр – самый интересный собеседник. Но приезжий человек интересней.

Глаза всех оленеводов, больших и маленьких, женщин и мужчин, невидимыми нитями тянутся к глазам Арсентия, словно они необыкновенные две звезды, засиявшие в небе днём, при ясном солнце.

Даже Вун-ай-ики сегодня какой-то мягкий, словно весенний снег под тёплыми лучами солнца. Он с почтением задаёт вопросы приезжему и, дождавшись ответа, рассуждает с ним, как равный с равным. С Ларкиным и со мной он так не разговаривает.

Он с нами – как лось с лосенятами. А с ним – как рогатый с рогатым...

Чем он заслужил такое уважение и старцев, и всех оленеводов? Не историей ли, которую мне рассказывали люди?..

Когда Арсентий окончил техникум, когда стал ветеринаром, он вернулся в родной край. В районном центре ему дали работу. Там он встретил её. Глаза её были как две голубые ночи. А шея – тонкая и белая, как заснеженная веточка, по ночам Арсентию снилась стройная берёзка. И он потянулся к ней, к её трепету. Скоро справили свадьбу – необыкновенную, комсомольскую. Сразу дали квартиру. Счастлив был Арсентий, как птица в полёте. Счастливая жизнь началась.

Но вот весной, когда оленеводы стали собираться в большое каслание на Урал, ему предложили ехать за стадом. Там не было ветеринара. Долго думал Арсентий...

По ночам снились олени. Нет, они не грозились ветвистыми рогами и не стучали копытами, а просто смотрели большими грустными глазами, будто шептали: «Арсентий, нам без тебя бу-

дет плохо!». Потом появлялась берёзка. Она трепетала ветвями. Опять было тепло-тепло... Но грустные глаза оленей звали...

Он уехал с оленями. Семь месяцев он кочевал по Уралу. Побудет в одном стаде, полечит оленей, даст советы пастухам, переезжает в другое стадо. Там опять работа...

Отзвенела ручьями весна. Так же быстро, как наливается соком красная морошка, прошло лето на Урале.

Долго-долго плелась осень, снежная, холодная, со звёздными длинными ночами, с песней вьюги.

Но Арсентий не замерзал. Он шептал стихи:

*В морозном небе звёзды хохлятся,
Лучами зябкими звеня,
А ей, берёзоньке, не холодно –
Пригрелась в сердце у меня.
Теплей и сердцу с русским деревцем,
Не страшно встретиться с пургой, –
Куда оно, пустое, денется
Без этой ноши дорогой?*

И он возвратился. И она его встретила, как может встречать весну только берёзка. И они были снова счастливы.

Зимой он был дома. Только изредка выезжал в стада.

Изредка командировка – хорошая жизнь. Изредка командировка – счастливая жизнь!

И вот опять весна. Опять олени. Они не грозятся ветвистыми рогами, не стучат копытами, просто смотрят грустными глазами...

Трудно найти им друга такого, как Арсентий. Некем заменить Арсентия... И Арсентий едет на Урал опять... А берёзка? У неё уже маленький сын... Она снова в трепете. Ветви её шумят, но шумят по-зимнему. И слетает иней... Но он – комсомолец!

Ехать больше некому! Уехал!..

Снова весна, лето, осень, снег... Снова в морозном небе хохлятся звёзды, снова сны наполнены только ею.

И снова Арсентий шепчет:

*Пугай, зима, гляди волчицею,
Бураном вой, гуди в трубе,
Я сберегу берёзку чистую,
Я не отдам её тебе!*

Зима, что глядела волчицею, не тронула его берёзку, зато тронула жизнь. Когда вернулся, в доме было пусто, как после похо-

рон. По стенам ползли белые грибы, по полу стелился иней – вот что осталось...

Умерла она? Нет! её увёз в тёплые края, в большой город человек. Он любил не оленей, а людей. Он не кочует годами в дикой тундре, а живёт как все...

Зима, что глядела волчицею, не тронула берёзку – тронула жизнь...

...Солнце смотрит уже с запада. Его руки ласкают верхушки древних кедров. Над ними струится тёплый голубой дымок. Дымок нашего костра тоже голубой, тоже тёплый.

Голубой дымок струится и в руках Яныг-турупка-эквы: она курит и задаёт приезжему вопросы.

А Арсентий спокойно и медленно рассказывает новости: и о том, что на третье стадо совхоза напали волки, а в седьмом потерялся пастух, и о том, что нужно делать оленеводам этой капризной весной, как спасти стада оленей, когда от раннего дождя и частых новых снегопадов образуется толстый наст, а местами просто ледяная корка.

Трудно доставать оленям вкусный ягель. Мудрые оленеводы, древние оленеводы в тупике. А Арсентий знает. Он думает вслух, предлагает, советуется со стариками. Те тоже думают вслух, говорят...

Говорит и моя тётя Сана, зашивающая дырочку в кисах, и повеселевший Силька, стругающий ножку нарты, и Микуль, с наслаждением нюхающий табак, и Вун-ай-ики, приводящий в порядок тынзян, и маленький оленевод Епа, приучающий к чему-то собаку, и даже Мань-аги, озорница-белочка, прыгающая у костра, – все думают вслух, говорят...

Интересная беседа.

На другой день мы встали рано. Арсентию нужно было обойти стадо, чтобы посмотреть, как выглядят олени, насколько изранены их копыта.

На стороне нового, завтрашнего дня, на востоке, небо было розоватое, а над нами голубое, холодное. И мысли словно застыли. Мало говорили мы.

А лес уже говорил. «Т-р-р-р-р-ру!» – пело вдали дерево. «Т-р-р-р-р-р-ру! Тр-р-р-р-ру!» – пело рядом другое. Весь лес выводил многоголосую песню. Каждое дерево говорило, радовалось.

Поёт лес, очарованный ясным утром. Шуршит под нашими ногами наст.

Перестукиваются с деревьями дятлы...

И понемногу оживляемся мы с Арсентием. Вспоминаем школьные годы, ровесников... Вспомнили Иосифа. Не того, которого все ласково звали Оська, а того, что звали Усюп, или Усюп-йив,

по-мансийски Усюп – имя, йив – оглобля.

– Усюп!.. – усмехнулся Арсентий. – Зимой, когда я был в отпуске, видел его в Тюмени. На улице встретил. Потом несколько дней у меня в номере он жил. Жалко, совсем пропал Усюп. Попугаем стал. Переменил имя... Его теперь как-то по-другому звать.

Не знали манси раньше такого слова – «попугай». Не было такой птицы в сказках, не было такого слова даже в песнях. А теперь всем известна стала эта птичка.

Летом на теплоходах привозят иногда люди железные клетки с болтливыми пёстрыми попугаями.

– А знаешь, как разодет Усюп?.. Не знаешь! Такого не придумают и самые остроумные на Медвежьем празднике! Не отличает ерша от окуня. Только помнит, что уха из ерша вкуснее. Забыл он и свой родной язык...

Рассказывают, как-то приехал домой и со старой матерью разговаривал на непонятном ей языке. Она, как испуганная зайчиха, тарасила на него глаза. Вздыхала.

Видя, что она не понимает, он показывал, изображал слова руками... Ты видел такого! – смеясь, воскликнул Арсентий.

А он какой институт окончил? – спросил я Арсентия.

Какой там институт! Он не окончил и восьми классов! Даже курсы не может окончить. Поступил в медучилище – убежал! Учился на курсах радистов, киномехаников, дизелистов, трактористов, баянистов – ни одни курсы не окончил. Сейчас, кажется, поступил на курсы экскаваторщиков-бульдозеристов. Поживёт, проболтается в одном месте, надоест – махнёт в другое. Курсов много. И поступать легко – везде северянам льготы: одежда, бесплатное питание... Всюду танцы, музыка... Не жизнь, а сладкая морoshка!.. Не то что мы с тобой – бродим по глухой тайге да по тундре голой... А, в общем, нам ему завидовать нечего! Оглобля и оглобля! Не для него и рыба, и олени, и лес, и нефть!

Над деревьями уже вставало бодрое и весёлое солнце. Пели деревья, щёлкали птицы – и над всей тайгой звучала музыка света, весны, жизни. Арсентий в эту минуту мне казался поэтом.

Под ногами хрустел мёрзлый снег. Иногда ноги скользили... Арсентий хмурился и продолжал:

– Обо всём этом я говорил Усюпу. И о настоящем и будущем нашего края. И что ему надо возвратиться в родные места, там работы хватит всем. А он мне в ответ: «Там нет условий для культурного отдыха!». Вишь какой, на готовенькую культуру зарится! А кто в его родном краю должен строить, создавать новую культуру? Тогда я пытался тронуть главные чувства человека, которые лежат где-то глубоко-глубоко, в самом сердце.

Чувство к матери, которая дала ему жизнь, к земле, по кото-

рой он сделал первый шаг в жизни, к народу, на языке которого он сказал первое слово. На мои слова он ответил высокомерно: «Моя родина – планета Земля. Мой народ – земляне!». Тогда я его выпроводил из номера. Не мог дышать с ним одним воздухом...

Похрустывали под ногами снежинки, а иногда ноги скользили и мы чуть не падали, но, увлечённые разговором, ничего этого не замечали.

Есть попугаи среди наших соплеменников! – тяжело вздыхая, словно размышляя вслух, протянул Арсентий. – Мало, но есть!.. А ты знаешь, что о таких попугаях говорят в народе: «Ничтожные люди готовы считать родной народ свой ничтожным и пытаются отмежеваться от него. От таких людей отворачиваются свои, не признают их и другие..»

Сильные люди борются за то, чтобы прославить родной народ, сделать его счастливым».

– Даже когда на всей планете будет коммунизм и космические корабли полетят вон туда... – указывая на солнце, говорил Арсентий, – даже тогда в душе каждого из людей будет жить своя родина – та земля, где родился человек, тот народ, из глубины которого он вышел на дорогу жизни.

Народы Севера маленькие, как орешки на огромном и величественном кедре. Но и у нас есть своё, то, чего нет у других народов: свои легенды, песни, умение с улыбкой жить в суровых условиях нашего Севера. Кто быстрее поймает в тайге соболя, в Оби – осетра, в стаде – оленя? Конечно, северяне!

Вот стадо. В нём две тысячи оленей. Их пасут всего шесть пастухов. А сколько таких стад на бескрайних просторах тайги, тундры! А сколько соболя, белки, горностаю добывают в тайге следопыты-охотники! Сколько серебряной нежной рыбы каждый день сдают государству наши славные рыбаки! Так что совсем не прав Усюп, отвернувшийся от матери, от своего народа. Вот ты – манси, и я – манси... – повернулся ко мне Арсентий.

– Мы родились на этой земле. Наши соплеменники привыкли к долгим касланиям. Но нам с тобой иногда бывает нелегко, правда?

В знак согласия я кивнул головой Арсентию. Да, уже привыкли к другой жизни...

– А как на нашем месте почувствовали бы себя, к примеру, узбек и молдаванин?

Твоя тётя всю жизнь кочует, живёт в чуме, а нам с тобой этот чум опротивел...

И мы с тобой, как этот Усюп-йив, могли махнуть куда-нибудь на юг. А кто будет пасти оленей, помогать соплеменникам «стать с веком наравне»?

ЛЕСНАЯ РЕЧКА

*В пушистом инее леса
Сверкают золотом насквозь,
Костром в кустах мелькнёт лиса,
В снегу по грудь проходит лось.*

Мы остановились в долине одной из маленьких лесных речек, по-мансийски называемых «я». Кругом холмы с зубчатым бором, как спина осетра. В бору пихта, сосна, кедр. К берегу склоняли тяжёлые лапы ели, белые сверху, чёрные, как смола, снизу.

Между холмами сияет под ярким солнцем большая поляна. Только посреди поляны, будто ленты, извиваются, бегут рядом две чёрные полоски. Это из-под снега смотрят карапли-йив – тонкие ивы, окаймляющие лесную речку.

Лесная речка... Ты навеваешь сны, шепчешь сказки моего детства. По звонким холмам такой же речки мы с мамой бродили по первой снежной пороше. Впереди бегала лайка. Как, бывало, почует на ветке озорную белочку, сразу лает. И мы с мамой не торопясь идём на её страстный зов. Никуда белка не убежит. Я несу ружьё мамы, как настоящий охотник. А мне всего шесть лет...

*Белка скачет, звёздный иней
Сыплет в глушь лесную.
А под сосенкой кудрявой
Старый пёс тоскует.*

Наш Ханси всё лает и лает. Он уже видит нас: то бросается к нам навстречу, то опять кусает кору высокой стройной сосны. Это Ханси говорит: «Вот белочка, которую мы ищем, которая нам троим так нужна». Потом мама вскидывает ружьё. И белочка, с золотистыми усиками, с пылающим золотистым хвостом, лежит уже у наших ног. И мы все радуемся. Особенно Ханси и я...

*Облетает звёздный иней
С молчаливых сосен,
Запахом зверька живого
Нос щекочет пёсий,
Хочет пёс, чтоб трепетала
Белка в чёрных лапах,
Хочет он вдохнуть седого
Дыма горький запах.*

Лесная речка... На твоих каменистых перекатах, где и в звонкий осенний мороз беспокойная вода журчит и лепечет голосом монет,

стояли наши гимги, плетённые из тонких прутьев и корней кедра. Когда солнце уже собиралось спрятаться за спину тайги, мы шли к перекатам, вытаскивали из воды гимгу, посаженную между камнями. В ней плескались огромные щуки, у которых на спинах цветут причудливые узоры с зелёными и белыми полосками, и крылатые рыбы – хариусы.

Лесная речка... На твоём берегу обязательно стоит избушка на курьих ножках. В неё несут свою добычу охотники. Ни один зверь, даже медведь, лазающий по деревьям, не может забраться в неё. Рядом с избушкой на курьих ножках обыкновенная изба, стоящая на земле. Загорится заря – в домике появляются охотники. Первыми, конечно, приходим мы с мамой. Рубим дрова. Растопляем чувал и готовим ужин. Потом приходят другие охотники. При свете жаркого чувала охотники снимают шкуры белок, развешивают на просушку. Варят суп из нежного беличьего мяса...

О, лесная речка, ты напомнила мне запах варёной беличьей головы. Как давно я не слушал у чувала, стреляющего искрами, длинных, длинных, как ночь, сказок!..

НОВЫЙ ШАМАН

*Женщина родного края,
Пробудись, взгляни вокруг
На дела твоих подруг!
Мир гордится их судьбою.
Что же ты живёшь рабою,
Что же ты зимой и летом
Под платком не видишь света?
На моей земле весенней
Кто, скажи, тебя священной?*

Всю ночь кричал Мань-пыг. Лицо его было красное и круглое: он тужился и плакал. И казалось, вот-вот сорвётся голос его...

Яныг-турпка-эква квакала, как лягушка, и плевалась зелёными плевками на Итью Татью.

– Агум-варнэ-ут! Агум-варнэ-ут! (Дух, насылающий болезни.) Это ты принесла нам несчастье – не соблюдаешь законы предков! За тебя наказывают нас боги, отнимают душу нашего внука. Тебя надо наказать!

Ворчала и тётя Сана:

– Из-за неё может погибнуть стадо: за мужское дело взялась, не бережёт в чистоте хорей, через него перешагивает. Разве мансийке можно?!

Потом говорит Окре:

– Попроси Потепку, пусть пошаманит. Он ведь был большим шаманом. Много людей вылечивал, спасал от смерти. Над маленьким, чистым человечком духи, наверное, смилуются, если их задобрить... Пусть пошаманит Потепка... Проси, проси его, Окра.

И Окра просила, умоляла Потепку, чтоб он поговорил с богами, узнал причину, за что мальчика наказывают духи, чем провинились оленеводы...

Потепка сидел лицом к железной печке, в которой играл, трещал огонь. Его почти бесцветные глаза были печальны.

– Не могу я вылечить мальчика, не могу... Знаете ведь, я больше не шаман... Надо съездить в соседнюю бригаду за фельдшером.

Неизвестно, что было бы дальше, если бы не Итья Татьяна. Она посмотрела на всех долгим глубоким взглядом. А потом попросила у плачущей Окры разрешения поддержать её сына. Даже та, молодая, на Итью Татьяну косилась. Но сына всё же дала.

Итья Татьяна прильнула смуглой и румяной, как яблоко, щекой к лобу мальчика, заглянула в ушки и ротик, потрогала его ручки, круглый живот и попросила мыла.

Отрезав тоненькую стружку, она положила ревущего Мань-пыга животиком на свои колени. Стружка мыла оказалась чудом: вскоре мальчик оправился, успокоился и заснул глубоким сном.

Яныг-турпка-эква больше не плевалась. Окра целовала Итью Татьяну и роняла на её сверкающие бусы счастливые материнские слёзы.

Всё так же играло пламя в печке, всё так же потрескивали смолистые дрова, всё так же сидел Потепка у огня, только в глазах его словно плясали теперь озорные искры.

– Вот вам и шаман! Вот вам и новый шаман! – говорил он, кивая седой головой в сторону Итью Татьяны.

ПОТЕПКА

*Ветры свищут, вьюга рыщет,
Вьюга в сердце рвётся,
Чужа горе, вьюге вторя,
Сердце рыбой бьётся.
В те слепые дни былые
Знал ли я, болея,
Что ведь доктор счастье мог бы
Мне вернуть быстрее?*

Потепка! Какой манси не знает этого имени! Как имя зверя, как имя рыбы, знакомо оно манси. Но почему же мужчины при виде Потепки смотрят поверху, словно гордые лоси, а женщины косятся

по сторонам, подобно трусливым зайцам? Почему это имя такое быстроногое, что всюду знают его на моей земле?

Слушайте.

В годы, когда я был маленьким, внимали манси тёмным словам Потепки. Слова же эти были такие:

– Я всеильный шаман и могу говорить с небом. Дружат со мною шайтаны, речи мои доходят до бога. Не забывайте неба, манси, иначе счастье никогда не найдёт к вам дороги.

В домах же ваших поселятся болезни и нечисть!

В те дни, когда слушал народ манси речи шаманов, умер мой дед. А потом заболел я и стал слабее утёнка, только что вылупившегося из яйца.

Сказали соседи родным:

– Душу мальчишки унёс в могилу дед. Ступай к шаману, он вернёт мальчику душу, и тогда сын ваш снова станет здоров и весел.

Послушались родные соседей. Повезли меня к Потепке. В жертву богам зарезали телёнка и внесли его в дом шамана. В доме увидел я много народу. Старики с головами белее снежных вершин; старухи с морщинами, точно трещины глинистых берегов Сосьвы; ребятишки, юркие, озорные, как белки; степенные мужчины, пугливые женщины – все собрались у Потепки и сейчас смотрели на меня.

И вот затлел где-то в доме сэныг.

Наполнился дом волшебным воздухом, которым дышат только шайтаны в небе. Как исчезает в бурном прозрачном потоке мутная струйка воды, так исчезли, когда затлел саныг, дурные запахи в доме Потепки.

Потепка же взял в руки топор и сел в переднем углу.

Но прежде, чем сесть, шаман потушил лампу. Стало в доме темно, так темно, точно не было никогда на небе луны, точно солнце само себя поглотило!

Было темно, было тихо, все боялись дышать. Знали, в эти минуты шаман собирается говорить с небом, подбирает слова, понятные только богам.

Вдруг услышал я дробные звуки: э-кэ-кэ-кэ-кэ! э-кэ-кэ-кэ-кэ-кэ!

– Слышите? Это шайтан бросает в меня стрелы. Сердится, что долго слов небесных не нахожу!

И опять наступила тишина, такая тишина, точно не было на земле ни людей, ни зверей, ни птиц, ни ветра, ни волн, ни шума лесов.

А потом тихо, почти неуловимо, точно робкое токование тетерева, поплыла по комнате песня. Её пел Потепка. Медленно, подобно каплям тающего снега, возникали непонятные слова. Постепенно слова становились громче, громче, и вот уже наполнили весь дом пронзительные, непонятные, таинственные слова.

Неожиданно песня разом оборвалась, и Потепка сказал:

– Недоволен небесный шайтан, недоволен. Маленького телёнка принесли ему в жертву. Надо ещё одного телёнка принести ему завтра в жертву... Ждите! – раздался в темноте голос шамана. – Сейчас прилетят шайтаны. Вы не увидите их, но вы услышите их! И первым прилетит шайтан Ялпус-ойка! Ялпус-ойка! Он единственный, кто может подниматься к богам в небеса и спускаться в подземное царство нечисти. Вот он! Он близко! Он летит! Всесильный Ялпус-ойка превратился в железную птицу лули. Замрите!

Он летит!

И я услышал, и все услышали, как железные крылья лули рассекают со свистом воздух. Свист приближался, становился сильнее, потом вздрогнули стены дома и кто-то ударился о священный стол в священном углу. Я услышал частое тяжёлое дыхание. Так дышит человек после долгого бега с непосильной ношей на спине. То явился шайтан Ялпус-ойка!

Вслед за ним стали являться другие боги. По-разному являлись они. Кто приезжал на оленях – мы слышали скрип полозьев на мёрзлом снегу; кто приезжал на конях – мы слышали грузные шаги под окнами дома. И каждый раз из темноты раздавался голос Потепки. Он выкрикивал имена шайтанов:

– Ялпус-ойка! Отец всех шайтанов!

– Ас-котиль-яныг-ойка! Повелитель Оби!

– Тагт-талих-отыр! Повелитель верховья Сосьвы!

Называл он и других шайтанов, но я уже не помню сегодня их длинных и трудных имён. С каждым из них Потепка здоровался:

– Здравствуй, из дальних земель пришедший шайтан!

И все мужчины повторяли в темноте:

– О здравствуй, здравствуй, из дальних земель пришедший шайтан!

Когда собрались все боги, Потепка начал шаманить.

Снова затянул он песню на небесном языке. Мы же все сидели в страхе, не понимая языка богов. Но потом появились в песне слова понятные, и я разобрал, о чём пел шаман.

– Мало, мало приносите жертв вы богу! Гневаются на вас шайтаны – сыновья небес!

Опять появились в песне таинственные слова, понятные только небу. Но вдруг оборвалась песня, и Потепка сказал:

– Поведали мне боги: душу мальчика унёс в могилу его дед. Цепкими, костлявыми пальцами держит он душу парнишки и не хочет её выпустить. Но говорящий шайтан Ялпус-ойка внял моим просьбам. Он полетел к могиле старика. Сказали мне шайтаны: ещё немного – и умер бы мальчишка, потому что не может долго жить человек без души.

От этих слов пот начал струиться по моему лицу и волосы заше-

велились на моей голове. Вдруг дед не выпустит моей души? Тогда я умру сейчас же, здесь, в доме шайтана! В темноте мерещился мне лежащий в гробу дед, и в скрюченных пальцах его извивалась голубовато-дымчатая душа моя...

*Вещи, лица – всё кружится
В зареве багряном
Счастье чище глаз ребёнка
В топоре шамана.
Пламя стало по металлу
Кровью растекаться,
То недуги – злые духи –
Топора боятся.*

Опять послышался где-то неясный, далёкий звон. Я понял, что Ялпус-ойка летит обратно. Снова железные крылья лули рассекли воздух, снова кто-то ударился о священный стол, и опять послышалось частое дыхание человека, бежавшего долго с тяжёлой поклажей на спине.

– Ему было нелегко! – воскликнул Потепка. – Ялпус-ойка долго бился за душу мальчишки!

Я сидел, цепenea от страха, и мысли мои путались в голове. Вдруг в священном углублении едва слышный писк.

– Спасённая душа пищит в руках сына бога, – пояснил шаман. – Подведите мальчика к священному столу.

В темноте меня подвели к столу. Я знал, что за столом сидят все шайтаны. Сердце моё, подобно трепещущей рыбке, готово было выскочить из груди. Каждая жилка во мне ликовала: «Я не умру, снова душа живёт в моём теле! Потепка, всесильный Потепка вернул мне душу!».

Опять услышал я в темноте голос шамана:

– Боги не забыли тебя, народ манси. Небо смотрит на тебя, народ манси. Не дерзай нарушить древние законы и обычаи своей земли. Слушай шаманов, народ манси!

Старухи, что сидели вокруг меня, зашептались:

– Счастье, что живёт среди нас такой шаман!

– Без шамана наши души иссохли бы, как сохнет вяленая рыба!

– Боги слушают нашего шамана. Они вернули душу мальчишке!

Двадцать удивительных лет прошло с тех пор. Жил я в самом красивом на земле городе – Ленинграде. Жил я в Ленинграде и вспоминал иногда о шайтанах. И мне не бывало при этом смешно. То было детство... Детство моё и моего народа. А в детстве случается всё. В таинственных лесах живут удивительные феи. В деревьях – злые духи.

Реки населены водяными людьми...

Да, в детстве веришь всему. Теперь-то я знаю: не шайтаны меня излечили, и без них бы не умер я. Все знают теперь, что шайтанов на свете нет. Просто случилось так, что болезнь прошла сама. Я же поверил неграмотным старым манси, что Потепка спас мне жизнь. Поверил, потому что был я тогда ребёнком, а в детстве веришь всему.

Но детство не вечно. Я вырос и стал другим. Смотрю на изменившийся мир, и прошлое кажется мне сном ребёнка, где страх и радость, где горе и счастье всегда живут рядом. В иные дни мне казалось, что ничего этого не было: ни шайтанов, ни Потепки, ни жертвоприношений.

Прошлым летом вернулся в свои родные места и увидел Потепку. Я не сразу узнал его, потому что встреча моя произошла так. Из окна отцовского дома заметил я на высоком берегу Сосьвы толпу мальчишек. Среди толпы малышей вертелся кто-то большой и неуклюжий. Можно было подумать, что это медведь исполняет мансийский танец.

Мальчишки прыгали вокруг танцора, корчили рожи и гоготали, как осенние гуси. Я вышел из дому посмотреть, кто пляшет в такую рань на берегу Оби. Это оказался Потепка. Глаза его излучали веселье, неутомимые руки извивались, взлетали вверх. Он танцевал и пел. А вокруг него прыгали ребяташки. Они прыгали и задавали Потепке вопросы. А он отвечал, продолжая плясать.

Мальчишка, не выше маленького оленёнка, спросил протяжно, напевно:

– Почему Гагарин летает по небу? Он не шайтан, он человек. Почему же он так высоко летает? Почему мой отец не может взлететь к небу? Мой отец грамотный, он учитель, а подняться в космос не может.

Потепка не прервал пляски. Он только чуть-чуть замедлил её и запел в такт своим движениям:

*Маленький, точно палец, мальчик
Задал мне, старику, вопрос:
Почему не шайтан, а человек Гагарин
В небо взлетел, поднялся в космос?
Слушай, маленький, точно палец, мальчик,
Носит Гагарин имя священной птицы гагары,
Потому и взлетел он до самого неба.
Лули эту птицу зовут по-мансийски,
По-русски гагарой её называют.
Выше шайтанов летает в небе Гагарин!
Хорошо, что он носит имя священной птицы лули!
Хорошо.*

Гортанные звуки певца вернули меня к далёкому детству. Это был он, шаман Потепка. И ребятишки, ростом с маленьких оленей, смеялись над ним, прыгали вокруг него, корчили ему рожицы и ничуть не боялись его. Им было столько же лет, сколько было мне, когда привезли меня, умирающего, в дом Потепки. Сердце моё трепетало тогда от страха, как трепещет живая плотвичка в руках человека! О, как я боялся шамана Потепки, как верил в него тогда!

Потепка кончил плясать и, тяжело дыша, опустился на берег. Я подошёл к нему и поздоровался. Он посмотрел на меня хитрыми выцветшими глазами и спросил, кто я такой. Я сказал:

– Я тот, кому шайтан Ялпус-ойка вернул когда-то душу. Помнишь?

Он снова вскинул на меня быстрый взгляд и отрицательно мотнул головой. Тогда я спросил:

– Что делаешь ты теперь? Разве идут к тебе больные колхозники? Разве привозят они к тебе детей? Вчера я видел больницу в нашей деревне. В больницу, а не к шаману идут нынче больные.

Потепка легко вскочил на ноги и выкрикнул:

– Больше я не шаман! Теперь я артист!

Сказал и снова пустился в пляс. И снова вокруг него запрыгали ребятишки. Они смеялись над Потепкой, они гоготали, как гогочут, взлетая, осенние гуси...

Потепка сказал правду. Он действительно стал артистом, может быть, лучшим артистом манси.

Каждый год проходит теперь в мансийских деревнях смотр художественной самодеятельности. И на сцене нашего сельского клуба, что построен позади школы, я увидел певцов и танцоров родной деревни. Сначала вышел хор. Это был маленький хор – всего десять человек. Он исполнил много песен на мансийском и русском языках. После хора на сцену вышли две девушки в платьях, расшитых мансийским узором. Девушки плавно, подобно орлицам в небе, кружились на клубной сцене. Они танцевали «Куриньку».

Наконец на сцене появился Потепка. В руках его был санквалтап. Потепка провёл слегка пальцами по струнам звонкого санквалтапа и запел:

Живу, думаю, думаю:

«Трудно человеку жить без колхоза,

Очень плохо жить без колхоза!»

Живу, думаю, думаю:

«Плохо на лодке плыть без мотора!

Грести веслом, как в старину, –

Очень плохо!»

Живу, думаю, думаю:

«Трудно человеку жить без колхоза!

*Как зимою пойдёшь в селенье далёкое?
Пешком, как в старину?»
Живу, думаю, думаю:
«Зачем в старину народу шагать?
Вперёд, не назад человеку шагать пристало!»
Живу и думаю, думаю, думаю!*

Потепка пел, а санквалтап его звенел, как ручей, завывал, как буря, шумел, как лес на ветру, щебетал, как птицы на рассвете.

Он пел и рассказывал в песнях о своей извилистой жизни. Пел о том, как ушёл он от новой жизни в тайгу, чтобы жить с одними деревьями, чтобы жить с деревянными идолами. Но затосковал он в тайге. Нет, не понимали деревья человека. И птицы человека не понимали. А идолы без людей оказались бессильными и не могли творить никаких чудес. И тогда вернулся Потепка в деревню, чтобы жить со всеми, чтобы веселить песней сердца и души людей.

Кончил Потепка петь, замолк его санквалтап. И тогда все стали говорить, что Потепка пел хорошо, что Потепка пел правильно, что Потепку надо отправить в округ, куда съедутся лучшие артисты манси.

А древняя старуха с головою белее снега не отрывала колючих маленьких глаз от Потепки. Она следила за каждым его движением и, кривя беззубый рот, злобно шамкала:

– Пляши, пляши! Шайтан покинул тебя и никогда не вернётся к тебе! Смотрите, до какого позора дошёл Потепка!

Снова услышал я Потепку в окружном центре. Он вышел на сцену, и многие усмехнулись в зале. Помнили люди: Потепка – бывший шаман. Потепка скользнул пальцами по санквалтапу и запел «Песню летящих гусей».

И все, кто был в зале, услышали, как сильные, гордые птицы рассекают крыльями воздух, и мы ощутили бескрайний простор небес и счастье полёта под облаками.

Я прикрыл глаза и вновь, как в детстве, оказался во власти Потепки. Снова услышал я, как железные крылья Ялпус-ойки рассекают со свистом воздух, вновь ощутил я дыхание шайтана, прилетевшего в тёмную комнату шамана.

Наваждение растаяло, когда я открыл глаза. Передо мною была большая сцена, украшенная благородным орнаментом манси. А на сцене пел и играл на древнем мансийском инструменте седоватый человек. Зал восторженно слушал его, забыв мелочные заботы. Всё, о чем пел Потепка, люди начинали видеть своими глазами. Только подлинный талант может свершить такое чудо. И я был свидетелем этого чуда...

«Шайтан покинул тебя и никогда не вернётся к тебе», – вспомнил я слова старухи.

Неверно сказала старуха. Не боги покинули Потепку, а Потепка не захотел больше жить с богами. Он ушёл к людям.

Будет ли Йикор человеком?

В ту памятную ночь волки загрызли двенадцать оленей. На следующую ночь охрану усилили. Один серый попал в капкан. Но к отравленной приманке волки так и не притрунулись: хитрые твари, нажрутса в первую ночь.

Хоть и ярко горели костры, и чернели на лунном снегу пугала, хоть и освещали небо ракетницы, волки всё же подкрались к стаду и загрызли ещё трёх оленей. Но пастухи не дремали. Ай-от и Потепка меткими выстрелами уложили трёх зверей. Два других волка, почувствовав свою кровь, убежали. На следующую ночь они не появлялись.

В эти дни олени были возбуждены, плохо щипали вкусный ягель. В сторону Урала мы продвинулись лишь километров на десять. Оленям нужен был отдых. Обойдя стадо, Микуль заметил, что нет некоторых оленей. Видно, отбились от стада, когда волки напали. Надо найти и вернуть их, пока на след не напали звери.

По одним следам вызвался идти Йикор, по другим Потепка.

Потепка вернулся в тот же вечер, пригнав десять оленей. Они, оказывается, были совсем недалеко, километрах в пятнадцати от чума, на южном берегу лесной речки, где снег подтаял, щипали зеленоватую прошлогоднюю траву.

Олени любят зелень!

А Йикора не было. Думали, придёт к утру. Но он не пришёл. Не вернулся Йикор и на следующий день. Мы уже откочевали очередные семнадцать или двадцать километров. Не могли же стоять на одном месте. Весна наступает. Скорее нужно добраться до мест отёла.

На месте стоянки чума оставили записку. Да и не так уж далеко отошли. Йикор сразу нашёл бы нас по следу. Стали волноваться. К тому же ночью была метель. Следы замело. В тайге легко заплутаться. Особенно неопытному и подслеповатому Йикору. Да ещё волки. Ближайшие сорок – пятьдесят километров объездили вдоль и поперёк, но не нашли ни оленей, ни Йикора.

Микуль хмурился. Он, наверно, ругал себя, что согласился послать Йикора.

Погибнет человек. Хоть плохой Йикор, но всё же человек.

Йикор... Он не любит работать в колхозе. Летом ловит в Оби серебристых муксунов, гранёных осетров и не сдаёт государству, а садится на огненную лодку – белый теплоход: там любят рыбу...

И ездит Йикор на белых лодках далеко-далеко, слушает песни, разные истории.

Даже в городах каменных бывает. Он знает обо всём. Приезжает домой, долго рассказывает, над всеми сородичами смеётся.

Приедут судьи – Йикор, как налим, выскользнет из их рук: все законы знает!

Люди говорят: не Йикор продаёт рыбу, продаёт рыбу злой дух Куль, который сидит в нём! Не Йикор над людьми смеётся – смеётся дух подземного царства Куль! Надо выбить из него этот дух, надо сделать Йикора человеком! Ведь каждый может найти свою совесть и искупить вину перед людьми.

И колхозники решили расправиться с ним своим судом – направили в кочевье, на Урал. Тяжёлый труд и безлюдная дорога выбьют из него злого духа Куля. Так вот Йикор и оказался с нами.

Каждый воспринимал исчезновение Йикора по-своему. Тётя Сана ругала Микуля:

– Тоже нашёл кого посылать. Лучше сам пошёл бы!

Микуль хмуро молчал.

– Куль, злой дух, наверно, водит его по тайге, – говорила, вздыхая, Яныг-турпка-эква. – Такая у него, уж видно, судьба. Бедный человек!..

– Куль, конечно, Куль его водит. Да он и сам Куль, – смеётся Ларкин. – А мы ещё столько ищем, беспокоимся... Стоит ли? Ведь всё равно судьба!..

– Человек!.. Даже самый плохой. Он всё же человек! Его надо найти... Хотя бы косточки. Похоронить надо... А то грех. Людям так нельзя!..

Я не узнавал Вун-ай-ики. Он с почтением говорил о Йикоре. Только вчера косился на него, презирал. А теперь...

А может, все старики так относятся к мёртвым?

– Если человека не уважали живым, то надо хотя бы теплее проводить его в другую жизнь, в подземное небо. У него тоже сердце. Всё же человек! Нельзя смеяться над горем, – продолжал Вун-ай-ики.

Когда Микуль предложил мужчинам отправиться на поиски, Ларкин отказался.

Мне было стыдно за него. С недоумением смотрели на него Арсентий и Итья Татьяна. Она вызвалась идти на поиски Йикора.

Мы уже собрались, когда за чумом раздался дружный, радостный лай собак. Все стрелой вылетели из чума. Даже Яныг-турпка-эква и Вун-ай-ики вышли. Собаки радостно повизгивали в сторону таёжной речки. Скоро показались олени, а за ними и Йикор. Он тяжело передвигал лыжи по хрустящему утреннему снегу. В усталых, слезящихся глазках его – искорки счастья.

Микуль сразу же как-то преобразился, словно сбросил тяжёлый камень, с восхищением смотрел на него маленький Епа. И даже всегда недовольный Вун-ай-ики потеплел.

Как же не потеплеть сердцу, если даже смешной Йикор смог выстоять против морозных ночей в безлюдной тайге, спасти оленей

от волков и, несмотря на метель, найти дорогу к людям.

Старики когда-то говорили: не Йикор продаёт рыбу, продаёт рыбу злой дух Куль, который сидит в нём! Не Йикор над людьми смеётся – смеётся дух подземного царства Куль. Надо выбить из него этот дух – надо сделать его человеком! Ведь каждый может добрыми делами искупить вину перед людьми!

Никакого Куля, конечно, нет. Это сказки. А плохой человек Йикор был. И правда, каждый сможет найти свою совесть и стать человеком! Будет ли Йикор человеком?..

А ТАЙН НА ЗЕМЛЕ ТАК МНОГО...

*Нужны мне крылья, да ещё дорога,
Которой нет и не было длинней.
Пусть бьётся в сердце радость и тревога,
Пускай звучит, как песня, скрип саней.
Это играет санквалтап?*

Нет! Это поют и рассказывают сказки восемь женщин, а двое пишут.

Кто эти женщины?

Женщин нет: это поёт нарта с восемью ногами и двумя полосьями. Нарте подпеваает тающий снег. Песня её длинная-длинная, – я уже устал слушать. Песня её монотонная-монотонная, как старинная жизнь. Не хочу я жить такой жизнью. Что это такое: изо дня в день олени бредут, бредут, перекатываются, как тяжёлые камни. Где-то летят космические корабли – и жизнь летит. А мне медленно, как мамонты, вросшие в землю, кивают древние кедры.

Сколько этим кедром?

Наверно, лет триста!

Кедры кивают мне и нараспев рассказывают сказки, которые они слышали ещё от своих дедов. Они рассказывают о дороге, по которой мы движемся к Уралу.

«Не первый ты едешь по этой дороге, – тянет кедр под скрип полосьев. – По этой дороге ездил ещё Тэк-ики. Это было давно-давно – во времена песен, во времена сказок».

В мансийском ли городе, в хантыйской ли деревне женщины, как обычно, кололи дрова, носили воду или просто гуляли меж домами. Вдруг на чистом зимнем небе выросло облако. Оно стало расти, расти. Над деревней превратилось в тучу чёрную, закрыл своей спиной солнце. Туча, как ястреб, рванулась вниз, схватила когтями самую молодую, самую красивую женщину – невестку Тэк-ики, полетела...

Это была не туча, а Курк – орёл огромный.

Люди всполошились.

Тэк-ики схватил лук, натянул тетиву и стрелой с толстым наконечником отбил у Курка с правой ноги три когтя. Но Курк улетел, унёс самую красивую молодую женщину.

Курк летел – сияние слабело. Вот оно превратилось в маленькую-маленькую звёздочку.

Люди заметили: он стал приземляться за Уралом, в стране, где живут саран – торговые белые люди.

Тэк-ики сказал брату Ай-ас-торуму:

– Почему ты свою жену не защитил? Надо пойти искать её.

Брат сказал:

– Какой силой я её буду защищать? Пойду – убьют!

– Ты хочешь, чтобы наш народ был уничтожен, а богатыри появились за Уралом: ведь твоя жена рождает богатырей, поэтому её и утащили, – сказал Тэк-ики.

И Тэк-ики запряг оленей и поехал в сторону, где погасла звезда, погасло сияние красоты снохи.

Долго ли снег хрустел под его нартами, коротко ли кедры кивали ему кудрявыми головами, наконец доехал он до высокого дома, что стоял на берегу лесного озера, за большими болотами, на середине пути до высокого Кев-ики – старика Урала. Дом этот был не простой: в нём жили двести менквов. Нарта Тэк-ики пела песню ещё за семью болотами, а менквы-людоеды уже спорили. Самый молодой говорил: «Я съем его глаз!».

Другой говорил: «Нет, я!». Третий говорил: «Да что вы спорите – разве вы почувствуете запах капли крови! Что для нас, людоедов, один глаз!.. ».

Не успел менкв закрыть рот, тяжёлая дверь открывается, как пушинка, – на пороге стоит отыр-богатырь Тэк-ики. Заносчивые менквы вдруг оробели: один прячется за спину другого.

– Ну, кто будет есть мои глаза? – говорит Тэк-ики, вынимая из ножен сияющий серп луны – богатырскую саблю.

У всех словно уже отрублены языки – ни слова.

Ходить стала сабля по головам менквов, как вода между травами. Всех людоедов перерубил Тэк-ики. Тела их лежали в шесть рядов, как брёвна, сложенные в плоты.

Хотел уже уходить Тэк-ики, как вдруг подумал: «А если убрать всех убитых, помыть дом – на обратном пути будет где остановиться и отдохнуть: ведь дом лучше, чем чум. И другим охотникам будет хорошо!». И как подумал, так и сделал. Прибрал, помыл – всё засверкало. И сил стало так много, словно отдохнул в родном доме, пахнувшем янтарными каплями смолы.

И сказал Тэк-ики громче грома, чтобы слышали все деревья, чтоб несли звуки все ветры во все стороны и во все века:

– Когда настанет доброе время, когда родится счастливый человеческий век, там, где менкв-людоед уронил печень, там, где отыр

Тэк-ики набирал силу, пусть будет место отдыха людей, пусть будет там дом доставать до туч, пусть люди видят хорошие сны и набирают силы для большой дороги!

Сказал и поехал дальше за невесткой. Долго ли ехал, коротко ли ехал – перед ним выше туч засверкали волосы Нер-ойки – старика Урала. Как проедешь мимо, как не зайдёшь в небесный город, коль в нём живёт друг людей – Нер-ойка!

Город со звёздами на крышах, с острыми башнями, над которыми вьются разноцветные пылающие платки дочерей Нер-ойки. Хозяин угостил Тэк-ики мороженой крылатой рыбой – хариусом и горячим чаем, пахнущим морошкой. И сказал Нер-ойка:

– Биться-воевать за родного человека надо. Только не разрушайте жилища.

Разрушить жилище – как дунуть на мыльный пузырь; построить – как вырастить кедр.

Воюйте, но мой каменный город не разрушайте! А ещё лучше, – наказывал Нер-ойка, – воевать умом, а не силой. Поедешь ты сейчас, спустишься с моих плеч – увидишь широкий плёс реки и длинный мыс с деревьями, чуть касающимися белых облаков. За мысом – город. В нём живут саран. У них и твоя невестка. Ты до города не едди на оленях.

Оставь оленей над обрывом у мыса. Это тебе пригодится.

Так и сделал Тэк-ики. Не поехал на оленях в город.

Привязал своих рогатых помощников над обрывом в густом ельнике. Пошёл в город пешком.

Вошёл он в дом невестки. Она выходит из-за шёлкового полога, обнимаются-целуются.

– Зря ты пришёл один, – говорит она. – Тебя убьют. – Входят две женщины в платках, повязанных вокруг головы. Говорят долго-долго на непонятном языке. Потом выходят, приходят снова, и опять говорят, и не смотрят на Тэк-ики. В третий раз вышли. Собралась выходить и невестка.

– Тебя хотят убить дымом, дом подожжён. Будет тяжело – иди в мой полог. За пологом доска – открой и там спасёшься, – сказала шёпотом невестка.

Только-только вышла она, как уже душно стало от дыма. Дым щекотал ноздри, из глаз бежали ручьи. Душно стало. Пошёл Тэк-ики за полог невестки, открыл доску, свалился в какую-то яму в рост человека и побежал. Долго ли колола темнота его глаза, коротко ли колола глаза темнота – наконец показался свет. Тэк-ики отпрянул от него. Пылающие платки дочерей Нер-ойки – северное сияние.

Он подумал: «А может, враги стреляют яркими лучами». Посмотрел – нет никого. Впереди тот самый обрыв. Над обрывом – ельник, в ельнике – олени, у оленей уже стоит невестка.

Сели они в нарту, поехали на другую сторону реки.

Напротив города Тэк-ики остановился и закричал:

– Из вашей ловушки, приготовленной для меня, я ушёл; а как вы уйдёте из моей ловушки, которую я придумал для вас?

Сказал, и застучали копыта, заиграла вьюга – так полетели нарты, помчались к дому родному оленю.

Мчались они той же дорогой через горы, болота, леса... Много раз солнце раскрывало глаза и сияло над деревьями. Устали, наверно, плясать луна и звёзды на ветвистых рогах – так долго летели олени... уже тонкой ниточкой только что народившегося месяца стали глаза Тэк-ики – так долго он не спал.

И не долетели бы олени до родного дома, и не родила бы больше невестка сыновей-богатырей, и не было бы на свете манси, если бы не тот дом, который вымыл Тэк-ики на пути вперёд, если бы не подумал он тогда о будущем. В том доме они отдыхали семь ночей и дней, и сила пришла в тело, и разум просветлел, и душа снова приготовилась к битвам.

И сказал тогда опять Тэк-ики громче грома, чтобы слышали все деревья, чтоб ветры несли пророческие звуки во все стороны и во все века:

– Когда настанет доброе время, когда родится счастливый человеческий век, там, где менквы уронили печень, где отыр Тэк-ики набирал силу, пусть будет место отдыха людей, пусть стоит дом вышиной до туч, пусть люди видят хорошие сны и набирают силы-разума для большой дороги!..

Доброе время настало, счастливый человеческий век родился: теперь я еду не за невесткой, которая должна родить богатырей, а чтоб из двух тысяч оленей на щедрых плечах Нер-ойки стало три тысячи рогатых. И нет ни у кого сабель, и злобы нет ни у кого.

Лучшие друзья мои – саран. Их стада сзади нас идут. Мы кочуем по одной дороге...

Доброе время настало, счастливый век пришёл: в дружбе живут все народы.

...А дом дружбы, дом отдыха оленеводов на этой дороге будет. Хорошая мечта сбывается.

А было время – здесь сверкали не рога тучных оленей, а сабли. И ходила по ней злоба и вражда. Манси и ханты воевали с соседями – коми и ненцами. Кровь лилась.

Страшно!.. Но всё это было, было, было...

Это я знаю по легендам, которые таит каждое священное место, каждое кладбище, каждый камень, каждое дерево...

На этом островке, что возвышается над лысыми тонкими болотами, в лесу, стройном и тенистом, священное место оленеводов. Средь высоких деревьев, как одноногий таёжный глухарь, стоит сумьях. Толстый ствол кедра – надёжная нога – крепко держит его

над землёй... Перед сумьяхом – место для костра и пиршеств. А вокруг деревянные идолы. Их столько, сколько раз приносили люди жертвы и пировали. Среди тенистых ветвей вытянуты тугие лучи. В домике тоже идолы. Только они нарядные. В соболиных шапках, в цветных сукнах. Это духи. У них есть имена... Много шкурок соболей, лисиц, куниц... И, конечно, множество монет: и самых древних, и не древних, и золотых, и серебряных, и медных. Много и других драгоценностей.

Веками сюда несли люди свои дары, чтобы в случае народной беды было чем воспользоваться. Здесь хранилище добра, священное место.

А на берегу речки – кладбище. Когда-то тут жили манси. Они или вымерли, или ушли. Осталось только кладбище. Оно тоже много расскажет. Ведь на кладбище всё так же, как и в деревне у живых. Могилы, как домики, стоят рядом. В центре – площадка для разжигания костра, для пиршеств и плачей. В могиле – небольшом деревянном срубе – лодка. Это гроб. Ведь душа будет плыть. Отбыв какой-то срок в могиле, душа поплывёт за море, в новое своё царство. Потому покойников хоронили в лодке и ставили в деревянный сруб, похожий на домик. Сверху засыпали землёй, чтобы вода стекала в обе стороны. У изголовья – маленькое окошечко. В него можно просунуть руку и положить табаку, если человек курил, покрошить рыбки. Словом, приносили во время поминок и плачей всё, что человек любил.

Вот лежит камень с загадочными рисунками. Проезжий остановится, в молчании опустит голову, бросит монету звенящую или кольцо блестящее. И камень заговорит тихим каменным звоном, что богатырь Тэк-ики тысячу лет назад пролил здесь свою кровь и победил чудовище, которое пришло на землю его со злым, коварным умыслом.

И до сих пор манси и ханты каждые семь лет в одной из деревень вспоминают героя, славят его торжественным ритуалом и страстной пляской.

А что это такое? Надо думать, думать, думать...

А чтобы думалось – надо искать и ехать! Близко ли, далеко ли – только ехать и пристальным взглядом вглядываться в жизнь. И тогда всё раскроешь, всё поймёшь! А всё понять – счастье!..

Перекатываются, как камни, олени, скрипят полозья, под кедрами кружатся снежинки. Снежинки тихие-тихие. Их много. Они что-то шепчут. Это сказки и легенды.

По земле ходят легенды. По дороге ходит жизнь. Надо о ней рассказать.

Стучат копыта оленей. Полозья поют песню... Я еду, еду, еду...

СКАЗКА

*Голова моя – ковшик для чистой воды.
Крепкий хвостик – корытце для псиной еды.
Язычок мой – весёлой калданки весло,
А крыло – самолёта цветное крыло.
Лапка – курья ножонка избушки лесной,
Спинка – лодка рыбачья с красивой каймой.
Острый носик мой по льду стучит, как пешня.
Зачирикал, забулькал я – слышишь меня?*

Белой птицей летает вьюга, белым клювом в чум стучится, и завывает, и завывает..

Кажется, нет конца этой песне, кажется, нет конца этой сказке... А в чуме – тоже сказка.

– И золотое солнце по земле ходит, и злая вьюга по земле ходит. Есть в мире добрые духи – Миснэ и Мисхум, есть и злой дух – Куль. Вот вы не верите, не верите, а Куль всё же есть. Даже среди людей, – рассказывает в лад вьюге Яныг-турпка-эква. – Было это в деревне, где дома, как деревья, стоят на месте, не кочуют, как чумы.

Жила там одна добрая женщина. Пошла она в лес за дровами. В светлом лесу, где одни берёзы, она вдруг слышит не плач гагары и не плач щенка, а жалобный детский плач. Посмотрела – правда ребёнок! И как может пройти добрая женщина! Стала она кормить его, стала матерью.

Голова у него большая, больше чугунного котла. А туловище маленькое, меньше вяленой щуки. Однажды взял его дедушка на рыбалку – Куль рыбу съел. Взяли его на охоту – всё, что убили, один съел. Проходил мимо хозяин леса, лесник, – он и лесника убил...

Белой птицей летает вьюга, белым клювом в чум стучится, и воет, и воет. Яныг-турпка-эква тоже завывает. Жилистые руки её дрожат. Дымок почерневшей трубки дрожит. Бледные потрескавшиеся губы её трясутся, и вся она в ужасе дрожит.

Потепка, подшивая прохудившиеся свои кисы, лукаво поглядывает на окружающих: не обвинят ли остальные и его за такое невежество? Кто теперь верит в Куля? Разве только тётя Сана и Окра? Кто всерьёз в этот бумажный век воспринимает такие легенды?

Потепка подшивает кисы, бывшие кисы жены, женские кисы. Нельзя было мужчинам носить обувь, которую надевали «поганные» женщины. В бригаде и теперь никто не надевает женские кисы, а Потепка уже носит.

Завывает вьюга, завывает Яныг-турпка-эква.

Потепка, конечно, косится. Люди долго помнят прошлое...

– Приехал в деревню высокий человек, большой человек, как

главный олень, кожаными ремнями опоясанный, – продолжала Яныг-турпка-эква. – На боку у него маленькое ружьё. Зовут этого человека Милица. Это сильный человек, смелый человек.

Смелее волка он, сильнее медведя. Увёз он Куля в тёмный дом, где держат людей, потерявших совесть. Думали: уж этот человек справится с нечистью!

Увезли... Там Куль стал хитрее росомахи, наглее росомахи. У мудрых людей взял их хитрость. У наглых людей взял их наглость. У мудрых людей есть говорящие ящики – радиво. И он себе тоже сделал радиво. Радиво его маленькое, как муха. Летает оно, как муха, жужжит оно, как муха.

Когда Милица спит, радиво подлетает к нему и жужжит. Слова Куля жужжит, мысли Куля жужжит. Пугал Куль Милицу, навевал ему тяжёлые сны, звал его в тёмный дом...

Йикор, сидящий на брёвнышке, ухмыляется. Красные, как у терева, глаза его сделались ещё краснее. В них сверкают две крупные слезинки. Это, наверное, слёзы смеха: городит старушка чепуху, всё на свете перемешала – и Куля, и мать, и лесника, и радио, и милицию.

– Пришёл в тёмный дом Милица – то же самое слышит. Куда ни повернётся, говорит злое радиво, и Милица тоже стал говорить, много говорить...

И все люди сказали: «Язык у Милицы неправильно вертится. Коль язык вертится, то и голова вертится. Надо голову поставить на место». И Милицу связали, а Куля отпустили домой.

Милица – сильный человек, он справился бы с медведем, справился бы с волком. А с нечистью, с Кулем, даже Милица не справился. Куль есть Куль... Даже самых сильных валит, превращает в подстилку, которую топчут ногами. Появится он рядом – летят уже плевки и ехидный смех... Даже самых сильных он валит!..

Белой птицей летает вьюга, белым клювом в чум стучится, стучится и завывает, завывает. И хотя трещит от смолистых дров печка, и хотя жар лёгкими руками ветерка касается лица моего, мне холодно. Другим, быть может, тоже холодно?

– Пришёл домой Куль. Пришёл к той, которая его вскормила. Много видел Куль. Много речей слышал он. Многому научился, многому разучился. Хороший человек берёт от других доброе. Дурной человек берёт себе подобное.

Пришёл домой Куль – места себе не находит, возится со своим радиво, над матерью смеётся. И говорить мать стала, как радиво, плакать, смеяться стала. И люди сказали о матери: «Между двух сторон попала она, помешалась». Смеяться стали плохие, а хорошие доброго не могли сказать... Хорошее дитя запах молока до седины помнит, у доброго человека цвет молока пробивается под вечер жизни в волосы, в седины...

Белой птицей летает вьюга, белым клювом в чум стучится, и завывает, и завывает...

А Яныг-турпка-эква уже не завывает. И дымок почерневшей от времени трубки уже не дрожит, бледные потрескавшиеся губы сжаты, лишь из поблѣкших глаз с морщины на морщину медленно перебираются тяжѣлые слѣзы.

Холодно. В углу глубоко вздохнул Силька. Он сидит с опущенной головой. Давно он ходит с опущенной головой. Кажется, давно-давно потерял он улыбку и язык. Лишь иногда вздыхает и всё молчит... Молчит как камень...

Неужели он камень?

СИЛЬКА

Над кедррами кружится снег, по кедррам гуляет ветер, под кедром скачет соболь. То он, как кошка, согнѣт спину, то летит, как белка, то пляшет на ветвях, как бурундук, на утренней и вечерней заре он выходит из гнезда. А гнездо тѣплое, надёжное. Нехс пити – зовут манси гнездо соболя. Нехс пити – называют манси свой дом, если в нём есть счастье, тепло. Тепло соболиного дома охраняют корни могучего кедра. Из-под них соболь выходит осторожно, прислушиваясь: не сыплется ли снег с веток, не резвится ли там белка или бурундук?

А может быть, здесь есть враги: острокрылый ястреб и охотник? Он боится ястреба.

Когти. Боль в боках. А охотник? У него есть собака. Не уйдѣшь, если снег не глубокий.

А сеть охотника – она стоглазая. Не заметишь её – запутаешься. Охотник навалится.

Потому соболь осторожен. Лапки его неслышно рисуют узоры на снегу. Соболь жаждет мяса и крови. А охотник – его шкуру. Он тут как тут.

А кто охотник?

Силька... Селиверст... Лучший охотник колхоза.

Не уйдѣт соболь! Охотник – манси! Глаза чуть с прищуром. Брови – как крылья ястреба. И во взгляде что-то ястребиное. Не уйдѣт соболь!

У Сильки пояс с узорами. На поясе – сипаль с острым ножом и зубы медведей.

Зубов много. Медведи не уходили. Немцы от его выстрелов не уходили. Соболь не уйдѣт!

Немцы... Фашисты... Сорок первый год. Подмосковье.

Курская дуга. Варшава, Берлин... Фашисты... Тяжело! Но он манси. Всегда снег и ветер, дорога и шалаш. Ему ли привыкать к трудностям и непогоде! Он плакать не умеет.

Но он не кедр. Сердце есть у Сильки. Иногда оно плачет. Но Силька не плачет. Он стоек, как кедр. Ему ли привыкать бороться, искать и побеждать! Манси он! Недаром в роте называли: «Молодец! Снайпер!». Соболь не уйдёт.

Тихо, тихо. Лишь поскрипывают обтянутые золотистым камусом лыжи да похрустывает снег. И вдруг лай собаки!

Мелькнул пушистый хвост соболя. Мелькнул и растаял в искрах утреннего голубого снега. Издали доносится жалобный визг. Скулит собака. Снег глубокий. Вязнет она. А запах соболя дразнит её.

Соболь ушёл. Но найдено его жилище – нехс пити. Нехс пити есть – счастье есть!

Соболь не уйдёт! Такой характер у Сильки.

Вернулся он из армии после войны. Влюбился. Влюбился в Насту. Она за годы войны подросла. Глаза, как спелые смородинки, чёрные. Лицо – блее зимнего зайца. А косы длинные, звенящие.

А любила ли она?

Откуда знать Сильке. Она ведь – как зимняя речка.

Неизвестно, что под снегом и льдом. Может быть, там играют весёлые струи нежной воды, которые так умеют ласкать человека в жаркий летний полдень. А может быть, там только лёд и песок.

Не понять Насту. Всё она с этим молодым учителем.

Под вечер соберут народ в клубе, и учитель, сверкая стеклянными глазами, приставленными к настоящим, доказывает, что нет никаких богов, что их придумали попы, шаманы, богачи, чтобы удержать простых людей в повиновении. Конечно, не все верят. Особенно старухи. Но молодые верят: так красиво, так понятно он говорит. Трудно возразить, Сильке он нравится. Он даже иногда завидует учителю: ведь почти рядом с ним за столиком, покрытым красной материей, сидит Наста. Она председательствует.

Хорошо учителю: он с Настой как рыба в воде. Сидит Силька. Тяжело сердцу. В голове, как белки, скачут мысли: «А не любит ли она учителя? Что в нём она нашла?

Может, любит за то, что тот читает книги и говорит красиво?

Ну что же. Пусть! Умеет ли он, как Силька, стрелять, управлять оленями, ходить на лыжах, ловить рыбу? Сумеет ли справиться с медведем? Нет, не сумеет! Как же может мансийка любить его?

Всю осень по снежной пороше, как ветер, гулял по тайге, охотился. Гонял соболя и бил белку. А любовь, как мороз в зимнюю ночь, всё подступала к сердцу, морозила. Нет, не остынет Силька! Не такой у него характер. Соболь не уходил. Наста не уйдёт!

Он сказал ей о своей любви. И женился быстрее, чем в сказке. И не потому, что только он хотел этого. Нет. Он видел и раньше, что её глаза теплее солнца смотрели на него.

Оказалось, легко жениться. Жить труднее. Не остывала ревность к молодому учителю: у него книги, очки...

Как с ним состязаться? Силька пошёл в оленеводческую бригаду колхоза. Там, где горы, где человек достигает облаков, там выше человек, там виднее человек, Наста узнает его лучше и любить будет крепче.

Два года они ездили по Уралу. С марта, когда солнце становилось щедрее, а снег ярче, они уезжали на Урал.

И каждый день раздавалось милое: «Э-э-эй! Э-э-эй!».

И тысячи копыт стучали о мартовские звёзды, снега. Стадо по тайге двигалось к Уралу. А сзади нарты с хлебом и одеждой, радиоприёмником и сахаром.

В одной из нарт, в красивой сахе, расшитой узорами, сидит Наста – медик бригады. Снег, снег, снег.. Глаза её кажутся ещё чернее. Они сияют. В руках хорей.

*Мчатся олени
Кованым настом,
В нартах, как дома,
Девушка Наста,
Скачет хорей
У неё в рукавицах.
Мчится упряжка,
Мчится, как птица.
Ветер родился,
Ветер вздохнул,
В облаке снега
Путь утонул.
Наста дорогу
Сызмала знает,
Вьюг не боится,
Вёрст не считает.*

И впереди снег и солнце, кедры и дорога... Дорога, дорога!

А там где-то вдруг выскочит Урал. Зашумят прозрачные, как бусинки, речки. На оленей и на Насту они сыплют прозрачный бисер...

Урал. Склоны. Цветы. Хорошо! По склонам – олени.

Их тысячи. Как цветы они. И белые, и с чёрными пятнами, и серые. Гордые, ходят над облаками. И воздух чистый, лёгкий, и ягоды вкусные, и Силька нежен.

– Эй, жизнь! – восклицает Наста. – Емас! Силька, емас!

А он, гордый, ходит там, над облаками. Силька спустится с гор. Обнимет. У Насты сияют глаза!.. Любовь...

Зачем же тогда горы, если есть любовь?.. В тайгу! В тайгу! Туда, где сияет Обь серебристой гладью, где плещется сырок и стреляют язи. Туда, туда! В край соболя!

Стали жить в деревне. Силька построил дом. Колхоз помог. Дом красивый. С белыми покрашенными окнами. Как крылья, над домом взвились лосиные рога. «Охотник живёт здесь, – говорят они. – Манси живёт. Счастье в этом доме есть».

Дом большой, в нём четыре комнаты. Налево – кухня, направо – комната для гостей.

Третья – мансийская комната: в ней висят ружья, шкурки лисиц и горноста. Четвёртая – русская комната. Между двух окон – большое зеркало. В него смотрится Наста. Перед зеркалом стол со скатертью. Так Наста придумала. В углу этажерка. На ней часы. Они стучат днём и ночью. А утром звонят. И Наста встаёт. Умные часы, и Наста умная.

Хорошая Наста. Она подарила Сильке сына. Сын! Он будет охотником! Настоящим мансийцем!

Зимой он убьёт медведя. Вся деревня – и мал, и стар, и председатель сельсовета, и учитель – будет встречать его. Комья полетят в него, лицо раскраснеется, загорится. А люди, как дети, будут резвиться, играть, и снег заиграет. Счастье будет.

*Молодой охотник едет,
Слышен крик из края в край:
«Я убил в лесу медведя!
Сэли воли йо! Встречай!».
Открывают люди двери,
Выбегают из домов –
На лесного смотрят зверя,
Не боясь его зубов.
Зверя трогают руками,
Зверю смотрят прямо в пасть,
И снежками, и снежками
Все хотят в него попасть.*

А может, сын станет председателем колхоза? Не нравится Сильке этот председатель.

Слишком мягкотел. Лодыри не слушаются. А сын – он будет твёрдый. Сказал – и всё! И колхоз ещё богаче станет. Моторы стучат. Люди невод кидают. Рыбу сдают. Работают машины. Людям легко. Хорошо!

А может, сын будет учёным? Как тот, что приезжал с мудрой машинкой и записывал песни. И глаза умные, как у оленя.

Живёт Силька. Хорошо ему. И дом, и сын, и соболь скачет, и Наста любит. Наста!

Она какая-то странная, непонятная. Вовсе не манси она. И отец манси, и мать манси. А она? То тихая-тихая. Смотрит в книгу, о чём-то думает. То вдруг глаза её засияют, заискрятся. Будто звёзды ле-

тят. И она смеётся, и ласковая такая. Сядет рядом. То погладит чуть вьющиеся волосы, то заглянет в глаза. Тепло-тепло станет. Но нет, бывает и холодно.

Странная она. Мансийка, а как будто мансийских законов не знает: лазила на крышу. Ведь она женщина. Разве можно? Сейчас старые манси не хотят в дом войти. Заходят только молодые.

Приезжают отец с матерью с каслания и недовольны.

Особенно мать. Она старая. При белом царе была уже взрослой. Посмотрит на Сильку с укором, скажет: «Эх, Силька, Силька! Женился. На ком женился! Мансийка, а лазит на крышу. Урас! Урас!».

С тех пор начались нелады в семье. Семьи не стало.

Наста ушла. Ходит Силька один по дому. Дом опустел. Холодно. За окном, распустив белую бороду, поёт дед Север – северный ветер. Раньше Силька его не замечал.

А сейчас он надоел. Так и поёт. «Эх, Си-и-и-и-илька! Соболь от тебя не уходи-и-и-ил.

Фашист от тебя не уходил! А жена ушла-а-а! Эх, Си-и-и-и-и-илька!».

И Силька тоже ушёл из дому. Думал, в каслании – в вечной дороге – будет легче. Да и родные рядом... Но и среди мелькающих деревьев тоже оказалось холодно.

Холодно сердцу. А почему? Потому что Силька старался сохранить в чистоте представление о мансийской чести, угождая матери? Теперь холодно... Неужели в сердце Сильки родится ненависть к матери, к той, что родила его, носила за спиной и в берестяной люльке, вырастила? А за чумом поёт и поёт дед Север, и по земле расстилается его белая борода. В ней запутались деревья, тёплые струйки дыма. Запутался и Силька. Холодно. Соболь не уходил, а жена ушла. Ушёл от него близкий, родной человек. Прожить ли ему без ласкового ветра, без солнечных тёплых глаз? Нет! Она перед глазами, она в памяти. В чём же виновата она, в чём же виноват он?

Как лодка из-за мыса, выплывает в памяти ревность к молодому учителю. Ревность безглазая, глупая. Ничего не было. Была простая дружба двух людей, связанных общей работой. А он ревновал. Терзал её тяжёлым мансийским молчанием. Кого терзал? Терзал Насту, простую мансийку, доверчивую, как котёнок, ласковую, как весна. Но всё это было давно. Всё, наверно, сгладилось.

Холодно Сильке. Вдруг... он услышал в душе знакомый поющий голос. Нет, это пел не дед Север, не северный ветер. Вспомнилось ему детство. Тогда было тепло. Как хорошо было валяться на тёплой постели из шкур и слушать седого, как Урал, гордого деда! К нему ходили манси. Они просили его, чтобы он поговорил с богом. Боги всё могут: и разогнать злых духов, разносящих болезни, и дать хорошую добычу на охоте, и счастье в любви и в жизни... И дед

исполнял желания людей. Он сажился на низенькую скамеечку, что не выше дикой утки, брал в руки топор, связанный мансийским поясом, и, устремив острый, как солнечный луч, взгляд в угол дома, где на полочке почти у потолка стояла священная голова медведя – хозяина тайги, начинал бормотать что-то непонятное.

Это он говорил с богами на божественном языке. Потом его песня становилась мелодичней и понятней, и люди вслушивались в таинственное предсказание богов.

В загадочном мире этой песни был и Силька. Он забывался. Он жил в мире богов, что ростом не выше беличьего хвоста. Они маленькие, но обладают великой силой. Пред ними трепещет и маленький Силька, и все манси. Он мечтает быть похожим на своего деда, который призывал людей следовать старым мансийским законам, уважать и слушаться своих богов. Они ведь так обижены невниманием.

– А теперь, – говорил дед, – многие не признают бога, не принимают жертвы, разоряют капища, борются со священными законами.

Но это было давно, в детстве. Многое изменилось. Ведь Силька окончил четыре класса школы. Правда, маловато. Не как другие. Но всё же! Многое увидел он, шагая по дорогам войны от Москвы до Берлина. Теперь во многом он не согласен с дедом.

Навсегда исчез страх перед богами. Но что-то всё же осталось. Может быть, уважение к деду, к его умению, таланту, как обычно теперь говорят. Ведь дед так пел, говорил, что невозможно было не верить ему. Он мог своей песней сделать глаза людей мокрыми – заставить плакать; он мог спустить солнце в глаза людей – вселить в них радость, и на земле становилось светлее и теплее. А сколько он знал сказок, преданий про древнюю жизнь людей, о том, как они родились, откуда жизнь пошла, как жили! Он был похожий и не похожий на других. Он овладевал сердцами людей. В его власти было и детское сердце Сильки. Это было давно. Но и теперь эта власть даёт знать о себе. Голова древнего медведя, что стоит в углу их нового дома, больше не приносит манси счастья и удачи в жизни. Она только ссорит Сильку с Настой. Наста не хочет, чтобы шайтан жил в их доме.

Человек сам всё может. Не нужны ему шайтаны.

И теперь, перебирая в памяти бывшее, копаясь в своей душе, как запутавшийся в сети, он вдруг увидел свою обыкновенную Насту необыкновенной. Ведь теперь к ней ходят люди, а не к шаману. Она вылечивает их от недугов и болезней. Возвращает песню молодым, а старым улыбку. Уколет длинной блестящей иглой – и больной начинает выздоравливать. А раньше при такой болезни люди умирали. Шаман был бессилён. Зато он красиво говорил и обещал. А Наста вылечивает. Раньше было много слепых. А теперь и не встретишь, как комаров зимой. Сколько их вылечила одна На-

ста! Наста действительно всё может. Она действительно необыкновенная. Почему необыкновенная?

Обыкновенная. Таких теперь много.

Теперь все обыкновенны: и Наста, лечащая людей, и буровой мастер Урусов, нашедший в наших краях «огненную воду» – нефть, да и герой Гагарин, летавший в космос. Он ведь тоже обыкновенный человек. Совершил чудо. Раньше, когда верили богам и идолам, таких чудес не слыхивали и не видывали.

Теперь верят человеку – и чудес становится больше и больше.

Раньше Силька не поверил бы, что человек может полететь на Луну. И вот Гагарин заставил Сильку верить в это. Теперь он знает, что скоро другие полетят до самой Луны, а потом и дальше. Чудес стало много. И теперь никого не удивляют электричество в домах, радио на мансийском языке, гудящие железные нарты, поезда, или даже капроновые сети.

А ведь совсем недавно сам Силька ахал: обыкновенная сеть, похожая на мансийскую, но не гниёт в воде, не надо сушить каждый день! И рыбачить стало легче.

Теперь у Сильки, как у многих других, моторная лодка. Быстрее самых быстрых рыб мчится его лодка по полноводной Оби. И никто не удивляется: все так быстро ездят.

Теперь уже Силька мечтает о крылатой лодке, которая неслась бы по воде бегущей гагарой. Такие лодки, «Ракеты», уже летают по Оби, пассажиров возят.

И люди стали теперь другими. Много они умеют и знают. Когда-то его дед, самый умный и многознающий манси, не смог вылечить своего сына – он умер от простой простуды, – а вот Наста, мансийка, умеет. Великий шаман, придумывавший всякие чудеса, не умел летать, а сын бывшего батрака маленький Епа стал лётчиком реактивного самолёта, летает выше самых высоких облаков, дальше самых дальних морей. Мудрый дед не умел изобразить ум на бумаге, а теперь это умеет делать даже Силька.

Наста обыкновенная. Простые люди стали делать необыкновенные вещи. Такой уж век. А дед действительно был не таким, как все. Он наводил страх на людей, они дрожали, как на морозе, слушая его священные речи, делали так, как он скажет. За это он брал с них и собольи шкурки, и мясо...

Пел он красиво для того, чтобы не опустела его лесная избушка, стоявшая на лосиных ногах, чтобы сытым быть, как осенний гусь.

Кто теперь так делает? Никто.

Наста лечит людей для того, чтобы не ходили по земле болезни, чтобы люди были здоровыми и жили бы счастливо.

Дед и Наста – совсем разные люди, как луна и солнце. Солнце светит и греет. А от луны лишь холодный, обманчивый свет.

Соболь ходит по лесу. Соболь – зверь. Он от Сильки не уйдёт. А

люди от Сильки уходят. Соболь такой же, как и сто, может, тысячи лет назад. Только люди стали другими.

Теперь нельзя так жить, как жили прежде. Старые, может быть, и не понимают. Держатся за свои старые привычки. А Силька ещё не старый, нет ему ещё и сорока лет. Надо начинать жизнь сначала. Это понимал Силька и раньше. Но привычки, обычаи дедов... Не хотелось обижать своих стариков. Теперь всё. Из двух надо выбирать одно: или Наста, или старое мансийское имя, честь.

Наста тоже мансийка, а у неё новое доброе имя, за хорошее отношение к работе, к людям манси её любят и уважают, почти все манси. Русские говорят: «Наста новая, хорошая мансийка. Высоко несёт она честь советской женщины».

У Насты есть новое имя и честь. А Силька держался за старое. Был настоящим старым манси и новое не отрицал. Почитал шайтана и верил в коммунизм. А теперь вот Наста задала задачу.

Сразу не разберёшься. Есть мороз и тепло, есть добро и зло. Всё же больше добрых.

Тяжело. А то было бы тяжелее. Соболь от человека может уйти. А человек без человека не может жить. Если уйдёт один – другие будут рядом. Только без Насты Силька всё равно не проживёт, как манси без рыбы, как рыба без воды. Нет! Манси всё же проживёт и без рыбы. Но какая это жизнь! Силька так не может.

Вот возьмёт он топор и разрубит злого шайтана; наверное, тогда Наста вновь к нему вернётся. Но не разрубит он веру древних манси. Топором лишь сердце можно разрубить.

Разрубишь сердце – кровь струёю брызнет, и польётся злоба. А там, где льётся злоба, правду трудно отыскать. Просто он снимет с полки чучело шайтана и поставит его на колючий мороз. За любовь разбитую пусть мёрзнет под ветром, за вековой обман пусть занесёт его снегом.

Коли древний верующий человек найдётся и этого идола «счастья» унесёт к себе, Силька не будет злиться. Но нет! Так очень долго придётся человеку жить в самообмане.

Надо ему раньше глаза на мир раскрыть. Здесь нужно лишь слово, что сердечней сердца и прямой стрелы. Силька мало знает таких слов, не умеет, как дед, острым словом убеждать людей. А надо знать!.. Надо ехать в своё село родное. Там народу много, как в тайге деревьев. Где народу много – там и ума больше.

Надо к Насте ехать! Надо поучиться! Надо жить по-новому.

Камень... Нет, Силька не камень! Просто он запутался... Ты слышишь как воеет вьюга? Не скоро утихнет вьюга... И попробуй в такую погоду отыскать дорогу.

В медведя слепо верил и в коммунизм шёл... А мать прозорлива: «Какой ты коммунист, коль в медведя веришь?! И старую честь позволил растоптать, – какой ты манси?». Кто же тогда

Силька? Одно наверное: Куль!.. Нет уж, Силька не камень! Тем более уж не Куль!

К Насте надо ехать! В будущее ехать! Между двух огней человеку не ужиться!

И Силька уехал. Запряг оленей – и уехал!..

УРОК

*Отец мой, правду сказать,
Книг не умел читать,
Отец мой за жизнь свою
Не научился писать.
Не потому ли мне
Стало от книг светло?
В книгах сердце моё
Крылья себе нашло.*

Школьный звонок... Кто не знает этого волшебника!

Он запоёт – и не летят снежки. Молкнут шумные голоса. Всё преобразается.

Голосистый волшебник уводит ребят в новый, неведомый мир...

Над тайгой и тундрой звенят колокольчики, как в школе. Но они зовут не в класс, а лишь говорят, как много оленей у людей.

Я никак не могу привыкнуть к этому богатому неумолчному перезвону. Наверное, скучаю по волшебной тишине, которая воцаряется в классе после звонка.

В каслании, где на каждом шагу загадка, а новости говорит только ветер, где каждое дерево кажется живым и думающим, урок приходится вести по-особому. И обычно у костра.

На обугленной перекладине висит котёл чернее тёмной ночи. Его кусают красные лисицы. Котел шипит, дымится паром... Ноздри щекочет запах свежего оленьего мяса.

Вокруг костра сидят олениводы. Они смотрят на пляску красных лисиц, греются их теплом и слушают шипение котла.

В эту музыку осторожно вплетаю свои мысли.

Тёте Сане я подсовываю мансийский букварь.

– Са-ли... – произносит она. Широкие глаза её, как два щенка, смотрят удивлённо.

– Са-ли... И правда, подходит! – восклицает она торжественно, словно наконец-то поймала самого непокорного оленя, самого быстрого, стройного.

И она поёт, как песню: «...Сали, сали, сали...» – и показывает на оленя, изображённого в букваре.

– Ворт-олнут – читает она по слогам.

Раньше она не смела назвать медведя по имени. А теперь читает..

Шипит котёл, дымится паром. Прыгают красные лисицы. Трещит костёр.

Пламенеют лица... И, может быть, ярче всех узкое лицо Микуля. Глаза у него сегодня особенные. Словно два растаявших озера с обеих сторон одной сопки смотрят на меня.

А ещё недавно они были ледяными, насмешливыми.

Мол, зря ты решился каслать с оленеводами: учителю в стаде делать нечего. Олени не станут смотреть в бумагу – им надо щипать сочный ягель. Коротким, птичьим сном спят оленеводы. Листать книгу – отдать волкам лучших оленей. Мало у людей времени. А ты их хочешь отвлекать...

Так был настроен Микуль – наш бригадир. Время действительно словно бежало.

Часто спали под открытым небом, ели сырое мясо, мёрзлый хлеб... Лишь горячему чаю уделяли немного времени...

Теперь стоянки стали продолжительнее. С неба дольше не уходит самый светлый человек, самый жаркий человек – солнце. И свободного времени теперь стало больше.

Можно посмотреть, как бегают по ветвям самый быстрый олень – быстроногий ветер; можно послушать пение птиц и жаркий разговор костра.

Теперь Микуль чаще задаёт вопросы. И я рассказываю о древних греках, о горе Олимп, состязаниях, играх...

Потом я показываю ему учебник истории. Он листает книгу, читает, смотрит картинки, удивляется и снова задаёт вопросы. И слушает, и все слушают о далёком, невозвратном времени...

Я рассказываю о климате Греции, о вечном лете, об одежде, которую носили древние греки. Все удивляются, что есть где-то другая земля, непохожая жизнь...

И всё же наша земля лучше, богаче! – говорит Микуль. – И снег, и белые ночи... А сколько в реках рыбы, а в тундре – оленей! А сочная морошка, кедровые орехи!..

...Нельзя слушать сразу двух шаманов: острый ум тупей земли станет. Нельзя класть шуку рядом с осетром: дети не будут слушаться, люди не будут слушаться – так говорят в народе. Поэтому, быть может, Микуль при людях со мною спорит, говорит, как лось с лосёнком. Все должны видеть: бригадир много знает и лучше всех умеет не только брать оленя за рога, но и говорить с книгой. А когда нет никого, Микуль меня слушает, словно сам читает. С некоторых пор он стал брать меня с собой пасти оленей. С некоторых пор он стал меня слушать...

...Как перевести в четвёртый класс Йикора? Он не признаёт учебников. Мол, по ним пусть учатся ровесники оленят. А он толь-

ко газеты читает да журналы смотрит. «Надо этот интерес учесть», – думаю я.

– Давай расскажу эту статью. Она интересная, – говорит Йикор.

Со мной он говорит только по-русски. И на ломаном русском языке начинает пересказывать содержание фельетона, прикрашая его мансийскими сравнениями. И фельетон становится ярче. Потом Йикор пишет изложение. Я правлю его ошибки. Их много. Йикору нравится переписывать правленные слова...

Занимаюсь я и с Итьей Татъей. Хотя с ней мы занимаемся по обыкновенной программе десятого класса и мне не надо выдумывать особенной методики, но и с ней трудно: она единственная девушка в нашей бригаде. Когда на меня смотрят чёрные глаза Итьи Татъи, сердце стучит, а голос, как колокольчик, звенит.

Самый любопытный, самый прилежный ученик – Епа. Ему девять лет. Но он уже пастух.

Плохо оленеводам без собак. Особенно когда нужно ловить оленей. Собаки останавливают стадо. Не дают сбежать оленям с поляны, где их ловят юрким тынзяном.

Но не всегда ведь можно лаять. Дурным лаем можно разогнать оленей. Собаке ум нужен, собаке глаз нужен. Чтобы собаки лаяли вовремя, гнали оленей в нужном направлении – это обязанность Епы. И он с ней хорошо справляется: и собаки умно лают, и не разбегаются стадо!..

Епе девять лет. Но он ещё не учится в школе. Он, конечно, очень хотел бы слушать песню волшебного звонка. Но Яныг-турпка-эква не хочет отдавать его в школу.

– Я его вырастила, я и буду учить, а не ваша школа, – так сказала она.

А теперь вот Епа уже читает по слогам. Не оторвёшь от букваря. С ним он даже спит... Я рассказываю ему о светлых классах школы, о кино, телевизоре, теплоходах и космических кораблях... И Епа мечтает учиться в настоящей школе. А бабушка Яныг-турпка-эква смотрит на нас пристально. Не говорит ни слова. Только трубку свою сосёт и плюётся.

Молчит и Вун-ай-ики. С тех пор, как ушёл Силька, он молчит, словно камень, и редко выходит из чума... Глаза его смотрят глазами оленя, когда земля покрыта ледяною коркой. Много у Вун-ай-ики есть своих оленей, много есть колхозных.

Много, много мяса есть у Вун-ай-ики. Вун-ай-ики сыт. Так почему же Вун-ай-ики смотрит глазами голодного оленя?!

– Хочет стать бумажным, – ехидно смеётся Окра над своим мужем. – Скоро в бумажных кисах ходить будешь – до чего доучишься!

Круглое лицо её румяное и розовое, как закатное солнце. На приплюснутом, словно обрубленном, кончике носа жёлтыми цве-

точками горят веснушки. А голова её – как лохматое воронье гнездо. Она кажется седоватой от прилипшей к волосам шерсти.

Я смотрю на Окру и думаю: «Такая молодая (ей всего двадцать семь лет), а мыслит, как старуха! Как к её сердцу найти ключи? Как вырвать её из цепких рук Яныг-турпка-эквы?».

Я уже знаю, что она родилась в каслании, и росла вместе с оленями, и никогда не жила в деревне, и не слышала волшебного звонка новой школы... Поэтому, быть может, узор из лягушечьих лапок, который она осторожно выводит тоненькими лоскутками сукна на блестящем меху, ей кажется красноречивей букв и мудрее книг. Окра только их читает, а на меня кидает колючий свет своих раскосых глаз.

Нет, Окра совсем не злая. Она по-своему добрая. Если ворчит, как лягушка в пруду, то только потому, что она женщина, имеющая детей, женщина, занятая важными делами.

До пустой бумаги ли ей! «В бумагу не оденешься, ею сыт не будешь!» – так она рассуждает.

...Бедная Окра, древняя Окра... Как к ней подойти? Как увлечь её в наш мир? К тёте Сане, кажется, я подобрал ключи... Надо искать пути и к душе Окры... Надо искать, думать.

Это интересно! В нашей необычной жизни, когда рядом кочуют синие ветры, столько нерешённого, загадочного!..

ПЕРЕПРАВА

*Солнце встало, свет деля.
Снег подталый пьёт земля.
Заплывает кедр смолой,
Тает, тает лёд резной.
Крыльев уток слышен свист,
Воздух чуток, свеж и чист.
Лёд-преграду речка рвёт...
Что за радость настает!*

«Хал-хал, тень-тень, хал-хал, тень-тень», – это голосистые гуси поют песню радости, песню счастливого возвращения на родину. Они цепочкой серых бус тянутся над тайгой. Любуются не налюбуются голубыми глазами озёр, синими лентами речек, зелёными руками кедров. А небо плачет счастливыми слезами весеннего дождя. С зелёных ресниц слезу радости смахивают и старые лиственницы, и молодой тальник, под которыми вьют гнёзда гуси. От нахлынувшей нежности снег размяк, а лёд стал рыхлым, зазвенели ручьи, и вздулись реки.

«Тень-тень-тень», – поют лужицы под каплями дождя. «Тень-тень-тень», – поют уже широкие забереги последней большой реки.

«Хал-хал-хал», – поёт рыхлый лёд под копытами оленей.

– О-о-о! – поют пастухи. – Быстрее надо переправить стадо, пока река не раскрылась до конца...

«Пуш-пуш-пуш...». Тонут три оленя. Их уже не спасти: попали в полынью...

«Пуш-пуш-пуш». А не утонем ли и мы?

– Э-э-эй! Надо быстрее переезжать!..

«Тюр-тюр-тюр», – поют сани в воде.

«Сюр-сюр-сюр». Мы по пояс в воде.

«А-на-на!» Не уплывут ли дети?

Нет, дети не уплывут: впереди едет сам Микуль. Если что, то сначала его не будет.

«Пуш-пуш-пуш...» Олени фыркают в воду. Мы уже на берегу. «Сюр-сюр-сюр». С нас стекает вода...

«Хал-хал, тень-тень, хал-хал, тень-тень», – «С южной земли, тёплой земли на дорогую землю, родную землю мы прилетели» (песня гусей).

«Ого-го-го-го-о-о! Ха-ха-ха-ха, хи-хи-хи-хи!» Летят в лица мокрые снежки, бусинки брызг, купаются олени, купаются люди. Смеются в нартах дети... Как из мокрого корыта, вытаскиваем мы их. Стрелами летят снежки, струями – брызги. Купаются олени, дети, пастухи, – у нас сегодня праздник: перешли большую реку, недалеко Нер-ойка, старик Урал...

Уже пылает костёр. А рядом ставят чумы. Хорошо! Вымокли хлеб, сухари, сахар.

Плохо.

А были бы дюралевые ящики в нартах, какие есть у оленеводов Чукотки, – продукты были бы сухими. И нарты были бы легче. Людям хорошо, и оленям неплохо! Правильно подметил это Арсентий в Магадане на совещании оленеводов! Правильно твердил об этом деле Арсентий! Председателю надо было прислушаться...

КРАСНЫЙ ЧУМ

*Может быть, живём мы скромно,
Но имеем дом огромный,
Несравним он с чумом душным.
Наш богатый дом радушный
Выше туч и шире моря.
Мы живём, поём, и вторит,
Вторит дом наш громким эхом,
Полон дом наш юным смехом...*

На берегу светлой, словно бусинка, реки стоянка будет дольше. Здесь мы решили начать новую жизнь...

Микуль и Йикор уже ставили чум. Вун-ай-ики вынимал из нарт шести. Наверно, они с Ай-отом поставят свой: тесно всем в одном чуме. Мирились с теснотой, когда нужно было непрерывно двигаться со стадом вперёд, к старику Уралу.

Я попросил брезентовую палатку. Микуль удивился.

– Что это вы задумали? Ведь Вун-ай-ики специально свой чум ставит, чтобы было посвободнее. Кто же в нашем чуме останется?

Но палатку дал.

Мы с Арсентием принялись за дело. Пригодились навыки, полученные в туристских походах. Ставить палатку помогла Итья Тятя. Она вносила какой-то задор, вдохновение.

Узкие брюки, заправленные в резиновые сапожки, тёмно-синяя кожаная куртка, энергичные руки, летающие глаза делали её непохожей на мансийку.

Новое жилище наше получилось уютным. Посредине просторной палатки стоит стол, накрытый зелёной скатертью. На столе – журналы, газеты. Правда, они старые, вышли два-три месяца назад, и их многие уже перечитали, но всё же... В отличие от чума, в палатке светло: у нас настоящие окна. А главное – у нас говорила Москва: Арсентий отремонтировал радиоприёмник. В чуме и так мало места. Поэтому приёмник больше в нарте стоял, чем говорил новости. Мы не были уже оторваны от Большого мира.

Тётя Сана сначала сердилась, что мы ушли от них.

Она всё хочет, чтоб я был около неё. Ей приятно что-нибудь делать для меня. А я отделяюсь. И многое мне не нравится. Ей, наверно, это больно. По хмурому лицу и глазам я понял, что обидел её, хотя она не сказала ни слова. Когда же услышала музыку в нашем чуме и увидела простор, уют и чистоту, воскликнула:

– Правда хорошо. Светло!

И, кажется, подобрела. Но что-то всё же осталось.

Просто сожаление, что она не может радовать меня, как в детстве.

С этого времени по вечерам все стали собираться в нашем чуме. Разговаривали, спорили, читали книги, слушали Москву. Даже Яныг-турпка-эква приходила...

Рассказывала сказки. И все слушали старушку: кто всерьёз, а кто с улыбкой.

Москва всем нравится, тётя Сана говорит:

– Долго же у них Медвежий праздник продолжается.

Весело там жить!

Все, конечно, смеются... Странная моя тётя. Как отстала она от своих подружек, живущих в деревне! Может быть, это не она ви-

новата, а оторванность оленеводов от жизни остальных колхозников! Виновато каслание.

В палатке живём четверо: Итья Татьяна, Ларкин, Арсентий и я. Наше жилище все зовут Красным чумом.

НЕ БЫЛО ВЕРТОЛЁТА – ПРИДУМАЛИ ВЕРТОЛЁТ

*Веками спали звёзды
Над белою тайгой.
Тяжёлые ресницы
Заметены пургой;
И даже в звонких песнях
Молчали звёзды те
И не летали в сказках
В небесной высоте.*

Над тайгой летит большая зелёная стрекоза. Олени подняли головы, наострили уши. Лают собаки. Радуются необычной птице Епа и Мань-аги. Старуха Яныг-турпка-эква поглядывает на голубое небо с опаской: грех летать над чумом, над чистыми оленями, – что-то опять будет! Арсентий, Итья Татьяна, как и я, не могут скрыть волнения: вертолёт летает над чумом. Значит, к нам летят люди и радостные вести!.. И правда, к нам летели.

*Лишь древняя старуха
Подумать так могла,
Что это злого бога
Разящая стрела.
Моя тайга в восторге,
Ей незнаком испуг,
И если это чудо,
То чудо наших рук.*

Когда железная стрекоза успокоилась на небольшой поляне, лётчика, секретаря райкома комсомола Ай-Теранти и киномеханика Зосима обнимали, целовали.

Бахромой платка женщины вытирали слёзы. А мужчины умеют радоваться и без слёз... Не было конца радости, свежим журналам, газетам и добрым вестям, а главное – кинокартинам, которые будет показывать на живой машине, рисующей жизнь, киномеханик Зосим.

Давно мечтали оленеводы о кино. Аппарат был. Но не было киномеханика: кто пойдёт каслать на целых восемь месяцев, кто оставит привычную шумную жизнь?

Долго не находили киномеханика. И тогда решили оленеводы своего выучить, и послали на курсы Зосима.

Вот он и приехал. Теперь кино будет.

И в нашем Красном чуме жизнь закипит по-уральски ярко!..

Давно олени щиплют ягель. Давно они бродят по земле. И появились они на земле, наверное, вместе с людьми. А вертолёт не было: его придумали люди.

И в оленеводстве что-нибудь тоже придумают!..

ИТЬЯ ТАТЬЯ

Вертолёт доставил оленеводам и продукты: хлеб, картофель, капусту, малосольный муксун, консервы, даже лимоны.

Итья Татьяна приготовила ужин. Все собрались в нашем Красном чуме. На столе муксун, нарезанный тонкими ломтиками и аккуратно сложенный в эмалированную тарелку, дышащий паром картофель и котлеты в соусе, лимоны, компот из черешни, спирт.

И хотя скатерть заменяли обыкновенные газеты, стол получил-ся богатым, праздничным.

– Ничего, ничего! Оказывается, тоже вкусно. И тебе надо поучиться готовить такое кушанье, – говорит Микуль, обращаясь к тётке Сане.

Тётя Сана ревниво поглядывала на Итью Татьяну.

– А что учиться тут! Надо – так я и сделаю.

Она ела больше малосольный муксун с картофелем. Видно, соскучилась по родной Оби.

– А соус-то! Соус!.. – удивлялся Ай-Теранти. – Такого нет даже в ресторане! Вот это кадры! Вот это комсомольцы! – шутил он.

Широкое, чуть скуластое его лицо расплывалось в добродушной улыбке.

Все ели с аппетитом. Благодарили Итью Татьяну. А она, как настоящая хозяйка дома,нисколько не смущалась, отвечала шутками.

С восхищением смотрел на неё Арсентий.

А я словно онемел...

Каждый раз Итья Татьяна кажется мне другой. Давно знаю её – и вроде совсем не знаю.

Была она рыбачкой...

...Над белым, запорошённым тальником жмурится скупое солнце. Слева и справа радужные круги. Это золотые рукавицы – говорят в народе. Солнце мёрзнет.

Потрескивают деревья. Кажется, трещит яркий, искрящийся снег. А зарумянившееся небо словно звенит... Нет! Это звенит небо – это поют льдинки под тяжёлой и острой пешней, пляшущей в руках девушки. Прозрачными хрусталиками ложатся они на шершавый снег... Долго не смолкает песня хрусталиков: лёд толстый, местами промерзает больше метра. Ещё удар – пешня устремляется вниз, вверх летят струи холодной прозрачной воды. Через мгно-

вание они заполняют лунку. Итья Татьяна продалбливает до конца. Очищает от остатков льда. Потом принимается за вторую, которую надо продолбить метрах в пяти от первой.

То же самое делают другие девушки звена. Потом они долго-долго тянут невод. Над прорубью струится белый дым. Это мороз играет с водой. Живыми и подвижными сначала кажутся и тетива, и ячейки. Но через мгновение тетива леденеет, а ячейки кажутся сухими. Это их высушил своей игрой мороз...

Почему же девушки не мёрзнут? Не ледяные ли они? Может быть, и мёрзнут, и, конечно, не ледяные они. Только рыба-то нужна. Вон она плещется в мотне: и щуки, полосатые, как осенняя трава, и язи тупоголовые, сверкающие солнечным светом от золотого заката, и усатые налимы со слизистыми хвостами, и нежные сырки, что серебрят снег...

Солнце в золотых рукавицах, потрескивают деревья, звенят льдинки, струится радужный дым над прорубью – хорошая погода!..

А иногда... Луи-вот-пыг рассердится, станет злой-презлой, загулит, завергнется ледяной юлой. И свищут ветры, и танцует снег...

А северянки и в такую погоду не пляшут от мороза. А северянки ловят рыбу.

Итью Татьяну я видел и на плавном песке, когда она убирала сеть, полную рыбы, а волны кусали лодку.

*Где над отмелью низкой
Объ взлетает дугой,
У рыбачки мансийской
Сеть дрожит под рукой.
И серёжки похожи
На птенцов из гнезда,
И нежней её кожи
Разве только вода.
Её брови, как рыбки,
Друг от друга плывут,
Её губы улыбку
От меня берегут.
Что-то скажут они мне?
Постою, подожду.
Тёмен взор её зимний,
Словно прорубь во льду.*

Вот такая Итья Татьяна. Я знаю её с детства...

Я тоже был рыбаком. У меня была калданочка с разноцветными вёслами. Лодочка ходкая, но очень вёрткая: неосторожное движение – и ты в воде. Надо быть осторожным и точным, как гимнаст.

Но я был уже большой – мне было десять лет. Поэтому я рыбачил, как взрослый. И все мои ровесники рыбачили. У всех были лодки и сети. Мы ловили рыбу и сдавали в план колхоза.

Калданочки наши маленькие, а Обь – река широкая: такая гладь, что небо сливается с водой на горизонте. А ветер сильный, а волны высокие. Они пенятся и шипят...

Однажды посреди Оби захватила меня гроза.

*Лютым зверем лодку
Искусали волны,
Белые, как пена
На губах шамана.
Под слезами тучи,
Под кнутами молний
Бредил я, мальчишка,
Берегом желанным.
Словно рыба в сетке,
Прыгало под громом
Маленькое сердце
В бессердечных водах,
Но стремилось сердце
К берегу родному,
Где леса синели,
Обещая отдых.
И рукою слабой,
Как крыло гусёнка,
Я в весло вцепился,
Превозмог усталость
И налёг на бурю
Всей моей силёнкой,
И помчалась лодка –
К берегу помчалась...*

С волнами Оби, с бурей боролись и другие ребяташки. Боролась и Итья Татьяна. Ведь тогда не было моторов, которые теперь носят лодки по волнам, словно на крыльях.

Тогда надо было грести...

Всё равно очень интересно было нам ездить на рыбалку. Часто мы рыбачили и в сорах за маленькой деревней Ситам-тур. Там жила Итья Татьяна...

Зимой мы учились в школе-интернате. Итья Татьяна тоже училась. Но из пятого класса она ушла. Ушла в родную деревню Ситам-тур. Почему она ушла? Может, ей просто приснился сон?..

Белая вьюга, как седой сказочник, поёт и поёт сказку. Два белых домика, как два белых оленя, по крылатые рога занесённые сне-

гом, мёрзнут и слушают сказку. Слушают сказку маленькие братишки и сестрёнка Итьи Татьи. Их много-много, как снежинок над домом. Они зовут её... В доме прибавится ещё одно родное сердце. Теплее будет... И сказки станут ещё веселее... А как она приедет – деревья вздрогнут и уронят на землю снег. Снежинки упадут и зазвенят, зазвенят ручьями... Всё кругом запоёт: небо – голосами птиц, реки – звоном льдинок, а лес – голосом кукушки.

«Надо ехать, ехать», – решает во сне Итья Татя.

«Правильно, правильно, дочка! – говорит тихим голосом отец. – Ты окончила четыре класса. Хватит тебе учиться! Совсем уже грамотная!» И его продолговатое лицо с чуть заметными скулами превращается в белое облако и улетает в сказку...

Итья Татя ушла из школы...

Потом приходилось навёрстывать упущенное. Днём работала, а вечером училась. В каслание она взяла с собой учебники за десятый класс. Но как мне заниматься с ней, если перед её глазами я то немею, то голос предательски звенит...

Интересные всё же люди: они каждый день могут быть новыми! Давно я знаю Итью Татью – и, кажется, совсем не знаю...

ТАЁЖНИК ОТКРЫВАЕТ ГОРОД

*Я впервые в нём... Вот летят машины,
Фары бьют огнём ярче глаз звериных.
Он глаза слепил и гудел, как улей,
Он вертел, кружил в суматохе улиц.*

Когда лес стал тёмным, как медведь, а небо покрылось бледными весенними звёздами, Зосим сказал:

– Теперь можно начинать кино.

Затрещал мотор, загорелась в палатке электрическая лампочка, но никто не бросился в палатку, все смотрели на полотнище, повешенное между двумя елями: и стар, и мал знали, что здесь появится чудо, люди, другая жизнь...

Все смотрят на Зосима, как на волшебника. А он копошится у мудрой машины, присматривается. Что-то потрескивает, щёлкает.

Вдруг бледное полотнище засияло, словно зажглось дневным светом. И всё померкло: свет жаркого, яркого костра, и сияние звёзд, и влажные глаза весенней ночи...

На экране плыла сверкающая полноводная река, одетая в гладкий камень. И дома – словно каменные горы... И народу тьма, словно рыбы в море...

– И зачем столько народу собирается вместе? – удивляется тётя Сана. – На праздник какой, что ли?

– Ни травинки, кругом камни... Больно, наверное, ногам? Не с копытами ли они? – спрашивает хриплым голосом Яныг-турпка-эква.

– А это что за коромысло над Обью?

– Это мост. И река эта не Обь, а Нева, – разъясняет Ай-Теранти.

И машин много...

– Как муравьи в муравейнике...

– Кругом камни, камни... И как здесь люди живут?

На экране плыл город моей юности – Ленинград. Он мне сначала тоже показался некрасивым и жестоким...

Ленинград... Мой Ленинград... Ты раскрывайся им, а я расскажу, как тебя открывал таёжник.

И свою песню мне хочется начать с извинения. Ты мне в первый раз показался жестоким и некрасивым. Да, да жестоким.

Твои улицы показались мне шумными, как сварливые старухи, они кишели людьми, как муравейники – муравьями. Я натёкался на людей. Они с удивлением смотрели на меня. И я смотрел на них. Нет, не смотрел я, а глазел. Глазел на разукрашенные витрины магазинов, на стены домов, на асфальт. В кино и на рисунках они были такими чистыми, красивыми, твои улицы, мосты, дворцы. Я так мечтал это всё увидеть!

Асфальт твоих улиц виделся мне сияющим, зеркальным. Вот, думал, как хорошо – не надо зеркала: посмотришь вниз – увидишь себя.

Я был в недоумении, почему асфальт показался в кино другим. Но однажды вечером этот секрет раскрылся. Я шёл по твоему воспетому поэтами Невскому, и вдруг откуда ни возьмись хлынул ливень. Я прижался к стене, под навес.

– Опять небо прорвалось, – сказал кто-то рядом со мной.

– Сейчас перестанет, – откликнулся другой.

Правда, немного погода асфальт перестал пузыриться и кипеть, как котёл. Зажглись огни! И словно тысячи лун сразу осветили Невский. И асфальт сиял, как в кино. А в радужных брызгах летели такси. Их зелёные глаза – ярче глаз звериных. Всё блестело, искрилось...

Но это ещё не примирило меня с тобой, мой город!

Дома твои мне показалась выше снеговых гор. И на твоих улицах я был словно в ущельях. Кругом камень, и не видно солнца, хотя где-то над домами оно лениво бродило в дымке. Я привык к другому солнцу – солнцу, отражённому в зеркальной глади воды, солнцу, дробящемуся в листьях деревьев на тысячи маленьких светил. Солнце глядело в мою постель. Оно будило меня, звало на улицу, туда, где небо звенит птичьими голосами, вода искрится, и плещутся дикие утки, и простор синий, безбрежный, и новый день не похож на вчерашний.

Такого солнца я поначалу не увидел. Грустно было, очень грустно.

Вот и автобус...

Хочешь, я расскажу мансийскую сказку?

Однажды по Оби ехали манси на большой лодке – саранхап. Было тихо-тихо. Вода блестела, как жир. Вдруг гладь воды стала гнуться и ломаться, а потом забурилась, запенилась: навстречу манси неслась гигантская рыба-зверь. Она плевалась струями воды и проглатывала всё, что попадалось на пути. Проглотила и эту лодку с людьми.

Сидят манси в животе этой рыбы и думают, что делать, как выбраться из этой тесноты. К счастью, в лодке были острые топоры. И когда прорубили люди рыбий бок, долго радовались они свежему воздуху, высоко вздымалась их груди и сияли глаза!..

Такую же радость испытал я, когда вышел из автобуса. Вот таким ты показался, Ленинград. Плохо было. Всё видел сны... Ночью ко мне являлось солнце. Оно смотрело в мою постель. И утки летели, и небо звенело, и сияла вода. А то вдруг зажегся небесный огонь – северное сияние. Оно вставало над моей головой огромным разноцветным чудом, переливаясь всеми цветами... Сияло небо, плясали краски, горел снег, потрескивал спокойный сухой морозец. Опять было хорошо, как в сказке, как в жизни.

...Но я просыпался – и сказка кончалась. В окно на меня смотрели тусклые кирпичи соседнего дома.

Однажды ты познакомил меня со своей дочерью. Она почему-то напоминала пушкинскую Татьяну. Я её полюбил ещё там, среди снегов и ярких северных сияний. Я мечтал встретить такую же. И вот она вправду явилась и повела меня по твоим проспектам, мостам и паркам.

Сразу всё преобразилось. Ожили во мне строки твоего гениального певца. И мосты повисли над водами, и Медный Всадник поскакал, и Адмиралтейская игла стала казаться светлей. И бродил я, как заколдованный самым сильным в мире шаманом.

...Эрмитаж. Я и раньше слышал об этом сказочном дворце искусства. Но как я был поражён, какие видения возникли и навсегда врезались в память, когда всё это предстало перед глазами. Словно передо мной было северное сияние – самое яркое, живое, вечно движущееся искусство природы.

...Однажды твоя дочь повела меня на Кировские острова. Я был увлечён, смотрел в её тихие смолистые глаза и не заметил, как мы очутились в зелени деревьев, среди щебета птиц и в окружении прудов. Я снова почувствовал солнце, оно с весёлого пруда улыбалось мне: «Узнаёшь?». Я был благодарен ему, что оно не забыло меня и в далёком городе улыбнулось мне, как в детстве.

– А вот и пляж, – сказала моя спутница, кивнув в сторону сияющей глади воды.

Это была Нева. Она нежилась под солнцем. На берегу люди. Наверное, здесь тысячи людей. Я никогда не видел так много народу. Как чайки на песчаном берегу Оби, белели они на пляже.

– Это и называется пляж? – спросил я.

– Это и есть пляж. Здесь можно купаться. Хочешь? Не дождавшись ответа, она быстро разделась и оказалась в воде. Плыла она, как золотистый бобёр. Барахталась. От брызг – радуга. Хорошо стало. словно я был опять на родине. И брызги летели, и солнце смеялось, и песок хрустел, и листья светились. Как хорошо! Не так уж жесток и неприветлив ты, каменный город. В тебе, оказывается, есть запах и моей родины: запах воды, солнца, трав. В тебе, оказывается, есть даже и простор: вон какая гладь – конца не видно.

С тех пор я дышал свободнее. И ты, Ленинград, для меня стал светлее и просторней...

Институт; Мойка, 48. Здесь я учился. Интересно быть студентом. Новый мир раскрывается перед тобой.

В детстве мне казалось, что рыбаки и охотники самые мудрые люди на земле. Лес, небо, медведи, соболи, олени, рыбы – это главное, что есть на земле. Моя деревня – это центр земли.

Настоящие люди на земле – манси, так же как среди светил – солнце, среди рек – Обь, среди рыб – осётр. Есть на земле народ хатань. Это татары. Есть ещё ненцы, скачущие на оленях, зыряне, привозящие из-за Урала различные драгоценности и сукна, и где-то далеко-далеко тунгусы. И есть русские... Они учат манси смотреть в бумаги и лечат их.

Такое представление пришло ко мне из сказок, которые каждый вечер рассказывал мой дедушка. Как я ошибался в детстве! Каким широким оказался мир! Сколько тайн было недоступно, неведомо для ума и сердца охотника! Он ведь хорошо знал то, что видел глазами. А много ли увидишь глазами, пусть они даже самые зоркие. И много ль земель исходишь ногами. Много снежинок на земле... Не сосчитать даже тех, что хрустят под ногами. А откуда знать мир! Он бескраен и огромен. Манси знал землю до Урала, а дальше она казалась ему сказочной, непонятной.

В школе мир широко раскрылся передо мной. И тебя, мой Ленинград, я уже чувствовал. Любил слушать песни о тебе, мечтал о тебе учиться.

И приехал к тебе. Ты познакомил меня и с ненцем, и с тунгусом, и с чукчей, и с эскимосом, и с нанайцем. Много у меня стало друзей.

Мы живём и учимся в одном доме. Тунгус такой же, как и манси. Он не нюхает пищу, а ест, как все. И ненец – хороший человек. Старая сказка, оказывается, бывает лживой. Ты помог мне распознать эту ложь.

Ленинград! Ты хороший учитель. Ты меня научил слушать сердца твоих больших людей.

Блок... Странно... Человека давно нет в живых, а я разговариваю с ним, слышу его сердце. Всю ночь мы бродим с ним. А ночь белая. И мгла, и синь, и мосты... Со мной простая книга... Это она говорит со мной. Я волнуюсь, люблю и ненавижу, плачу и смеюсь. И кажется, я слился с этой набережной, с этой синью и с людьми. Но нет! Вон там двое. Они целуются. А я – один. И Блока нет. Со мной – книга...

Я слушал сердце Блока и чувствовал себя. Я – человек...

А что, если послушать себя, своё сердце? Я – северянин, у меня возникают мысли, которых, может быть, у других нет. Даже у Блока. А если всё перенести на бумагу? И она, быть может, заговорит языком моего маленького народа. Я стал вслушиваться в себя...

Странно... В Ленинграде, далеко от родных мест, я вдруг почувствовал красоту языка моего маленького народа.

О город каменный, ты помог нам увидеть то, чего мы не видели раньше и не чувствовали. Нет, мы совсем не перестали быть северянами. Наоборот, мы стали как-то ярче. Ты нас научил слушать себя, и мы чаще стали спрашивать: «Кто мы?».

Кто мы? И ненец Василий Лебедев, и хант Гена Раишев, и эвенк Владимир Хромов.

Кто мы? Мы однокурсники. Мы – студенты. А до этого были маленькими охотниками и маленькими рыбаками. И матери, и отцы наши были охотниками и рыбаками. И, кроме этого, очень мало что знали. Студент... Наши родители не слышали такого слова. Когда моего отца спрашивали, где учиться его сын, он отвечал: «В конституции».

Ему негде было учиться. Он батрачил у кулаков. Его проиграл в карты мой дед. Деду нечем было платить. Сыну приходилось отрабатывать... А кто же был мой прадед?

Только в самых древних сказках и песнях манси жили в дворцах из сияющего камня.

Тогда умели мои предки ковать железо, сеять хлеб. Скакали на быстроногих огненных конях и пасли стада овец. Потом потеряли солнце и дворцы. Пошли искать их, забрели в тайгу и болота. Обратной дороги не нашли. Холод, снег, бессердечный людоед Менкв преследовали их, выгоняли из насиженных, обжитых мест, оставляя золу и пепел. И манси разучились ковать железо, прясть из шерсти красивую одежду, позабыли запах вкусной еды, а стали есть сырое мясо и рыбу. В своих песнях они уже пели:

*Мы уйдём, покинем землю,
Чтобы больше не родиться
И на быстрых конях-лыжах
Не скользить за соболями.
Наши лодки, как могилы,
На песках сгниют тоскливо,*

*И в деревьях опустелых
Будут жить одни лишь мыши.*

«Будут жить одни лишь мыши», – вырвалось когда-то из истерзанного сердца моего далёкого предка... Я – мышь? Нет! Я – человек! Так, значит, я всё же выжил! Выходит, что предки всё же верили, что холоду не вечно царствовать... И взойдёт однажды не холодное, а тёплое, щедрое, разноцветное сияние. И тьма растает. И люди станут братьями.

И потому, наверно, северные женщины, завязав в берестяные люльки своих малышей, закинув их за спину, шли в болота. Туда, куда никто не доберётся... И там начинали новую жизнь.

Так много раз, наверно, умирал я, так много раз, наверно, вновь рождался, и женщины несли меня, веря, что взойдёт волшебное сияние и я заговорю, раскрою сердце древних, а добрый мир будет слушать древнюю исповедь. Вот кто мы!..

А сегодня, как тепло сегодня!

Ленинград! Ты меня слушаешь? Слушаешь меня и всех моих братьев – северян.

Пумасипа! Большое спасибо!

Капли рождают реку, реки рождают море, ширь и глубину. Ленинград! Твоя река стала моей родиной. И чем-то напоминает мою Обь. И я невольно шепчу:

*Пусть не люльку у причала –
Ты, Нева, мой ум качала.
Крылья мне дала навечно.
О, спасибо, друг сердечный!
Схожи рек различных воды,
И добры сердца народов,
Потому я всюду дома,
Все родные, всё знакомо.*

Реки сливаются. Сливаются и судьбы народов. Жизнь становится глубже и шире...

Тепло...

На твоих улицах, во встречах с твоими сыновьями, в беседе с легендарной «Авророй», с Вечным огнём Марсова поля яснее и яснее чувствую, что такое Россия, Ленин, Октябрь...

О город мой! Не рассказал тебе я сказку, – ты ярче любых сказок! И не сложил тебе песню, – песня моя впереди.

Только скажу одно: ты великий учитель. Ты научил нас писать книги, рисовать картины, говорить голосом учителя перед любознательными детьми. Ты открыл глаза нам, как младенцам. Мы проснулись, словно после тысячелетнего сна.

И оленеводы нам кажутся странными, словно они пришли с другой планеты. Как они могли остаться такими? Почему мало движения в их жизни?

Преобразился ведь мой родной Север. Ярче северных сияний блестят фонтаны нефти. И в домах тепло не от дров, а от пламени земли – синего газа. И ночью ярче звёзд светятся окна – в посёлках играет электричество.

Рыбаки и охотники, лесорубы и плотники, доярки и конюхи живут новой жизнью.

Читают газеты, смотрят в клубе кино, веселятся и работают.

В новой дружной стае, летящей в будущее, оленеводы как белые вороны... Меня это очень волнует. Не могу быть равнодушным!

Дорогой учитель, я опять обращаюсь к тебе, как всегда в трудную минуту: разъясни мне, как быть, как по-новому устроить жизнь оленеводов. Разъясни, ведь ты всё можешь.

Ведь ты так благороден!..

Давно потух дневной свет на белом полотнище, опять ярко, как прежде, горит костёр. К его ласке льнут оленеводы. Их лица пылают светом жарких лучей. От чёрных лап елей пахнет сырой, ранней весной... Я рассказываю о великом городе.

– Неужели так живут люди? Неужели всё это правда? – удивляются оленеводы. – Это просто хорошая сказка!..

Да, оленеводы пока воспринимают многое ещё как сказку. Но они откроют, откроют тебя, Ленинград, и будут благодарны, как я...

МАЙ

Всю ночь я слышал музыку. Она звенела травами, колыхалась знамёнами и пахла цветами... Это май. В сердце – ожидание... Ожидание чего-то светлого, особенного...

В детстве, в школьные годы, мне снился май таким.

И вот, как тогда, я много раз просыпаюсь. И жду не дождусь утра. Словно у нас в каслании также будет весёлая демонстрация в колонну по четыре, со знамёнами, с медными трубами оркестра.

Чего очень ждёшь – рано или поздно придёт, наступит. Наступило и это первомайское утро.

Я вышел из чума. На просыпающемся небе – ни облачка. На реке по-прежнему синий лёд. Только забереги, кажется, стали шире. Они струились, дышали. Лужицы словно хрустальные, а земля твёрдая. Подморозило...

Где-то совсем рядом токовали глухари, радуясь солнечному майскому утру. Это праздничная песня тайги маю. А синяя речка говорила голосом чаек. Они летали над струями заберег, заливались счастливым смехом, видно, нынче будет много рыбы и для

чаек, и для людей. А над чумами носились стаи уток. Они то камнем падали друг на друга, то разбегались: то ли дрались, то ли целовались. Наверно, целовались! Небо звенело. Это свадебный танец. Праздничный танец...

И я стою, зачарованный весенней песней тайги, счастливым смехом реки, свадебным танцем неба.

Стойбище уже проснулось. Посреди поляны между чумами горит костёр. Арсентий и Ларкин обтираются холодной и прозрачной водой горной реки Бусинки. Мань-аги, Епа, Итья Татьяна, как резвые олениа, носятся по поляне. Не успели встать – уже играют. И Татьяна как маленькая. Что это с ней сегодня? Наверно, оттого, что праздник.

На берегу реки обыкновенная картина: Ай-от держит белого оленя тонким, как дождевой червь, тынзяном, олень мотает головой, чуя топор в руках Микуля. Топор на мгновение коснулся головы оленя, и копыта его с трепетом протянулись к зелёному небу, к голубым кедром, к ласковому утреннему солнцу...

Кровь у белого оленя – как виноградное вино. Пили её из гранёных стаканов спокойно и медленно, как жизнь, как сказку. Ай-Теранти в этот момент тоже тихо и медленно, как сказку, стал рассказывать о возникновении праздника трудящихся, о первых сходках рабочих в лесу, о красном знамени...

– А знамени-то у нас ведь нету, – тихо сказала Итья Татьяна.

И сразу наша поляна, наше стойбище с оленями и людьми, показалась пустой.

Арсентий словно проснулся. Он поставил свой стакан с недопитой кровью на пожухлую, прошлогоднюю траву, пробившуюся словно сквозь тонкий слой льда, и направился к чуму. Скоро он вернулся. В руках Арсентия было полотнище под цвет зари ветреного утра. Через мгновение полотнище на остром конце хорея уже плыло над нашим стойбищем.

Новое светило горело рядом с нашим древним солнцем.

Без него нам невозможно, оказывается, встретить майское утро. Это светило – наше, кровное. Даже старая Яныг-турпка-эква воскликнула, когда взошло это необыкновенное светило: «Мана Яныг хорам!» («Что за большая красота!»).

Да, это красота жизни, красота наших сердец.

Это цвет нашей жизни. Под красный флаг становились наши отцы и братья в дни испытаний. Сегодня мы стоим. Это наше счастье!

Всю ночь я слышал во сне музыку. Она звенела травами, пахла цветами, колыхалась знамёнами, смотрела глубокими голубыми глазами. И вот настало долгожданное праздничное утро. Оно казалось совсем не таким, каким встречалось в городах. Оно неповторимое. Такое бывает только в пути, на большой, трудной дороге.

МАЙСКАЯ ВЬЮГА

*Жизнь – как битва с морозом!
Не окончена битва, не ждите!*

*Нет, елейный язык не сумеет
тепла отстоять!
Вы браните меня, вы лесной
росомахой рычите,
Но порывистой ветра взлечу я
над красной трибуной,
Чтобы правду свою отстоять.*

Однажды ночью вдруг разыгралась вьюга. Майская вьюга страшнее зимней.

Привыкнешь уже к ласке солнца, звонкому полёту уток, говору весёлых ручьёв – и вдруг колючие стрелы снега, пронзительный, сшибающий с ног ветер и жгучая злоба мороза!

Зимой, может быть, это было и незаметно. А после тёплого весеннего дождя и гогота гусей невыносимо...

И утки, превратившиеся в снежки, стрелами летят на крыльях вьюги к югу. И где-то камнем падают в снег, в прошлогоднюю траву, греются. Они верят, что мороз пройдёт.

Это просто прихоть старика Урала. Скоро наступят настоящие весенние дни, и опять не будет краше края, чем милая родина.

К утру и мы продрогли в своём Красном чуме. Печки у нас не было. Потому мы грелись шутками, смехом. Возились, играли, как дети. Оледеневший брезент палатки плясал, зычным голосом филина выла вьюга, а нам было весело и тепло. Может быть, это потому, что в нашем «чуме» говорила и пела Москва, а главное – мы все были молоды.

Если бы хоть одна старуха была в нашей палатке, настроение было бы совсем другим, как в остальных чумах. Кто там сейчас поёт и веселится? Все подавлены и дрожат. И мы дрожали бы, если бы не отделились. Зачем старух и стариков берут в кочевье? Им уже трудно, и оленям приходится возить много лишнего груза. Сто шестьдесят оленей занято на одну перевозку. А сколько мяса нужно, чтобы прокормить всех? И получается больше мясоедов, чем пастухов-оленоводов. Незаметно шутки превратились в серьёзную беседу о проблемах оленеводства.

Итья Татьяна говорила, что главное для поднятия оленеводства – это создать новый быт: надо разрушить чумы. В них, как ни старайся, чистоты не наведёшь.

Я вот долго думала: может быть, мне жить в городе. Город большой – там много разнообразного, не наскучит. Но нас позвали в

каслание, мы нужны – и я поехала. И правда, хорошо кочевать: каждый день новые места смотрят на тебя, и радостно оттого, что столько красоты на земле. А в деревне каждый день одно и то же... Только если здесь останутся чумы и эти старухи, я больше не поеду!

– А новый быт, о котором ты твердишь, кто будет создавать? – повысил голос Арсентий. – Медведицы, что ли?

– Ни один, у кого ум на месте, не пойдёт в оленеводы. Только мы, дураки! В деревне сейчас такая весна! – прорвало наконец Ларкина, который всё утро молчал.

Странно, как быстро меняются люди! В детстве он был живым, весёлым, а теперь угрюмый, как пасмурный день.

Арсентий вспыхнул, как костёр из сухих еловых веток, и заговорил горячо:

– Что, наш доктор Мария Долгушина тоже не здравомыслящая? Врачу в любой деревне найдётся работа, а она вот ездит по стадам круглый год – и не жалуется! Конечно, нелегко, зато какая благодарность, какое тепло. Про тебя кто-нибудь песню сочинил? А про неё оленеводы не только песни поют – сказки уже рассказывают. Слышал сказку «Как русская девушка Агум-Варнэ-ут победила»? Вот так-то!.. Не одним уютом живут люди!

Арсентий нахмурился и замолчал. Видно, он не хотел говорить общеизвестное, что человеку надо быть на своём месте, найти себя – тогда в самом глухом краю придёт счастье. Ибо счастье всюду есть, в каждом человеке, только его надо искать, и прежде всего в самом себе, а не ждать от других.

– Конечно, я не против уюта, нового быта, – опять спокойно, как ни в чём не бывало продолжал Арсентий. – Наоборот, я за это! Все мы привыкли жить по-новому.

И это было правдой. Я не могу жить в чуме; тяготились, наверно, и Ларкин, и Итья Татъя... А вот Арсентий спокоен. Он живёт по-новому, может и как все оленеводы...

– Для каслания надо приспособить лёгкие дюралевые домики. Или придумать новые световые чумы из пластмассы. Техника наша мощная, не такое может! Нужны люди, молодые, задорные. – В глуховатом голосе Арсентия звенели какие-то грустные нотки.

Видно было, не первый раз он говорит это. – С кем всё осуществить? Старики ведь будут по-своему делать, а молодёжь не идёт!

– А разве мы не молодые? – вдруг словно проснулся Ай-Теранти.

– Так вы побудете немного и при первом случае улетите, как птицы, почуявшие осень и ненастную погоду. За одну кочёвку всё не сделаешь!

Видно, слова эти задели Ай-Теранти за живое. В палатке будто забушевал Луи-вот-пыг – настоящий вихрь.

Это Ай-Теранти так разошёлся:

– И молодёжь пойдёт в оленеводы! Только надо по-новому организовать ведение этого хозяйства. А это нам с тобой надо думать, думать. А потом и предложить...

Лучше всего, наверное, такой способ выпаса оленей: три месяца пасёт одна бригада, потом – другая. Одна пасёт оленей, другая в это время отдыхает на центральной базе. Три месяца дальней дороги, три месяца солнца, три месяца вьюги, три месяца простора и воздуха, три месяца узнавания себя, три месяца романтики!

А месяца отдыха на центральной базе будут такими полными, насыщенными воспоминаниями. А потом человек снова идёт каслать, – ведь в предыдущий раз он не всё сделал, не все свои идеи воплотил в жизнь. Много выдумки потребует от нас и даже будущих поколений наше древнее оленеводство!

В нашем Красном чуме словно теплее стало... Словно заиграли струи, прозрачные и бурные, и таяли льдинки, и жизнь неслась в едином русле к единой цели.

А за ледяной палаткой бушевала вьюга. Но, кажется, за снежной пеленой уже вставал рассвет...

АЙ-ТЕРАНТИ

*И пускай под топором певучим.
Застоялый рушится сосняк,
Но встаёт и цепко держит тучи
Устремлённый к небу молодняк.*

Рождается Человек. Рождается безымянным. Потом ему дают имя. И он живёт, растёт вместе с ним. Если человек плачет, плачет и его имя; если он смеётся, имя кажется ярче северного сияния.

Ай-Теранти... Маленький Теранти... Почему к имени Теранти прибавили слово «ай»?

Слово «маленький»? Может быть, родители считали, что он, как и они сами, всегда будет маленьким, неприметным человеком? О, тогда они ошиблись. Очень ошиблись. Ай-Теранти – человек большой. Не беда, что он мал ростом, но сердце у него большое и крылатое. В глазах у него – лето тёплое.

Я помню его детство. Мы росли в одной деревне. Называлась она Аргинтур. Трудно было матери Ай-Теранти воспитывать детей. Но у нас на Севере все дети рано начинают трудовую жизнь. И Ай-Теранти рано начал её. У него, как и у многих других ребят, не было своей лодки и ружья. И мальчик, чтобы заработать на хлеб, помогал другим. Он грёб, кидал невода, ставил сети, караулил на перевесе уток. И не раз он тонул в ледяной воде, дрожал под светом холодных звёзд, как и многие другие дети Севера.

Трудное было то время. Война докатилась и до нас. Да, у нас в Сибири не разрывались снаряды, не падали бомбы, но синие лучи стужи пронизывали нас до костей, и жёлтые лучи голода морщили наши исхудавшие детские лица. Мы оказались живучими – вместе со своими всемогущими матерями, вместе со своими отцами, сражавшимися где-то далеко с фашистами, мы выжили и победили.

Может быть, мы и не выросли бы, не набрались ума, если бы не русская учительница. Она заменяла нам мать. Она заменяла нам сестру.

Наши матери и отцы умели читать лишь звериные следы – она научила нас читать книги, и мы как бы заново увидели мир, широкий и огромный, мудрый и противоречивый.

И, удивляясь, восторженно глядели в будущее. И, окрылённые мечтой, стремились вперёд.

...Много лет мы не виделись с Ай-Теранти. Он окончил среднюю школу-интернат, ту же, что и я. Как и другие северяне, он мог бы поехать учиться в институты Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска. Но родная земля потянула его к себе.

Нет, он не мог уехать со своей родины. Здесь плещется Обь, а Ай-Теранти – прирождённый рыбак. Там, почти на середине Оби, качается бочка – конец сети. К ней ластятся чайки-хохотуньи. Они зовут в сеть и одетых в зубчатую броню богатырей-осетров, и бойких тупоголовых язей, и нежных муксунов. А где кончается плавной песок и начинается обрывистый берег с заводью, пляшут и тонут брёвна и на волнах дрожат лодки, там надо скорее снимать сеть. Это самое интересное на плаве. Один правит лодкой, другой тянет сеть. А в ней вьётся серебристый муксун. Ай-Теранти не сможет уехать, не налюбовавшись вдоволь этим плеском, не ощутив всей душой северянина такой красоты.

А рыбная ловля в разгаре.

Вот и бочка пляшет почти у лодки. Виден конец сети. Свою неизменную песню – «тра-та-та!» – запел мотор, и лодка медленно, но всё настойчивей и настойчивей ломает сопротивление течения и спокойно, уверенно набирает скорость. Рыбаки поднимаются вверх по течению, чтобы снова забросить сеть, чтобы наполнить лодку серебряным трепетом рыб.

Рыбы разные, как и люди. И кажется, многое в характере людей от рыб.

Как хорошо ступить на тёплый песок берега после того, как сдана вся рыба! Счастье!

Оно наполняет весь мир. Ступишь на вечерний песок – он от июльского солнца нежный и тёплый, усталость словно уйдёт в землю, а в мышцах почувствуешь новую силу, рождённую доброй землёй. И этот июльский вечер на плавном песке покажется са-

мым счастливым вечером на свете.

Вон горит костёр. Звёзды падают на землю. Искры летят в небо. Лишь люди неизменно остаются у костра. Там их песни, сказки и тихий сердечный разговор. Там поют сердца, там они добреют, становятся богаче. Сердца ведь тоже могут петь и летать.

Горит костёр, говорят люди, говорит уха, говорит вечер...

Ай-Теранти подходит к костру, запах ухи подскажет ему, что наловили много рыбы, что в лодке есть живые стерляди. Может, вы подумаете, что стерлядь – рыба грубая. Нет, пусть она и колется, пусть она и в броне, а когда ешь её – она нежная.

Вот Ай-Теранти берёт острый нож и снимает кожу со стерляди. Он не знает, что из этой кожицы в древности его предки шили себе одежду. Не знает об этом потому, что сам ходит в модных брюках, сшитых на фабрике. О былом помнят лишь небо, вода, лес да сами рыбы. Зато Ай-Теранти знает, что перед ухой надо поесть трепещущей живой стерляди. Не просто знает – так ему хочется. Уж очень вкусна она сырая!

А лес... Зимний лес... Тайга... Тишина. Таинственная тишина. Не вспорхнёт ни одна снежинка. Стройные священные лиственницы будто оделись в серебристую чешую рыб.

Они блещут под лучами большого зимнего солнца, выглядывающего из-за белых спилен бесконечного леса.

Белки. Огненные белочки. Какое наслаждение идти по первой пороше, по сияющему лесу и слушать мелодичную песню лайки! Вот она нашла белку. Огненный хвост не даёт ей покоя. И лайка зовёт хозяина.

Лес. Нет, он не безмолвный. Ай-Теранти умеет его читать и слушать. Вот на снегу нарисовал узоры горностаи, а вот тут сидел заяц, здесь кто-то его испугнул – и заяц полетел, едва прикасаясь к снегу. Он так летел, что с кустов сыпался снежный бисер.

Здесь, в этих снежных лунках, спали куропатки. Они проснулись совсем-совсем недавно: помёт не успел даже побелеть и замёрзнуть. Они где-то тут рядом, не в хвое, конечно, а в кустах на берегу маленькой лесной речки. А тут лисица охотилась на мышей.

Юркнула мышь в снежную норку, а лисичка и давай копать. Покопала-покопала, а мышь перебежала под снегом в другую норку. Интересно читать зимний лес. Не может Ай-Теранти куда-нибудь уехать, не поскользвив вдоволь на широких лыжах по родному снегу, по родному лесу, не почуяв тайну, не услышав сказку, не может он уехать! А мать? А колхоз? А родные люди? Тут без слов всё понятно. Ай-Теранти едет в свой родной колхоз.

Кем он там будет? Конечно, рыбаком. А зимой охотником. И будет лес валить он, и на оленях ездить, возить колхозу сено и, может, даже воду, и строителем он будет – всё сумеют руки, всё обнимет сердце... А для чего, вы скажете, он окончил десять классов?

Для чего учился? Как для чего? А кто станет читать лекции в колхозном клубе? Он, Ай-Теранти.

Подари небу песню – она сказкой к тебе вернётся.

Подари реке силу – рыбой к тебе вернётся. Подари земле любовь – счастьем к тебе вернётся.

Сегодня я рядом с Ай-Теранти. Нас зовёт и манит вперёд одна дорога. Я слышу в сердце счастье. И кажется, от этого счастья солнце стало выше, тает снег и несмелыми горностаями выбегают из-под снега первые ручейки. А сколько там, под снегом, жизни и движения!.. Любят манси соболей, любят ханты стерлядь, любят северяне край таёжный свой. Всё там ещё не тронут. Но всё знакомо, мило. И каждая тропинка, и каждый ручеёк. Здесь качалась люлька моя берестяная; править юркой лодкой я научился здесь; здесь впервые я почувствовал и нежный трепет рыбы, и человеком себя почувствовал. Как же, как же можно сюда не вернуться!

Большие дела закружили Ай-Теранти. Он секретарь райкома. Секретарь... Это слово объяснять не надо. Каждый, каждый знает это. И своё имя несёт Ай-Теранти по жизни только с честью.

Я счастлив, очень счастлив. И горд. И не потому только, что Ай-Теранти любит лес, снег, рыбу; не потому, что живёт и трудится вместе со своим народом, но и потому, что Ай-Теранти учится. Часто в большой город ездит, сдаёт в институте экзамены.

...Весна жизни! Она с каждым днём все смелей и смелей входит в тайгу. Солнце всё выше и выше! Поют ручьи. Они сливаются и шумной рекою бегут к Оби. А там раздолье!

Широта и глубина. Спокойное и торжественное течение в будущее.

ЛАРКИН УШЁЛ К ГЕОЛОГАМ

*Но найдёт к костру дорогу
Путник из таёжной чащи,
В котелке рыбак наварит
Золотой ухи дымящей,
И свои кисы просушат
Звероловы у костра!*

У нас были геологи. Целый день праздновали встречу. Они угощали нас сыром, сайрой, вином... А мы их – свежей олениной. Говорили, как птицы на рассвете, пели, танцевали.

Нет в тайге радостнее праздника, чем встречи людей! И нет горше расставания, потерь! Мы потеряли Ларкина. Он ушёл с геологами. Ему нравится эта специальность.

Давно он говорил о них как-то по-особому. И вообще, какое может быть сравнение геологии с оленеводством! Там романтика... Ушёл комсомолец... Больше всех огорчён Ай-Теранти...

Нам будет тяжело. Силька ушёл. А теперь Ларкин... Лишь Микуль и Ай-от – настоящие пастухи. Итья Татьяна и Йикор – новички, Вун-ай-ики уже тяжеловат. Арсентия и меня за пастухов не считают, хотя и мы принимаем активное участие во всех делах.

Сейчас нам с ним придётся по-настоящему работать... Приближается самое ответственное время – отёл.

ХОЗЯИН ТАЙГИ

Мы решили поехать в гости во вторую бригаду. В чуме остались лишь Вун-ай-ики со старухой да невестка Окра.

Долго продвигались к Уралу. Соскучились по людям. Встретились хорошо, как в сказке.

А в чуме нашей стоянки вот что произошло. Давно потухло пламя в печке, старик курил трубку, старуха мяла ровдугу, невестка мыла блюда, а мальчик спал в люльке. Всё тихо-мирно. Даже не слышно было, как паслись олени возле родного чума...

Вдруг вздрогнула земля, застучали копыта... «Что это такое?» – заинтересовался старик. Старуха откинула шкуру, прикрывающую вход, и ахнула: «Он идёт!». И с оледеневшими глазами бросилась в постель, прикрывшись своей шубой. Шубами укрылись невестка и старик. Под тяжёлыми шагами хрустит даже талый снег. Шаги всё ближе, ближе... Вот кто-то могучей рукой, как огромным камнем, бьёт по шкуре чума. И слышно, как шкура рвётся.

«Нет, это не человек! – думает невестка Окра. – Человек к людям входит только через дверь. Он найдет её в чуме. Так кто же это такой? Может, Менкв-великан?»

Кто-то уже в чуме. Он дышит тяжело, даже посвистывает. Откуда знать Окре, кто это такой? Ведь она не знает, что старики не зовут медведя по имени, просто «он» величают. Это ведь хозяин тайги, древний предок манси, древний предок ханты. Его назовёшь по имени – значит, назовёшь его зверем, и медведь тогда обидится...

А зверь, бурый и большой, ходил уже по чуму, как хозяин. Он был зол и голоден.

Зол на тех, кто разбудил его так рано. Он ведь мог ещё спокойно лежать и сосать свою лапу. А вот разбудили. Придётся искать себе добычу. Недоспал. Голова кружится. Как пьяный. Ему теперь всё равно. Первое, что привлекло внимание хозяина, было маленькое спокойное лицо мальчика среди шкур. Может, ребёнок напомнил ему морды его медвежат? Он подошёл в молчании. Послушал, как мальчик спокойно дышит. Вспомнив, что он очень голоден, поста-

вил люльку на другое место, почти у входа. Запах сушёного мяса нестерпимо щекотал широкие ноздри. Медведь подошёл к мешку, подвешенному к жерди, разорвал его острыми когтями и, с жадностью чавкая, похрустывая, начал пожирать вкусное сушёное мясо.

...Старик Вун-ай-ики прожил долгую жизнь. Стал белее Кев-ики – старика Урала.

Много раз падал снег с тех пор, как он родился, не знает, сколько раз таял снег с тех пор, когда он родился, много раз ходил с оленями на Урал, много волков бил. А медведя не убивал.

Молния сверкнёт и растает. А мысли ещё быстрее, а мысли ещё острее, когда над головою медвежья лапа висит: за одно мгновение в мыслях вся жизнь вдруг пролетит. Это было давно. Тогда Вун-ай-ики был молод, тогда он был строен и высок, как молодой лось; и задорен был, как порывистый северный ветер.

Однажды охотники стали собираться на медведя. Старшие называли его

почтительно. Ни одного худого слова о нём. Тихо собирались охотники. Шумел лишь один молодой охотник. Яковом его звали. Он хвалился своей смелостью, а хозяина тайги ни во что не ставил. Старики просили его быть поскромнее. Но он не слушался, как вьюга.

И вот тридцать человек под корень кедра смотрят. Тридцать рогатин и копий нацелены в темноту под корень. И длинный шест смотрит тоже в темноту. Лаает-бесится собака, кусая темноту... И вдруг, как висар – вихрь крылатый, вынесся из берлоги Мойпыр. Копья и рогатины, как во сне, чуть вздрогнули, но не полетели. Дальше всех, в стороне, под ветвистой елью, стоял Яков. Никого не тронул сын хозяина Верхнего мира – Нуми-Торума, а Якова отыскал, и с головы его, буйной и хвастливой, снял кожу с волосами. Но кровь за кровь! В сердце хозяина тоже торчали копыя... Сразу двух кровных «родственников» – Якова и медведя – везли со скорбью люди...

*Часто в чаще непролазной
Он с медведем в бой вступал.
Перед схваткою опасной
Ноги он кривил, сгибал,
Чтобы у лесной берлоги
Твёрже встать, и оттого
Крепкие, как корни, ноги
Чуть согнулись у него.*

Вот ведь как бывает. И сегодня хозяин тайги сам пришёл. Даже под тёплыми шкурами деду было холодно, даже под мягкими шкурами он, как в мороз, дрожал.

А между тем хозяин уже подобрел. Мясо уж больно вкусное. Никогда хозяин не ел такого лакомства! И захотелось ему на солнце, к свежести тайги. Острыми когтями снова разорвал чум, яркими лучами взглянуло в глаза медведю солнце. Медведь прищурился, слизнул языком вокруг пасти крошки сухого мяса, увидев нарту с мягкой оленьей шкурой, забрался в неё и прикорнул...

В это время возвращался с утреннего обхода оленей пастух Ай-от – младший сын старика Вун-ай-ики. Приближаясь к стоянке, он заметил, что олени чем-то очень встревожены. Понял он, что поблизости какая-то опасность. Ай-от снял с плеча винтовку.

Проверил, заряжена ли она. И, приготовившись к бою с неведомым противником, пошёл быстрее к чуму. «Что же произошло?» – думал, волнуясь, Ай-от. Почему-то чум не курил.

Куда делись люди? Собаки? Вдруг Ай-от заметил на нарте что-то чёрное, необычное. Не успел он сообразить, что это такое, как, почуяв железо, поднялся на дыбы медведь и пошёл на него с раскрытой пастью. Ай-от выстрелил. Медведь упал почти у ног. Ай-от растерялся, как ребёнок. Всё произошло в одно мгновение. Даже испугаться он не успел.

А потом застучало сердце, затрепыхалось в груди, как маленькая рыбка... Ай-от, как в тумане, вошёл в чум. В чуме светло, солнечно. Лоскуты шкуры свисают с жердей с отпечатками когтей хозяина. Люлька с младенцем стоит почти у порога в чум. Глаза малыша летают, как радостные утренние птички. Ай-от поражён увиденным. Малыш весёлый, и никого, кроме него, нет... Странно!

– Где мама? – спросил он сына.

Вдруг шкуры зашевелились: показалась голова старика. Она стала белее белого оленя. В глазах его оледенел ужас. Ай-от не мог смеяться...

...Снег, снег, снег... Неужели разыгралась вьюга? Не может быть: ведь светит тёплое весеннее солнышко. Снег, снег, снег... Малицы белые, щёки белые, ресницы белые... По щекам струями текут слёзы. Нет, это не слёзы – это на лицах тает снег. Снежки над чумом, снежки на поляне. Играют в снежки олени, играют в снежки собаки. Они носятся на поляне. А маленькая Мань-аги стоит серьёзная, удивляясь, как это большие дяди и большие тёти никогда раньше не играли, а теперь играют... Снег, снег, снег... Смех, смех, смех... Начало Медвежьего праздника.

Игра игрой, праздник праздником, но надо трудиться!

Какой праздник может быть без труда? Оленеводы снимают шубу медведя, делают чучело его головы. Какой же праздник в тесноте! Решили праздник проводить в Красном чуме. Я, конечно, помогаю, и чтобы не испортить праздничного настроения, я тоже, как и все, не называю медведя по имени, не укоряю людей, что это пережиток прошлого.

Пусть будет праздник! Ведь люди потрудились на совесть: много недель не знали отдыха, кочевали к Уралу, под открытым небом, под холодными звёздами, по холодному снегу.

Жизнь без отдыха – как лось, попавший в яму; жизнь без праздника – как могила; с песнями и с плясками жизнь словно сказка!..

Пусть повеселятся, пусть покажет каждый, на что он способен. Ведь душа не может жить без крылатой песни, чудной-чудной сказки. А лекцию о пережитках я прочитаю после, когда настанут будни...

И вот на поляне перед Красным чумом горит костёр, как солнце. Над костром висит большой котёл. В нем – голова хозяина. Уже горит вечерняя заря. По небу кочуют стада звёзд. От костра к небу тоже летят звёзды, яркие и горячие. На свежавыпавшем весеннем снегу лежат длинные синие тени, а у костра пылают лица малышей. Они сегодня особенно радостные: и снежинки, и звёздное небо, и медведь, и костёр... Но они не знают, что ещё веселее будет дальше, в Красном чуме... Там затевают что-то интересное.

В самом чистом месте, посреди палатки, на столике низеньком, утиногом, стоит «его» голова.

Рядом с ней чашки с печеньем, с конфетами и бутылка спирта. Медведь любит полакомиться, а пить не любит. Зато люди любят, чуть-чуть людям можно. По левую сторону, рядом с хозяином, посадили виновника – охотника Ай-ота. По правую сторону почему-то меня. Я спрашиваю: почему именно я должен сидеть? Они молчат, кивают головами: мол, так нужно. Спрашивать нельзя. Потом я узнал, что это почётное место.

Раньше здесь всегда сидел шаман. Он разговаривал с хозяином, узнавал его мысли и желания, предсказывал будущее. А теперь кто знает больше? Врач, учитель, учёный. Они разговаривают с книгами, они тоже знают о болезнях и о будущем. Вот они и должны сидеть рядом с головой.

На столике появилась большая деревянная чаша. Она дымилась, как озеро в летнее утро. И пахла не травами, не туманом, а чем-то живым, вкусным. А может, этот запах усиливается от подожжённого сэныг? Когда горит сэныг, чум наполняется ароматом, которым дышат боги... А кто боги? Кто духи? Конечно, мы! Все, сидящие полукругом на мягких оленьих шкурах: и Микуль, и Ай-от, и Ай-Теранти, и Вун-ай-ики, и Йикор, и Потепка, все наши женщины, образовавшие по древнему обычаю свой полукруг. Вот Микуль подносит каждому большую чашу. Каждый берёт себе кусок мяса, кусок вкусной головы медведя. А Потепка разливает спирт в гранёные стаканы и тоже раздаёт. Ай-от – виновник праздника. Он сидит, опустив голову, скромн и тих, как вечер. Микуль подносит ему душистые глаза. А самый зоркий глаз, правый глаз сына хозяина Верхнего мира Нуми-Торума, дали мне. Раньше давали ша-

ману. Почему давали шаману? Шаман по-мансийски – саман. Глаз по-мансийски – сам. Самынг по-мансийски – глазастый. Самынг саман – глазастый шаман.

Рядом со мной сидит Вун-ай-ики – самый старший человек среди нас. Он больше всех бывал на медвежьих праздниках. К нему подходит Микуль и спрашивает:

– А что делать дальше? Ты, дед, как неживой или как олень уставший. А мы на тебя надеялись, как на вожака-оленья. Что делать, мы и не знаем.

– Что делать? – слышу я глуховатый старческий голос старина. – Просто живите, пляшите, веселитесь! Я уже старик. Раньше мы много делали. Шаман был – он всё знал.

Он говорил, что нас ждёт впереди, что думают духи, сам Ну-ми-Торум. Всё говорил. А потом мы веселились, плясали, тулыглахтысув – показывали сцены из жизни.

Спрашивайте Потепку, он больше меня, наверно, знает, всё же он... – старик запнулся, потом продолжал: – Да вы всё сами знаете. Вспомните, что помните, и веселитесь. Только не много пейте. Спирт не веселье, а болезнь. Главное-то – веселье.

Вун-ай-ики говорил тихим, глуховатым голосом. Он сидел рядом со мной, но казалось, он где-то далеко-далеко от меня. Словно не человек говорит, а журчит обмелевший таёжный ручей...

Ойнга-писинга – звенят стаканы. Чуть-чуть шумнее стало.

Вдруг... Словно налетела большая птица, рассекая могучими крыльями свистящий, звенящий воздух. И вот птица уже парит высоко-высоко. Будто замерли тайга, снег и звёзды. И лица людей сначала вздрогнули, повернулись к голове медведя. Это были звуки санквалтапа... Потепка играл уй-тан – гимн медведю.

Я залюбовался руками Потепки. Похожий на лодку, почерневший от времени санквалтап под его руками оказался чудом; в сторону отодвинуты куски медвежьего мяса, гранёные стаканы... Лица просветлели, как небо утром. А я почувствовал себя древним-древним, словно взглянул в душу медведю и услышал думы медвежьей головы.

...Плавно, высоко парящая птица вдруг рванулась вниз, словно ястреб, и, как утки, встрепенулись люди.

Глаза действительно пылали у всех. Может быть, ярче всего пылали у той, которая кружилась посреди чума, задевая сидящих шёлковой бахромой шали. Кто она? Ведь её глаза закрыты шалью. Наверно, это Итья Татьяна...

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!» Это прибежали тулыглахтын махум. Лица их прячут берестяные маски – саснелы. Сас по-мансийски – береста, нел – нос. У саснелов нос длинный-длинный. Над узкими щёлочками глаз – длинные ресницы и чёрные брови дугой. Саснелом называют и владельца маски. Саснел может говорить всё, сме-

яться над всеми, даже над медведем и присутствующими. У него ведь лицо не человеческое, а берестяное. Береста всё вынесет!

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!» Вот два охотника. Они в масках, в лёгких охотничьих малицах, подпоясанные мансийскими поясами, на которых висит сипаль с большим острым ножом и зубы медведей. В руках у них ружья. Один целится вниз, себе под ноги.

А... это он разыгрывает охотника, убившего зверя. Раздаётся треск, напоминающий выстрел. Второй охотник нагибается и тянет что-то тяжёлое-тяжёлое. В руках у него чучело, изображающее хозяина.

– Не я тебя убил, – говорит он медведю, – а убило тебя ружьё...

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!» Пляшут пальцы Потепки, поют струны. Берестяные маски снова вертятся, размахивая руками, вьются по полу нагими, порхают птицами...

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!» Санквалтап замолкает. Входят трое саснелов. Двое из них одеты в облезлые тонкие малицы. Это, конечно, бедные манси. А третий – с бородой, длинной и широкой, как веник. С животом большим, как у важеньки перед отёлом. Он не в малице, а в шубе. Это, конечно, купец. Он достаёт из мешка что-то блестящее, яркое.

– Вы любите бусы? – спрашивает он голосом тёплой, ласковой речки, в которой можно утонуть.

– Это люблю не я – любит моя жена! – говорит один из манси.

– Коль любит, дай белок, – говорит купец.

Охотник протягивает пушистые шкурки.

– Вы любите колокольчики? – журчит ещё нежнее голос купца.

– Конечно! – говорит другой охотник. – Без колокольчиков тайга нема, как карась.

– На тебе колокольчиков, дай мне песцов. – Голос купца чуть слышен, словно по снегу лёгкими шажками проходит песец.

Охотник вынимает шкуры песцов, голубых, как утро.

– Нам нужен порох и дробь! – говорят оба враз.

– Пороха и дроби нет. Есть водка! Вы же любите такую водичку? – воркует купец. – Несите соболей!

Охотники несут соболей. Пьют. Пьянеют...

А теперь платите ясак – как вьюга, воеет купец.

– Больше у нас ничего нет! – говорят охотники.

– Тогда копайте себе яму. Буду вас хоронить, коль не расплачиваетесь!

Охотники покорно копают яму. Летают лопаты, летают земля и снег.

– Померьте, какая глубина ямы, – приказывает купец.

Один манси встал в рост – яма только по грудь.

– Надо ещё копать. А то вылезти сможете. Опять копают охотники.

Купцу уже надоело ждать.

– Больно долго вы копаете! Ничего не умеете делать, медведи и то поворотливее.

– Мы, и правда, не умеем. Покажите нам, пожалуйста, как надо правильно копать.

Охотники вылезают. А купец спрыгивает в яму.

Только он нагнулся – охотники начинают забрасывать его землёй. Так и забросали.

С тех пор на земле не стало купцов и хорошая жизнь пошла, как в весёлый Медвежий праздник, – вот в чём смысл этой сценки.

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!» Саснелы исчезают.

Опять звенят ручьи. Женский танец. Вместо женщин танцуют ребятишки.

Трёхлетняя Мань-аги накинула свой платок на голову, закрыв лицо и глаза, и стала кружиться в плавном танце. Трудно удержаться на месте, когда играет музыка. Под её звуки пляшут в речке рыбы, на деревьях – белки, на земле – люди... Рядом со мной стоял радиоприёмник «Родина». Я включил его. Говорила и пела Москва. Кажется, она была рядом, совсем рядом. В эти дни я словно жил в другом веке, на другой планете.

Соскучился. И вот Москва... Я предложил всем послушать.

– Правильно! – сказала Итья Татьяна. – Какой праздник без радио, без новой музыки?

Все собрались у радиоприёмника. Передавали концерт по заявкам геологов.

– Замечательный концерт! Геологи достойны его. Сколько богатств открыли они в нашем крае! А ведь совсем недавно он был местом холодной ссылки. Одни снега, волки, мороз.

От бедности и нищеты кому-то снилась знаменитая «золотая баба». На неё указывали римляне в XII веке, и русские промышленники говорили о таинственной «золотой бабе», а манси поклонялись Сорни-най – огненной богине. Но никто не догадывался об истинных богатствах нашего Севера.

А вот геологи догадались. И пошли сквозь дебри, болота, снега и мороз. И нашли не «золотую бабу», а чёрное золото – нефть, не Сорни-най – огненную богиню, а пламень земли – газ. Открыли клад, какого в мире не было. Это богатство и гордость страны! Это смогли сделать только романтики, только герои!

И кочуют они так же с места на место, любят смотреть новые земли, совсем как оленеводы, и спят они под звёздами, на холодном снегу, совсем как оленеводы. Так могут только настоящие романтики!

– Какая весёлая у них музыка! – подсаживаясь ближе к приёмнику, произнесла тётя Сана. – В Москве, наверно, тоже Медвежий праздник?

Микуль, Итья Татъя и я засмеялись, как чайки над Обью.

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!»

Прилетели какие-то две важные птицы. Одна разукрашенная, ходит гордо, как куропатка. Другая птица чёрная-чёрная, словно она только что вылетела из трубы. Это ворона. Она хлопает крыльями. Дышит тяжело. Устала с дороги. На зиму она улетает туда, где морозы помягче. Вот сейчас только, в вороний праздник, вернулась на Север.

Черномазая ходит около сороки, которая остаётся здесь. Вертится около неё, заглядывает на неё и сбоку, и снизу, танцует танец восхищения «героиней». И спрашивает с вороньим любопытством сороку-белобок:

*Всю-то зиму ты, сестрица,
Возле чумов зимовала;
Что ты сделала, сестрица,
Для друзей большеголовых?*

Ей отвечает важная птица, почёсывая бороду:

*Всю-то зиму, всю-то зиму
Я людей большеголовых
Супом досыта кормила.
Ноги я в котёл совала,
Чтоб навар густой и крепкий
Дать родне большеголовой.
Видишь, ноги, как тростинки?
Видишь, нос мой, как иголка?
Это мной питалась люди,
На моих летали крыльях!..*

И ходит она важно, свысока поглядывая на всех, почёсывая странную бороду, как будто на самом деле северяне выжили в суровую северную зиму только потому, что питались мясом сороки. И ворона, убегающая от настоящей зимы, поражается её героизму.

А откуда-то сверху раздались слова:

*Ну-ка, люди, поищите
Вы среди своих собратьев,
Поищите и найдите
Тех клювастых, тонконогих,
Что себе в заслугу ставят
Всё, что сделано другими.*

Это говорил кто-то из старых оленеводов.

Острые слова заставили людей оглянуться друг на друга: нет ли подобных «героев» среди нас? И все вспомнили Митри. Он одним летом ездил на Урал в качестве пастуха.

Сколько с ним было оленеводам мучения! А когда вернулся в село, то ходил среди остальных колхозников как настоящий герой. Рассказывал истории, которые и во сне увидеть трудно.

«У-ку-лу-л! У-ку-лу-лу!»

Что такое? Разве я ослышался? Нет!

«У-ку-лу-л! У-ку-лу-лу!» – звенит, как тоненький ручей, скачущий через камушки.

Где камешек – там звонче, где песок – глуше. Голос глуховатый, женский:

*Меж зелёных деревьев я по бору шагаю,
Меж красных деревьев я по бору шагаю,
Двумя сияющими озёрами я смотрю на мир,
Двумя чуткими лосями слушаю мир:
Языком озорного мальчика кто там щёлкает?
Кедры стоят, словно кудрявые облака.
Шишками они словно просмолены:
Так много шишек! Так много шишек!
На вершине кедра кто там щёлкает?*

Это посреди чума, чуть согнувшись, ходит, напевая, старая медведица, шагает, как по родному бору. Пришла она сама, чтобы рассказать о своей трудной жизни, о своих радостях и печалях.

Все слушают её. И каждый по-своему.

Вот сидит, как скрючившаяся старая ива, Яныг-турпка-эква – мать Сильки и Ай-ота.

Она не помнит, сколько зим, сколько светлых вёсен прожила на земле. Голова её словно обросла белой берестой. Глаза её, узкие, почти бесцветные, всё же что-то говорят. Может быть, в них просто безмолвная, спокойная благодарность за то, что медведица родила первую женщину. А потом появились и настоящие люди. Время от времени Яныг-турпка-эква повторяет, чуть вздыхая: «Веселитесь, детки, веселитесь...». И сама покачивается, как старая корявая ива...

Вун-ай-ики сегодня особенно строг и молчалив. Для него медведица, наверное, воплощение истинной справедливости: она губит только тех людей, которые в чём-то провинились...

А голос медведицы льётся. Она обращается к своей подружке-ронже, сидящей на ветке кедра.

*Милая кумушка Ус-ворын-нэ,
Летаешь ты на крыльях, сидишь ты на ветках,
Брось мне шишек, длинных, как кар.*

*Брось мне шишек, толстых, как кар,
Бросишь мне шишки – спинной будет жир,
Долгую зиму спать будет мягче,
Бросишь мне шишки – жир будет в лапах,
Тёмную зиму веселей коротать!*

Глаза у маленького Епы сияют, как снежинки на солнце. Он вспоминает лето, качающиеся на ветках смолистые шишки. Сколько раз он сам, как эта медведица, смотрел на ронжу, без труда достающую шишки с жирными кедровыми орехами с высокого кедра. Что крылатой ронже стоит сбросить шишку? И, быть может, оттого, что медведица повторила его думы, глаза у малыша сияют, как снежинки при ясном солнце... Епа помнит, что ронжа всегда ворчала, а смысла ворчанья он не понимал. А медведица всё понимает. Вот что ронжа ответила медведице:

*Между небом и землёй звенит твоё имя,
Громче грома громкое имя!
Имени такого я не имею,
И то не прошу! И то не прошу!
Вот какое нынче золотое лето!
На короткую зиму можно вдоволь
Запастись утренней еды, вечерней еды!*

«Вот какая хвастунишка!» – думается мне. Летать на крыльях, сидеть на ветках, шелушить орешки – много умения не надо. А легко ли бескрылому карабкаться вверх по смолистым скользким веткам? Не каждый это сможет!..

В деревне мне казался лёгким труд пастуха. Ведь оленям, думал я, готовить корма, как коровам, не надо: они сами достают ягель из-под снега. И ухода особого не требуют.

Оленеводы лишь ездят на них да едят мясо.

Многие так думают, не один я. Но медведица снова обращается к ронже:

*Нет у меня крыльев – я прошу у тебя в долг,
Будешь в беде – тебе помогу!..
В ответ слышится только смех:
Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!
Имя, как гром, а просит, просит!
Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!*

И летит под ноги медведице обглоданная шишка. Возьми, ешь! Рядом с Вун-ай-ики по кругу сидит Микуль. Он сейчас о чём-то задумался. Конечно, не о том, что медведь «Кровный родственник» и перед ним надо преклоняться. Нет! Ведь Микуль не старик!

Он думает над словами медведицы. Это о жизни людей поёт она.

Что было бы со стадом, если не было бы пастуха Ай-ота, Арсентия, даже Йикора, Итьи Татьи и всех женщин! Микуль один не справился бы с оленями. Стадо разбежалось бы. И горе перед глазами стояло бы. Люди есть – сердце другое рядом, помощь всегда рядом. И нет на земле горя, когда слышишь: «Тебе помогу!».

И я думал о том же: «Медведица не попрошайничает. Она просит помощи. На рыбалке, например, у кого нет лодки, снасти, сетей, можно взять это у любого другого манси – так уж заведено извечно, никто не откажет. И даже просить очень не надо.

Главное ведь – нужно ловить рыбу: она не каждый день ловится. Медведица выкладывает древние думы наших предков. Надо послушать, как они думали...

А ронжи, оказывается, есть и среди нас, даже среди пастухов. Вон медведица близко подходит к Йикору, и едва не прикасается лапами к его улыбающемуся налимьему лицу, и, приплясывая перед ним, напевает:

*Ах, чванливое животное,
Ах ты, жадная тварь, не знающая товарищества!
Был бы ты внизу–
Превратила бы тебя в шкуру,
Из которой шьют голые няры,
Превратила бы тебя в шкуру,
Из которой шьют рукавицы!..*

Йикор сидит на мягкой оленьей шкуре, скрестив ноги. В ответ на колючие слова он гримасничает, шевелит ушами, а веки глаз завернул и на медведицу уставился красными светилками, – даже лесная женщина отпрянула. Но продолжала петь о том, с каким трудом она вскарабкалась на кедр, настукала шишек, и как дразнила её купчиха-ронжа, бросая под ноги ей обглоданные шишки. В песне летели проклятия...

И Йикор кривляется, не зная, куда деть своё лицо.

Татья улыбается, Вун-ай-ики сидит хмурый, опустив голову, загадочное что-то видит тётя Сана. Все слушают древнюю песню, и каждый по-своему.

А медведица пела о том, как, набравшись жиру, проспала зиму в берлоге «сном долгим и толстым, как корень», как услышала она голоса птиц и зверей и пенье ручьёв, как опять хозяйкой зашагала по родным борам меж зелёных и красных деревьев и как увидела на вершине кедра чёрную пушинку. Вся она высохла. А как хвалилась!..

И кто-то шепчет: «Ты, Йикор, так же дёргаешься – вот так же высохнешь, станешь лёгким и никчёмным, как пушинка!». И немолодой женский голос поёт в лад со струнами, вливаясь в души:

*Что нажила я с трудом великим
Под смех твой злой и дикий,
На весь год хватило
И на весну осталось!
Не насмехайся – помогай другому:
Смех вернётся плачем,
Щедрость – весенним счастьем!..*

Медведица замолчала. И все дружно захлопали в ладоши. И громче всех – Ай-от, не выдержал. Он должен был сидеть скромно и тихо, а то медведица обидится. Но сегодня все нарушали обычай. И никто не боится: медведь всё равно не слышит. И мало кто верит, что чучело слышит. А поют и справляют праздник просто для души.

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!» Входит в чум какая-то женщина в красивой ягушке, в длинной шали, в берестяной маске. Идёт она впервалочку, пошатываясь, позванивая колокольчиками.

«У-ку-лу-лу! Пася, олэн!» – тянет пискляво, как кукушка.

– Пася, пася! – говорят сидящие, кивая головами. – Кто ты?

– Я бревно с семью отверстиями.

– Какое ты бревно? Ты человек.

– Я не человек, а ящерица.

– У ящерицы есть хвост, у тебя нет, – говорят сидящие полукругом, внимательно наблюдающие за проделками неведомой женщины.

– Хвост я отрубила. Пусть отвечает за мои проделки хвост, пусть он крутится в чужих руках до заката солнца. А у меня, коль нужно будет, новый вырастет.

– Зачем тебе хвост?

– Раньше шаманила. Ко мне ходили все оленеводы. Теперь никто не ходит. Иногда и теперь потихоньку шаманю, говорю сказки. Вот и нужен мне хвост.

– Ну, если ты ящерица, пусть у тебя вырастет хвост. А, не вырастает! Никакая ты не ящерица!

– У меня-то хвоста нет, посмотрите у Яныг-турпка-эквы: у неё есть хвост, она хитрая старая ящерица...

Яныг-турпка-эква, сидевшая почти у входа в чум, побледнела, как белая ровдуга, когда её разомнут крепкие, умелые руки. Только сейчас все узнали, что под маской не женщина и не ящерица, а Йикор. Это он нарядился в женщину-ящерицу. Он, видно, решил высмеять Яныг-турпка-экву. Медвежий праздник – самый подходящий случай для этого.

Йикор-напар. Недаром к его имени прибавили слово «напар» – сверло. Всех просверлил, всех осмеял, выкрикивал самые едкие, самые низкие слова. В берестяной маске можно!..

Тут не выдержал Ай-от. Вскочил. Глаза его загорелась негодованием: так относятся к его родной матери! И кто бы! Этот подслеповатый, никчёмный Йикор. И что она сделала Йикору?

Видно было, что Ай-от готов был превратить Йикора в воду, затоптать в снег. Но идёт Медвежий праздник. На празднике можно драться, но не кулаками, а острым, колким словом, песнею-стрелой, огненными плясками. Ай-от вышел из чума.

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!» Раскачиваясь, как дерево в пургу, ввалился в чум саснел.

Ветра не было, а он качался, бури не было, а он шумел и трясся, как осина:

*Йикор, Йикор, хайив Йикор,
Йикор, Йикор, напар Йикор,
Если каплю водки выпью,
Стану шумным, как осина,
И затреплется язык мой,
Словно шумный лист осины...*

И посреди чума трепетали листья осины – разноцветные лоскутки шкур. Они летели вместе с руками пляшущего, дрожали на его плечах, болтались на ногах. Летели острые слова, дрожали, как брызги волн на Оби во время шторма...

«Что чувствует сейчас Йикор? – думал я, глядя на него. – Не скажет ли: «Нет, это не я, я не такой страшный». Или Йикору всё равно?»

Отомстив Йикору, Ай-от задумался. Всё-таки слова напара кольнули его. Доля правды в них есть – ведь из-за матери и отца поссорился Силька с красивой и любимой Настой. Родителям перечить нельзя, а жена ушла из дому.

И Силька остался один...

Ай-оту больно. Может быть, он сегодня впервые здесь, на Медвежем празднике, подумал о своей матери, о том, какие разные отцы и дети, как по-разному глядят на жизнь.

А у медвежьей головы, наверно, своя дума о жизни...

«У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу!»

Вертится саснел, одетый в длинные резиновые сапоги и в фуфайку. Это, конечно, рыбак. Вслед за ним летает птичка тюл-тюлнэ – кулик.

– Тюл-тюлнэ, тюл-тюлнэ – какая хорошая птичка! – поёт старик рыбак.

И довольная птичка гладит свои перья, кружится в плавном танце.

– Тюл-тюлнэ, тюл-тюлнэ, ты совсем нехорошая птичка, ты кукушка, не любящая детей. Раз интернаты есть, детсады есть,

мать теперь не нужна – так ты рассуждаешь, всё на государство валишь! – снова поёт седой рыбак.

Птичка замирает на месте, поникает смущённо головой.

– Тюл-тюлнэ, тюл-тюлнэ, ты хорошая птичка, весной прилетаешь, людей веселишь, радость в душу приносишь – продолжает петь старик.

И снова птичка радуется, перья поглаживает, в танце кружится.

– Тюл-тюлнэ, тюл-тюлнэ, ты сварливая птичка, как сварливая жена председателя колхоза.

– Тюл-тюлнэ, тюл-тюлнэ, ты лектор из города, говоришь монотонно, как осенний дождь, и мы уже выспались.

–Тюл-тюлнэ, тюл-тюлнэ, ты совсем не птичка, ты комсомолец Ларкин. Не хочешь быть оленеводом, хочешь быть героем-геологом?..

И птичка нахохлилась, встопорщилась, как воронье гнездо...

Все долго смеялись. И над тюл-тюлнэ, и над теми, кого называл старик. Хорошо!

После смеха легче на душе и тело, кажется, становится легче, словно был в жаркой летней бане.

Баня... Почему она вспомнилась мне? Только ли потому, что больше месяца я не мылся, или потому, что вспомнил слова дедушки: «Как побываешь в жаркой бане да постучишь по горячему телу сначала нежным венником, потом острыми зубьями щуки, выпустишь дурную кровь – сразу помолодеешь!».

Медвежий праздник – это совсем не праздник медведя, не религиозный праздник, как утверждают некоторые, а праздник охотников, жаркая баня с острыми словами, крылатой пляской, нежной песней, волшебной музыкой!

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

*Никогда не ведаешь покоя.
Вечно, как метелица в горах,
Зреет в тебе доброе, лихое,
И любовь цветёт врагу на страх.
Светит солнце, над землёю рея,
Не боится солнце ничего.
Но ровесник мой душой щедрее.
Жарче солнца сердце у него.*

А вот и солнце. А рядом с ним – горы, они серебристо-синие. Кажется, они колышутся, нежно покачиваются. Это не горы колышутся – это струится воздух тёплый.

Это ласкается синий ветер. В нем запах морошки и ледяных вершин Урала, дыхание вновь рожденных оленят и юных оленеводов.

...У большого камня на мягком ягеле на корточках, чуть пригнувшись, сидит Итья Татьяна. Грудь её круглая колышется, а черные глаза кажутся синими. Она словно цветок на этой поляне между скал, где стадо остановилось на отел.

В руках у Итьи Татьяны олененок. Он ещё мокрый. Но уже радостный и живой.

Причмокивает язычком, что-то ищет губами. Только что родился, а как он хочет жить, двигаться, сиять глазами!.. А ведь станет большим, рогатым...

*Молодой олень,
Молодой олень,
Тебе не лень
Бегать целый день.
По колючим мхам,
По сырой траве
Носишь ты дерево
На своей голове.
Но придёт зима,
Холода придут –
Люди в нарты
Тебя запрягут...*

Оленёнок смотрит на Итью Татьяну. Глаза его смолистые, ласковые, как глаза любимого. В них нет ни высокомерия, ни лжи, ни укора. Свет их ясный, тёплый. Они греют человека в пургу. Дают ему крылья – и он летит на своей нарте, словно вьюга.

*Я люблю глаза оленьи –
Полных две луны,
В них не лживое томленье –
В них отражены
Наши дали, наши ёлки,
Чистый снежный наст –
Всё, что в памяти и в сердце
Навсегда у нас.
И летит со свистом нарта
Вдаль по целине,
И возвышенной не надо
В мире счастья мне.*

Итья Татьяна улыбается. И все улыбаются, как тогда, когда Маньпыг был спасён умными руками Итьи Татьяны.

*А ещё... Глаза ребёнка...
Радость в них живёт.
Взглянут – кажется, что звонко
Запоют вот-вот.
Это две рассветных птицы,
Вешних два ручья...
Хоть и не слаба – пред ними
Беззащитна я...*

...Над скалами вьются лучи солнца. Они садятся на заснеженную спину горы. От их ласки просыпаются, и поют ручьи и на холодных вершинах начинается жизнь.

Над оленями тучи оводов. Когда тысячи оводов нападали на оленя и тысячи личинок буравили его кожу, ясные глаза оленя закатывались. Много оленей тогда гибло. А теперь стало меньше. И всё это потому, что в бригаде есть новый оленевод, молодой оленевод Арсентий.

Если бы не цветная ковбойка с короткими рукавами, трудно было бы отличить его от оленей на берегу прозрачной горной реки. Боятся его крылатые тунеядцы, жмутся к нему друзья рогатые: Арсентий их чем-то опрыскивает. Наверно, проверяет свой новый препарат.

А рядом с Арсентием – Микуль. Хотя и жарко, он всё ходит в своём синем кувсе, подпоясанном широким поясом. Он слушает Арсентия, как слушали когда-то шамана.

Видно, очень хочет быть новым оленеводом! Скоро их будет много-много – ведь за это взялся комсомол района! Ай-Теранти подберёт, конечно, самых достойных. И тогда старики останутся дома.

Там, где будут стучать копыта оленей, сказки новые зазвонят...

А на склоне горы – тоже олени. Они цепочкой ярких бус тянутся ввысь вдоль склона. Там, почти под облаками, ходит Ай-от. Его отсюда не видно. Слишком высоко забрался он.

...Ветер и снег, колючий мороз и скользкая слякоть кочуют с оленеводом. Ночью на него смотрит небо. Внизу снег, наверху холодные звёзды. А он спит. И даже во сне не чувствует себя героем, не жалуется светилам и не требует внимания. А утром – опять дорога. И стадо движется. И жена, и дети в нартах. У губ маленьких северян морозец играет белой струйкой. Он так и скачет около малыша. Прильнёт к щеке – и она белая, прильнёт к ушам – они горят. Но малыш не жалуется и не плачет. Бегут олени, бежит дорога, пляшет мороз – и так всю жизнь!..

...Тысячи оленей в стаде. А пастухов пятеро. На земле есть злые волки. Они любят мясо. Глаз да глаз тут нужен. А чуть ослабнет

внимание – и волчья пасть раскрыта, лежат рога оленя, ручей журчит у горла, и ярче зари снег...

Хищник не знает меры. Пятнадцать – двадцать зорь пылают на снегу, пятнадцать – двадцать оленей навечно припали к земле...

Но стадо оленье растёт! А какой он, этот человек-оленевод? Не из камня ли он вытесан, не изо льда ли он слеplен, не северными ли ветрами он на свет рождён? Для меня это порою тайна...

Пока над моим письменным столом со стопкой ученических тетрадей светила электрическая лампа, а от белой русской печи струилось мягкое тепло, жизнь казалась мне яснее дня. И не было сказок и тайн... И думалось мне, что я знаю оленевода. А он оказался сложным и непонятным...

Только в каслании, только в дороге открылись мне его настоящие черты: его мужество и стойкость, его доброта, его стремление к красоте.

Снова и снова я вспоминаю нашу дорогу.

Олени бегут, бодают небо... А на рогах пляшут одни и те же светила, и не меняются зори... Таинственно кивают кедры, да сияет снег, снег, снег... Едешь ночь – конца не видно, едешь месяц – конца не видно, едешь год – конца не видно. Только тишина и снег, снег, снег... И я начинаю понимать, открывать...

Человек – тайна. Человек – сказка. Человек – неспетая песня. Песня складывается в пути...

Пойте, люди, свою песню! Выходите в дорогу!

Книги Ювана Шесталова

на русском языке

Синий ветер каслания. – М., 1964

Глаза белой ночи: сборник стихов. – М., 1969.

Дивное чудо: книга о Ханты-Мансийском национальном округе. – М., 1971.

Радуга в сердце. – Тюмень, 1972.

Тайна Сорни-най. – М., 1972.

Огонь на льду. – М., 1974.

Когда качало меня солнце. – М. 1974.

В краю Сорни-най: северные монологи. – М.: Профиздат, 1976.

Языческая поэма. – М.: Современник, 1978.

Красная легенда на белом снегу: повесть. – Л., 1979.

Сначала была сказка: повесть, стихи, сказки, загадки, песни. – Л.: Дет. лит., 1984.

Снежное утро: игрища загадок, сказок и песен. – Л.: Дет. лит., 1981.

Огонь исцеления: роман-сказание. – Л., 1989.

Магический реализм Ювана Шесталова

Свою Югру, когда-то забытую «городской» историей, Юван Шесталов называет краем чистым и родным («Край мой дивный, край родимый, Северная Азия!»). А ведь недавно была она, Северная Азия, презираема: мол, «такою будет вечно нечисть узкоглазая, жёлтая старуха ведьма – Северная Азия...». Юван Шесталов – внук шамана (по матери) и сын председателя колхоза – по отцу.

Основоположник письменной литературы народа манси, автор нескольких десятков стихотворных и прозаических книг, Юван Николаевич Шесталов (1937–2011) писал на двух языках – на русском и мансийском. Мировое признание завоевал книгой «Тайна Сорни-най». В ней автор не только использовал наследие таёжного народа, это и возрождение духовно-культурного наследия вогулов-манси. А ещё и спор с двуликой нашей современностью. В философском осмыслении её писатель опирался на забытое наследие предков и оживлял скрытые духовные ресурсы.

Не прост был его путь в большую литературу. Столичные советские критики его парадоксы и максимы называли интеллектуальной кашей, потоком псевдосознания и т. п. Попытались пародировать его трактат «Сознание Торума, сознание природы – путь спасения». До конца советской эпохи действовала разрушительная установка: *ускоренное развитие бесписьменных литератур*. Она означала одно: отрывайся от корней, иди навстречу ассимиляции, ускоряй исчезновение своего (ещё одного) народа. Осознав это, Шесталов дал второе дыхание мифам, молитвам-заклинаниям и священным песням. Древняя мифология манси о путях спасения велит спрашивать бога Торума и мать Природу. Более чуткие критики заговорили о синкретичности манеры Ю. Шесталова. Оказалось, мифологическое сознание поныне существует и кое-где даже конкурирует с учёным практицизмом: даёт неожиданно глубокие ответы на новые вопросы и «дальнобойные» предсказания насчёт выживания рода человеческого. Мансийские шаманы были и лекарями, и прорицателями-футурологами. А главное – были хранителями тайны, лечили от болезни безверия.

Ю. Шесталов сам признал, что стал учеником и преемником Леонида Леонова. Он рассказал о встрече с престарелым художником: «Встреча эта мистическая, почти нереальная. И мы говорили что-то о шаманах, Космосе, Природе. И услышал я что-то о «Пирамиде», над которой колдовал волшебник КОСМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЛЕОНИД ЛЕОНОВ» (выделено Шесталовым). «Новаторство» Ше-

сталова – опора на шаманские заклинания. С этим древнейшим запасом обратился он к современникам. Но в те годы все попытки предостережения наталкивались на фанфарные реляции «покорителей природы». А поэт Шесталов преподносит ядовитый парадокс: «Я – Человек. Захочу – и отныне станет Земля... молчаливой пустыней...». Доныне недопонятым шедевром остаётся его «Языческая поэма». Вообще говоря, философская лирика Шесталова ещё ждёт истолкователей.

Тут искусство думать «по-глухарину», «по-осетрину», «по-медвежьи». В «Языческой поэме» это исходный принцип. Люди читают мысли медведя, а он, его отделённая голова, думает по-человечьи, итожит былое.

*Обескровлен я, бессилен,
Но глаза мои глядят:
Люди, что меня убили,
Супротив меня сидят.
Брагу пьют, мясо едят,
Злые речи говорят...
Я б в них выстрелил словами,
Как железную стрелой,
Но язык они же сами
Вырвали из рта долой.
Не раздастся грозный рык, —
Съеден с водкой мой язык.*

Тут и шаманское вживание в образ зверя-духа, и введение лирического героя по уставам европейской лирики. Вот чем изумляет северный поэт-прозаик европейских читателей. На перевоплощении основана и повесть-поэма «Тайна Сорни-най». Загадка «Золотой бабы» волновала русских и европейцев много веков. В ранней сибирской летописи, Кунгурской, находим: «В 1582 году, 5 марта, послал Ермак в низовья Иртыша в Демьянские и Назымские крепости и в волости пятидесятника Богдана Брязгу. Тут было у них мольбище большое богине древней: нагая с сыном на стуле сидяща приемлет дары от своих. И жертвуют ей остатки во всяком промысле, а ежели кто по обету не даст, того мучит и томит, а кто принесёт ей жалеючи, тот, перед нею упав, умрёт, ибо имеет жрецов и общину великую. Когда же дошёл к ним слух о приезде Богдана, велела спрятать себя и всем бежать...».

В повести «Когда качало меня солнце» писатель рассказал, какой путь прошёл его отец: от мелкого служки у купца до председателя колхоза, обзавёлся образованием. Образование он постарался дать и сыну, направил его в северную столицу. Этот отрыв от малой, захолустной родины в становлении писателя значил очень

много: «Только в Ленинграде, далеко от родных мест, я научился понимать и чувствовать красоту и возможности языка моего маленького народа. Вероятно, этого не произошло бы, если бы не было животворного воздействия русского языка».

*В полночь люблюсь на звёздный зенит –
Лебедь мансийский на струнах звенит.
Дедов легенда – торжественный звон –
Сказку рождает для новых времён.*

А рядом – трезвые раздумья современника, кажущиеся пессимистическими: «Сила духа ничтожно мала по сравнению с энергией растления... Человечество накопило огня смертоносного столько, что дух захватывает». Отсюда так понятен шаг поэта-прозаика из охотничьего кругозора вогулов-манси к главной теме – философско-экологической. Но её он развивал с опорой на... шаманское наследие. Шесталов переводил с языка манси на русский и наоборот. Так, он переложил мансийский эпос «Мадур Ваза победитель»: *«Мы уйдём, покинем землю, чтобы больше не родиться. Нам на быстрых конях-лыжах не скользить за соболями. Наши лодки, как могилы, на песке сгниют тоскливо, и в деревьях опустелых будут жить одни лишь мыши»*. Этой тональностью пронизан собственный эпос Шесталова – «Языческая поэма». Надо ли разъяснять, что и проза его укоренена в мансийском фольклоре? Он – непревзойдённый знаток его, обряды и легенды своего народа он знал с детства и всю жизнь пополнял «копилку народной памяти вогулов». Некоторые критики посчитали, что проза Шесталова перенасыщена легендами и мифами, то есть – архаична. Наша жизнь, мол, совсем не сказка, невозвратимое – невозвратимо, история не знает попятного хода.

Объёмная «Языческая поэма» вызвала у критиков двойственное отношение. Её сюжетный стержень – Медвежий праздник, ритуальное поедание и поминовение медведя-предка после удачной охоты на него. Медведь – не только хозяин тайги, но и посланец Неба, предок-дух. Перед ним (перед отделённой головой) каются, и голова принимает исповедь. Поэма убеждает в органичности «стилизаций», в том, что автор живёт духом древних сказаний вопрекор своему веку.

В повести «Синий ветер каслания» (1964) шаман пытается расстаться с прошлым, но не может отбросить свой шаманский дар и начинает зарабатывать на нём. К шаманской теме писатель возвращается в повести «Когда качало меня солнце» (1972), изображает камлание деда, его разговор с домашними духами. «То слова божественные. И говорит он волшебным языком, который не многим дано понять». Вспомним: в предвоенные годы велась государ-

ственная «охота на шаманов», их вылавливали, гноили в тюрьмах и даже расстреливали.

Некоторые критики преувеличивают зависимость учения Шесталова от теософии Елены Блаватской. Юван Шесталов размышляет над заповедями своего народа, а не синтезирует наработки цивилизации. И не безмерное «расширение сознания», а экологические предостережения – вот его пафос: «К пониманию цельности Мира, единства Природы и Человека, как и Земли, Солнца, Звёзд путь не лёгок. И всё же в разных концах планеты Земля инстинктивно ширится движение за охрану окружающей среды. Хотя надо бороться не только за окружающую среду, но и за среду в себе, внутри себя, за Природу в целом».

«Планетарно-космическое сознание» – это новейшее направление в философии. Сам писатель даёт на сей счёт пояснения: «Любая философия обретает власть над временем лишь тогда, когда соответствует уму и интеллекту Людей Земли, соответствует Интегралу общего развития Человечества». Об этом книга «Космическое видение мира на грани тысячелетий». Здесь нет упоения от прорыва в космос, есть предостережение: «Сила духа ничтожно мала по сравнению с энергией растления». Предостережение с опорой на забываемый опыт народов-стариков – вот что надо здесь слышать: «В миг наступающего апокалипсиса необходимо собраться с Духом, Все силы Духа, выстраданные Землёй, должны собраться у одного очага». Опыт народов Севера – это как раз наука выживания в экстремально трудных условиях.

«Он удивительно легко бывает необыкновенным в обыкновенном» – так Михаил Светлов сказал о начинающем поэте Шесталове. Своим талантом, выросшим на соединении неблизких культур, он удивил многих литераторов – и не только российских. «Кажется, я знаю другой язык, чем те, кто прикасается к бытию и фактам жизни малых народов Сибири. Наверное, им, людям, вскормленным плодами европейской цивилизации, нелегко проникнуть в душу северян, постичь своеобразную культуру народностей Сибири. Мне кажется, что я вполне современный человек, человек XX века. И всё же я порою чувствую себя древним-древним. И просыпаются во мне сказки, видения веков являются».

А. Каргин

Том 8. Содержание

Тайна Сорни-най	6
Когда качало меня солнце.....	145
Синий ветер каслания	288
Книги Ювана Шесталова на русском языке	393
<i>А. Каргин. Магический реализм Ювана Шесталова .....</i>	<i>394</i>

Содержание серии

- Том 1.** *Георгий Дмитриевич Гребеничиков* (1883–1964). Выдающийся прозаик Сибири. В серии опубликованы: «Былина о Микуле Буяновиче», «Ханство Батырбека», «На Иртыше», «Любава», «Волчья жизнь». Русский, Томск.
- Том 2.** *Николай Георгиевич Доможяков* (1916–1976). Поэт и прозаик, автор первого романа на хакасском языке. В серии опубликованы: роман «В далёком аале», стихотворения. Хакасия.
- Софрон Сергеевич Тотыш* (1907–1980). Шорский писатель. В серии опубликованы: «Сказки Шапкая», «Записки молодого кама». Горная Шория.
- Том 3.** *Григорий Гибивич Ходжер* (1929–2006). Нанайский писатель. В серии опубликован роман «Амур широкий». Нанайский район Хабаровского края.
- Том 4.** *Ким Николаевич Балков* (1937–1920). Народный писатель Бурятии. В серии опубликованы: степная поэма «Проклятие Баальбека», романы «Берег времени», «Будда», рассказ «Балалайка».
- Том 5.** *Юрий Сергеевич Рытхэу* (1930–2008). Первый писатель Чукотки. В серии опубликованы: повести «Когда киты уходят», «След россомахи», «Под сенью волшебной горы».
- Том 6.** *Семён Николаевич Курёлов* (1935–1980). Первый юкагирский писатель. Опубликованный в серии роман «Ханидо и Халерха» переведён на европейские языки. Якутия.
- Том 7.** *Владимир Михайлович Санги* (1935 г. р.) Первый писатель из нивхов. В серии опубликованы: роман «Женитьба Кевонгов», повести и рассказы «Ложный гон», «Легенды Ых-мифа», «Семипёрая птица». Сахалин.
- Том 8.** *Юван Николаевич Шесталов* (1937–2011). Основоположник письменной литературы народа манси. В серии опубликованы повести: «Тайна Сорни-най», «Когда качало меня солнце», «Синий ветер каслания». Ханты-Мансийский округ.
- Том 9.** *Дибаш Берукович Каинчин* (1938–2012). Народный писатель Республики Алтай. В серии опубликованы: повести «С того берега», «Глова жеребца», «Абайым и Гнедко», «Крик с вершины», «Его земля», рассказы разных лет.
- Том 10.** *Еремей Данилович Айпин* (1948 г. р.). Один из самых значительных писателей российского Севера. В серии опубликованы романы: «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья мать в кровавых снегах». Ханты-Мансийский округ.
- Том 11.** *Софрон Петрович Данилов* (1922–1993). Народный писатель Якутии. Публикуется роман «Красавица Амга».
- Том 12.** *Роман Харисович Солнцев* (1939–2007). Писатель, поэт, драматург, критик. Родился в селе Кузкеево Татарской АССР. В серии публикуются стихи разных лет, повести «Год провокаций», «Поперека», «Иностранцы». Красноярск.
- Том 13.** *Салчак Калбак-Хорёкович Тёка* (1901–1973). Тувинский писатель. В серии опубликована трилогия «Слово арата». Республика Тыва.
- Куулар Николай Шагдыр-оолович* (1958 г. р.). Современный писатель Тувы. В серии опубликованы: рассказы «Свидание после охоты», «В стране Тана-Херела», стихотворения. Республика Тыва.
- Том 14.** *Анна Павловна Неркаги* (1952 г. р.). Родилась в горах Полярного Урала в семье ненца-оленовода. В серии опубликованы повести: «Анико из рода Ного», «Белый ягель», «Илир», «Молчащий». Ямало-Ненецкий округ.

Одна семья. Библиотека народов Сибири

Том 8

Юван Николаевич Шесталов

Избранное

Литературно-художественное издание

Автор идеи, разработчик проекта

Г. К. Скарлыгин

Разработчик проекта,
редактор книжной серии

Д. В. Барчук

Редактор-составитель

А. П. Казаркин

Технический редактор

О. В. Карташов

Корректор

И. А. Сердюк

Данное издание рекомендовано
для учащихся старших классов общеобразовательных школ,
колледжей, для студентов высших учебных заведений,
а также для широкого круга читателей, интересующихся
современной сибирской литературой.

Издание Томской писательской организации.

Заказ № 029. Тираж 650 экз.

Подписано в печать 16.05.2022 г. Печать офсетная.

Формат 140x240 мм. Гарнитура Cambria.

Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом «Д-Принт»,
г. Томск, ул. Герцена, 72 б. Тел. (3822) 52-20-99

Электронная почта: dp@rde.ru